

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

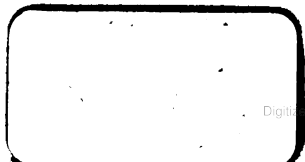
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

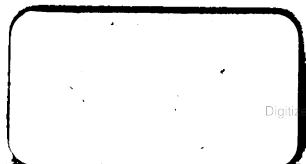
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855253 0

*QCA

*QCA

THE
PUBLIC LIBRARY
ASTOR
TILDEN FOUNDATIONS
R

№ 21 Моск. Мер. 1829.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

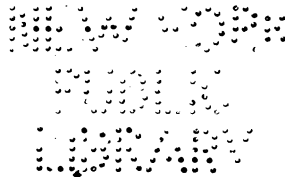
ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть тридцатая.

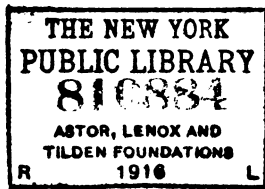

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО - ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ пѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Октябръ 28 дня, 1829 года.

Цензоръ и Казалеръ Середѣ Глинка.

ВХОДЪ
ВЪ
БИБЛИОТЕКУ

О Г Л А В Л Е Н І Е

XXX-й ЧАСТИ.

Картина Греціи въ 1827 году (изъ Записокъ Беккера).....	3, 133	✓
О Московскомъ Заведеніи для сорпированія Россійской шерсти (соч. Н. Р—ова).....	289	
О Кяхтинской поргговлѣ (замѣчанія безпристрастнаго наблюдателя).....	407	✓
Будинскій Паша (повѣсть Цшокке)....	36, 179, 310	✓
Жизненная сила, или Геній Родосскій (Соч. Барона Александра Гумбольдта).....	423	✓
СТИХОТВОРЕНІЯ.		
Воспоминаніе война 1799—1814 гг. (К. Б-го).	36	
Въ Альбомъ незнакомой дѣвицы (К. П. Масальскаго).....	38	
Подражаніе 44-му Псалму (Н. М. Шапрова)....	169	
Къ Кораблю (изъ Горациа, кн. I, ода 3—Пер. В. И. Орлова).....	177	
Мѣдный быкъ (Украинская мелодія, соч. Н. А. Маркевича).....	304	
Размышленіе (изъ Лоцеца де-Веги; съ Исп. К. П. Масальскій).....	306	✓
Пушешестввенникъ и дитя (соч. Г-на Карлгофа).	307	
РАЗБОРЫ.		
Histoire de Russie, etc. (<i>Исторія Россіи и Петра Великаго</i> , соч. Генерала Графа Сегюра), Парижъ 1829 г.....	62, 205	✓
Крыльскіе Сонеты Адама Мицкевича. Переоды и подражанія Ивана Козлова, Спб. 1829 г.	336	

Ueber die Möglichkeit, etc. (О возможности и условиях Философии Религии). Соч. Докт. Философии, Карла Зедергольма. М. 1829 г..... 432

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ, .

Русская литература..... 84, 226, 358, 449

Аншикришика..... 369, 509

СМѢСЬ.

Аббатъ Прадтъ..... 99

Литературныя и разныя извѣстія и замѣчанія
..... 102, 245, 374, 470

Русскій Театръ: Московскій... 104, 252, 378, 472

С. Петербургскій..... 247

Новый Живописецъ Общества и Литературы
..... 119, 273, 394, 483

Симферопольская скачка отпрысковъ изъ дневныхъ записокъ)..... 472

Парижскія моды..... 127, 282, 404, 517

Къ чинашелямъ Телеграфа..... 512

Прибавленія къ Телеграфу, № 21, 22, 23, 24.

О дѣланіи алмазовъ..... 333

О пользѣ обработыванія бесплодныхъ земель
(Соч. Валтера Скотта) 349

При сей Частии Телеграфа приложено: шесть картинокъ дамскихъ и мужскихъ, модъ; *Портреты*: Аббата Прадта и Боливара, Президента Колумбійской республики; *рисунки съ картинъ*: мечта счастья, дѣвицы Мейеръ; Наполеонъ на вершинѣ горы Сентъ-Бернардъ, Давида. Въ Прибавленіи къ Телеграфу находящяся четыре изображенія новомодныхъ Парижскихъ мебелей, экипажей, вновь изобрѣшенныхъ машинъ, и проч.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КАРТИНА ГРЕЦІИ

въ 1827 году (*).

Почти годъ спранспвовали мы по разнымъ обласнямъ Опшманской Имперіи : видѣли Смирну, Конспаншинополь, проѣхали по Анаполи. Не смотря на зиму, мы перебрались черезъ Тавръ, и весна пакъ долго задержала насъ въ Ливанонѣ и плѣнительныхъ долинахъ Іордана, что мы приѣхали въ Египетъ уже во время налящихъ жаровъ, сожигающихъ сію спрану въ продолженіе часпи года. Послѣ этого, какъ ни хотѣлось намъ посѣпить Нубію и памятниви ея, но мы должны были рѣшишья, или бышь въ не-

---

(*) Авторъ сей стапьи, молодой Французъ Беккеръ, сынъ Пера Франціи, недавно окончилъ жизнь свою. Онъ путешествовалъ по Греціи вмѣстѣ съ Гг. Делабордами, опцомъ и сыномъ. Записки его, предлагаемыя нами читателямъ, любопытны, ибо представляють Грецію съ новой стороны. *Прим. Изд.*

Ноябрь 1829.

1

двѣшельности , или искашь климата болѣе сноснаго. Намъ оспавалось только побывашь въ Греціи , и мы рѣшились искашь въ ней убѣжища отъ пропическаго солнца. Все побуждало насъ ея окончивъ наше пилигримство. Сіе древнее опечесство искусствъ и свободы оживлялось въ нашемъ воображеніи не только великими воспоминаніями : нѣтъ ! Геройское упорство новыхъ Эллиновъ казалось наконецъ испощеннымъ ; все показывало намъ , что сія новая Греція , споль поздно и споль славно воскрешавшая свободу своихъ предковъ , награждаешя за свои усилія однимъ безначаліемъ : она какъ будто возспавала на минушу для пого только , чтобы пасшь еще болѣе окровавленной , болѣе несчастною. Съ каждымъ днемъ получались извѣстія о новыхъ несогласіяхъ , новыхъ бѣдспвіяхъ ея. Аѳины , говорили намъ , во власни Турковъ ; Наполи ди Романія гибнешь въ междоусобной войнѣ , и пошь измѣнникъ , копорому ввѣрено было сохраненіе сей послѣдней пвердыни маперика Греческаго , продалъ ее Ибрагиму. Слѣдовашельно , скала Идры оспавалась единспвеннымъ убѣжищемъ Грековъ , или , иначе они должны были всѣ уйдши на свои корабли , не какъ Аѳиняне во время Темиспокла , для бипвы , но для бѣгспва , для пого чтобы искашь въ какой нибудь гощепрїимной землѣ безопасной жизни и хлѣба.

Порша , спрашашь голоса Европейскихъ Дер-

жавъ , и упомившись войною , поддерживавшею
безпокойства среди обширныхъ ея владѣній , рѣ-
шилась испребишь непокорныхъ. Твердую рѣ-
шимоспъ ея доказывало то , что она приняла
наконецъ средспва , общавшія успѣхъ. Она по-
ручила начальство надъ морскими и сухопутными
силами Пашѣ Египетскому , и уничтоживъ та-
кимъ образомъ соперничество между Капшаномъ
Пашею и Ибрагимомъ , уничтожила истинную
причину худаго успѣха , приобретеннаго дошолъ
ея войсками.

Она обезпечила свое торжество , долженство-
вавшее совершиться скоро и вполнѣ. Мегеммедъ-
Али понялъ , что единственная сила , подкрѣ-
плавшая Грецію на краю гибели , былъ флотъ :
для испребленія его онъ создалъ свой флотъ.
Фрегаты , бриги , построены въ Марсели , въ
Ливорнѣ , въ Венеціи ; Французскіе моряки , при-
званные въ Египетъ для поправленія спарыхъ ко-
раблей Турецкихъ , для обученія машросовъ , для
образованія молодыхъ офицеровъ и для управле-
нія ими , были чѣмъ-то новымъ и спрашнымъ
вмѣстѣ съ Опшоманами. Никогда на Восюкѣ
военный порптъ не былъ шакъ оживленъ , какъ порптъ
Александрійскій въ Іюль 1827 года. Арсеналы были
наполнены запасами всякаго рода ; вездѣ находилось
множество лафетовъ , пушекъ , канатовъ ; слышны
были одни удары плотниковъ. Суда , наполненные

неопытными воинами и мажросами, обучаемыми по-Европейски, шакъ сказашъ, кипѣли въ морѣ; когда-же легкая лодка Французскаго военнаго корабля пролешала, съ быспротою молніи, среди сего плавающаго города, шо новые моряки Египешскіе усиливались, хопя и щещино, соперничашъ съ нею въ поворопливосши. Паша умѣлъ возбудишь шакое соревнованіе, чшо подобныя зрѣлища предснавлялись безпрестанно. Болѣе девяноспя военныхъ судовъ, всѣхъ спепеней, были вооружены, экипированы, гоповы къ бишвѣ. Войска, назначенныя на флощъ, приходили изъ Верхняго Египша. Ихъ лица, почернѣвшія опъ пропическаго солнца, ясно говорили намъ, какъ чужды для насъ сіи люди; однакожь сердца наши бились сильнѣе, когда они маршемъ проходили мимо насъ. Эпо нашъ звукъ барабановъ, эпо наша военная музыка, играющая свои живые напѣвы; эпо подражаніе шой мужеспвенной наружности Республиканскихъ башальоновъ, копорая впервые была показана нашими войсками у подошвы древнихъ пирамидъ. Все эпо гоповилось для дѣла намъ чуждаго; но вдали опъ Франціи, всегда болѣе драгоцѣнной шому, кшо оспавиль ее, пріятно было видѣшь доказательспво, чшо уроки нашей образованности не забывающся шамъ, куда они внесены были нашею войною.

Такимъ образомъ, мы могли полагашь, чшо будемъ присупспивовашъ при послѣднихъ судо-

рожныхъ движеніяхъ народа, едва успѣвшаго возродиться. Флотъ Египетскій ожидалъ только знака къ отплытію. Мы отправились, желая блага въ будущемъ Новому Египту, испивной Французской колоніи, завоеванной нашими благодѣяніями, если не оружіемъ. Но мы спрашивали себя, почему не могушь процвѣтать въ одно время двѣ отрасли образованности, перенесенной на Восходъ дѣятельностью Французскою? Почему берега Нила могушь пользоваться сею образованностію, а на развалинахъ древней Греціи должно остановишь ее? Ужели для міра много двухъ успѣховъ вдругъ?

Не смотря на проливные вѣтры, черезъ десять дней плаванія мы были въ Смирнѣ. Городъ сей находится въ глубинѣ залива, который можетъ соперничать съ Неаполитанскимъ заливомъ великолѣпіемъ и обзоромъ. Но въ немъ нѣтъ ни единственнаго и грознаго вида Везувія, ни величественнаго и не менѣе безподобнаго дѣйствія Итальянскаго города, выстроеннаго какъ шедевральная декорация, гдѣ воображеніе художника умѣло превзойти обыкновенныя созданія Архитектуры. Напрасно также спали-бы вы искать здѣсь свѣжести и миловидности береговъ Сорренто и Паузилицца. Но какъ скоро корабль пришелъ на Смирнскій рейдъ, вы сказали-бы что находите на одной изъ пѣкъ исполинскихъ рѣкъ, копорыя прошекають среди неизмѣримыхъ лѣсовъ

Новаго Свѣта , и вмѣсто однообразнаго вида необозримо-наводненныхъ долинъ , передъ вами великое зрѣлище горъ , ограничивающихъ южную часть залива. Все , что вы слышали о величїи размѣровъ и опредѣленности климатовъ на высокихъ горахъ — передъ вами. Вершинами своими горы сіи перяются въ непроницаемыхъ , неподвижныхъ облакахъ , и подошвами касаются моря ; луга , перелѣски , поля всѣхъ цвѣтовъ , вдаль раскрывающіяся передъ вами , какъ богато вышитый коверъ. Съ какимъ неперѣбнѣемъ желали мы въ первый разъ увидѣть на берегу какого нибудь жилища сей прекрасной оконечности древней Малой Азіи , называемой въ наше время спраною Магомешанскихъ наслажденїй ! Воображеніе наше предсавляло намъ гордаго Мусульманина , всегда богато одѣнаго , укрощающаго съ безпечною ловкостью величественнаго коня , или окруженнаго невольниками и подъ непроницаемою шѣнью деревъ наслаждающагося трубочкою и Мокскимъ кофе. Но какое удивленїе , когда ближе разсматриваешь , по мѣрѣ того какъ суживается заливъ , эюшь двойной берегъ ! Прекрасная сельская картина предсавляетъ вамъ однихъ бѣдныхъ земледѣловъ , паскающихъ грубый плугъ , или гонящихъ передъ собою какихъ нибудь скверныхъ , вьючныхъ животныхъ. На морѣ , напротивъ , зрѣлище болѣе и болѣе оживляется и все показывается , что вы находишь передъ однимъ

изъ богатѣйшихъ рынковъ Воспока. Сначала городъ видѣнъ только сквозь лѣсъ мачтъ; флаги всѣхъ цвѣтовъ развѣваюцца въ воздухѣ; лежащія, красивыя лодки покрывающъ всю поверхность залива; онѣ воздымающя и опускающя по волнамъ, слѣдуя вѣпру, и прикасающя къ водѣ своими щегольскими розовыми парусами, какъ морскія птицы крылами. Вотъ большой корабль входитъ на всѣхъ парусахъ, или быстрая гошешша отправляется съ депешами, или флотилія кидаетъ якори подлѣ небольшого укрѣпленія, ожидая благопріятнаго вѣтра и военнаго корабля, который долженъ сопровождать ее. Такое прикрытіе необходимо, ибо нищета и опчаяніе возспавшихъ народовъ породили множество морскихъ разбойниковъ, и на здѣшнемъ морѣ, которому соприкасающя при часпи свѣша своими самыми благословенными берегами, должно плавать караванами, какъ путешествующъ подлѣ непривѣтнымъ небомъ Аравіи.

Мы подвигались впередъ посреди сего великолѣпнаго зрѣлища, оставивъ за собою, подлѣ крѣпости, проливъ, суженный подводною песчаною отмѣлю, когда вдругъ Смирна явилась передъ нами, какъ-бы сбросивъ съ себя покрывало. Солнце гошово было зайдши, и послѣдніе лучи его пробивались сквозь вороша и между верхушками старой цитадели, повелѣвающей городомъ; они нечувствительно оставляли Турецкую часпъ го-

рода, обружающую холмъ, и позлацали уже шолько вершины черныхъ кипарисовъ, посаженныхъ на южныхъ кладбищахъ. Частъ города, гдѣ живупъ Франки, пролегающая по долинь, на берегу моря, была уже въ тѣни. Выперъ спихалъ и вскорѣ чувствительнo было шолько легкое дыханіе его. Набережные, передъ великолѣпными конпорами Европейцевъ, покрывались гуляющими, и мы замѣтили въ сихъ послѣднихъ спрванное разнообразіе лицъ и нарядовъ; но мы были уже пакъ близко, что сами могли соснавишь зрѣлище для всей эпои толпы и безчисленнаго множества моряковъ, наполнявшихъ рейдъ. Наша корветта, *Побѣдоносная*, превосходно построенная для эволюцій, и начальствуемая отличнмъ офицеромъ, Г-мъ Вильневъ, заняла свое мѣсто съ удивительною быстротою и шочностью. Мы шли на всѣхъ парусахъ, среди кораблей, покрывавшихъ рейдъ, и передъ глазами своихъ собратьевъ по ремеслу. Можно было сказать, что мы разобьемся о берегъ. Свистокъ привелъ въ движеніе экипажъ, дошолъ молчаливо занимавшій свои мѣста, и вдругъ парусы и якоры упали. Корабль нашъ величественно оспановился, какъ-бы удержанный волшебною силою. Говоръ и рукоплесканія зрителей еще не прекрашились, когда парусы были уже убраны и на шканцахъ господствовало величайшее спокойствіе. Намъ было очень лешно за-

служишь хвалу моряковъ множества націй, видѣвшихъ искусство Французскаго экипажа. Всѣ, встрѣчавшіе въ Левантѣ нашихъ моряковъ, могутъ подтвердить мои слова.—На берегъ вышли мы уже на другой день. Въ первый разъ приѣзжавши въ Левантѣ, почти за годъ передъ тѣмъ, мы видѣли Смирну. Намъ были уже извѣсны не многіе, еще сохранившіеся въ ней древніе памятники, Діанины бани, древнія сѣны, цитадель, шеапральная площадь. Мы уже обозрѣвали окрестности и были въ прекрасныхъ загородныхъ домахъ Бурнабы, Куклуджи, и проч. Теперь мы занимались единственно приготовленіями къ путешествію по Греціи. Мы надѣялись на благоположеніе Адмирала Риньи, и полагали, что онъ поможетъ намъ въ нашихъ переѣздахъ; но онъ находился въ отсутствіи, и въ ожиданіи его, мы старались узнать событія и положеніе той страны, которую намѣревались посѣтить.

Мы давно составили свое мнѣніе объ истинномъ характерѣ борьбы Турко-Греческой. Мы очень хорошо знали, что не вѣра и не любовь къ свободѣ, какъ полагають въ Европѣ, сражались здѣсь съ деспотизмомъ, безпримѣрнымъ въ образованныхъ государствахъ. Мы изучали Грецію не въ возгласахъ Г-на Пукевиля: нѣкошорыя книги, менѣе прославленныя и болѣе основательныя, показали намъ, какова была Греція подъ властію Турковъ, прежде возстанія. Зная

всѣ несогласія, существовавшія среди несчастнаго народа Греціи, и будучи готовы нѣсколько менѣе удивляться ей, нежели знающіе ее только изъ Журналовъ, мы могли хорошо разсмотрѣть сію спрану. Собравъ всѣ прежнія и новыя свѣдѣнія, изъ книгъ и изъ разговоровъ, мы спарались узнать все такимъ образомъ, чпобы путешествіе было намъ полезно. Страницы, написанныя съ чувствомъ, имѣли свою цѣну въ опдаленіи ошъ шеапра собышій, пошому чшо онѣ воспаменяли сердца и побуждали къ вспомошествованіямъ, впрочемъ менѣе полезнымъ, нежели думающъ вообще; но намъ были нужны свѣдѣнія вѣрныя. Люди, находившіеся въ одномъ съ нами положеніи, знаютъ, какъ важно явились въ Греціи безъ ложныхъ обольщеній. Изъ всего, чшо могли мы узнать въ Смирнѣ, я не буду повшорять сдѣлашагося впослѣдствіи извѣстнымъ всякому, сполько-же какъ и намъ; но мнѣ казалось, чшо вообще худо знаютъ Греческія собышя, совершившіяся со времени вшорженія Египтянъ въ Морею.

Греція была раздираема жесточайшими внутренними несогласіями, когда Египтяне прибыли въ Модонъ, съ значительными силами и съ новыми средствами къ успѣху. Въ шо-же время 20,000 Турковъ шли завладѣть сѣвернымъ берегомъ Лепанскаго залива, и просперлись до Миссолонги. Ужасъ распространился повсюду. Румеліоты опложились ошъ Правительсшва, рѣшившісь защищать свою

спрану, и захватили 400,000 Турецкихъ пласпировъ, въ награду за свои услуги. Мореопы вездѣ бѣжали опъ Египцианъ и громко пребовали Колокопрони, не задолго возмуцавшагося прошивъ Правительсва, но побѣжденнаго и взяпаго въ плѣнъ. Правительсво принуждено было согласиться на это. Послѣдовало нѣчто похожее на примиреніе, но безъ пользы. Колокопрони не могъ уже снова заслужить опъ солдатъ довѣренности. Тогда было дознано, что Греки не въ состояніи прошившись своему новому непріятелю, что необученныя ихъ толпы не могутъ прошивуспоянъ регулярнымъ корпусамъ Египцианъ, и что если флотъ ихъ сжегъ нѣсколько кораблей Турецкихъ, то онъ былъ не въ силахъ оспановить эскадру, не ужасавшуюся легкихъ потерь и прямо шедшую къ своей цѣли. У всѣхъ возникла одна мысль: сыскапъ покровителя.

Въ 1825-мъ году Греки были-бы, можешъ спашься, совершенно истреблены, если-бы въ дѣла ихъ не вступились Европейскія правительства.

Англія и Франція оставались въ нерѣшимельности, и только наблюдали ходъ дѣлъ. Адмиралы сихъ Державъ довольсвовались шѣмъ, что давали совѣпы и слегка покровительсвовали торговлѣ, защищая ее опъ морскихъ грабительсвовъ.

Въ началѣ возспанія своего Греки раздѣлились на три парши: сухопутная армія, подъ начальсвомъ Колокопрони; знапнѣйшіе люди, предво-

димые Маврокордапо, и, наконецъ, жишели оспирововъ, имѣвшіе главою Кондуріопши. Впослѣдствіи полько оспировишяне были прошивоположны жишелямъ швердой земли. Сіи двѣ большія партіи имѣли различныя знамена и соспавляли то, что называлось Англійскою и Французскою партіею.

Съ 1824-го года нѣкопорые люди въ Греціи думали уже просить помощи Европейскихъ Державъ; но не знали, къ кому въ семъ случаѣ обратиться. Партіи Англійская и Французская, не имѣя названій, уже сущеспвовали. Коммодоръ Гамильшонъ умѣлъ внушить Греческимъ морякамъ замѣтное предпочпеніе къ своему Правительству: онъ въ шемныхъ выраженіяхъ обѣщаль имъ, что при крайней необходимости Англія имъ поможетъ. Съ другой спороны, Греки думали избрать себѣ Короля, и говорили объ одномъ изъ юныхъ сыновей Герцога Орлеанскаго. Маврокордапо, бывшій въ Миссолонги, узналъ объ эшомъ. Посланы были въ Парижъ эмиссары, и впослѣдствіи, въ 1825-мъ году, они нашли въ Комишепѣ Филеллинскомъ, полько что образовавшемся, людей, расположенныхъ принять ихъ мысли. Тогда сей Комишепъ послалъ въ Грецію Генерала Роша. Выборъ храбраго война, болѣе искуснаго въ бипвѣ, нежели въ пронырспвахъ, показываешъ ясно, что хопѣли имѣть при Грекахъ человекъ, полезнаго для нихъ въ совѣсахъ, а не представителя

часныхъ выгодъ, которыми возмущалъ-бы умы и давалъ новый поводъ къ междоусобию въ сей справѣ, уже и шакъ слишкомъ несчастно волновался.

Однакожь, Генераль Ропъ поспѣлъ по приѣздѣ своемъ забыть наставленія Комишеша и послѣдовалъ единственно плану, начерпанному Г-мъ В., намѣревавшимся провозгласить Королемъ Эллиновъ одного изъ Французскихъ Принцевъ. Братья Вишали, два Грека, много разъ приѣзжавшіе въ Парижъ, были его помощниками. Они говорили о словесныхъ совѣщаніяхъ, которыя были у нихъ, какъ сказывали они, съ Президентомъ Совѣща Министровъ, и даже съ одною особою высшаго сана. Франція, по ихъ словамъ, должна была послать на помощь 12,000 войска. Столь блестящія обѣщанія увлекли многихъ Членовъ Законодательнаго Корпуса. Разсуждали въ Собраніи, и даже требовали отъ округовъ уполномоченія для начатія переговоровъ; когда-же успѣхъ Ибрагима распроспранилъ ужасъ во всей Греціи, то хотѣли немедленно провозгласить новаго Короля и вышавиши бѣлое знамя въ Наполи ди Романія. Съ сего времени Французская партія сдѣлалась извѣстна. Она состояла изъ большинства голосовъ въ Законодательномъ Собраніи, изъ Капитановъ, Спаршии, и вообще изъ народонаселенія Морей.

Адмиралъ Ринъ снѣшилъ доказать, что обѣ-

щанія, сдѣланныи именовъ Французскаго Правительсва, ложны. Между тѣмъ Англичане съ неудовольствіемъ смопрѣли на всѣ сіи сплешни, и спѣшили пропивопоспавипшъ щещпнымъ обѣщаніямъ безвѣспныхъ и непризнанныхъ агентовъ, существенныя угрозы. Обо всѣхъ пайныхъ переговорахъ доносилъ имъ Маврокордашо, припворно, одобрявшій поступки Генерала Роша и чрезъ то вывѣдавшій всѣ его тайны. Впрочемъ, дѣло производилось почпи опкрыто. Коммодоръ Гамильпонъ поспѣшилъ въ Корфу и вскорѣ возвратился съ вооруженною силою объявившъ Грекамъ, что Англія никогда не допуспитъ, чтобы Франція, уже приобрѣтшая слишкомъ большое вліяніе въ Египтѣ, сдѣлала изъ Греціи зависящее опъ нея государство. Въ по-же время онъ прислалъ одинъ корабль съ военными принасами и другой съ 50,000 ф. ст. Англійскаго займа. Подобныя распоряженія не могли не произвеспъ своего дѣйствія. Англійская партія помчасъ одержала верхъ, и манифеспъ, коимъ Греція молила Англію о покровительствѣ, былъ, за подписями множесва людей, опправленъ съ Идры въ Наполи ди Романія, гдѣ подписались шакже многіе. Нѣкоторые ушверждаютъ, что онъ совсѣмъ написанный былъ присланъ изъ Корфу, и что въ немъ не позволили переменить ни слова.

Съ сего времени Англичане всячески спарались предспавипшъ насъ Грекамъ непріятелями ихъ. Они

забояливо указывали на дружбу, существующую между нашимъ Правительствомъ и Пашею Египетскимъ. Они насмѣливо сравнивали слабыя пособія нашего Комитета Филеллиновъ съ богатыми присылками Англии; наконецъ, они всюду породили недовѣрчивость къ Французамъ.

Извѣстно, что оповѣпомъ на Греческой манифестъ было только объявленіе неупралишета со стороны Англии. Искавши пособія у иностранцевъ, Греки пренебрегли всѣ средства къ защитѣ. Соперничество парцій уничтожило всякое согласіе, и каждый думалъ уже только о себѣ. Посему Ибрагимъ, безъ большаго труда, завоевалъ, менѣе нежели въ годъ, Наваринъ и Миссолонги. Онъ былъ властелиномъ всей западной части Мореи, и войска его свободно расхаживали по всей странѣ сей, не встрѣчая непріятеля; 4500 Арабовъ спокойно осаживались въ Триполицѣ шесть мѣсяцевъ. Никто не заботился о снабженіи Миссолонги съестными припасами. Корабли, собранные подъ начальствомъ Міаули и предназначенные для подкрѣпленія сей крѣпости, оставили своего Адмирала, пустились въ морской разбой, и изъ 45-ти судовъ, вооруженныхъ Правительствомъ, только семнадцать слѣдовали за Міаули, копорый былъ шакъ обезсиленъ, что не могъ ничего предпринять.

22-го Апрѣля 1826-го года пала Миссолонги. Геройская защита сего города ешь, можетъ

Ноябрь 1829.

2

наго, имъ жалованья. Карайскаки оспавиль Салону и пошелъ на помощь къ Правительству; Аншипка была открыта и могла бытъ занята 20.000 Турковъ, предводительствуемыхъ Кюпай-Пашею. Ожидали непріятеля, и не могли ему проптивити ся; но раздоръ, вкравшійся въ его ряды, спасъ Грецію.

Ибрагимъ имѣлъ причины жестоко жаловаться на Капитана-Пашу во все время осады Миссолонги. Турецкая морская сила не оказала ни малаго пособія Арабамъ, при нападеніяхъ на укрѣпленія Вассилади и Анашолико. Капитанъ-Паша, вмѣсто того чѣобы продолжати дѣйствовать въ согласіи съ Египетскою арміею, копорая одна не могла ничего сдѣлати, ушелъ. Порша не только не наказала своего Адмирала, но возвысила его въ достоинство Сераскира. Паша Египетскій и сынъ его поняли, что Порша, призвавъ Египтянъ въ Морею, не столько думала усмирити Грековъ, сколько, слѣдуя своей обыкновенной политики, желала ослабити ихъ, коихъ она боялась съ другой стороны. Посему Ибрагимъ рѣшился сохранити завоеванное, но не иди далѣе, доколѣ ему не дадутъ для сего средствъ. Онъ возвратился въ Морею черезъ Патрасъ, оспавиль въ ономъ гарнизонъ, усилилъ гарнизонъ въ Триполицѣ, и опешупилъ къ Модону, между тѣмъ какъ Кюпай Паша блокировалъ Аѣины 7,000-ми человекъ.

Караискакѣ и Фавѣ напали на Турковъ Кюшай-Паши съ пылу, но были разбиты при Калдари, а Гура осмался спокойнымъ зрительемъ ихъ пораженія, боясь, что если онъ сдѣлаешь вылазку, то другіе Капшаны, при возвращеніи, не впускашъ его. Караискакѣ опмспилъ черезъ нѣсколко времени за свое пораженіе побѣдою при Араковѣ, гдѣ онъ окружилъ Омера, Пашу Негропонскаго, и опнялъ у него весь багажъ. Впрочемъ успѣхъ сей былъ не полонъ, ибо Паша успѣлъ доставившъ въ лагерь Кюшай военные и жизненные припасы, которые сопровождалъ онъ. Караискакѣ былъ также причиною неудачнаго похода на Фивы, гдѣ онъ вдругъ оставилъ Фавѣ и Филеллиновъ, по счастью опспутившихъ къ Мегарѣ. Все, что послѣ сего предпринимали разные полководцы для спасенія Афинъ, было тщетно. Напрасно Филеллины много разъ подавали примѣръ дисциплины и смѣлости: Греки бѣжали вездѣ. Извѣстенъ печальный жребій храбраго Полковника Бурбаки; нѣкоторые, не споль имениные офицеры, погибли не менѣ жалкимъ образомъ.

Въ это время Султанъ Магмудъ перемѣнилъ древній военный порядокъ своей Имперіи, испребивъ Янычаровъ: дѣйсвіе политическое, смѣлое, дающее сему власшиселю одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ Государей и, кажется, заславившее народъ его выйдши изъ безчувствен-

ности (*). Намѣреніе, также очень хорошо обдуманное: соединивъ начальство надъ флотомъ и арміею въ однихъ рукахъ, долженствовало по изложеннымъ уже мною причинамъ имѣть великое вліяніе на дѣла. Надежда Грековъ и ихъ могущественныхъ покровителей казалась обманущою, и потому каждый началъ думать только о собственной пользѣ, каждый старался придать себѣ возможную значительность и овладѣть чѣмънибудь, дабы во время рѣшительнаго торжества Турковъ имѣть средство вести переговоры съ побѣдителемъ, на порядочныхъ условіяхъ. Такъ Гурра хотѣлъ опасаться власелиномъ Аѳинъ, Грива овладѣлъ крѣпостью Паламиди, въ Наполи, Фопомара взялъ нижнее укрѣпленіе; Идріоны опдѣлились опъ оспальнаго флота.

Но начальники Англійской партіи не оставляли своихъ замысловъ. Опказавшись опъ независимости, они думали о Господарствѣ, и Заими, очень желалъ бытъ Господаремъ. Онъ помогаль Гамильпону, дабы въ случаѣ нужды имѣть въ немъ покровителя, но боялся, чпобы военачальники не воспропивились его видамъ. Особенно спѣснялъ его Фавѣ, всегда бывшій главою партизановъ рѣшительной независимости и федеральнаго правленія. Заими убѣдилъ Гамильпона опдать предво-

---

(*) Событія доказали противное. *Прим. Перев.*

дѣшельство армією Генералиссимусу, который могъ-бы управлять дѣйствіями и мнѣніями войскъ согласно видамъ Англій. Тогда былъ избранъ Генераль Чорчъ. Думали, что онъ будетъ имѣть нѣкоторое вліяніе надъ Паликарскими начальниками, ибо изъ нихъ большая часть служили некогда у него въ полку, составленномъ въ Запшѣ. Фавле, посланный въ Аѳины, былъ тамъ удержанъ на неопредѣленное время.

Уже съ годъ ожидали Кокрена. Отъ времени до времени онъ присылалъ уголь и военные припасы. Его ждали какъ спасителя, и наконецъ онъ приѣхалъ. Поспѣшили созвать въ Аѳинѣ Народное Собраніе. Оно наименовало Графа Капо д'Испрїя Президентомъ Греціи; Кокрена Великимъ Адмираломъ; Чорча Генералиссимусомъ. Пригошовипельная Коммисія, состоявшая изъ прехъ Членовъ, облечена была исполнителною властью до прибытія Президента.

Англичане предспавляли Грекамъ новыхъ начальниковъ ихъ какъ геніевъ-хранишелей, которые однимъ взмахомъ волшебной палочки спасуть ихъ. Десятъ тысячъ человекъ собрались испытать счастья новыхъ чужеземныхъ предводителей, но доспашочно было горсти Турецкихъ всадниковъ, чтобы обратишь въ бѣгство эту армію, многочислѣннѣйшую изъ всѣхъ, какія Греки выспавляли со времени возстанія, и тогда-то гарнизонъ Акрополискій, уже не надѣясь на помощь, попре-

боваць капишуляціи. Онъ получилъ ее шолько по предспашельству Г-на Риньи. Греки же стыдились обвиняць Адмирала въ помъ, что будно онъ продалъ Аѳины. Англичане, досадуя, что они не принимали никакого учаспія въ переговорахъ, подкрѣпили сей нелѣпный слухъ, и такимъ образомъ челоуѣколюбивый посшупокъ предспавляя дѣломъ корыспи. Кокренъ, пошерявшій уваженіе, пошелъ на показъ къ Александріи съ нѣсколькими кораблями. Эша экспедиція доказала шолько то, что онъ не имѣлъ власпи даже надъ своимъ экипажемъ. Послѣ сего совершенно нечего было дѣлать. Иносшранныя обѣщанія и помощь были оболъспишельною мечшою, и дѣло Грековъ казалось погибшимъ. Вопъ обспоятельствва, о копорыхъ мы узнали въ Смирнѣ. Видѣвъ послѣ шого многое самъ, я могъ опличить испину онъ всего разсказаннаго намъ въ семъ городѣ. Такимъ образомъ, основываясь на сдѣланныхъ мною впослѣдствіи наблюденіяхъ, смѣю ручашься за досповѣрносшь всего, здѣсь изложеннаго.

Мы были уже нѣсколько дней въ Смирнѣ, когда приѣхалъ Адмиралъ Риньи. Онъ шолько что перевезъ Аѳинскій гарнизонъ на оспрова, еще принадлежавшіе Грекамъ. Онъ умѣлъ согласишь обязанности неутралишеша съ обязанносшями челоуѣчесшва, и такимъ поведеніемъ засшавилъ уважашь и благословлять нашъ флагъ. Г-нъ Риньи, совершенно зная Грековъ, не скривалъ опъ себя,

какъ мало сей народъ , взяный вообще, заслужи-
ваетъ уваженія. Лучше нежели кто другой, онъ
зналъ, что Греки не могутъ пропивиться Тур-
камъ, что средства ихъ безсильны, что пособія ,
кими обязаны они великодушію Европейцевъ ,
недоспащочны, и потому онъ безпрестанно , съ
шѣхъ поръ какъ управлялъ дѣлами , совѣщивалъ,
съ одной стороны Грекамъ , чтобы они умоляли
всѣ Державы о покровительствѣ , съ другой на-
шему Правительству, чтобы оно вступило въ
посредничество. Наконецъ совѣщны благороднаго
Адмирала были услышаны. Онъ получилъ посред-
нической Договоръ между Россією , Францією и
Англією. Его попеченіемъ , счастливое извѣстіе
объ этомъ поспѣшь разнеслось по всѣмъ остро-
вамъ Архипелага, и габарра *Львица*, на кошорой
мы опправились изъ Смирны , имѣла именно пре-
порученіе о распросраненіи онаго. Капитанъ
Машѣе оказалъ намъ такую-же благосклонность,
какъ и начальникъ *Побѣдоносной*, умѣвшей сдѣ-
лать переѣздъ нашъ изъ Египта очень пріятнымъ.
Мы опплыли 16-го Августа, ночью , въ Наполи-
ди Романія , гдѣ должны были снова встрѣпиться
съ Адмираломъ. Погода была превосходная.
Ничего не можетъ быть восхищительнѣе плава-
нія по Архипелагу, въ хорошее время года. Тутъ
вы безпрестанно посреди прекраснѣйшей панора-
мы. Это уже не однообразный Океанъ , гдѣ въ
цѣлыя мѣсяцы плывете не видя земли , не пере-

мѣня, ни одного паруса. Здѣсь все разнообразно: земля, вѣтры, море; каждую минуту зрѣлище перемѣняется; острова какъ будто вырастають передъ вами изъ среды водъ, дабы вѣкошорымъ образомъ представить зрѣлище, свойственное каждому изъ нихъ. И обнаженные, показывающіе вмѣсто зелени красноватую, бесплодную почву или оспроконечныя скалы, они нравятся взору пысачею прошивоположноспей съ моремъ и лазурнымъ небомъ. Иногда вы плывете вдоль обломившагося берега, гдѣ видны неизмѣримыя пещеры и въ нихъ ходитъ и гремитъ волна; иногда переѣзжаете шѣсный проливъ между двумя землями. Кормчій внимателенъ: онъ правитъ посреди скалъ кораблемъ, быспро увлекаемымъ. Экипажъ въ молчаніи ожидаетъ знака отъ своего начальника, наблюдающаго съ безпокойнымъ взглядомъ опасность пупи. Ежеминутно проходите мимо какихъ нибудь знаменитыхъ въ Испоріи мѣстъ, усматриваете развалины, находитесь среди поприща Миѳологіи.

Но всего болѣе лѣпомъ, въ прекрасныя ночи, сладостно скользитъ по волнамъ сихъ спокойныхъ морей. Часпо, при захожденіи солнца, вѣпръ начинаетъ покачивать корабль, задержанный цѣлый день пишиною; онъ слегка двигаетъ его, какъ бы давая время насладиться свѣжестью атмосферы. Надобно испытать на себѣ пысачу ощущеній, раждаемыхъ эною спокойною созерца-

шельностью, чпобы знать, какъ трудно изобразить оныя. Способности души и шѣла какъ будто полнѣ сливающся однѣ съ другими, и, какъ-бы уравненныя, вмѣстѣ возносяся къ чему-то безвѣспиному, чпо онѣ, кажешся, постигаютъ. Я назвалъ-бы это воспоргомъ, если-бы сіе слово, и мысль, выражаемая имъ, не сдѣлались слишкомъ темны опъ злоупотребленія. Фанпасмагорія воспоминаній и надеждъ пролетала передъ моими глазами, все быспрѣе, все привѣпливѣе. Сводъ небесъ былъ обширнѣе и, такъ сказать, легче. Между имъ и мною не оспавалось ничего. Шопопъ волнъ и легкій вѣперокъ, ласкавшій парусъ, все было въ согласіи съ меланхолическимъ колебаніемъ моего быпія. Я провелъ много часовъ въ подобномъ упоеніи; но живѣе другихъ сохранившіеся въ моей памяпи, были часы, копорыми наслаждался я на шѣхъ моряхъ, гдѣ вспрѣчаешся Идра. Мы уже въ другой разъ тогда подѣзжали къ сему оспрову.

Оспровъ Идра еспъ безплодная скала, ошвѣсно выснавившаяся изъ моря. Узкій каналъ ошдѣляетъ его опъ швердой земли. Посему-то каналу выпроенъ городъ. Онъ возвышаешся амфишешромъ. Порпъ не великъ, но скалы, находясь въ водѣ перпендикулярно, позволяюпъ кораблямъ видашь якори очень близко къ берегу. Дома, хорошо выбѣленные, показываюпъ довольство и опрѣиность. Множество бапарей, усшроенныхъ

на скапѣ берега, могли обспрѣливать каналъ во всѣхъ его направлѣнїяхъ, а спо легкихъ бриговъ, сдѣлавшіеся храброспью своихъ жожапаевъ спрашными самымъ сильнымъ кораблямъ, споя вдоль берега не допускали приближашься къ оному.

Вскорѣ мы пришли къ Спеціи. Сей оспровъ плодоноснѣ Идры. На немъ видны обрабошанные поля, виноградники, масличныя деревья. Городъ довольно великъ, выспроенъ амфишешромъ на плоской цокашоспи, и образуешъ шреугольникъ, коего оконечность продолжаешь нѣсколько кругло. Въ немъ нѣшъ ни укрѣпленїй, ни порпа. Защищашъ Спецію никогда и не думали. Находясь вблизи Идры, и вмѣспѣ съ нею досшавляя Грекамъ почпи всѣхъ ихъ моряковъ, она должна была имѣспѣ и одинакую съ нею учаспѣ. Во время благополучное сїи два оспрова соперничали шорговлею; при несчастїи они соединяли свои силы для общей защиты.

Едва шрошедши Спецію, шоворошпше къ сѣверу, и вы входпше въ заливъ Наполи ди Романїа. Западный берегъ его сосшавляешъ высокая и крупная наклонность горъ: онѣ, проходя Морею опшъ сѣвера къ югу, шросшпрающься въ море длиною грядю, кошорая оканчпваешься мысомъ Мало. Въ глубинѣ залива долина Аргосская, и въ ней, на возвышенности, развалины, видимыя издалека. Цаполи ди Романїа на восточномъ берегу. Ея не

льзя видѣшь даже съ рейда, гдѣ оспанавливаюпіся военные корабли. Изъ города нѣшь вида на заливъ.

Наполи важна единственно своими укрѣпленіями. Они построены Венеціанами, и при насъ составляли надежнѣйшее убѣжище Грековъ на пвердой землѣ. Однакожь междоусобная война оросила ихъ кровью, и Англійскій Адмиралъ съ величайшимъ трудомъ могъ водворить миръ въ семь городѣ.

Среди безчисленнаго множества пронырствъ, почти невозможно открыть истинную причину сихъ послѣднихъ смятеній. Я уже сказалъ, что послѣ паденія Миссолонги, Сулібы овладѣли укрѣпленіями: тогда-то Грива захватилъ Паламиди, а Фопомара нижнюю крѣпость. Оба сіи Капитана не переспавали угрожають городу. Если приѣзжалъ какой нибудь корабль съ жизненными припасами для Наполи, то они, каждый съ своей стороны, посылали солдатъ грабить его, и послѣ продавали припасы жипелямъ по шакой цѣнѣ, какую имъ хопѣлось взять. Если имъ нужны были деньги, то они налагали на городъ конпрібуцію, и жипели, боясь, что ихъ начнутъ бомбардировать, спѣшили плашить. Этимъ средствомъ Грива изграбилъ болѣе спа тысячъ піаспровъ. Уже въ Іюнь 1826-го года несогласія были споль сильны, что Правительство нашлось принужденнымъ переѣхать въ крѣпость Бурзи. Черезъ годъ, При-

гоповишельная Коммисія должна была выйдти изъ Наполи. Съ крѣпостей сирѣяли по городу и пятьдесятъ человекъ было убито. Жили, находясь въ безпреспанномъ страхѣ отъ сихъ несогласій между вождями, спрадая равно отъ поржеспвѣ и пораженій каждаго изъ нихъ, не хотѣли болѣе оспаваться въ городѣ. Они предпочипали этому жизнь лагеремъ, въ полѣ, и опасностъ бытъ захваченными Ибрагимомъ. Но когда они гоповы были выйдти, Грива поставилъ спражу и позволилъ выходить только шѣмъ, копорые купаютъ для сего позволеніе. Несчастные должны были жертвоватъ своимъ послѣднимъ имуществомъ, чпобы только получить возможность оспавить свои дома и спастись отъ смерти, угрожавшей имъ каждую минушу. Тогда чешыре тысячъ человекъ оспавили Наполи.

Генераль Чортъ, послѣ своей Фалерской экспедиціи, узналъ, что жили Наполи перпятъ большія припѣсенія отъ Гривы. Кромѣ того, подозрѣвая сего вожда въ преспупныхъ намѣреніяхъ, ибо уже говорили о сношеніяхъ Гривы съ Ибрагимомъ касательно сдачи Паламиди, онъ хотѣлъ заспавить его выйдти, и уговаривалъ слѣдовать за собою, очиспивъ крѣпостъ или сдавъ ее новымъ войскамъ, копорыя онъ назначилъ въ гарнизонъ. Грива опказался, подѣ предлогомъ, что онъ защищаетъ пользы Французской партіи. Онъ сирѣялъ по городу, занятому вой-

сками Колокопрони. Приготовительная Коммисія, со времени бѣгства своего въ Бурзу, предала проклятію Гриву и объявила его врагомъ оспечства, но, въ тайнѣ она ободряла его и даже приказывала ему спрѣляшь по городу. Чорчъ принужденъ былъ уступитъ. Призвали Фавье, чтобы предложитъ ему начальство надъ Паламиди; но онъ не могъ взять оной силою. Онъ поспѣхъ возвратился въ Мешану. Наконецъ Грива согласился выйдти съ 750-ю человекъми, и слѣдовашъ за Чорчемъ къ Коринеу, оставивъ въ крѣпости 250 человекъ, подъ начальствомъ своего брата.

На рейдѣ Наполійскомъ мы нашли два Адмиральскіе корабля: Англійскій и Французскій. Топчась по прибытіи, мы опсправились на корабль *Сирену*. День, проведенный тамъ нами, не былъ поперянь для наблюдений. Вечеромъ у Адмирала долженъ былъ собраться Великій Совѣтъ. Правительственная Коммисія и военные начальники явились повшоритъ ему обѣщанія, сдѣланныя Адмиралу Кодрингшону, и снова дасть кляпву въ помъ, что они соединяпся для общей пользы, для поддержанія мира и для новыхъ усилій пропшявъ общаго врага. Сначала пріѣхали Члены Приготовительной Коммисіи, Секретаръ оной и Маврокордапо. О семъ послѣднемъ говорили, кажеться, слишкомъ много и добра и худа. Нельзя опказать ему въ помъ, что онъ просвѣ-

ценнѣе большей части своихъ соотечественниковъ ; но онъ Фанариошъ , по естѣ человѣкъ проницательный. Онъ особенно желаетъ гражданскихъ правъ своей странѣ , но болѣе для своей частной пользы и для пользы аристократовъ , нежели изъ любви къ общему благу. Что касается до Членовъ Комисіи , то это куклы , посланные на высокую степень одною партией , для того , чтобы загородить входъ въ оную партію неприязненной. Президентъ , Мавромихали , молодой человѣкъ , слабаго характера и неопытный ; Маркисъ , купецъ , хорошо управлявшійся съ своими дѣлами ; а Яннулли Наксось , помещикъ , собирающій много Коринѣскаго винограда.

Послѣ сего явился , какъ предсавитель воровжившихся начальниковъ , Колешпи. Онъ былъ оправителемъ Али-Паши и при Дворѣ сего кроваваго пирана научился коварству и хитрости. Онъ ловокъ , честолюбивъ , управляетъ Румелийскою партией , и онъ-же усмиряетъ неистовства сего необузданнаго солдашства.

Въ слѣдующій день мы оправились на землю. Первое посѣщеніе сдѣлали мы Членамъ Правительства. Безсильный пріумвирашъ онаго былъ загнанъ въ крѣпость Бурзи. Тамъ-то , опираясь на свою бесполезную власть , онъ смошрѣлъ какъ Греки умерщвляли другъ друга. Сначала мы прошли по площадкѣ одной башарей , гдѣ были въ

беспорядочныхъ полкахъ солдаты, купцы, пушки. Бѣдные семейства, убѣжавшія изъ Наполи, искали тамъ убѣжища подъ кровлею ничтожныхъ хижинъ, и даже наполняли амбразуры. Вездѣ видны были самая оскорбительная неопрятность и самая ужасная нищета. Насъ ввели въ небольшую комнату, гдѣ мы увидѣли посѣщенныхъ нами предсавителей власти. Сѣдла, уздечки, невинственныя оружія покрывали стѣны комнаты; нѣсколько спульвъ и мапрасъ, разоспанный по полу, соспавляли всю мебель оной. Это было отдѣльное помѣщеніе и аудіенцъ-зала Членовъ Коммисіи. Печальный пріумвиратъ принялъ насъ сидя, съ важностью поджавши ноги на какихъ-то нарахъ. По воспочному обычаю подали трубки и кофе. Послѣ первыхъ привѣтствій, Г. Лабордъ, въ качествѣ Члена Парижскаго Комитета Филеллиновъ, изъявилъ Коммисіи все участіе, какое Франція принимаетъ въ освобожденіи Греціи. Онъ сказалъ, что приношенія Комитета попались въ руки людей жадныхъ, ненадежныхъ; наконецъ онъ просилъ найдти какія нибудь средства, чтобы впередъ сіи пособія достигали своего истиннаго назначенія. « Единственное средство къ тому, » сказалъ Президентъ, « отпра- « влять всѣ посланки прямо въ Коммисію: она « одна знаетъ нужды всѣхъ и можетъ раздавать « справедливо пособія, копорыми обязаны мы ве- « ликодушію Европейскихъ народовъ. » Сей ош-

Ноябрь 1829.

3

вѣспъ показаль намъ шолько шо, што Коммисія имѣеть о себѣ доброе мнѣніе.

Изъ крѣпоспи Бурзи мы пошли въ городъ. Можно было-бы сказать, што его опустошила язва: дома пуспы, улицы завалены обломками и разрушенными зданіями. Морпиры, груды ядеръ (безполезные дары нашихъ Комисіецовъ!), покрывали набережныя. Оставалось шолько нѣсколь-ко лавокъ, гдѣ еще продавался черный хлѣбъ и виноградъ. Множество солдатъ наполняли улицы, и добивались въ городъ какой нибудь пици. Кшо-бы не былъ, подобно мнѣ, пораженъ, увидѣвъ подлѣ пакой бѣдноспи и распротрѣспва красивый кофейный домъ, и въ немъ полпу вокругъ билліарда?

Сообщники Гривы не оставляли своихъ жилищъ. Насъ проводили къ Пешро-Бейю. Одинъ Англійскій писатель изобразилъ его въ немногихъ словахъ: эшо, сказалъ онъ, а *good-humoured round-faced fellow*, замѣчательный шолько своимъ аппетитомъ. Чшобы дорисовать сей портретъ, онъ долженъ-бы былъ прибавить, што Пешро-Бей безкорыспенъ и совсѣмъ не пронырливъ: сін добродѣтели шоль рѣдки въ его опечеспвѣ, што ихъ можно замѣщипшъ.

Г. Лабордъ чрезвычайно жедаль увидѣпсья съ Генераломъ Чорчемъ, чшобы узнать, какія еще осшавались у него надежды. Генераль шшоялъ ла-

геремъ , недалеко отъ города. Пешро-Бей послалъ просить его къ намъ , и онъ съ величайшею готовностію приѣхалъ по сему приглашенію. Чортъ небольшой человѣчекъ , сухой и рыжій , довольно пріятный въ обращеніи. Нарядъ , избранный имъ для себя , просто спраренъ : это нелѣпое соединеніе Турецкой чалмы , длиннаго камзола и полукашанья Албанскихъ , и наконецъ бошфоршовъ съ преогромными шпорами , имѣющими фигуру лебединой шеи. Креспы и блестящія звѣзды покрывали его грудь , но отъ этого видъ его былъ ни благороднѣе , ни важнѣе. Онъ сообщилъ намъ самыя печальныя свѣдѣнія о состояніи своей арміи , и , казалось , опчаявался за будущее. Мы думали ободрить его , сказавъ , что Коммисія гопова пособляеть вездѣ , гдѣ шо будеть нужно. « Коммисія ! » воскликнулъ онъ. « Все-го менѣе занимаешься она нуждами Греціи. Она думаетъ шолько о себѣ и о своихъ нуждахъ. « Если Греція еще свободна , шо эшимъ она « обязана арміи , а не скупымъ своимъ Спарши-« намъ. »

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминанія вѣйна , 1799—1814.

— Что такъ уныль , мой баловень побѣды ? —
 Съдой гусарь шоварища спросилъ .
 Всегда любилъ ты братскія бесѣды ,
 И какъ въ бою , за чашей веселье былъ .
 Бывало мечъ кумиръ швой ненаглядный ,
 Твой вѣрный конь рвался ко славѣ въ путь . . .
 Почтожь шеперь , скучая жизнью праздною ,
 На ржавый мечъ не смѣешь и взглянуть ?

Забыль-ли ты , во брани посядѣлый ,
 Призывный кличъ тревоги боевой ?
 Забыль-ли ты шѣ знойныя предѣлы ,
 Гдѣ Русскій шель побѣдною спезѣй ,
 Гдѣ Сень-Гопарь безстрашному дивился ,
 И груди льдовъ на смѣлыхъ низвергалъ ?
 Напрасно Галль природой защишился . . .
 Нашъ исполнишь чрезъ пропасти шагаль .

Забыль-ли ты шѣ льдистыя равнины ,
 Гдѣ мы Стокгольмъ узрѣли предъ собой ?
 Смирились гдѣ Ботнійскія пучины ,
 Оцѣпенѣвъ подѣ Русскою ногой ;
 Сыновъ своихъ геройствомъ восхищаясь ,
 Торжественно гдѣ Съверъ просіялъ ;
 Гдѣ рубежамъ бездоннымъ не вѣтряясь ,
 Въ землѣ родной нашъ врагъ зашрепешалъ ?

Забыль-ли ты походы за Дунаемъ,
 Гдѣ язва, зной и холодъ свирѣлъ,
 Гдѣ гибло все!... но мы-ли унываемъ!...
 Впередь! и врагъ, какъ пыль ошь насъ лешѣлъ?
 Забыль-ли ты походъ Наполеона,
 Влекущаго полъ-мира за собой,
 Ошчизны бой, погибель милліона,
 Кровавый слѣдъ надъ снѣжной близной?

Забыль-ли ты чрезъ Рейнь переправу,
 Героями покрышыя плоты,
 И памятникъ неслѣнной Россовъ славы,
 Походъ въ Парижъ, скажи забыль-ли ты? —
 « Все вспомню, « рекъ онь, руку мнѣ сжимаю,
 « Когда мы вновь невѣрныхъ поразимъ;
 « И Крестъ свяшой, и знамя Николая
 « На висопахъ Царьградскихъ водрузимъ!»

К. Б. Б-й.

1827 года.

Въ альбомѣ незнакомой дѣвицы.

Хошь стихотворцу незнакома
 Хозяйка милая альбома,
 Хошь своевольно онь чершишь
 Въ чужомъ альбомѣ эти строки:
 Но вы, вы будете-ль жешоки?
 Ужель листокъ сей полешить
 Въ окно, гулять по бѣлу-свѣшю?
 Нѣтъ, нѣтъ! Просшите вы поэту,

Чшо здѣсь ццсашь спихи онъ смѣлъ :
 Не вамъ однѣмъ онъ надобѣл
 Своею лирою говорливой.
 За шо онъ пожелаешъ вамъ ,
 Чшобъ вѣкъ вашъ въ пишинѣ счастливой
 Такъ прошекалъ , какъ по лугамъ
 Спруишся ручеекъ игривой ,
 Хранимъ Наядой молчаливой.

Масальскій.

БУДИНСКІЙ ПАША.

ПОВѢСТЬ , ОСНОВАННАЯ НА ИСТИННОМЪ ПРОИСШЕСТВИИ (*).

(Соч. Цшокке).

Близъ углубленной долины и высокихъ скалъ,
 въ Швейцарскомъ кантонѣ Ваашъ, лежишъ древ-
 ній, небольшой, но хорошо выспроенный горо-

(*) Чшо касается до источниковъ, изъ коихъ по-
 черпнушъ сей разсказъ, шо первый находишся въ
 Вѣнскихъ архивахъ, въ Дневникѣ осады Офена въ
 1686 году. Мы не имѣли случая непосредственно за-
 имспивовашъ изъ онаго, но можемъ ушвердипельно
 сказашъ, что о происшешствѣ, составляющемъ заклю-
 ченіе нашей повѣсти, упоминаешся въ семъ Дневни-

докъ , съ господскимъ замкомъ . Городокъ называется Ла Сарразъ . Онъ обипаемъ людьми добрыми и радушными , и если они не прославились своими древносшями или богачспвомъ , своею ученосшью или винами , по по крайней мѣрѣ въ старые годы были доспойны уваженія за вѣрносшь и дружбу , какъ между собою , пакъ и въ сношеніяхъ съ сосѣдами . Эшо доказали два прекрасные мальчика , Кюнъи и Оливьеръ .

Кюнъи былъ младшій сынъ спараго бѣдняка , который въ близкомъ распояніи опъ города спокойно проживалъ подъ соломенную крышею своей хижины . Въ домѣ Кюнъи господспвовали порядокъ , чиспоша и спрочайшее прудолобіе . Даже меньшей сынъ обязанъ былъ добываць деньги и удовлетворяць домашнимъ потребносшямъ . Но эшошь меньшей сынъ не много радости доставлялъ спарику : сей необузданный мальчикъ дѣлалъ ежедневно тысячи проказъ , на чшо имѣлъ всегда случай . Разумѣеца , чшо маленькаго шалуна порядкомъ проучивали , но въ эшомъ было мало проку . Вечернее наказаніе забывалось на

кѣ . Другимъ испочникомъ была книга , неизвѣсно гдѣ напечатанная въ 1765-мъ году , подъ заглавіемъ : *Le Vacha de Vuda* . Впрочемъ , мы пользовались изусщными преданіями , которыя бываюшь . маловажны для дѣеписателя , но для насъ имѣли свою цѣну . *Прим . Сотин .*

другое упрю. Кромѣ наружной его красоны, за конорую современные спихонворцы безъ обняковъ сравняли-бы его съ Амуромъ или съ Ганимедомъ, если-бы онъ родился Принцемъ и не ходилъ босикомъ, въ проспомъ балахонѣ, юный Кюньи имѣлъ даръ понравившяся каждому, когда хошѣлъ. Школьный учишель очень любилъ его, пошому что ни одинъ изъ его учениковъ не умѣлъ такъ хорошо писашь, такъ вняшно чишашь и такъ скоро считаашь. Учишель даже сказалъ однажды спарому Кюньи : « Мальчишку пво-его надлежало-бы послапъ въ Лозанну, въ высшее училище; онъ почти сполько-же знаешь, сколько я самъ. Ему слѣдовало-бы со временемъ сдѣлашья Паспоромъ.» Старикъ, пожавши плечами, опвѣчалъ : — Для нашего брапа креспянина умная голова нужнѣе нежели для богача; человекъ богатый, за недоспапкомъ головы, посадишъ на ея мѣсто мѣшокъ съ деньгами. А намъ бѣднякамъ эшо не подѣ силу. —

Въ слѣдспивіе сего, маленькій Кюньи, не взирая на его любезность и хвалимыя школьнымъ учишелемъ способности ума, долженъ былъ паспи козѣ. Онъ исполнялъ эшу обязанность, и если-бы она была не шакъ скучна, то онъ прилагалъ-бы болѣе радѣнія объ оной. По мѣрѣ возможности старался онъ сдѣлашъ свою должность пріятною и веселою. Такъ напримѣръ, долгое время

воображалъ онъ себя Паспоромъ, а спадо—своимъ приходомъ. Козамъ своимъ произносилъ онъ прогашельныя проповѣди; но нечестивые его слушатели не обращались на путь истинны и только поѣдали хмѣль и разсады. Чѣмъ ревностнѣе гремѣлъ маленькій проповѣдникъ пропивъ заблужденій вѣка, пропивъ обмановъ, пашьбы, шѣмъ болѣе предавалась симъ порокамъ его пасшва, въ особенноти когда онъ для испытанія ея благочестія и силы своего краснорѣчія, подгонялъ оную къ огородамъ и цвѣтникамъ. Въ ерепической своей слѣпотѣ, козы перепрыгивали черезъ плени и поѣдали чужую собственноти.

Все это перемѣнилось со времени приѣзда въ сію спрану родшвенника, копорый въ военной службѣ доспигнулъ званія фельдфебелъ. Спирый усачъ прожилъ цѣлую зиму въ домѣ Кюны и каждый вечеръ повѣсповалъ о геройскихъ подвигахъ своихъ и Маршала Гебриенша, подъ знаменами коего онъ сражался. То были рассказы о Шведскомъ Королѣ, Гусшавѣ Адольфѣ, шо о Баннерѣ, Торспензонѣ и Врангелѣ, шо о Бернгардѣ Веймарскомъ, о Тилли, Папенгеймѣ и Валленшпейнѣ, шо о битвахъ Люценской и Вишшоковской, о раззореніи Магдебурга, и шому подобное. Солдашъ все это описывалъ шакъ живо, што каждому казалось будшо онъ самъ видишъ войска и поля битвы и слышишъ громы

орудій. На шполѣ начерпывалъ онъ планы сраженій и произносилъ шакія ругапельства, что всѣхъ присущспвовавшихъ спрахъ забиралъ. Ни-кто въ цѣломъ домѣ не былъ внимательнѣе къ разсказамъ служиваго, какъ маленькій Кюньи, въ памяши коего врѣзывалось всякое слово, всякое имя и расположеніе каждой бишвы. Когда по наспупленіи весны, онъ снова былъ опсправленъ ласши козъ, по должностъ сію принялъ онъ какъ введеніе въ званіе главнокомандующаго, и въ поже время свою собаку, въ прошедшемъ году опсправлявшую пономарскую должностъ при спадѣ, произвелъ въ чинъ своего адъюшанша. Та-кимъ-шо образомъ выступилъ онъ въ походъ, съ побѣдоноснымъ воинспвомъ. Онъ завоевалъ нѣ-сколько долинъ, холмовъ и лѣсовъ, и подобно честполюбивому Валленшпейну, едва не возъмѣлъ охопы удержатъ за собою все завоеванное и сдѣ-лалъ Герцогомъ Ла Сарраза.

 2.

Однажды сидѣлъ онъ на камнѣ, въ недалнемъ распояніи опъ города, между шѣмъ какъ армія его держала въ блокадѣ крушой ушестъ, на ко-порый взобралось уже для рекогноспировки нѣ-сколько козъ, какъ вдругъ услышалъ онъ, раз-дающіеся съ вершины скалы, жалобные вопли дѣ-

пей, [просящихъ о помощи. Въ минушу было рѣшено, взявъ крѣпость штурмомъ и освободивъ находящихся въ оной военнопленныхъ. Адъютантъ лаемъ своимъ привелъ въ порядокъ все рогатое войско. Мигомъ взобрались на ушесъ съ другой стороны, овладѣли онымъ и избавили спраждующихъ. Это были двое дѣпей, изъ городка мальчикъ, лѣтъ пятнадцать, называвшійся Оливьеромъ, и осемилѣтняя дѣвочка, Елена, оба дѣпи людей значительныхъ въ Ла Сарразѣ, не привыкшія къ лазенью по скаламъ. Они заблудились, прогуливаясь въ горахъ. Для опысканія возвращаемаго пущи, начали они спускаться внизъ между скалами и достигли края ужасной пропасти. Маленькій босоногій фельдмаршалъ избавилъ ихъ отъ гибели; повелъ ихъ за собою обратно по ушесамъ, самъ идя впередъ, показывалъ имъ мѣста, гдѣ они могутъ безопасно спустишь ногою, привелъ ихъ на оплогость горы, и опшуда благополучно спустился съ ними въ долину. Спасенные дѣпи не знали какъ опблагодарить своего избавителя, и подружились съ нимъ въ минушу. Кюньи рассказалъ имъ о своихъ военныхъ подвигахъ. Только это и нужно было Оливьеру. Онъ не медля вснушилъ въ дѣйствующую армію, кошорую Кюньи раздѣлилъ на двѣ части. Надъ одною удержалъ онъ самъ начальство, а другая опдана была въ команду Оливьера, кошорый дѣйшвовалъ какъ непріатель прошивъ Кюньи.

Елена должна была попеременно быть маркишаншею въ шомъ и другомъ войскѣ. Окрепности Ла Сарраза раздѣлили между собою, установили правила, и эта игра шакъ всѣмъ понравилась, что положено было собраться на другой день.

Оливьеръ, рѣзвый мальчикъ, имѣлъ не меньшую склонность къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ и Кюньи. Оба, хотя на челѣ войскъ своихъ и были непріятелями, непримѣннымъ образомъ заключили союзъ пѣснѣйшей дружбы. Каждый день, какъ шолько могъ Оливьеръ ошлучишься изъ родипельскаго дома или изъ школы, приходилъ онъ къ своему другу. Общая ихъ пріятельница Елена, по меньшей мѣрѣ два раза въ недѣлю являлась играть роль маркишаншки, съ хлѣбомъ, кашпанами и флагою воды. Она обыкновенно приходила вмѣстѣ съ Оливьеромъ и оставалась на его сторонѣ, потому что ихъ родипели были сосѣди; но въ концѣ игры она всегда попадала въ плѣнъ къ Кюньи и, по видимому сдавалась съ удовольствіемъ. За эти маневры получались иногда упреки. Правда, между Кюньи и Оливьеромъ не происходило распри за эту Елену; шолько Оливьеръ не рѣдко бранилъ маленькую свою подругу, за то что она часшо попадаетъ въ плѣнъ къ новому Парису. Елена очень любила своего юнаго сосѣда, который въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный мальчикъ, и всегда

былъ одѣтъ лучше нежели Кюньи. Тѣмъ не менѣе эта дѣвочка замѣтила, что всѣ порпные въ мирѣ не могли-бы убраться черноволосаго Кюньи, лучше того какъ украсила его природа. Въ сихъ занятіяхъ войною и дружбою, ссорами и примиреніями, прошли лѣто и осень, и наступающая зима должна была прекрапити кампанію.

3.

Но еще прежде наступленія зимы, Оливьеръ навѣспилъ однажды своего друга, и сказалъ ему съ важнымъ видомъ: «Въ 1644-мъ году воевали мы съ козами; въ 1645-мъ будешь уже не игрушка. Знаешь-ли ты, Кюньи? Башюшка сего дня по ушру получилъ письмо отъ моего дяди, Полковника Цесарской службы, который обѣщаетъ — если только я по веснѣ приѣду въ армію—принявъ меня въ свой полкъ въ чинѣ Подпоручика. Весною мнѣ минешь шестнадцать лѣтъ и башюшка не намѣренъ держашъ меня въ Ла Сарразѣ: здѣсь мнѣ нечего дѣлать, какъ только пасши козъ. Что-же ты не радуешься?»

— Чему, спросилъ Кюньи, повѣсивъ голову?

«Тому, что я буду военнымъ, Поручикомъ. Теперь война. Я скоро дослужусь до Капитана и до Вахмиспра. Ужъ будешь обо мнѣ говорить! Туть-то услышишь чудеса.»

— Вѣрю, Оливьеръ, и радуюсь за тебя. Только право мнѣ хочется плакать. Когда ты уѣдешь, я совершенно осиротѣю. Другъ мой! Кто-же со мною оспанется, когда тебя нѣ будетъ?

«Эхъ, Кюньи! Вѣдь и мнѣ больно съ побою разспаться! . . . А впрочемъ, на будущее лѣпо возьми къ себѣ Елену. Дѣвочка умная, и ты можешь ей дать начальство надъ половиною арміи.»

— Чшо ты, Оливьеръ? Спану-ли я воевать съ дѣвчонками? Сверхъ того, когда ты уѣдешь, она и не придетъ; сдѣлается барышнею и не будетъ думать о нашемъ братѣ.

«Успокойся, Кюньи, и не плачь. Года черезъ два приѣду я сюда въ отпускъ. Ты не повѣришь глазамъ, когда увидишь меня съ усами, съ саблею — здѣсь рубецъ! шущъ рубецъ! . . . Ты не узнаешь меня.»

— Можеть быть! а ты меня и подавно не узнаешь. Гордый служивой и не спроситъ о бѣдномъ паспухѣ! Эшо мнѣ извѣстно.

«Спыдись, Кюньи, чшо ты эшо обо мнѣ говоришь? Да если-бы я былъ Фельдмаршалъ и приѣхалъ въ Ла Сарразъ, шо первый мой вопросъ былъ-бы о тебѣ, и я шакъ-же-бы тебя обнялъ и расцѣловалъ, какъ шеперь. Клянусь въ эшомъ, и вопъ тебѣ моя рука! Въ залогъ моей кляшвы дарю тебѣ эшошъ ножикъ, съ перламутровымъ череномъ. Возьми его на память!»

— Знаешь-ли ты , Оливьеръ , что пріѣшли не должны дарить другъ друга ножами ? Говорить , что это разстроиваетъ ихъ дружбу . Только я не вѣрю ; и принимаю свой ножикъ . И если случится , что ты не захочешь болѣе меня знать , то я выставлю тебѣ передъ глаза свой подарокъ , и скажу : Оливьеръ , наша дружба разстроилась !

« Тогда я буду достоинъ того , чтобы ты меня этимъ ножомъ зарѣзалъ ! . . . Ну , да радуйся же вмѣстѣ со мною . Знаешь-ли ты , что я и для тебя кое что придумалъ ? »

— Что такое ?

« Какъ меня черезъ нѣсколько лѣтъ произведу въ Капитаны , а можешь быть и выше , и я приѣду въ Ла Сарразъ , то непременно возьму тебя съ собою въ армію . . .

— Нѣтъ ! лучше я самъ весною пойду въ солдаты , въ рейтары , во что ни попало . Тебя , какъ сына значительныхъ людей , сей часъ жалуютъ въ Поручики . А я буду храбро сражаться и выслужу себѣ чинъ Поручика . Увидишь !

« Никакъ не лзя , Кюньи . Тебѣ еще только четырнадцать лѣтъ , ты слишкомъ молодъ . Ты и ружья не поднимешь . »

— Ну , такъ меня примутъ барабанщикомъ . Я и за лошадьми умѣю ходить . Меня помѣсятъ въ обозъ .

« Не годится, Кюньи! Изъ обоза ты никогда не попадешь въ сраженіе и ничего не заслужишь. Лучше погоди, милой! дождись, когда я приѣду въ Ла Сарразъ. Я тебя возьму съ собою и сей часъ произведу въ фельдфебели. Ты хорошо пишешь, знаешь Ариемешуку; я опререкомендую тебя Полковнику. Не безпокойся!»

Кюньи началъ горько плакать, и Оливьеръ едва могъ его ушѣшить. Кюньи рѣшительно объявилъ, что онъ не намѣренъ быть наспухомъ, и весною отправится на войну.

4.

Не все такъ сдѣлалось, какъ полагали юные друзья. День ото дня, Кюньи спановился задумчивѣе и грустнѣе. Посѣщенія Оливьера и шулки маленькой Елены, на короткое только время развеселили бѣднаго малаго. Однажды сидѣлъ онъ погруженный въ размышленія, на скапѣ холма; спадо его бродило вокругъ; осенній вѣперъ завывалъ въ безлиственныя дубраваха. Вдругъ слышнпъ онъ громкій лай своей собаки. Кюньи замѣшилъ, что ея уже нѣкопоре время не было близъ спада. Собака, лая, мешалась во всѣ спороны. Кюньи сдѣлался внимательнѣе, вспавши съ своего мѣша пошелъ впередъ, и въ близъ-лежащемъ ущельѣ увидѣлъ волка, расперзав-

шого козу изъ его стада. Кюньи успѣшно схватилъ палку и, сопровождаемый собакою, бросился на хищнаго звѣря. Волкъ убѣжалъ, но коза уже была зарѣзана. Съ ужасомъ сползалъ предъ нею молодой паспухъ. Однако вскорѣ онъ опомнился, накрылъ умерщвленное животное хворостомъ и камнями, возвратился къ стаду и вечеромъ опивелъ оное на свое мѣсто. Попомъ пошелъ онъ домой, и какъ только смерклося, надѣлъ праздничное платье, собралъ въ узелокъ все, что у него было получше, и отправился въ дальнѣйшій путь.

О П И С А Н И Е

Еще съ вечера, когда хозяинъ пропавшей козы пришелъ съ жалобами, молодаго Кюньи уже не было въ домѣ. Когда же на слѣдующее утро онъ не явился и нигдѣ не могли его отыскать, то старшій отецъ предался жесточайшей горести. Еще неуспѣвшѣ были Оливьеръ и Елена, получившіе извѣстіе о побѣгѣ Кюньи. Не могли надивиться сокрушенію Елены о молодомъ паспухѣ, а родители Оливьера безуспѣшно насмѣхались надъ сыномъ и бранили его за проливаемые слезы. Нѣсколько дней спустя, крестьянинъ изъ Роменмошье отдалъ Оливьеру письмо. Кюньи описалъ ему происшествіе съ волкомъ; попомъ объявилъ что онъ, боясь наказанія и наскучивши паспухескою жизнію, пустился въ свѣтъ, искать себѣ счастья. « Не бойся, Оливьеръ, » писалъ

Ноябрь 1829.

4

Кюньи! «Я не умру съ голоду. Я могу работать. Скажи Еленѣ, чтобы она не печалилась, и объяви бабюшкѣ, что я изъ тужой стороны буду ему помогать, лишь только что выработаю. Пожикъ пвой я взялъ съ собою и не разстанусь съ нимъ во всю жизнь. Онъ всегда будетъ мнѣ себя напоминать. Безъ слезъ я не могу на него глядѣть. Можешь спашься что мы гдѣ нибудь увидимся на войнѣ!»

Оливьеръ прыгалъ отъ радости, показывалъ всѣмъ грамошу своего друга, и даже не разсердился на то, что Елена сначала поцѣловала письмо, а послѣ съ плачемъ прижала оное къ сердцу. Совсѣмъ нѣтъ, Оливьеръ скучно провелъ зиму. Онъ такъ привыкъ къ Кюньи и не слышалъ болѣе пріятнаго, оспроуднаго болпанья своего друга! Къ счастью, по испеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, начали собирать его въ дорогу. Прощальные визиты, дѣлаемые роднымъ и знакомымъ въ окрестностяхъ, послужили разсѣяньемъ для Оливьера.

Наконецъ все было готово, и онъ, послѣ Святой недели, отправился къ Цесарской арміи, въ Германію. Маленькая Елена также горько оплакивала своего сосѣда, какъ и Кюньи. Но горюшъ дѣвушекъ не бываетъ продолжительна; а Оливьеръ, лишь только оспавилъ за Рейномъ свою отчизну, началъ дышать воздухомъ Герма-

ни , увидѣль войски различныхъ народовъ , лагери , и военную жизнь—по позабыль и Кюньи , и Ла Сарразъ , и Елену , и родителей , и все! . . .

5.

Юный Оливьеръ , опыскавши своего дядю въ Вѣнѣ , отправился вмѣстѣ съ нимъ подѣ Прессбургъ , въ Венгерскій лагерь . Въ семь мѣстѣ , Цесарскія войска , подѣ начальствомъ Фельдмаршала Гѣца , прошивостояли Рагоцкому изъ Трансильваніи , который , произведя возмущеніе въ половинѣ Венгріи , соединился со Шведами , предводимыми храбрымъ героемъ Торстензономъ . Много было кровопролитія ! Оливьеръ попалъ въ настоющую военную школу . Онъ ознакомился съ походною жизнью ; убійства , зажигательства , раззоренія были ежедневными занятіями и предметами всѣхъ разговоровъ . Дядя пожалѣлъ было сначала молодаго парня , но по испеченіи прехъ мѣсяцевъ заспавилъ онъ его , какъ говорится , понюхашъ пороку , и по окончаніи первой кампаніи Оливьеръ дѣйствительно былъ произведенъ въ Поручики , потому что , служа волонтеромъ , онъ оказалъ во многихъ сраженіяхъ столько храбрости , или лучше сказать столько отчаянности , что всѣ солдаты его полюбили . Сначала называли они его *ребенкомъ* , а послѣ стали называть *дядолекъ*

комѣ. Неохотно спалъ-бы я описывать свирѣныя подвиги Оливьера въ Богеміи, въ Силезіи, въ Баваріи, и проч. Всѣ знаютъ, какова бываетъ необузданность солдатъ во время продолжительной кампаніи; всѣмъ извѣстны ужасныя безчинства воиновъ и полководцевъ, коими въ послѣдніе годы тридцатилѣтней войны осквернены были поляны ими лавры. Справедливости обязываетъ сказать, что молодой Оливьеръ велъ себя какъ рыцарь древнихъ временъ; въ лагерѣ онъ былъ всегда исправенъ, умѣренъ, презвѣ; въ бояхъ неуспрашимъ; съ подчиненными спрощъ, но въ отношеніи къ самому себѣ еще спроще; къ начальству сохранялъ слѣпое повиновеніе. Это послужило къ его повышенію. Онъ былъ переведенъ въ Главный Шпабъ Военачальника, и по окончаніи войны былъ утверженъ въ Цесарской службѣ. Подъ предводительствомъ Графа Гацельда совершилъ онъ кампанію прошивъ Шведовъ, команду эскадромъ тяжелой конницы, въ чинѣ Капитана. Съ поварищами жилъ онъ въ совершенномъ согласіи; всѣ любили этого молодого человѣка. Только одинъ офицеръ, по видимому, питалъ къ нему врожденную ненависть. Это былъ Швейцарскій уроженецъ, Г-нъ фонъ Асперлинъ, сынъ богатаго владѣтеля помѣстьевъ въ Бавуа. Не имѣя другихъ достоинствъ, кромѣ знашнаго происхожденія, сей Г-нъ поступалъ по примѣру подобныхъ ему. Онъ чванился, много хвасталъ, всѣхъ

почиталъ ничтожными въ сравненіи съ собою, и ненавидѣлъ пѣхъ, копорые не обращали на него вниманія. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Оливьеръ. Асперлинъ всячески спарался дѣлать ему непріятности, и даже поклялся, что онъ не будетъ спокоенъ до пѣхъ поръ, пока не выгонитъ изъ полка молодаго Оливьера, копорый пренебрегъ своими угрозами.

Однажды, въ обществѣ своихъ товарищей и, можетъ быть, въ мицуну худаго расположенія духа, Оливьеръ жаловался на медленность дѣйствій Цесарскихъ полководцевъ, на недоспашокъ въ удобныхъ случаяхъ ошлччаться, и наконецъ на несправедливость въ повыщеніяхъ, копоры болѣе подлежали значной породы, нежели за-слугамъ. Разгорячаемый прошиворвчїями, онъ наконецъ сказалъ, что у Турковъ поступающъ гораздо благоразумнѣе и справедливѣе, и готовъ былъ биться объ закладъ, что не болѣе какъ въ три года, онъ получилъ-бы званіе Трехъ-Бунчужнаго Паши, если-бы находился въ службѣ Турецкаго Сулшана. Объ этомъ узналъ Асперлинъ. Сказанное Оливьеромъ довелъ онъ до свѣдѣнія Главнокомандующаго, при свитѣ коего находился, не преминувши присовокупишь къ шому свои замѣчанія и шолкованія. Оливьеръ былъ пошребованъ къ допросу, и за хвасливое желаніе бышь Трехъ-Бунчужнымъ. Пашею, получилъ довольно непріят-

носшей. Многие даже начали съ тѣхъ поръ называть его *Пашою*.

6.

За то онъ не сердился, но чрезмѣрно былъ огорченъ, когда между спаршими офицерами его полка разнесся слухъ о томъ, что онъ самаго низкаго происхожденія, и въ небольшомъ городкѣ своего опечестива былъ не болѣе какъ пасухъ. Оливьеръ въ скоромъ времени доискался, откуда происпекали эти вѣсти. Коль скоро онъ узналъ, что никто другой, какъ Асперлинъ былъ его поносителемъ, то онъ рѣшился порядкомъ его проучить. Пришедши въ его кварширу, увѣдожилъ онъ, что Асперлинъ, получивши опускъ въ Швейцарію, рано по утру отправился въ вупъ. Оливьеръ не медля сѣлъ на коня и пустился за нимъ въ погоню. Дорогу, по коей ѣхалъ Асперлинъ, не мудрено было развѣдать, и Оливьеръ гналъ во всю прынь. Около полудни, въѣхавши въ небольшой городъ, увидѣлъ онъ близъ гостиницы служилелей и лошадей своего денривеля, уже готовыхъ къ дальнѣйшему пути. Опдавши пѣкопорья приказанія своему слугѣ, Оливьеръ соскочилъ съ коня и вошелъ въ домъ. Его ввели въ гостиную залу. Тамъ Асперлинъ и молодой иностраннй офицеръ весело

сидѣли за столомъ , съ наполненными бокалами . Они разговаривали по-Французски , и Асперлингъ уже готовился , дружески пожалвши руку своего товарища , просипшися съ нимъ и опиранишь ся далѣе , какъ вдругъ вошелъ Оливьеръ . Сей , не обращая вниманія на незнакомаго офицера , прямо подошелъ къ Асперлину , привѣтствовалъ его латиническими , все прошедшее и предположенное поясняющими словами : « Клевешникъ ! доносчикъ ! » занесъ руку и опивѣсилъ своему земляку такую оплеуху , что поипъ вмѣстѣ со стуломъ опрокинулся назадъ , и задѣвши ногами столъ , уронилъ оный со всѣмъ приборомъ . Шумъ , произведенный его паденіемъ , раздался по цѣлому дому . Оливьеръ , видя почетную персону , лежащую на полу , подѣ ошашками веселаго пиршества , не могъ удержаться ошъ смѣха . Испуганные хозяева , слуги , дѣвки , сбѣжались . Асперлингъ выкарабкался изъ-подъ стола , скашерпи и разбитой посуды , вспалъ , и ѳзирался на всѣ спороны выпучивъ глаза : распознавши Оливьера , виновника этой пошѣхи , онъ закричалъ : « Злодѣй ! шы мнѣ за это кровью заплащипь ! » и съ сими словами поспѣшио вышелъ вонъ . Чрезъ нѣсколько минушь послышался топотъ коней ; Асперлингъ , окуцавшися плащентъ , уѣхалъ съ своими служившелями .

Оливьеръ , смѣясь , сподѣлъ у ѳина и глядѣлъ вслѣдъ ошѣзжающему . Вдругъ незнакомый офицеръ ударилъ его по плечу и сказалъ : « Государь мой !

чтобы ни было поводомъ безумнаго поступка, и какія причины не имѣлъ-бы мой пріятель, оставивъ васъ не наказавши на семь-же мѣсѣй за вашу грубость, знайте, что вы обидѣли меня въ его лицѣ; онъ мой землякъ, мой другъ, и я хочу избавить его отъ пруда. . . . Не угодно-ли пожаловать со мною за городъ?» — Чѣмъ далеко ходишь, но лучше здѣсь, опоздался Оливьеръ, выслалъ людей, заказавши имъ приготовить въ особенной комнатѣ хорошей обѣдъ, заперъ дверь, вынулъ саблю и спалъ предъ противникомъ. Незнакомецъ былъ уже гошовъ. Между тѣмъ какъ Оливьеръ разсматривалъ этого прекраснѣйшаго мужчину, какого онъ гдѣ-либо видѣлъ, сей опустилъ саблю, и пристально глядя на него, спросилъ: «Государь мой! я долженъ знать, съ кѣмъ дерусь? Какъ васъ зовушь?»

«Оливьеръ, изъ Ла Сарраза.»

— Кто-бы подумалъ, чортъ возьми! — воскликнулъ незнакомецъ! — Вѣдь я Кюньи.

Держа въ рукахъ обнаженныя сабли, восхищенные молодые люди такъ крѣпко обнялись, какъ будто-бы хотѣли приросши другъ къ другу. Услыхъ шо произносили попеременно ихъ имена, шо тѣсно прижимались одни къ другимъ, какъ-бы желая высосать душу.

Сидя за столомъ и съ наполненными бокалами въ рукахъ, они уже спокойнѣе взирали другъ на друга. Взаимнымъ распросамъ не было конца. Одинъ передъ другимъ удивлялись они, какъ выросли, какъ возмужали, какъ похорошѣли. Начали счищать свои лѣша. Счетъ былъ коропокъ. Десять лѣшъ прошло отъ послѣдняго ихъ свиданія на каменоломнѣ близъ Ла Сарраза. И шакъ Оливьеру было двадцать шесть, а Кюньи двадцать четыре года. Оливьеръ долженъ былъ пересказать до малѣйшей подробносипи обо всемъ, что съ нимъ доселѣ случилось, какія извѣснія имѣетъ онъ о родительскомъ домѣ, что дѣлаешся въ Ла Сарразѣ, и... естественнымъ образомъ вспомнили о маленькой маркипаншгѣ. Но объ этой никпо не зналъ, жива-ли она, или уже на помѣ свѣтѣ, въ средѣ ангеловъ? Наконецъ Кюньи, который шолько спрашивалъ и слушалъ, началъ рассказывать.

« Тебѣ уже извѣстно, Оливьеръ, какъ убѣжалъ я изъ родительскаго дома. Дорогою, самъ не зная куда иду, былъ я шѣмъ не менѣе веселъ и мало заботился о будущей своей участи. Я былъ силенъ и крѣпокъ не по лѣшамъ, привыченъ къ работѣ и къ непогодѣ; съ нѣженствомъ и прихотями незнакомъ. Много-ли мнѣ было нужно? Я уже самъ могъ себя продовольствовать, и былъ богатъ, имѣя два гроша въ карманѣ. Но когда, шедши почти цѣлую ночь, я присѣлъ

съ намѣреніемъ закусишь, и вынулъ подаренный мнѣ тобою ножикъ, для того чтобы ошрѣзать кусокъ хлѣба—шогда я горько заплакалъ, шогда я вспомнилъ о тебѣ, и живо почувствовалъ: что ты былъ для меня, и сколько я въ тебѣ потерялъ! . . . » При сихъ словахъ Кюньи вынулъ изъ кармана складной ножикъ съ перломуповымъ черенкомъ, и показалъ оный своему другу, сказавши: «Видишь! онъ все еще со мною!» Оливьеръ не могъ удержаться; вскочилъ со спула и расцѣловалъ молодаго человѣка. Кюньи продолжалъ свой разсказъ: «Слушай-же. Когда я плакалъ, то пришло мнѣ на умъ, что ты, происходя отъ именитыхъ родителей, по вслушленіи въ военную службу будешь принятъ съ чиномъ Поручика, а я, бѣдный крещьянскій сынъ, поспущу въ обозъ, и много, много, что дослужусь до званія рейшара или просаго солдата! . . . Эта мысль огорчила меня. Я началъ выдумывать, какъ-бы мнѣ разбогатѣть, наживъ денегъ, хорошенько одѣться, и послѣ того явиться къ какому нибудь Генералу, въ видѣ сына богатыхъ родителей. Изъ моего мечтанья кое-что сбылось впоследствии.

«Я пришелъ въ Понпарлье. Одинъ довольно богатый человѣкъ принялъ меня къ себѣ въ служеніе. Я ему понравился, и чрезъ нѣсколько недѣль, онъ, уволивши меня отъ обязанности рубить дрова и числить конюшню, сдѣлалъ своимъ камердинеромъ. Когда мой господинъ случайно за-

мѣшилъ, что я хорошо пишу, что немедленно далъ мнѣ должностъ своего писаря и расходчика, потому что самъ онъ не слишкомъ искусенъ былъ въ числописаніи и въ Ариеметикѣ. Мнѣ давали порядочное жалованье. Супруга и дѣти моего хозяина полюбили меня. Я могъ-бы довольствоваться своимъ состояніемъ, но этого-то и не было! Подвиги великаго Конде не давали мнѣ покоя. Въ Поншарлье только и было разговоровъ, что о его побѣдахъ на Рейнѣ. Съ жадностію прочитывалъ я газеты, реляціи, сшарья и новыя историческія книги, которыхъ вдоволь было у моего господина. Еще прежде сего намѣренъ я былъ вступить въ военную службу. Апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь моего господина по веснѣ 1645-года. Вдова оплусшила меня съ значительнымъ награжденіемъ. Я еще разъ написалъ къ башюшкѣ; для успокоенія его рассказалъ ему о своемъ счастьи, просилъ прощенія за свой побѣгъ, и объявилъ о твердомъ намѣреніи служить въ войскѣ. Вышедши изъ Поншарлье, я пошелъ чрезъ Базель, прямо къ арміи Конде. На Французскихъ форпоспахъ пожелалъ я видѣться съ начальникомъ оныхъ. Меня представили ему. Это былъ Маркизь Беллефонъ. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ грубымъ голосомъ. Я рассказалъ ему просто, что я Швейцарецъ, не получилъ отъ родителей своихъ въ наслѣдство ничего, кромѣ отважности и честности, желаю опредѣлиться

волонперомъ въ побѣдоносную армію Принца Конде; и надѣюсь своимъ поведеніемъ заслужить его благоволеніе.

« Не знаю, молодость-ли моя, или опшвѣпы на вопросы Маркиза, или мое пламенное желаніе сдѣлаться военнымъ челоѡкомъ, понравились Беллефону; только по долговременномъ разговорѣ онъ оставилъ меня при себѣ, съ обѣщаніемъ позаботиться о моей участи. Мнѣ дали шесакъ, мундиръ, и приказъ изъ канцеляріи, о причисленіи меня къ войску вольноопредѣляющимся.

« Ежедневно происходили сраженія, на коихъ я всегда присушествовалъ. Маркизь Беллефонъ любилъ меня; я долженъ былъ всегда быть при немъ. Наспалъ день ужасной битвы при Аллерсгеймѣ, въ коей палъ Баварскій полководецъ Мереи. Тупъ, не взирая на свою молодость, имѣлъ я случай показать себя моему покровителю. Когда наши почти готовы были опспуститься, и знаменосецъ палъ мертвымъ подъ градомъ пуль, я соскочилъ съ лошади. « Куда ты, къ чорту!» закричалъ Беллефонъ? — На побѣду или на смерть, воскликнулъ я, схватилъ знамя и полетѣлъ впередъ. Нѣскольکو солдатъ, копорые, или поперяшь знамя, или бышь приспыженными мальчишкою не хотѣли — послѣдовали за мною; за ними другіе; потомъ цѣлая рота, и наконецъ всѣ прочіе, справа и слѣва. Мы побѣдили. . . »

« Ты молодецъ, » сказалъ Маркизь вечеромъ, по окончаніи бипвы, и обнялъ меня въ присушствіи цѣлаго войска. Вѣроятно онъ говорилъ обо мнѣ Главнокомандующему, пошому что на другой-же день мнѣ приказано было явиться къ Принцу Конде. Тутъ присушествовали Маркизь Беллефонъ и многіе другіе Генералы. Маркизь представилъ меня герою. « Прошу покорно! » воскликнулъ Принцъ, глядя на меня ласково и съ удивленіемъ. « Такъ это волонтеръ Беллефона? . . . » Онъ расхвалилъ меня и пожаловалъ въ офицеры. Съ тѣхъ поръ во всей арміи называли меня не иначе, какъ *волонтеромъ Беллефона*. Я спарался поддерживать чesть этого прозванія. По заключеніи мира въ Германіи, полкъ нашъ служилъ во Фландріи прошивъ Испанцевъ, подъ начальствомъ Тюреня. Я имѣю чesть бытъ на опличномъ счету у Маршала, и нынѣ посланъ опъ него съ препорученіемъ къ Графу Гацфельду. Вошъ шебъ моя испорія. »

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

HISTOIRE DE RUSSIE ET DE PIERRE-LE-GRAND, par M. le général comte de Ségur, auteur de *l'Histoire de Napoléon et de la grande-armée pendant l'année 1812*. 1 v. in 8. Paris, 1829. (Исторія Россіи и Петра Великаго, сочиненіе Генерала Графа Сегюра, Авшора *Исторіи Наполеона и большой Французской арміи въ 1812-мъ году*. Парижъ, 1829.) (*).

Усовершенствовались-ли въ наше время сочиненія Историческія? Рѣшительно-ли вѣрнѣе, и слѣдовательно лучше, мы понимаемъ, лучше пишемъ лѣтописи новыхъ временъ? Подтвердишь это было-бы смѣло, отвергнуть дерзко. Усердные труды людей, истинно ученыхъ и надѣленныхъ дарованіями, объясняютъ Исторіи прекрасную будущность: поприще

(*) Въ Русскихъ Журналахъ было упоминаемо о появленіи сей книги въ свѣтъ. Вспрѣшивъ въ одномъ изъ лучшихъ Французскихъ Журналовъ разборъ новаго творенія Графа Сегюра, переводимъ его для нашихъ читателей, попому, что, во первыхъ, почитаемъ сей разборъ достойнымъ вниманія, и во вторыхъ, что не надѣемся скоро увидѣть самую книгу, любопытную по многимъ отношеніямъ. Мы почли ненужнымъ отмѣчать явныя ошибки, которыя Авшоръ сдѣлалъ не въ одномъ мѣстѣ сей спашьи. Его вѣрный, свѣплый *озеладъ* на предметы, сугубо вознаграждаетъ за двѣ-три погрѣшности относительно фактовъ. *Изд.*

ея увеличился; она перешла через горнило наших гражданских смяшеній, и, богатая опытною, конечно приобрѣшешь нѣ качества, которыхъ донынѣ ей не доставало. Можетъ быть, это новое воспитаніе придашь ей и нѣкоторыя новыя недоспапки, но, выиграешь-ли она или проиграешь при перемѣнѣ, только преобразование въ ней ясно. Формы ея измѣнились совершенно. Мы видѣли слѣдствія событій, начавшихся при нашихъ ошцахъ; мы были столько поражены собственною огромностію сихъ событій, что уже не можемъ восхищаться искусственнымъ величіемъ. У Древнихъ Исторія принадлежала къ Искусству. Кліо блистала въ числѣ Музъ: улыбающаяся или грозная, енисходительная или мстительная, она была всегда наряжена. Руководствуясь правилами безусловнаго изящества, покоряясь законамъ плѣнительной скульптуры, она не забывалась никогда. Наблюдая сама за собою даже въ порывахъ гнѣва противъ Римскихъ тирановъ, она приготавлилась ненавидѣть, училась негодовать. Только силою Искусства древніе Историки опять приблизились наконецъ къ естественности; потому что непрерывное краснорѣчіе принадлежитъ болѣе къ Искусству, нежели къ природѣ.

Сія превосходные писатели занимались, по большою части, современною имъ Исторією; но прости ея рѣдко казалась имъ удовлетворительною. Къ нимъ всегда являлся на помощь вымысль; испишу они находили недовольно величественною. Впрочемъ, благодаря ихъ воображенію, вымысль составлялъ часть міра существеннаго: боги, облеченные обра-

зомъ человѣческимъ, не удивляли никого; они вмѣшивались въ жишейскій бытъ, и безъ посредничества ихъ не совершалось ни одно событіе, сколько нибудь достойное сей чести. Это придавало формы важныя, исполинскія, которыхъ Древніе не видѣли-бы въ самыхъ событіяхъ, какъ-бы впрочемъ ни были важны послѣдствія оныхъ. Надобны-ли примѣры? Цезарь убитъ въ Сенатѣ; событіе, кажется, весьма великое; оно можешь обойдшисъ безъ чудесъ. Но Римъ судитъ иначе! Мало того, что попрясенъ міръ нравственнѣй: надобно, чтобы земля качалась физически, надобно чтобы кометы летѣли расшрепавшись, чтобы звѣзды спалкивались въ воздухъ. Цезарь уносишь въ могилу сожалѣніе Римскаго народа: какъ ни превосходна эта надгробная хвала, но она кажется проснонародною, недоспащочною; она входитъ въ кругъ дѣлъ возможныхъ; мало печали народа: спашуи, мѣдныя и изъ слоновою кости, должны также проливашъ слезы.

Христіанская спрососпъ не отвергаетъ вліянія законовъ природы на нѣкоторыя значительныя обспоятельства; однакожь она не терпихъ безграничной роскоши чудесъ. Посему-то, до настоящаго времени, Исторія Новая всегда казалась сухою, однообразною, скучною. Ролленъ говорилъ исключительно воображенію Французовъ; событія, поставленные въ опшическомъ опдаленіи, внушали намъ какой-то религіозный ужасъ; головы подданныхъ воспламенялись при имени Термопиль; лавры Мильшіада смущали сонъ Камеръ - Пажа, Гвардейскаго офицера, двадцатилѣтняго Полковника! . . . Какъ ни спара Греція, но одна она имѣла власшь вос-

хиташь ихъ, между тѣмъ какъ Франція, боевая, была для нихъ завалена пылью приказныхъ и монастырскихъ архивовъ. Сколько разъ ждалолись на это злоупотребленіе! Сколько людей знали хорошо изъ всей Исторіи своего ошечества, одну генеалогію и родство своей семьи! Когда-же, въ слѣдствіе частной суешности, кой-какія событія избавлялись отъ этого общаго презрѣнія, шо почтшали долгомъ облагороживать ихъ Греческими или Римскими формами. Необходимъ былъ опблескъ Мисеологій, чтобы сколько нибудь благопріятно выспавишь новыя имена; спрасть къ сравненіямъ преслѣдовала придворныхъ Историковъ и увѣнчаныхъ поэшовъ. Людовикъ XIV-й, даже самъ Людовикъ Великій, предметъ удивленія и похвалъ лично, были возносимы къ облакамъ не иначе какъ подъ маскою Геркулеса, Юпитера, Солнца. Живописцы, не уважая его снаги, замѣняли ее палицею, и великолѣпіе, Королевское, но новое, ослѣплявшее Дворъ, казалось недоспойнымъ рѣзца ваяшеля.

Чувство жалоспи къ современной эпохѣ и необходимость раскрашивать ее, не принадлежашь болѣе нашимъ нравамъ. У насъ, скорѣе прошивоположный недосшашокъ. Во Франціи мало народныхъ воспоминаній, мало именъ, копорыя были-бы въ устахъ каждаго, мало *glories* (il y a peu de *glories*), живущихъ въ пересказахъ. Слава Генриха IV-го можетъ быть единственна въ эшомъ родѣ. Всѣ читали *Les Soirées de Neuilly*: вспомните шамъ опвѣшь Сержанша Рапо, на вопросъ Малеша: «А что значашь дѣши Свяшаго Людовика?» Вотъ народная

Ноябрь 1829.

5

память, пойманная на самомъ дѣлѣ! Изслѣдованія о временахъ прошедшихъ возбуждаютъ любопытство нѣкоторыхъ, но не сочувствуются всѣми; они дѣлаются для людей, болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, но совсѣмъ не для совершенно необразованныхъ; кругъ принимающихъ участіе въ нихъ очень обширенъ, болѣе нежели когда нибудь обширенъ, но это кругъ не общій. Для большей части нынѣшней публики, Исторія Франціи начинается съ собранія государственныхъ чиновъ и оканчивается текущимъ годомъ. Революція, Имперія, возстановленіе дома Бурбоновъ, Министерство Виллеля; вотъ Исторія, дѣйствительно народная. Вымысль скрытый, но есть ложь и вѣроломство не бѣдны развѣкрадывались въ повѣствованія о сихъ происшествіяхъ, судимыхъ множествомъ различныхъ сдѣраспей; но вымысль ошъявленнѣй не нашель-бы себѣ въ нихъ мѣста и былъ-бы строго отвергнутъ. Нынѣ желаютъ Исторіи обнаженной: она нравится безъ всякихъ прикрасъ, и, будучи сильна собственнымъ величіемъ, за-живо есть предметъ удивленія.

Но чело-вѣкъ, желающій изобразить близкія къ намъ событія, принимаетъ на себя обязанность огромную, хотя и легкую при первомъ взглядѣ. Надобно понять современную Исторію, щцашельно списать ея размѣры, не обременить ея ненужными украшеніями, но и не умалить. Вотъ зашрудненіе. Новый Историкъ имѣетъ дѣло съ чцшашелями эншузасмами, но эншузасмами опчешливыми. Воображеніе очевидцевъ всегда воспалено самолюбіемъ: гордась шѣмъ, что сами видали, сами дѣйствовали, они безпокояшся, какъ

страстные любовники ; обо всемъ , что ближе или
 далѣе относился къ ихъ воспоминаніямъ. Эти вос-
 поминанія хотѣли они увидѣть вновь , не только
 со всѣмъ великолѣпіемъ ихъ , но и со всею поч-
 ношью. Впечатлѣнія великія и сильныя , воспом-
 инанія чрезвычайно подробныя : вошь расположеніе ,
 съ коимъ они принимаются за Историка своего
 времени. Что ужаснѣе подобнаго судилища?...
 На примѣръ военные, совершившіе походы въ Рос-
 сію : для нихъ все живо ! Необычайная природа ,
 огромныя надежды и бѣдствіе , еще болѣе огром-
 ное : въ памяти ихъ сохранились всѣ сіи чудеса ,
 но въ ней остались также имя самой ничтожной
 деревушки, приказъ при самомъ пустомъ дѣлѣ, слу-
 чай при малѣйшей ошибкѣ. Вспрѣчи, очень неваж-
 ныя, происшествія великія или малыя, колоссаль-
 ныя или мѣккія, все это одинаково драгоцѣнно чи-
 ташелю , все это требуется отъ дѣлописателя.
 И онъ принужденъ идти съ осторожностью между
 тактикою и поэзіею , уравнивая одну другою ,
 смотрѣвъ безпрестанно, чтобы онѣ были вмѣстѣ,
 не спалкиваясь, и вести ихъ къ одной цѣли. Какой
 трудъ ! какая пылкость ! какая обязанность ! Из-
 вѣстно , какъ исполнилъ это Графъ Сегюръ.

Кто не читалъ *Исторіи большой арміи* ? Блес-
 ствiй , всеобщій успѣхъ ея былъ безпримѣренъ.
 Суровыя кришники упрекали Гр. Сегюра , говоря,
 что онъ написалъ поэму ; но если война 1812-го
 года есть настоящая эпопея, то и обвиняйте ее,
 а не Авшора. Въ нашъ положительный вѣкъ поэзія
 вышла изъ моды. Не хотите-ли вы почтитъ име-
 немъ ея всего, исполненнаго души, жара , занима-

шельности? Въ такомъ случаѣ Гр. Сегюръ поэтъ. Но если подъ именемъ поэзіи вы разумѣете вымысль и ложь, — то никогда не бывало упрека несправедливѣйшаго. Авторъ мало заботился о расцвѣчиваніи поршрешовъ, которые онъ умѣлъ написать, ибо, по мнѣнію другихъ кришниковъ, въ тысячу разъ болѣе несправедливыхъ, онъ обезобразилъ славнѣйшій изъ своихъ образцовъ. Удивленіе Графа Сегюра къ Наполеону столь велико, что онъ не могъ сдѣлать его богомъ. Какъ правдивый Историкъ, и человекъ прямой, откровенный; онъ не скрываетъ вліянія физической болѣзни на удивительную, однакожъ человѣческую, и слѣдовательно сокрушимую природу. Именно сія-то искренность, въ соединеніи съ даромъ живописать, придаетъ сочиненію его характеръ прочности, фізіономію памятника, чего нѣтъ въ большей части біографій Императора. Онъ писаны или Зоидами или Сеидами, и потому всѣ похожи или на похвальное слово, или на ругательное сочиненіе. Историкъ войны 1812-го года лучше ихъ понялъ важность своей обязанности; онъ понялъ всю великость ея. Россія — шеатръ, вселенная — зритель, армія — герой драмы: вотъ предметъ его! Одинъ дѣйствительный очевидецъ могъ достойнымъ образомъ описать оный. Въ самомъ языкѣ его есть не знаю что-то воинское; онъ увлекаетъ насъ на поле битвы; съ нимъ мы слышимъ звукъ пушекъ, чувствуемъ запахъ пороху. Книга его написана подъ шатромъ, при огнѣ бивачномъ, или, лучше скажешь, это не книга, а разсказъ солдата своимъ сослуживцамъ, собравшимся вокругъ домашняго камня послушать его.

Нѣкошорыя особы какъ будто удивлялись, услышавъ, что Графъ Сегюръ гошовъ издашь новое сочиненіе. Для чего, говорили они, подвергашъ испытанію лишнелашурную славу, шакъ хорошо утвержденную? Если второе произведеніе не будетъ имѣшь успѣха перваго, то оно зашмшшь прежній блескъ. Къ тому-же, предмешъ не шакъ близко къ намъ: можешъ случишься, что онъ не внушишь намъ живаго участія. Всѣ эти разсужденія не слшшкомъ основательны. Не послѣ большаго успѣха, а послѣ неудачи писатель долженъ умѣшь помодчашъ. Занимательность Исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ, не будучи столь современною, какъ занимательность Исторіи 1812-го года, присоединяешся къ тому-же воспоминанію; событія, въ наше время совершающіяся, придають сей Исторіи новую занимательность. Неужели Рускіе не шакъ близки къ оспальной Европѣ, какъ Персы къ древней Греціи? А что сдѣлалъ Ксенофоншъ, разскаашъ объ ошштупленіи десяти тысячъ? Онъ снова взял свой стилъ и написалъ Киропедію.

Историковъ Россіи являлось довольно. Полите другихъ Левекъ, Карамзинъ, Леклеркъ, Вольперъ: послѣдній занимался исключительно Петромъ Великимъ. Многіе Нѣмцы шакже были Русскими Историками, но я ограничусь разсмотрѣніемъ шолько чешырехъ названыхъ мною. Каково-бы ни было ихъ достоинство, но они не могли ошнять смѣлости у Гр. Сегюра. Левекъ шочень: въ эшомъ была ошдана ему справедливость самими Рускими, слѣдовательно онъ избѣжалъ скалы, о кошорую обыкновенно сокрушающя всѣ, пишущіе Исторію чуждаго народа. Онъ

быль одолженъ своимъ успѣхомъ не дести. Какъ искренній льшописатель, Левекъ различалъ добро отъ зла, и хошя выражался нѣсколько слабо, но въ сущности довольно справедливо. Великій недоспашокъ его книги состоишь въ томъ, что въ ней нѣшь движенія: эшотъ недоспашокъ явно ощушительнъ, когда дѣло идетъ о предметѣ важномъ, спрогомъ и иногда очень мало занимательномъ. Въ Деклеркѣ болѣе воображенія, или, лучше сказать, слишкомъ много воображенія. Ошибки его часто разшительны. Одинъ Рускій, Болшинъ, вывелъ ихъ наружу въ двухъ шолсныхъ шоммахъ in-quarto. Можешъ бышь и на ешого Рецензента можно было-бы написашъ сполько-же шомовъ опроверженій. Онъ увлекался пашрїопизмомъ и, конечно невольнъ, сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ довольно важныхъ. Но, какъ-бы то ни было, кришика его уронила Деклерка въ глазахъ Рускихъ. Къ шому-же сей послѣдній, какъ и всѣ посредшвенные писатели прошедшаго шолѣшя, надушъ въ слогѣ. Сочиненіе его совершенно упало.

Иной жребій испышалъ Карамзинъ. Появленіе его Ишторіи было знакомъ для всеобщаго восшорга: въ цѣлой Россіи, всѣ, единогласно привѣтшествовали сей народный памяшникъ. Не знали чему удивляшься болѣе: красотѣ языка, силѣ мыслей, или занимательности повѣтшествованія. Народъ какъ будто вновь обрѣлъ свои достоинства, и принялъ человека, возврашвшаго ему оныя, подъ свою зашщину. Малѣйшее лиштерашурное прошиворѣчіе Карамзину было-бы приписано недоспашку пашрїопизма. Такъ Иродотъ получилъ вѣнокъ изъ рукъ цѣлой Греціи, собранной на играхъ Олимпійскихъ. Но сей успѣхъ

былъ слишкомъ великъ : онъ не могъ долго поддерживать. Первое изданіе Истории Карамзина было расхвачено ; для втораго не легко нашлось достаточное число подписчиковъ. За упоеніемъ послѣдовало желаніе унижать , и трудъ новаго Историка , бывшій сначала предметомъ величайшаго удивленія , и дѣйствительно замѣчательный своею общностью , не нашелъ даже цѣнителей.

Мы постараемся сказать наше мнѣніе о Карамзинѣ. Судяемъ это безъ ненависти , безкорыстно , но , если-бы должно было избирать , то скорѣе съ чувствомъ любви , нежели съ неприязнью. Карамзинъ воздвигъ памятникъ своему опечаленію : это несомнѣнно. Онъ далъ жизнь разсѣянному лѣтописямъ Русскимъ , и облекъ ихъ слогомъ яснымъ , легкимъ , сладкозвучнымъ : языкъ и составляетъ главное достоинство его книги. Я думаю , что исключая некоей подробности , Карамзинъ утвердилъ Русскую прозу. Для Россіи онъ поже , что были для Франціи Балзакъ , Вуашюръ , Вожеласъ. Какъ Историкъ , Карамзинъ понятенъ , ясенъ , чрезвычайно почтенъ въ отношеніи къ матеріальной спорности событій ; но онъ не глубокъ ни сколько. Повѣствованіе его прерывается непрерывными отступленіями и мыслями , правда , весьма нравственными , но общими какъ не дѣя болѣе. Воскликанія противъ жестокости шого , противъ неблагочестія другаго , являющіяся у него безпрестанно , какъ въ духовномъ какомъ-нибудь сочиненіи. Нѣтъ ни малой соразмѣрности въ различныхъ частяхъ его сочиненія : неважное княженіе какого-нибудь Великаго Князя , цокорнаго Тапарамъ , занимаетъ у не-

то столько-же мѣста, какъ царствование завоевателя или законодателя. Овъ Ярѣслава до Іоанновъ почли не лзя читать Исторіи Карамзина. Опишите два наши первые поколѣнія въ пяти томахъ, страницъ по семи сошь наждый. . увидите, что выйдеть! А именно то сдѣлалъ Историкъ Россіи. Къ тому-же, онъ писалъ не довольно откровенно. Высокая душа Александра конечно не могла боясь новаго свѣта, разливаемаго на Ярополковъ, Василювъ и Тоанновъ; но Историкъ долженъ былъ наблюдать извѣстные приличія. Есть однакожь истина, которой не могъ избѣжать и Карамзинъ въ своемъ сочиненіи: она выводится изъ событій, рассказанныхъ безъ поясненій, изъ харсій, буквально приведенныхъ имъ, изъ историческихъ докуменшовъ. Ее найдушъ не въ самомъ сочиненіи его, а въ примѣчаніяхъ, многочисленныхъ и наставительныхъ. Недостатокъ откровенности особенно чувствительнъ въ первыхъ томахъ его Исторіи: послѣдніе гораздо лучше. Въ нихъ Карамзинъ, противъ своего обыкновенія, не разнѣживается, и находишь сильные краски для ужасныхъ изображеній двухъ Іоанновъ.

За что не брался Вольтеръ? Какимъ предметомъ не игралъ онъ? Онъ говорилъ о томъ, что зналъ, такъ-же какъ и о томъ, чего не зналъ, и однакожь, даже въ семъ послѣднемъ случаѣ, всегда сыскивалъ средство научить чему илбудъ своего читателя. Конечно никто не былъ менѣе его знакомъ съ Исторіею Россіи времени Петра Великаго. Нравы Русскаго народа, и самый характеръ Законодателя онаго, представлялись ему какъ-бы въ шуманъ;

однакожь книга его, хошя и не точная, не совершенно ничтожна. При вѣкоморой кришикѣ, при званіи мѣсшности, можно почерпнуть изъ нея порядочныя свѣдѣнія; но оцѣнка нѣсколькихъ частныхъ событій недоспащочна для общности Исторіи. Исторія Петра Великаго, сочиненная Вольперомъ, есть одно изъ самыхъ посредственныхъ его произведеній. И можешь-ли не быть шаково сочиненіе заказное? Оно было предпринято изъ угожденія, начато изъ вѣжливости, продолжаемо съ неохотою и кончено на-скоро. Въ *Общей перепискѣ* видимъ тысячу доказательствъ этого. Впрочемъ, патриархъ Фернейскій видѣлъ Петра Великаго не довольно близко, шакъ что не могъ изобразить его съ добродушною истиною, и не довольно ошдаленно, слѣдственно не могъ представить его и гомерически. Историку досадно видѣть своего Героя, *бѣгающаго по Парижскимъ лавкамъ*: а шакъ предспавился въ первый разъ глазамъ юнаго Аруаша Петръ Великій (*).

Новый Историкъ Россіи начинаешь географическими и спашистическими подробностями. Всѣ онѣ извлечены изъ лучшихъ источниковъ и соспавляютъ вѣрную декорацию опкрывающейсѣ драмы. На сцену являющся Варяги, Нордманны или Сканди-

---

(*) «Мы вмѣспѣ сладимъ съ Исторіею Петра Великаго. Когда, за сорокъ лѣтъ, я видѣлъ его бѣгающаго по Парижскимъ лавкамъ, шо ни онъ, ни я, конечно не воображали, что я сдѣлаюсь его Историкомъ.» Voltaire à Thiriot, 11 Juin 1759, *Прил. Автора.*

навы. Гр. Сегюръ объясняетъ ихъ происхожденіе, въ примѣчаніи, плодъ ученыхъ и шрудныхъ изысканій. Лѣтописцы утверждаютъ, что Рурикъ и братья его были призваны шудемцами: надобно ожидать такихъ доброхошныхъ басень, потому что онѣ окружающъ колыбель каждаго народа. Это мнимое призваніе худо скрываетъ ошъ насъ вооруженное вторженіе, бывшее въ обычаѣ времени, ошъ кошорого Рурикъ конечно не могъ опдѣлиться. Трудно повѣришь, чтобы Новгородская республика добровольно поддалась Варягу. Она была богата, сильна, независима; шорговля ея простиралась ошъ береговъ Гангеса до береговъ Одера, и Рурикъ едва-ли имѣлъ средства увеличить благосостояніе Новгорода. Я почти гошовъ сомнѣвался и въ шомъ, что эшомъ Норманнъ завоевалъ Новгородъ. Ставъ удѣломъ новыхъ властителей, какъ могла сія республика сохранить преимущества вольнаго города? Какъ распространила она свою шорговлю до предѣловъ Германіи? Если Новгородъ всегда принадлежалъ Великимъ Князямъ, то для чего одинъ изъ сихъ Князей принужденъ былъ завоевывать оный въ пятнадцатомъ вѣкѣ? Завоеваніе Рурика, вѣроятно, было временное, и наконецъ не было уже существеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ сосшояла власть Русскихъ Князей надъ сею республикою? Они не присутствовали при сужденіяхъ о мирѣ, войнѣ, избраніи чиновниковъ; они сами имѣли нужду въ утвержденіи сего собранія, кошорое признавало ихъ не иначе, какъ засшавивъ поклясться въ соблюденіи древнихъ законовъ страны (см. Историю Графа Сегюра стр. 59-ю). Ярославъ

далъ всѣ сїи права Новгороду; но, или я жестоко обманываюсь, или Новгородцы умѣли приобрести ихъ прежде нежели получили. Ярославъ очень могъ играть роль Людовика Толсшаго, давшаго свободу городамъ. Загляните въ *Письма объ Исторіи Франціи, сог. Тьерри*; спросите особенно опытъ: усступки власнителей народу очень рѣдко бывающъ добровольны.

Quien no ha visto à Sevilla

No ha visto à maravilla.

говорили нѣкогда Испанцы. Древніе Рускіе нишамъ не менѣ преувеличенное удивленіе къ Новгороду. У нихъ также была пословица: *Кто противъ Бога и великаго Новгорода?* Образъ сей хвалы живописуешь оба народа: Испанецъ хочешь, чшобы любимый его городъ превосходилъ всѣ другіе прелестью; Рускій желаешь, чшобы его городъ подавлялъ могуществомъ. Ужась и привлекаемость: это Сѣверъ и Югъ, льды и солнце. Имя Новгорода всегда поражаало меня въ лѣтописяхъ Россіи. Онъ заключаешь въ себѣ что-шо неизвѣстное, таинственнее, неизъяснимое. Позволяшь ли мнѣ остановать на немъ вниманіе?... Чшо могущественное государство уничтожается; что оно можешь насъ и послѣ сего ничего не значить на вѣсахъ народовъ: это я понимаю, это и случалось всего чаще. Не удивляюсь, что сей городъ, складочное мѣсто торговли между Германією и Азією, нынѣ представляешь одну печальную груду разоренныхъ церквей и деревянныхъ домовъ, разстѣян-

ныхъ по берегамъ озера, еще болѣе печальнаго и мрачнаго; но блестящее существованіе республики, среди набѣговъ Норманнскихъ, Ливонскихъ, Татарскихъ, среди нравовъ древней Россіи и безпрерывныхъ войнъ ея Князей: вошь что изумляешь меня, вошь загадка, которую Исторія объясняешь только въ половину! Чѣмъ говоришь летописцы? Новгородъ, вольный, союзный городъ Нѣмецкой Ганзы, процвѣталъ семь вѣковъ и палъ въ царствованіе Іоанна III-го, въ 1480-мъ году. Вошь его Исторія: она крашка, но полна, какъ кажется; однакожь, щещно станемъ искать въ ней происхожденія Новгорода, его обычаевъ, духа оживлявшаго его, законовъ, образованности, которую онъ долженъ былъ имѣть, чему доказательство находишь въ самомъ его существованіи. Приходишь Норманнъ Рурикъ; онъ встрѣчаетъ грознаго противника въ Вадимѣ, начальникъ Новгородской республики, что безъ сомнѣнія значить начальника господствующей части сего народнаго правленія. Рурикъ побѣждаетъ его и убиваетъ собственною рукою. Но никогда управленіе народа не начиналось республикою. Римъ, Греція и самая Венеція окончили эшимъ (*). Форма правленія Новгородскаго предполагаетъ уже государство древнее, цвѣтущее, уважаемое, и все это гораздо прежде впрорженія Норманнскаго. Къ какому же времени отнести начало Новгорода? ... Вошь чего еще не объяснили. Рурикъ и Вадимъ были

(*) Первые Дожи имѣли власшь неограниченную.
Прим. Автора.

предсавишелями своихъ народовъ, своихъ различныхъ племень: съ одной стороны кровь Норманнская, чужеземная, съ другой чистая кровь Славянъ. Эта политическая борьба должна была сходствовать, своими причинами и слѣдствіями, съ тѣми продолжительными войнами племени съ племенемъ, которыя являющіяся во всѣхъ лѣтописяхъ рода человеческого, какъ-то объяснилъ намъ одинъ краснорѣчивый Историкъ.

Вадимъ убишь, но съ нимъ не погибъ Новгородъ, какъ кажешь: онъ не достался въ добычу Рурику и его наследникамъ, ибо онъ вошелъ въ ихъ удѣлы только по наружности. Онъ жилъ еще много вѣковъ, и въ то время, когда вся остальная Россія была жертвою ужаснѣйшаго безначалія, когда Русскіе Великіе Князья спѣшили къ стопамъ Татари-на съ ежегодною данью, Новгородъ удерживалъ свои народныя формы, и, пользуясь ими, входилъ въ сношенія съ великимъ семействомъ Европейцевъ, особенно съ Нѣмецкими Союзами, что предполагаешь если не свѣдѣнія въ Искусствахъ и Словесности, то по крайней мѣрѣ знаніе языковъ и обычаевъ чужеземныхъ. Новгородъ былъ наравнѣ съ Данцигомъ, Бременомъ и Любекомъ: Ганзейская торговля, столь жесткая въ отношеніи къ самимъ Императорамъ, признаетъ собраномъ своимъ городъ варварскій, находящійся въ углу Европы. Это не все: богатства его, бывшія слѣдствіемъ заслуженной довѣренности, становящяся предметомъ общаго искаательства. Князья, окружающіе Новгородъ, завидуютъ ему до изнепугленія; и семь вѣковъ не осмѣливаются превозмочь его, тогда какъ

онъ самъ , не выходя изъ своей земли , не нападетъ ни на кого. Русскіе Князья убиваютъ другъ друга передъ глазами Новгородцевъ , но они не заботятся объ этомъ и спокойно продолжаютъ распространять свою торговлю. Внутреннія несогласія возставали иногда въ стѣнахъ Новгорода , такъ-же какъ и вездѣ , но ни одно изъ нихъ не приводило жителей его въ такое заблужденіе , чтобы они опречлись отъ своихъ вольностей.

Вошъ , если не ошибаюсь , признаки мудрости высокой ! Въ Новгородѣ не было великихъ людей : но это заставляетъ предполагать , что въ немъ обитало счастье , ибо въ республикѣ великіе люди часто бываютъ притѣснителями свободы. Впрочемъ , въ предположеніяхъ легко пошаряться ; но гдѣ не достаемъ свѣдѣній историческихъ , тамъ они позволительны. Открытіе какого нибудь свинка , или шоба , погребеннаго въ какомъ нибудь монастырѣ , конечно можешь разрушить мое предположеніе , но до тѣхъ поръ , да позволяшь мнѣ почиташь ихъ правдоподобными , ибо ни одно свидѣтельство историческое не опровергаетъ ихъ , а многія подтверждаютъ. Паденіе Новгорода не есть аргументъ неопровержимый. Эта Сѣверная Венеція кончилась такъ-же , какъ и все человѣческое. Принимаемъ справедливое участіе въ ея паденіи , и доказательство сего въ томъ сострастіи , какое чувствуемъ къ ея бѣдствіямъ. Характеръ Мары , героини свободы , величественъ , какъ характеръ женщинъ Спаршанскихъ : горестно , когда она безславитъ себя , призывая Липовскія войска. Исторія Новгородской республики есть предметъ высокій ,

и я вызываю на него терпѣніе и прощительность Русскихъ Историковъ. Юная и могущественная школа Историческая, нынѣ дѣлающая честь Франціи, конечно распространитъ корни и до Россіи. Новгородъ достоинъ найдши Тьерри въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ. Историкъ Новгорода долженъ будешь загладишь великую несправедливость: прежде всего онъ оживитъ народъ, хотя изгладившійся изъ Исторіи, но безъ сомнѣнія занимавшій въ ней почтенное мѣсто; послѣ сего, онъ покажетъ, что Новгородъ былъ не преступень: въ измѣнѣ и не виновень въ возмущеніи, за копорья обвиняють его столько Историковъ. И какая измѣна, Боже мой! Измѣна шугемцевъ прошивъ чужеземныхъ завоевателей! Какое возмущеніе, когда старинные обычаи прошиваются новымъ! Законность не соспоишь-ли въ давности? А правленіе Новгородское было освящено временемъ. Прошивоположности нравовъ, сопрошивленіе правительствъ, раскрытіе таинственнаго происхожденія, изображеніе страчнаго бѣдствія: все находится въ Исторіи Новгорода. Последняя часть лѣтописей Новгородской республики очень хорошо пересказана Графомъ Сегюромъ. Но кончимъ оиспуиленіе, уже слишкомъ длинное, и не будемъ болѣе вмѣшиваться въ порядокъ его разсказа.

Россія, со времени Рурика до смерти Ярослава, по естѣ съ девятаго вѣка до одинадцатаго, шла на ряду съ остальной Европою, ни шиге, ни скорѣе ея: это досповѣрно, и доказано Гр. Сегюромъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравните Великое Княжесство съ Королевствами Юга и Запада. Въ него — шакъ-же

какъ во Францію, какъ и въ Англію, какъ и всюду— Христіанство внесено женщиною; Святая Ольга имѣешь сходство съ Свяшою Клодильдою: въ узнае— ше здѣсь и тамъ одинакія дѣйствія одного и по— го-же убѣжденія. Частныя нравы Рускихъ были не только не болѣе нашихъ варварскіе, но можешь быть менѣе. Законы ихъ не различались ни въ чемъ ошъ уложенія, обще-употреблявшася у нашихъ предковъ: благородная важность, кошорую видѣли въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, какъ— шо въ бородѣ, въ волосахъ; судъ огнемъ и жезл— зомъ; поединки судебныя; пени за убійство, со— размѣряемыя съ качествомъ убиваго, огромныя за благороднаго, ничтожныя за раба: эшо Исторія Германіи, Франціи, Италіи, словомъ, Исторія всей Европы. Владиміръ былъ даже выше своего вѣка, ибо онъ уничтожилъ смершную казнь, и если Яро— славъ снова ввелъ ее, шо шѣмъ онъ ошдалъ дань варваршву не Русскому, а Европейскому. Такимъ образомъ Рускіе одиннадцатаго вѣка были на од— ной степенѣ съ другими народами, и посему на— прасно удивляюшя нѣкоторые Историки, что нашъ Генрихъ I-й искалъ супруги въ Московіи. Вско— рѣ послѣ шого во Франціи была Королева изъ Да— ніи: одно не удивительнѣе другаго, и слѣдствен— но нѣтъ никакой надобности замѣнять Француз— скимъ именемъ Руси (Roussy) иностранное имя: Ан— на Русская. Не значить-ли эшо разрѣшашъ за— шрудненіе небывалое? Югъ, хранилище просвѣ— щенія, не имѣлъ въ эшо время никакого преиму— щества надъ Сѣверомъ; къ шому-же великія расшо— янія не шолько ужасали шогда, какъ сшустя нѣ— сколько вѣковъ.

Уничженіе Россіи, обыкновенно приписываемое вторженію Татаръ, началось гораздо прежде. Различныя, сложныя причины способствовали сему политическому перевороту, какъ то бываетъ всегда и вездѣ. Главнѣйшія изъ нихъ извѣстны: раздѣленіе Великаго Княжества на удѣлы, безпорядокъ въ наследованіи Престола, переходившаго отъ брата къ брату, отъ племянника къ дядѣ, и, наконецъ, всего болѣе, вторженіе Золотой Орды. Я не буду распространяться о сихъ великихъ задачахъ: Авторъ новой Исторіи Россіи разрѣшилъ ихъ всѣ. Кажется, не лзя проницательнѣе разсматривать событія и пріятельнѣе излагать оныя. Повѣствованіе Автора, хотя чрезвычайно сжасное, прелестно: онъ проходитъ свой предметъ, не замедляясь ни надъ однимъ событіемъ, болѣезначаешь нежели рассказываетъ, однакожь общность его сочиненія чрезвычайно занимательна, цвѣтшиста, исполнена жизни. Форма его оживлена, даже тогда какъ онъ рассказываетъ сокращенно; его всегда поражаетъ драматическая сторона событий, и потому на нее-то всего болѣе обращаетъ онъ силу своего слога: ее онъ освѣщаетъ, оживляетъ, гравировать неизгладимыми чертами въ воспоминаніи читателя. Откройте Книгу претью: не правда-ли? Это Золотая Орда, которой таинственное, поэтическое имя какъ будто похищено изъ Тысячи в одной ночи! Шапты Татаръ, бродящая ихъ жизнь, сравность ихъ оружія, смѣлость, умѣряемая благородіемъ, жестокость полная коварства, этошь Макиавелизмъ пустынь, всѣ эти черты, столь характеристическія, эти рѣзкія противоположности

Ноябрь 1829.

не имѣютъ-ли у него вида самой удивительной дѣйствительности? Не живете-ли вы съ Монголами, по крайней мѣрѣ въ воображеніи? Впрочемъ это единственное, нѣсколько пріятное средство познакомиться съ ними. Далѣе занимательность должна была уменьшиться: надлежало войти въ лабиринтъ внутреннихъ раздѣленій, бывшихъ слѣдствіемъ вторженія Татарь, на бѣду Россіи и чиншателя. Здѣсь начинается рядъ дѣйствій, которыя, шакъ-же какъ и въ лѣтописяхъ нашего перваго поколѣнія, внушаютъ не только ужасъ, но и скуку. Историкъ предвидишь это затрудненіе, внимательно разсматриваетъ свой предметъ, обнимаетъ его однимъ взглядомъ, мастерски схватываетъ его сущность, оставляетъ въ шѣни кучу преступленийъ однообразныхъ, вѣроломствъ утомительныхъ, и выказываетъ нѣкоторыя великія характеры, вскрывающіеся случайно на сей грязной дорогѣ, обрызганной кровью. Таковы: Владиміръ Мономахъ, соединявшій мудрость съ мужествомъ; Андрей Суздальскій, Князь достойный замѣчанія, погребенный въ Русской Исторіи: Графъ Сегюръ, шакъ сказать, ошрылъ его достоинства. Таковъ еще Димитрій Донской, искусный полководецъ, блестящій воинъ, герой, въ полномъ смыслѣ сего слова, любезный памятью своею для Рускихъ, шакъ часто радующихся ею на театрѣ народномъ; шакъ-же, всѣхъ болѣе, Іоаннъ III-й, сей могущественный Самодержецъ, сей *Августъ*, *Людвикъ XIV-й Свѣра*. Его царствованіе, какъ-бы *вырѣзанное* на мѣди Графомъ Сегюромъ и изображенное на нѣсколькихъ страницахъ, есть историческій ошры-

вокъ, чрезвычайно замѣчательный. Я не буду снимать чертъ Іоанна съ каршины великаго живописца, даваго имъ жизнь. Ошнынѣ, малодушный покоритель Казани, коварный истребитель Новгорода останется *вылитый изъ бронзы для потомства* (*). Истина, благородство, быстрота, жаръ, всѣ качества, коихъ часто желаю для Исторіи, находясь въ этомъ отрывкѣ. Въ повѣствованіи о слѣдующихъ царствованіяхъ видно поже дарованіе. Нашъ Историкъ останавливается передъ ужаснымъ лицомъ Іоанна IV-го, удивляется, спрашиваетъ: что значить эта жестокость ненасытная, бесполезная? Не баснословное-ли, не невозможное-ли что нибудь? Убѣдившись въ печальной дѣйствительности, онъ медлитъ рассказывать столько ужасовъ; но — должно: это обязанность Историка; онъ покоряется ей, начинаетъ, и быстро проходитъ злодѣянія чудовища, какъ-бы увлеченный великію своего негодованія. О немъ можно-бъ было сказать, что это древній жрецъ, сѣдящій на преножникѣ и невольно повинующійся божеству, обладающему имъ; это почти Тацишь, налагающій клеймо на Тиверію. Но, не думая добиваться выразительности, силы сего Писателя, Гр. Сегюръ хотѣлъ избѣжать недостатка, коихъ часто упрекалъ *великайшаго живописца древности* (**) челоуѣкъ, удивительнѣйшій во временахъ

(*) Выраженіе Генерала Фуа объ *Исторіи Кампаніи 1812-го года. Прим. Автора.*

(**) См. Расиново Предисловіе къ *Британнику.*

новыхъ: *Тацитъ*, говаривалъ Наполеонъ, не довольно объясняетъ своихъ тирановъ. Гр. Сегюръ былъ достоинъ внять уроку, данному съ такой вышины: онъ вспомнилъ о немъ, и мы видимъ счастливое примѣненіе онаго въ каршинѣ первыхъ лѣтъ Іоанна IV-го. Оскорбленія отъ попечителей, униженіе въ дѣтскія лѣта, не оправдываютъ злодѣяній Іоанна, но объясняютъ ихъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Обозрѣніе Кормчей Книги въ Историческомъ видѣ*. Соч. Барона Розенкампа. Издано Общественномъ Исторіи и Древности Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. М. 1829 г. въ ш. Унив. in 8, VIII, 154, 274 и 317 стр., съ приложеніемъ (оплично сдѣланныхъ) снимковъ съ древнихъ рукописей Кормчей Книги.

Смѣдаясь, что до сихъ поръ ничего не сказано въ Телеграфѣ о сей важной книгѣ, мы хотимъ загладить вину свою, хотя библиографическимъ извѣстіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ объясниться и о томъ, почему извѣстія о книгахъ важныхъ помѣщаются въ Телеграфѣ иногда спустя долгое вре-

ми по выходѣ оныхъ. Опъ того именно пропсходшъ эпо, что намъ всегда хотѣлось-бы о такихъ книгахъ помѣщать не *краткія извѣстія*, не *нѣскольکو словъ*, но разборы обшояшельные и подробные, которые знакомил-бы читателей съ содержаніемъ и подробностями книги, и въ тоже время могли и Авшору, или Переводчику, показывать на шѣ мѣста, въ конхъ Кришика оспанавливается сомнѣніемъ, или замѣчаетъ что либо, подлежащее исправленію. Но при занятіяхъ другихъ, при обширности труда, какого требуетъ каждый обшояшельный разборъ, дѣло это откладывается до свободнѣйшаго времени, а книжки Телеграфа должны между тѣмъ выходить безъ замедленія. Издашель Телеграфа осмѣливается однакожъ думать, что читатели не обвинять его самого и сотрудниковъ его въ небрежности, или лѣности, не видя такихъ разборовъ о нѣкоторыхъ важныхъ явленіяхъ нашей Литшературы. Что можно успѣть сдѣлать, того Издашель и сотрудники его никогда не оставляли. Въ семь случаевъ, осмѣливаемся обратиться къ другимъ журналистамъ, и вообще къ литшераторамъ Русскимъ, и — обвинить ихъ въ неизвинительной холодности къ дѣлу общему. Выходитъ книга, достойная внимательнаго разсмотрѣнія, и глубокое молчаніе царствуетъ въ Литшературѣ нашей. Съ какою-бы радостью увидѣли мы послѣдователей примѣру почтеннаго О. Іакинава, который такъ ревностно подвизается по извѣстной ему части Литшературы. Другіе: наши Археографы, Географы, наши ученые люди, доколь будутъ безмолвствовать? Доколь Кришика

будешь ограничиваться у насъ бипвами за спишки и спашейки, когда въ поже время, на примъръ, сочиненіе Барона Розенкампа о Кормчей Книгѣ встрѣшило мершвое молчаніе нашихъ кришиковъ?

Баронъ Розенкампъ весьма недавно вступилъ на поприще занятій Россійскою Исторіею. Посвящая дошоль пруды свои государспвенной службѣ, онъ былъ извѣстенъ намъ, какъ опытный юристъ. Но, оставивъ свои прежнія занятія, въ немного лѣтъ сей почтенный мужъ приобрѣлъ себѣ почешное имя между занимавшимися и занимающимися Русскою Исторіею людьми: Миллерами, Лербергами, Кругами. Его превосходныя спашьи касательнo Русской Исторіи, помѣщенныя въ *Трудахъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ* (особливо классическая его спашья о происхожденіи Руссовъ, въ IV ч. *Трудовъ Общества*, стр. 139—166), суть важныя доказательства нашего мѣтнія. Изъ нихъ видно, что почтенный Баронъ Розенкампъ, богато снабженный учеными средствами и пособіями, при своемъ шрудолюбіи, неупомляемомъ лѣтшами и шрудностью занятій, многимъ, очень многимъ можешъ обогатить насъ. Да подкрѣпимъ Провидѣніе сего поборника, споль опличнаго въ невеликомъ числѣ людей, занимающихся Русскою Исторіею надлежащимъ образомъ!

Труды Барона Розенкампа относительно Кормчей Книги, извѣстны были публикѣ по небольшой спашьѣ, помѣщенной въ *Матеріалахъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи* (изд. П. И. Кеппеномъ,

кн. III, СПб. 1827 г. стр. 140—151). Мы знали, что Баронъ Розенкампфъ уже нѣсколько лѣтъ занимается симъ важнымъ и любопытнымъ въ Исторіи древняго законодательства нашего предметомъ. Теперь, *часть* труда его издана Общ. Исп. и Древн. Россійскихъ.

Кормчая Книга была до сихъ поръ камнемъ преткновенія для критиковъ и историковъ. Извѣстно, что симъ именемъ называется древнее собраніе духовныхъ законовъ, составляющее часть нашего Церковнаго Права. Донынѣ Кормчая Книга служитъ руководствомъ въ духовномъ судопроизводствѣ нашемъ. Она была напечатана при Патриархахъ Іосифъ и Никонъ; рукописи, содержащія въ себѣ Кормчую, есть у насъ XIII вѣка. Но, что она такое? Какъ она составила?—Ее перевели съ Греческаго (отъ чего и самое имя ея происходитъ: это переводъ Греческаго: *παιδαγωγία*, *кормчій*); но когда и какъ? Этому вопроса не рѣшили ни Шлецеръ, ни Карамзинъ.

Баронъ Розенкампфъ, получивъ множество древнѣйшихъ списковъ Кормчей Книги, сообразилъ оныя одинъ съ другимъ и съ печатною Кормчею; разобралъ систематически; пересмотрѣлъ Греческія собранія церковныхъ законовъ; сличилъ ихъ съ Русскими, и трудъ его не оставилъ, кажется, ничего болѣе желать, касательно критическаго изслѣдованія о томъ, *кто* такое Кормчая Книга, и какъ она составила въ Россіи.

Все изслѣдованіе Барона Розенкампфа раздѣлено на *четыре* части.

Въ *первой* (послѣ крапкаго общаго вступленія: (спр. 1—20), Авторъ разсмаприваетъ (спр. 20—44), какимъ образомъ составились первые законы Церкви Христіанской, или *Церковные законы и правила*, въ Греціи; какимъ образомъ распространились они на Западъ, и что изъ нихъ было сдѣлано пошомъ въ Греціи.

Во *второй* часши (спр. 44—154) Авторъ разсмаприваетъ, *что, когда именно и какъ*, переведено было изъ Греческихъ церковныхъ законовъ и правилъ на Славянскій языкъ.

Симъ оканчивается книга, изданная нынѣ Общесвомъ Исп. и Древн. Россійскихъ. Объ оспальныхъ двухъ часшихъ пруда Барона Розенкампа, мы только догадываемся по изложенію, напечатанному на 17, 18 и 19-й страницахъ. Въ оспальныхъ двухъ часшихъ должны заключаться:

1-е. Обзорніе разныхъ извлеченій, сокращеній, дополненій, соснавившихъ опдѣльные опъ Кормчей собранія законовъ и поспановленій въ древней Россіи.

2-е. Обзорніе печатной Россійской Кормчей, нынѣшняго Греческаго Пидаліона; Кормчихъ Сербской и Волошской; сличеніе Западныхъ собраній церковныхъ законовъ съ Восшочными.

Непердѣливо жалаемъ видѣть сии двѣ оспальные часши, особливо *третью*, гдѣ Баронъ Розенкампа хочеть говорить о сляніи Греческихъ церковныхъ законовъ съ Русскими гражданскими, дополненіяхъ Русскихъ, *Русской Правдѣ*, и проч. — Признаемъ, что мы не понимаемъ: почему изданное нынѣ со-

чиненіе Барона Розенкампа не названо *первою* частью Исслѣдованій о Кормчей Книгѣ? Онымъ не оканчивается трудъ его; если-же шакъ, то когда-же и какимъ образомъ увидимъ мы любопытное его окончаніе: отдѣльно, или въ совокупности съ изданною половиною?

Довольствуясь тѣмъ, что уже имѣемъ, мы сознаемся въ великой важности труда Барона Розенкампа. Въ его книгѣ видѣнъ ученый, мыслящій человекъ. Это систематическое, превосходное сочиненіе знаюка своего предмета, а не нахвотанные изъ разныхъ книжонокъ, книжекъ и книгъ клочки, которые нѣкошорыми изъ жалкихъ невѣждъ выдаются подъ именемъ исслѣдованій о Русской Правдѣ, и ш. п.

Если мы въ чемъ осмѣлимся упрекнуть почтеннаго Барона Розенкампа, то это будетъ относиться къ расположенію страницъ въ его книгѣ. Она расподожена весьма сбивчиво. Послѣ 154-хъ страницъ собственно текста, отдѣланнаго щцательно, 274 стр. заняты дополненіями, исправленіями и примѣчаніями. Тутъ примѣчанія ко Введенію; примѣчанія къ первому отдѣленію текста; исправленія и дополненія текста; погрѣшности и прибавленія въ примѣчаніяхъ, поставлены отдѣльными страницами. Къ сожалѣнію еще, въ рукописи ошибкою писца примѣчанія перепутаны: надобно было сдѣлать особую страницу о сихъ ошибкахъ. Какъ затруднительно послѣ всего этого находить желаемое въ Исслѣдованіяхъ о Кормчей Книгѣ, могутъ судить читатели. Мы еще осмѣливаемся

замѣшивъ почтенному Авшору, что и самъ онъ не совѣтъ правъ въ перемѣшаніи сущности спашей. Послѣ всѣхъ прибавокъ, слѣдующъ у него: *Индексъ или оглавленіе важнѣйшихъ предметовъ въ книгѣ*, и *Указатель источниковъ*, коими пользовался онъ. Тутъ въ обѣ спашьи внесено то, что должно было помѣстивъ особо, какъ-то; (спр. 203—247) о Русскихъ спашьяхъ, и (спр. 247—268) о Русскихъ и Булгарскихъ спашьяхъ въ Кормчей Книгѣ. Тому-же долженствовало подвергнуть множество мѣстъ изъ примѣчаній, какъ-то: (спр. 33—45) объ источникахъ Фошьева Номоканона (спр. 68—80); о первомъ Кіевскомъ изданіи Номоканона (спр. 106—124); о расположеніи правилъ Соборовъ, и проч. — *Примѣчанія и Прибавленія* (ш. е. такъ называемыя по-Французски: *pièces justificatives*), совершенно различныя между собою вещи. Въ примѣчаніяхъ къ *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзинъ смѣшалъ то и другое вмѣстѣ. Отъ сего, примѣчанія его есть море глубокое, для переплытія коего потребно много отваги и любви къ предмету, коимъ занимаешься. Сему-же отчаспи подвергается и сочиненіе Барона Розенкампа, хотя семь огромныхъ дополненій и отдѣлены у него (о новѣйшемъ Греческомъ Пидаліонѣ; о Прохиронѣ Арменскаго; о собраніи Леунклавія; объ актахъ, касающихся Исторіи Русской Церкви, до половины XVIII-го вѣка; о Прохиронѣ Греческомъ на Грузинскомъ языкѣ; о Пандексахъ Никона Черногорца; о рукописной сводной Кормчей, 1615 года).

Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, какое богатство свѣдѣній, изслѣдованій и матеріаловъ найдешь въ книгѣ Барона Розенкампа занимающійся Русскою Исторіею. Въ этомъ отдаемъ мы совершенную справедливость почтенному Автору.

Послѣ изданія К. О. Калайдовичемъ изслѣдованій объ Иоаннѣ, Экзархѣ Булгарскомъ, мы не видали на Русскомъ языкѣ въ послѣдніе годы, книги, которая подавала-бы поводъ къ столь многимъ выводамъ и изслѣдованіямъ касательно Исторіи Русской, какъ сочиненіе Барона Розенкампа.

Во всемъ-ли безусловно можемъ мы съ нимъ согласиться? Признаемся: нѣтъ! И это, а вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе самыхъ изслѣдованій Барона Розенкампа о Кормчѣй, мы имѣемъ въ виду для нѣсколькихъ разныхъ спашей. Книга Барона Розенкампа убѣдила насъ во многомъ, на примѣръ: мы совершенно согласны съ Авторомъ ея, касательно Фошіевыхъ Епископовъ (стр. 212); также признаемъ, что Карамзинъ несправедливо почиталъ установленія церковнаго суда не существовавшими при Владимірѣ и Ярославѣ. Но все, что говоритъ Баронъ Розенкампъ объ отношеніи Никоновской лѣтописи и Степенныхъ Книгъ къ лѣтописи Нестора и продолжателей его, намъ кажется не только недостовернымъ, но, даже вовсе несправедливымъ. Обвиняешь-ли насъ за несоглашенія наши? Надѣмся, что самъ почтенный Авторъ не хочетъ согласія безусловнаго; и болѣе подорожишь скромнымъ прошиворѣчіемъ, нежели похвалою безъ разбора и толка.

Н. П.

— *О Кавказской Линіи* и присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ, или общія замѣчанія о поселенныхъ полкахъ, ограждающихъ Кавказскую Линію, и о сосѣдственныхъ Горскихъ народахъ. Собранное Дѣйств. Спашскимъ Сов. и Кав. Юсыфомъ Дебу. Съ 1816 по 1829-й годъ. Спб. 1829 г. въ ш. К. Крайя, in 8, XXXIV и 464 стр.

Каждый чиновникъ, и даже всякій, живущій въ замѣчательномъ мѣстѣ, человекъ, всегда можешь собрать, и весьма часто собираешь, любопытныя, мѣшныя извѣстія и свѣдѣнія; весьма рѣдко однакожь подобныя собранія бывають издаваемы въ свѣтъ. При изданіи-же такихъ собраній всего чаще ихъ обезображиваютъ прибавками чужаго. Эпощь несчастный манеръ прибавленій происходитъ отъ того, что собираешь, или издатели, не хотящъ показать находящагося у нихъ въ рукахъ въ прошломъ, насюящемъ видѣ, но мечтающъ о квижности, учености. И вотъ, положимъ на примѣръ, что кто ни будь, проживъ на Кавказѣ лишь десятокъ, вздумалъ издавать свои записки: онъ беретъ Гильденшпета, Клапроша, Парроша, выбираешь извѣстія о Кавказской этнографіи, идиомографіи, беретъ изъ Карамзина Историческія извѣстія, а иногда принимаеися за Иродотовъ, Спрабоновъ, и проч. Все это перемѣшивается съ собственными шепрадами собирающаго, и — являеся въ видѣ *тего-то угенаго*. Такія компіляціи нестерпимы. Зачѣмъ мишура чужая? Зачѣмъ не сказаешь просто: *Вотъ это я видѣлъ, вотъ это я слышалъ; соображайте съ прежнимъ*. Пусть всякій такъ дѣлаешь, и мы будемъ приобретаешь но-

выя драгоценности для нашей Географіи и Исторіи, а не пустословныя переборки старины.

Г-нь Дебу издалъ *только свое*; пошому, изданную имъ книгу мы прочпшали съ особеннымъ удовольствіемъ, и рекоментуемъ ее читателямъ, какъ одно изъ лучшихъ новѣйшихъ сочиненій о Кавказскомъ краѣ. Авторъ жилъ шестнадцать лѣтъ на Кавказской Линіи; имѣлъ случай участвовашь въ распоряженіяхъ Правительства, собравъ статистическія, мѣстные свѣдѣнія, и говоритъ намъ не съ словъ другаго, а то, что самъ видѣлъ и узналъ.

Вообще спашь въ книгѣ Г-на Дебу, раздѣленной на 10-ть главъ, относятся къ *тремъ* слѣдующимъ частямъ: 1-е, Исторіи Линіи; 2-е, Географіи и Статистикѣ оной, и 3-е, улучшеніямъ, какія, по мнѣнію Г-на Дебу, могутъ бышь сдѣланы въ устройствѣ Линіи, обезопасеніи оной отъ хищныхъ сосѣдей Горскихъ, и доставленіи лучшаго жишья обитателямъ, а также войскамъ и чиновникамъ, на Линіи служащимъ.

Въ сихъ прехъ отношеніяхъ обозрѣваетъ Г-нь Дебу вообще *Кавказскую область и Линію* особенно, описывая всѣхъ Линейныхъ казаковъ: Терскихъ, Семейныхъ, Гребенскихъ, Моздокскихъ, переселенныхъ съ Волги, Кубанскихъ, Кавказскихъ, и переселенныхъ съ Хопра. Всѣ сіи казацкія войска, съ разночинцами, офицерами, служилыми и проч. составляютъ нынѣ народонаселеніе изъ 48,518 человекъ (24,313 мужескаго и 24,205 женскаго пола). Г-нь Дебу переходить пошомъ къ сосѣдственнымъ

съ Линією Горскимъ народамъ : Чеченцамъ , Кабардинцамъ , Абазицамъ и Ногайцамъ , описывая ихъ положеніе , нравы и обычаи. За шѣмъ слѣдуетъ историческое обозрѣніе дѣйствій Рускихъ на Кавказской Линіи , съ самаго начала оной. Г-нъ Дебу изображаетъ дѣла и распоряженія всѣхъ начальствовавшихъ на Линіи Рускихъ Генераловъ , опъ Медема (въ 1769 г.) до Г. М. Горчакова (въ Декабрѣ 1826 года) Показавъ разныя неудобства нынѣшняго устройства , и улучшенія , которыя могутъ отстранить сіи неудобства , Г-нъ Дебу описываетъ статистически Кавказскія минеральныя воды , и заключаетъ описаніемъ Черноморскаго казачьяго войска , которое до 1820-го года зависѣло отъ Херсонской губерніи , а съ сего времени отдѣлено къ Кавказской области. Въ 1820 году считалось Черноморцевъ , со вновь переселенными съ 1809 года изъ Малороссіи , до 61,000 человекъ.

Вотъ краткій обзоръ содержанія книги Г-на Дебу. Читатели могутъ подумать , что она состоитъ изъ сухихъ , статистическихъ и экономическихъ выводовъ , почему надобно здѣсь прибавить , что напрошивъ , Г-нъ Дебу передаетъ въ книгу своей множество занимательныхъ подробностей , анекдотовъ и извѣстій ; шакovy , напримѣръ : извѣстіе о поступкѣ Медокса (сына извѣстнаго Москвича съдержателя театровъ) , который въ 1812 г. хотѣлъ набрать войско изъ Горцевъ и идти къ Москвѣ ; извѣстіе о смерти Генераловъ Лисаневича и Грекова , убитыхъ Чеченскимъ Муллою , въ глазахъ войска , въ 1825-мъ г. , и множе-

ство другихъ , доннынѣ бывшихъ намъ неизвѣстными, подробностей.

Не можемъ не замѣтить еще рѣдкаго достоинства , какое представляетъ намъ книга Г-на Дебу. Сіе достоинство есть искренность , откровенность Сочинителя, видная во всемъ, имъ описываемомъ. Онъ прямо говоришь, что хорошо и что худо. Эшо внушаетъ довѣренность къ книгѣ и уваженіе къ характеру Сочинителя. Сказанное имъ о дѣлахъ героя Ермолова , конечно внушено ему не притворствомъ , не стараніемъ подслужиться , но истиною. Эшо драгоценность , которая ушѣшаетъ друга человечества при взглядѣ на людей и общество , гдѣ добродѣтели мелькають прѣдка , а пороки кишать , какъ черви неусыпающіе.

— *Стихотворенія Николая Грамматина*. 2 части. СПб. 1829 г. въ ш. Росс. Академіи , in 8, 340 и 355 стр.

Въ Исторіи Русской литературы сохранился имя Грамматина , по его полезнымъ трудамъ. Къ полезнымъ трудамъ его относимъ изданіе *перваго* въ Россіи порядочнаго Англійско-Россійскаго Словаря ; стараніе объяснить Слово о полку Игоревомъ , и нѣкоторыя другіе прозаическія опыты. Грамматинъ писалъ и стихи ; но онъ не былъ поэтъ ; онъ былъ холоденъ , сухъ , напханушь въ снѣгахъ своихъ. Еще-же болѣе повредило ему въ поэзіи ошибочное мнѣніе его о Русскомъ старинномъ стихосложеніи. Онъ такъ влюбился въ метръ , которымъ нѣкогда написанъ былъ *Илья Муромецъ* ,

Карамзина, и описана *Грановитая Палата Княземь Кугушевымь*, что не могъ отсписать ошь него. Хорошо написать симь метромъ нѣсколько строкъ, даже страничекъ; но Грамматикъ написалъ множество пѣсень, пѣсь отдѣльныхъ, цѣлую поэму на Наполеона, переводилъ Оссіановы поэмы упомянушымъ метромъ. Все это напечатано теперь въ двухъ огромныхъ томахъ, съ присовокупленіемъ: перевода въ стихахъ Богемскихъ шарнирныхъ пѣсень, найденныхъ Ганкою и извѣстныхъ подъ именемъ *Краловворской рукописи*; перевода въ стихахъ *Слова о полку Игоревомъ*; преложений изъ Библии, и многого другаго, что было разсыяно въ разныхъ книгахъ и Журналахъ, и найдено въ рукописи по смерти Авшора.

— *Превращеніе Дафны*. Сельская поэма. Соч. М. Деларю. СПб. 1829 г., въ ш. Дец. Народ. Просв. in 8, 36 стр.

Гекзаметромъ, и подробно, описано превращеніе Дафны въ лавровое дерево. Почему-же это описаніе *сельская поэма*? Не понимаемъ.

— *Письмо къ Графинѣ Н. Н.*, въ философическо-нравственнo-шуточномъ родѣ. СПб. 1829 г. въ ш. Х. Гинца, in 16, 16 стр.

Графиня Н. Н. выходитъ за мужъ за Князя Милина: ей *сродни и другъ* Князь *. Сочинителю письма хочется получить мѣспечко у Князя *, и онъ просишь въ письмѣ своемъ Графиню Н. Н. походашайствовашъ за него, обѣщая писать стиховъ, для нея, для родни ея и даже для ея собачки, сколько угодно. Вошь содержаніе письма, перепле-

пенное съ шулками, нравоученіями, и проч. и проч., весьма обыкновенными. Впрочемъ, для чего было не писать письма къ Графинѣ Н. Н.; для чего и не печатать? Но оно было уже помѣщено въ одномъ изъ Альманаховъ нынѣшняго года. Для чего *перепегатали* его еще разъ?

— *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія*, въ Іюль и Августѣ 1829 года, Николая Наз. Муравьева, Спашсь-Секреш. Е. И. В. (,) Тайнаго Совѣтника, Сенаш., Почеш. Член. Императорскихъ Росс. Академіи и Университетовъ: Москов. и Вилен. и Москов. Учен. Обществъ: Исторіи и Испышашел. Природы. Ч. VI. СПб. 1829 г. въ ш. Главн. Шшаба, in 8, 54 стр.

Вонреки заглавію книги, въ ней помѣщены забавы отдохновенія почтеннаго Автора не только за *Іюль и Августъ*, но и за *Сентябрь* мѣсяць, ибо подъ спашьею: *О происхожденіи тумана, дождя, снѣга, града и о надобности атмосферы*, подписано: *Сентябрь, 1829 г.* — Содержаніе книги чрезвычайно разнообразно, такъ-же какъ содержаніе извѣстныхъ уже публикѣ первыхъ пяти часшей *Забавъ отдохновенія Н. Н. Муравьева*. Опъ разсужденій о цуяхъ Провидѣнія, Авторъ переходитъ къ описанію машинки для больныхъ грудей родильницы; опъ спашьи о томъ, что солнце не есть свѣсъ и жарь, къ разсужденію о нравственности. Всего лучше понравилось Рецензенту разсужденіе: *О красотѣ и достоинствахъ слога Русскихъ словъ, преимущественно предъ иностранными.*—Авторъ бе-

Ноябрь 1829.

7

решъ 26 Русскихъ словъ , разлагаешь каждое и изъясняешь , на примѣръ :

« *Укусъ*. Произнося , чувствуемъ , какъ кисло. »

« *Пушка* , очевидно ручная пушка. »

« *Брос-кость* , не-осмотрительно-сть. Видите , съ какимъ *снисхожденіемъ* и пристойностію слова сіи представляють картину юношеской вътренности , впрочемъ , можешь быть , невинной , чистой въ нравахъ своихъ ! »

« *За-вое-ва-тель*. На словѣ живая картина предмета. »

« *Ну-трен-ности* , ошь нутро . Въ самомъ произношеніи желаемая картина слова сего , и благопристойная. »

« *Глухал-улица* , то есть , похожая на *глухое ухо* , сквозь которое слухъ не проходитъ . Какъ шутовливо изящной вымыслъ изобразилъ вещь ! »

« *На-ложница*. Смотрише , какое благопристойное изрѣченіе о вещи , подразумѣваемо зазорной ! »

« *Звука-со-гласіе* (концершь) , не ощущаешь ли ухо ваше множеству звуковъ согласныхъ ? »

« Я какъ нибудь накидалъ сіи 26 словъ (говоришь Авторъ) , чшобъ чрезъ нихъ изъяснишь полношу выразительности нашего языка , и въ поже время оной выразительности чистоту , звучность , благопристойность , безъ малѣйшей двусмысленности , чего ни которой иной языкъ не обладаетъ. » — Сказавъ пошомъ , чшо этого нѣтъ въ другихъ языкахъ , Авторъ заключаешь мнѣніе свое объ языкахъ иноземныхъ такимъ образомъ : « Не 26 только примѣровъ , но тысяча ихъ можешь быть , въ коихъ

найдешся не рѣдко, что самая мерзость предлагается за вещь лакомую. Но скажешь, что употребленіе увлекаешь ошъ вниманія понятіе о сей мерзости. — Охотно соглашаюсь. Но, въ поже время прошу и со мною согласишься, что мерзость сія ошъ того не менѣе существуетъ, и очевидно; между шѣмъ какъ въ *благородномъ* Русскомъ языкѣ и *тѣмъ ея нѣтъ.* »

Рецензентъ совершенно согласенъ, что произнося слово: *уксусъ*, чувствуешь, какъ кисло; но, признается, что онъ не слыхивалъ донинѣ Русскихъ словъ: *броскость*, *нутренность* и *звукосогласіе*. Впрочемъ, это гошовъ онъ приписашъ своему невѣжеству, ни мало не сомнѣваясь, что оныя слова находящяся въ Русскомъ языкѣ, и что они благоприсшойны, безъ малѣйшей двусмысленности.

С М Ъ С Ъ.

А В В А Т Ъ П Р А Д Т Ъ.

Надѣмся угодишь многимъ изъ нашихъ читателей, и даже читательницъ, помѣсшивъ при сей книжкѣ поршреть Прадша, писателя споль многими любимаго, и всѣми читаемаго. Воцъ краткая его біографія. Можешъ бышь, иные лучше знаютъ сочиненія, нежели исторію самого Автора.

Доминикъ, Дюфуръ Прадтъ родился въ Алланшѣ, въ Овернской обласпи, 23 Апрѣля 1759 г.;

7*

былъ назначенъ къ духовному званію , и до революціи ни чѣмъ не отличался , хотя , любимый Кардиналомъ Ла-Рошфуко , Архіепископомъ Руанскимъ , въ 1789 году онъ былъ уже великимъ Викаріемъ сего Архіепископа . Тогда выбрали Прадша депутатомъ опъ Нормандскаго духовенства въ собраніе Государственныхъ Штатовъ . Тутъ онъ крѣпко стоялъ за права духовенства , и бѣжалъ потомъ за границу , жилъ въ Гамбургѣ , и жестоко бранилъ въ сочиненіяхъ своихъ Французскую республику . Но послѣ 18-го Брюмера Прадшъ почувствовала *тоску по отчизнѣ* и , подъ покровительствомъ Дюрока , явился въ Парижъ . Наполеонъ обласкалъ его , употреблялъ по дѣламъ касательнаго духовенства , и Прадшъ всегда былъ при немъ , сопровождалъ его въ Испанію , и въ 1808 г. въ Испанію , осыпанный милостями Наполеона . Имѣя званіе главнаго милоспыне-раздавателя (*aumônier*) , почему и называли его *раздавателемъ милостынн бога Марса* , онъ получилъ въ 1804 г. титулъ Барона , 40,000 франковъ награды , и Епископство Пуатиерское ; въ 1808 г. 50,000 франковъ , а въ 1809 г. Архіепископію Малинскую (*de Malines*) и крестъ Почетнаго Легіона . Въ 1812 г. Прадшъ слѣдовалъ за Наполеономъ въ Дрезденъ , и былъ отправленъ опъ него посланникомъ въ Варшаву . Тутъ , Прадшъ не умѣлъ угождать ни Полякамъ , ни Наполеону , который разбранилъ его возвращаясь изъ Москвы , и прогналъ изъ Варшавы и изъ Парижа . Въ 1814 г. Прадшъ явился въ Парижъ , когда Наполеона уже не было тамъ ; началъ печально и жестоко бранить его , называлъ полишическимъ шарлатаномъ ,

Юпитеромъ—Скалаеомъ, подружился съ Талеѳраномъ, и занималъ—справное для Архіепископа мѣсто — *Канцлера Поетнаго Легиона*. Но вскорѣ Прадша замѣнили Маршаломъ Магдональдомъ, и велѣли ему ѣхать въ Малннъ. Тутъ смирно сидѣлъ Прадшъ и во время возвращенія Наполеонова съ острова Эльбы; потомъ уступилъ свою Архіепископію въ распоряженіе Нидерландскаго Короля, за 10,000 франковъ пожизненной, ежегодной пенсіи, началъ называться: *Аббатъ Прадшъ, ancien archevêque de Malines*, и писать. Почти каждый годъ съ того времени выдаетъ онъ томъ политическихъ разсужденій о разныхъ современныхъ событіяхъ. Вѣнскій Конгрессъ, новое правленіе Испаніи, революція Южной Америки, революція Бразиліи, выборы въ депушашы, засѣданія Палашъ, признаніе независимости Сень-Доминго, Ахенскій Конгрессъ, Карлсбадскій Конгрессъ, дѣла Греціи, Панамскій Конгрессъ, война Россіи съ Турціею, словомъ: все новое, занимавшее современное любопытство, подвергалось неушомимому перу, словоохотной говорливости, суду, осужденію или одобренію Прадша, который теперь крѣпко споишь за то, чего не одобрялъ служба Наполеону и вызываясь служившимъ его преемникамъ. Избранный въ послѣдніе выборы въ Палашу депушашовъ, онъ горячо споишь за лѣвую сторону. — Прадшъ описалъ, по своему, главнѣйшія событія прежнія, въ коихъ удалось ему участвовашъ, какъ-то: дѣла Польши въ 1812 году; дѣла Испаніи въ 1808 г.; Конкордашъ съ Папою, и проч. и проч. Не смотря на 70 лѣтъ, Прадшъ еще крѣпокъ, здоровъ; можемъ на-

дѣяшся , что и нынѣшній годъ не пройдетъ безъ помя его швореній. Въ Парижѣ напечатали недавно полное собраніе полишическихъ сочиненій Прадша (Oeuvres politiques de M. de Pradt) въ 25-ти томахъ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ СПбургѣ будутъ выходить съ Новаго года слѣдующія новыя повременныя изданія :

— *Сѣверный Муравей* , газета Промышленности. Ее будетъ издавать Н. П. Щегловъ , извѣстный публикѣ своею *Хозяйственною Ботаникою* и *Указателемъ открытій* , кошорый шесшь лѣтъ съ чешію поддерживается въ нашей литтературѣ. Цѣлю *Сѣвернаго Муравья* предполагается скорѣйшее сообщеніе новостей по части Естественнаго , Физики , Химіи , городского и сельскаго хозяйства , фабрикъ , заводовъ и ремесль. Каждую пятницу будетъ выходить по листу ; цѣна 52 нумерамъ , или листамъ , съ 52 рисунками , съ пересылкою во всѣ города , 35 рублей ассигн.

— *Карманная книжка для любителей Русской старины и Словесности*. Это будетъ собственно не Журналъ , а *дванадцать альманаховъ* , що есть издашь будетъ выдавать по Альманеху каждый мѣсяць. Содержаніе ихъ будетъ разнообразно ; Русская старина , Словесность , науки , нравы , критика , библіографія , и наконецъ — *Воръ , или памятная записка современныхъ происшествій* , ш. е. *Современная Исторія* (но , почему-же Современ-

ная Исторія являешся подъ шишлою *Вора?* } —
Издашеть В. Н. Олинъ , а цѣна *Карманной книжки*,
съ пересылкою 30 рублей ассигн.

Въ будущемъ Декабрѣ мѣсяцѣ выйдешъ здѣсь въ
Москвѣ альманахъ : *Радуга*, издаваемый на 1830-й
годъ П. Н. Араповымъ и Д. И. Новиковымъ. Онъ
будешъ заключаешъ въ себѣ нѣсколько прозаиче-
скихъ и стихотворныхъ спашей нигдѣ еще не на-
печатанныхъ , въ помѣ числѣ драматическія сцены
и куплеты изъ лучшихъ водевилей. Въ семъ изданіи
берушъ участіе извѣстные и любимые публикою
Литператоры : А. С. Пушкинъ , Кн. Ц. А. Вязем-
скій , Д. В. Давыдовъ , Е. А. Барашинскій , и мно-
гіе другіе. Изданіе украсишся искусно гравирован-
ною виньешкою ; въ отдѣленіи *Музыки* , которое
напечатано будешъ въ особомъ прибавленіи , но
выйдешъ вмѣстѣ съ альманахомъ , помѣстишся 12
номеровъ музыкальныхъ пьесъ , какъ-то : для фор-
шопьяно романсы , соч. Кн. З. А. Волконскою ,
А. В. Всеволожскаго , Кн. В. С. Голицына , А. Н.
Верстовскаго , Г-дѣ Генишпы , Шольца , Гардорфа,
Фе , и шри *оригинальныя Цыганскія пѣни и ро-
мансы* , арранжированныя для форшопьяно.

 РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Смерть Каласа, драма; *Амуръ и Психея*, балетъ (бенефисъ Г-жи Глушковой).

Если-бы періодическія изданія читались только шѣми людьми, которые сами принимаютъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ просвѣщенія, и содѣйствуютъ Журналисту въ распространеніи полезныхъ свѣдѣній — то участъ редакторовъ была-бы самая завидная. Науки, Словесность, и все что входитъ въ составъ образованности, имѣють сколько пріятностей, что человекъ, однажды съ ними ознакомившійся, никогда не захочетъ лишиться привлекательнаго ихъ общества. Но не все такъ дѣлается, какъ-бы намъ хотѣлось!.. Въмѣсто ограниченія себя въ пріятномъ кругу родныхъ и знакомыхъ, смертный обязанъ имѣть сношеніе со всѣми подобными ему существами. Жить, такъ жить для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ для многихъ! Таковъ уже законъ нравственной природы. Эгоистъ старается угодить только самому себѣ, или своимъ избраннымъ; за то эгоистъ не наслаждается жизнью. Чѣмъ менѣе довольствуется онъ другихъ, тѣмъ менѣе другіе бывають имъ довольны; зависимость человека отъ подобныхъ ему, обязуетъ его сдѣлать другихъ зависимыми отъ себя. Это называется по Русски *круговою порукою*. Вошь истинно философическое выраженіе, какого не омыщешь ни въ одномъ курсѣ новѣйшаго лю-

бомудрія ! . . . Но мы заговорили о любомудріи , которое никакъ не относится къ театральнымъ дѣламъ. Не безпокойтесь, почтенные чашатели ! Мы не упустимъ изъ вида нашего предмета , и пошолоковавши о необходимости всѣмъ угождать , имѣемъ честь , въ угоду вашу , изложимъ всю трудность работы журнальнаго кришика . — Дешушь ошибся , написавши свой славящійся въ обвешшалоу Французской Литтературѣ стихъ : *La critique est aisée , mais l'art est difficile*. Никто не будетъ спорить въ томъ , что искусство очень трудно ; но кришика , въ полномъ значеніи сего слова , неужели легка ? Такъ трудна , что ни вздумашъ , ни взгадашъ , ни перомъ напишашъ , ниже въ сказкѣ сказаши . . . . Кришикъ долженъ угождать всѣмъ ! Легко сказаши . . . . Въмѣсто всѣхъ выпреннихъ и глубокомысленныхъ сужденій о кришикѣ , попробуемъ пояснить сказанное нами , небольшою сценою или каршиною изъ свѣтской жизни , относящуюся до нашего кришическаго ремесла . Сочинимъ на досугѣ какіе нибудь разговоры между Рецензеншомъ , Авторомъ театральной пьесы , Чашателемъ Журнала и Актерами . Не отклоняясь отъ нашихъ опчешевъ о спектакляхъ , положимъ , что вышла въ свѣтъ книжка Журнала , въ коей между прочимъ заключается извѣстіе о театральномъ представленіи , и послушаемъ , что говорятъ господа требователи .

Читатель Журнала . У насъ , всѣ эти Журналисты совершенно не знаютъ своего дѣла . Въ чужихъ краяхъ періодическія изданія руководствуютъ публику . Я не знаю иностранныхъ языковъ и не

читаю другихъ Журналовъ, кромѣ Русскихъ. Но по крайней мѣрѣ я понимаю кое-что. Журналистъ обязанъ меня вразумлять, долженъ мнѣ указывать на то, что хорошо и что дурно. За это я деньги плачу. Вошь, на примѣръ, я ѣзжу въ театръ съ моимъ семействомъ. Почему я могу знать, что спектакль стоить того, чтобы я нанялъ ложа? У меня есть тысячи своихъ занятій, по могу-ли я посвящать себя на изученіе достоинствъ нашихъ театральныхъ зрѣлищъ? Для этого есть у насъ Журналисты, на сужденіе коихъ я долженъ положиться. Они обязаны утвердительно сказать: должна-ли мнѣ нравиться новая пьеса, или не должна? Хорошо играли актеры, или дурно? Въмѣсто сего я нахожу въ Журналахъ легкія, неопредѣленные замѣчанія, въ которыхъ много наговорено, да мало сказано, для меня и для жены моей. — *Рецензентъ (со смиреннымъ видомъ)*. Вы конечно правы, милоспивый государь! Но позвольте замѣтить, со всевозможнымъ почтеніемъ, читаемымъ мною къ вамъ и супругѣ вашей... что журнальный крищикъ пишетъ, не исключительно для васъ и для супруги вашей; что онъ имѣетъ другія обязанности, относящіяся къ лицамъ совершенно чуждымъ для васъ и для супруги вашей. Журнальная спашья не есть профессорская лекція. Въ сей послѣдней можно смѣло и утвердительно излагать свои мнѣнія въ присутствіи учениковъ, но въ периодическомъ изданіи должно соблюдать въкоторыя приличія. Вы желаете, чтобы я думалъ за васъ и за супругу вашу, но вы забыли, что подобное сему думанье, слишкомъ рѣзко высказан-

ное, будешь очень неприятно для нихъ, которые творятъ въ угодность вашу и супруги вашей? — *Читатель*. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла! . . . Хорошо, или дурно? Вошь то, что вы обязаны располковашь въ вашемъ Журналѣ. — *Рецензентъ*. Постараюсь исполнить волю вашу и супруги вашей.

И вошь вышла книжка Журнала, долженствующая угодить господину чашапелю и супругѣ его.

Авторъ новой пьесы. Не стыдно-ли вамъ, Г-нъ Рецензентъ! За что вы меня обругали? — *Реценз.* Въ чемъ-же состояли мои ругательства? Я изложилъ свое мнѣніе о вашей пьесѣ, указавъ на ея недоспашки: вошь и все! Эшого пребуюшь наши чашапели. Докажише мнѣ, что я сказалъ не правду, и я гошовъ принесть повинную. — *Авторъ*. Развѣ я утверждаю, что моя пьеса превосходна? Я самъ вижу всѣ погрѣшности . . . — *Реценз.* Почему-же вы ихъ не исправили? — *Авторъ*. О Боже мой! Если-бы все можно было предвидѣть, то люди были-бы безгрѣшны. Дѣлайше мнѣ замѣчанія; я прошу васъ объ эшомъ. Только по крайней мѣрѣ будыше нѣсколько умѣреннѣе въ вашихъ приговорахъ, или хотя деликашнѣе въ шонѣ. Посмѣтрите, что вы написали! Каждое слово естъ злѣйшая эпиграмма . . . Такими средствами вы совершенно ошобьете ошочу пишашь для шеатра. — *Реценз.* Но чашапели хотыашь . . . — *Авторъ*. Какое мнѣ дѣло до вашихъ чашапелей? Если вы будете всѣми жершвовашь въ угоду ихъ, или для краснаго словца, шо знайше, что вмѣсто пользы вы принесете очевидный вредъ нашей Драмашической Словесности,

которая и безъ шого довольно скудна. — *Реценз.* Это справедливо. Мы Рускіе такъ бѣдны драматическими произведеніями, что намъ стыдно предъ иностранцами. Но неужели вы хотите чтобы я безусловно хвалилъ всякій вздоръ? Извините . . .

Авторъ. Развѣ я это говорилъ? Помилуйте. Бранише въ волю, бранише безъ пощады то, что истинно дурно. Вошь на примѣръ пьеса Н. Н.: она рѣшишельно никуда не годится. Только пощадите другихъ. У меня готовится новая драма въ Шекспировомъ родѣ . . .

Реценз. Хорошо! хорошо! я слегка упомяну о будущей вашей пьесѣ. — *Авторъ.* Знаете что? Если она не будетъ принята публикою, то свалише всю вину на актеровъ. Не убивайте меня съ первыхъ попытокъ. Имѣйте снисхожденіе къ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ молодого автора . . . Я обещаю вамъ, что буду прилежно учиться и постараюсь сдѣлать чтонибудь прочное. — *Реценз.* Вѣрю вашему слову, и съ своей стороны обещаю исполнить вашу волю.

И вошь вышла книжка Журнала, долженствующая угодить господину автору.

Актеръ. Не грѣшно-ли вамъ, милосивый государь? Вы меня совершенно осрамили предъ публикою, въ послѣдней вашей статьѣ. — *Реценз.* Помилуйте: въ этой статьѣ и имени вашего нѣтъ. —

Актеръ. Да вѣдь я игралъ въ разбираемой вами пьесѣ, и вы сказали, что она вообще была дурно разыграна. — *Реценз.* Развѣ это не правда? — *Актеръ.* Конечно правда. Только вы должны знать, что мы не можемъ хорошо играть всякой вздоръ.

Почему-же вы не доказали, что во всемъ виноватъ авторъ, а не актеры. — *Реценз.* Я не оправдываю автора, но мнѣ очень извѣстно, что хорошіе актеры не рѣдко поддерживаютъ плохія пьесы. — *Актеръ.* Гдѣ? Въ чужихъ краяхъ? Только не у насъ. Какая мнѣ надобность заботиться о представленіи? Я уже получаю полный окладъ жалованья и только дослуживаюсь до пенсіона. Великая мнѣ нужда до поддержанія авторовъ! — *Реценз.* А публика... — *Актеръ.* Ожидаетъ хорошаго, хотите вы сказать? — *Реценз.* Да. И желаетъ чтобы ей указывали на дурное. — *Акт.* Въ такомъ случаѣ вамъ есть надѣ кѣмъ потѣшиться. Мало-ли у насъ плохихъ актеровъ! — *Реценз.* Увы, слишкомъ много! — *Акт.* Ну, такъ вы ихъ порядкомъ проучивайте. Только не задѣвайте артистовъ получающихъ полный окладъ жалованья и бенефисъ въ зимнее время. — *Реценз.* И подлинно! Лучше дѣлашъ замѣчанія молодымъ, плохимъ актерамъ, которые еще не получаютъ полного оклада жалованья и не предвидяшъ вожделѣннаго пенсіона. Эти еще могутъ исправиться. Да будешь по вашему.

И вошъ вышца книжка Журнала, долженствующая угодишъ актеру, получающему полный окладъ жалованья и бенефисъ въ зимнее время.

Молодая актриса, щегольски одѣтая и полугающая меньшей окладъ жалованья. Спыдно, сударь, спыдно! Рѣшишельно говорю, что спыдно! — *Реценз.* Кому? Вамъ, или мнѣ? — *Актриса.* Разумѣется что вамъ. За что вы бранише моего бранца? Въ двухъ книжкахъ къ ряду печатаете, что онъ

плохой актеръ. — *Реценз.* Развѣ это не справедливо? — *Актр.* Да что онъ вамъ сдѣлалъ? — *Реценз.* Ничего! Онъ дурно играетъ: вошь и все. — *Актр.* У насъ найдутся актеры хуже его. — *Реценз.* Ты не пускающа вдалѣ и довольствуешься маленькими ролями. Брашець вашъ за все берется, и очень, очень не удачно. Если скажешь правду, шо актеръ Н. Н., котораго цѣлый репершуаръ до сихъ поръ не составилъ двухъ листовъ — имѣешь въ тысячу разъ болѣе шанса нежели вашъ брашець, и между шѣмъ погибаешь въ бездѣйствіи. — *Актр.* Да вы посмощрише, какъ шрудитесь мой брашець. — *Реценз.* Трудитесь какъ маршылка въ баснѣ Крылова. — *Актр.* Онъ бѣдненькій шакъ стараешься! Ходишь учишься во Французскій театръ, хопя ни слова не знаешь по Французски. . . Хорошо-же! Ко мнѣ ѣдешь Гг. А, Б, В, Г, Д, Е, и множество другихъ. Я попрошу кого нибудь написашъ на васъ *пегатную критику*. — *Реценз.* Охотно прочитаю, когда напишешся. — *Актр.* Да неужели вы не можете умолчашъ о плохихъ актеряхъ? Если-бы я была дурна лицомъ (я увѣрена въ прошивномъ), шо не грѣшно-ли было-бы со спороны вашей, безпрешанно мнѣ объ этомъ напоминать? — *Реценз.* Точно, шочно, вы правы, и сравненіе ваше мастерское! Не буду болѣе писашъ о молодыхъ актеряхъ и осмѣаюсь покорнѣйшимъ слугою вашей красоты! . . .

И вошь вышла книжка Журнала, долженствующая угодишь всѣмъ плохимъ актерамъ и въ числѣ оныхъ брашцу красавицы, посѣщающему Французскій театръ, и не знающему Французскаго языка.

Плохой актер, не посещающій Французскаго театра и не имѣющій заботливой сестрицы. Вошь какова наша участь! Трудись, прудись: ничего не заслужишь!... Публика равнодушна ко всему хорошему и не поощряешь талантовъ. Хошь-бы въ Журналахъ писали, а то, посмотришь, написано много, сказано мало. Обо мнѣ до сихъ поръ не было ни слова, между тѣмъ какъ я занимаю придесять пять ролей, которыя мнѣ честь дѣлаюшъ. — *Посторонній человекъ, гудый журнальнаго дѣла.* Дѣлаешь-ли ты честь этими ролями? — *Плохой актер.* Не нужно разбирать этого. Если я дурно играю, то пиши обо мнѣ, докажи, чѣмъ я былъ не хорошъ? — *Постор.* А если Рецензентъ не хочешь? — *Плох. акт.* Зачѣмъ-же онъ пишетъ о шеатрѣ? для кого? — *Постор.* Для читателей Журнала. — *Плох. акт.* Право? А я полагалъ что спашь о спектакляхъ пишущся для актеровъ, за тѣмъ чтобы они могли поучаться изъ нихъ. — *Постор.* Ученіе ваше есть дѣло начальниковъ, а не журнальных кришниковъ. Впрочемъ изъ спашей, на которыя ты жалуешься, можно кое чему научиться. Въ нихъ помѣщаются сужденія, сравненія... — *Плох. акт.* На что мнѣ сравненія и сужденія? Займись своимъ, а не чужимъ. Пиши обо мнѣ, а не объ иностранцахъ. Вошь я недавно игралъ хорошую роль въ старомъ водевилѣ, въ присутствіи сорока человекъ зрителей. Почему не описалъ моей игры? Почему не указалъ мнѣ, гдѣ именно я былъ дуренъ?... и проч. и проч. и проч.

Само собою разумѣется, что всѣ эти разговоры выдуманы на досугѣ. Съ нами, благодаря Бога,

ничего подобнаго не случилось и случиться не могло. Наши драматическіе писатели и артисты такъ образованы, такъ любятъ правду, такъ заботятся о ходѣ просвѣщенія! . . . Со всѣмъ шѣмъ, строгій наблюдатель нравовъ различныхъ народовъ, или, лучше скажешь, рода человѣческаго вообще, согласишься съ шѣмъ, что вышеписанная сцена очень возможна и . . . какъ-бы скажешь . . . правдоподобна . . . .

Послѣ этой крашкой журнальной повѣсти, читатели могутъ имѣть малое понятіе о трудностяхъ, сопряженныхъ съ нашимъ ремесломъ. Угодишь всѣмъ: ужасающая обязанность! И какъ ее исполнить? Откроемъ нашимъ читателямъ эту шайну, состоящую въ нижеслѣдующемъ: не обращать вниманія на требованія излишне прихотливыхъ читателей, недоучившихся авторовъ, актеровъ, выжидающихъ полного пенсіона, молодыхъ актрисъ, къ которымъ ѣздитъ множество господъ, плохихъ артистовъ, желающихъ бытъ замѣченными, и вообще всѣхъ тѣхъ, кои въ Журналахъ ищутъ удовольствія не уму, а кумиру, называемому на Лашинскомъ языкѣ: Его! — Сказано, и будешь сдѣлано въ этой-же счасъ.

Здѣшняя публика съ большимъ удовольствіемъ видѣла драму: *Смерть Каласа*, представленную 25-го Октябрю. Мы сами благодаримъ Дирекцію, актеровъ и Переводчика, за эту пьесу, въ которой опыщаются истинно прекрасныя мѣста и разительныя сцены. Но точно-ли эта драма удовлетворяетъ прихотливымъ и привязчивымъ требованіямъ

современнаго просвѣщенія? Нѣ сколько! И хотя-бы сія пьеса, хорошо обставленная, прекрасно разграниченная, и одобренная публикою, долженствовала исчезнуть со сцены послѣ нашего сужденія, но мы намѣрены и должны высказать истину. Въ лирическо-рашурномъ дѣлѣ, справедливо-строгую критику можно уподобить неудачамъ, встрѣчающимся въ жизни человѣческой; мы жалуемся на оныя и называемъ ихъ несчастіями, а между тѣмъ не замѣчаемъ того, что эти самыя неудачи безпрестанно подстрекають нашу дѣятельность и содѣлываютъ насъ полезными себѣ и другимъ. Критика пробуждаетъ Словесность отъ усыпленія и предохраняетъ оную отъ порчи. И такъ, рассмотримъ безпристрастно и внимательнѣе драму: *Смерть Каласа*, сочиненную Викторомъ Дюканжемъ, однимъ изъ извѣснѣйшихъ Французскихъ драматурговъ.

Престарѣлый и честный Тулузскій негоціантъ, Протестантскаго исповѣданія, одержимый подагрой, спокойно доживалъ свой вѣкъ въ кругу семейства и друзей. Однажды, поздно вечеромъ, приказано было старой служанкѣ посѣтить молодому пріятелю, навѣштившему семейство Каласа. Вдругъ изъ сѣней раздается громкій крикъ служанки, увидѣвшей сына Каласа, повѣшеннаго на перекладины! Общее смятеніе живущихъ въ домѣ разбудило сосѣдей; сбѣжавшійся народъ началъ толковать о происшествіи, и, какъ обыкновенно водится, изъ отрывистыхъ рѣчей, передаваемыхъ отъ одного къ другому съ различными измѣненіями, мгновенно разнеслась вѣсть, что старый Каласъ повѣсилъ своего сына, за то что сей

Ноябрь 1829.

8

последній намѣревался посприять Католическую вѣру. Мѣстное начальство, безъ надлежащихъ справокъ, захватило несчастное семейство, а Тулузскій Парламентъ приговорилъ къ смерти дряхлаго и безвиннаго старца. По нѣкоторымъ изслѣдованіямъ и догадкамъ оказалось, что молодой Каласъ дѣйствительно былъ намѣренъ перемѣнить вѣру оцевъ своихъ, и по видимому спрашася препяшствія со стороны родителѣй, рѣшился принести себя въ жертву фанатическому изступленію, пишаемому въ немъ злонамѣренными особами. Казнь безвиннаго Каласа была совершена, къ стыду того времени. Вольтеръ, узнавшій всѣ подробности сего ужаснаго происшествія, описалъ оное, и громы Фернейскаго краснорѣчія разнесли сію вѣсть по всей просвѣщенной Европѣ. Это былъ первый сигналъ уничтоженія старинныхъ Французскихъ Парламентовъ, которые по волю Людовика XV-го были распущены десять лѣтъ спустя послѣ смерти Каласа. Вошь ужасный анекдотъ, подавшій поводъ къ сочиненію разсматриваемой нами драмы.

Около тридцати лѣтъ назадъ, была уже сочинена пьеса, подъ такимъ-же названіемъ. Объ этой мы судить не можемъ, потому что она совершенно намъ неизвѣстна. Но что касается до произведенія Г-на Дюканжа, то мы смѣло скажемъ, что оно неудовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Драма прекрасная. . . для сцены и для актеровъ. Но если-бы, вмѣсто : Смерть Каласа, назвали оную : смерть, хотя, Тараса, то она не потеряла-бы ничего. Мы думали, что увидимъ добраго, дряхлаго, смирнаго жишеля Тулузы, своими шрудами при-

обрѣшшаго насущный хлѣбъ , обезпечивающій его старость; вмѣсто сего намъ былъ выславленъ какой-то Маркизь или Виконшъ , дающій балы въ своемъ помѣстьѣ . Мы - хотѣли посмотрѣть на мрачнаго , шревожимаго фанатизмомъ молодаго Каласа , которъй изъ суевѣрія покусился на жизнь свою; вмѣсто шого мы видѣли челоувѣка благороднаго , добродѣшельнаго , коего злосчастная любовь заставила рѣшиться на самоубійство . Мы полагали , что увидимъ , неоднократно видѣнную нами на картинахъ и эстампахъ , сцену заключенія въ оковы бѣдснвующаго старца и горестнаго разсаванія съ нимъ безвиннаго семейства; мы ожидали , что услышимъ и нелѣпые толки черни , собравшейся передъ домомъ Каласа , и посѣшный судъ Парламента; вмѣсто всего эшого мы видѣли папешическiя сцены , составленныя по образцу шрехъ - единственныхъ трагедiй . Это не то ! . . . Въ наше время Историческая вѣрность сдѣлалась необходимостью въ произведенiяхъ сего рода . Только она можетъ дѣйствовать на душу зрителей и возбуждать въ нихъ участие ; она составляла магическую пайну Шекспира , Корнеля , Шиллера и Гёте . Въ новѣйшее время появилось во Францiи собранiе драматическихъ сценъ , подъ псевдонимомъ Аббаша Фонжере . Между оными находится картина извѣстнаго заговора Малеша , прошивъ Наполеона . Въ семъ произведенiи мы находимъ вѣрнѣйшее изображенiе событiя , предрекавшаго паденiе могущесшвеннаго Имперашора Французовъ . Мы видимъ не только героевъ пьесы , но даже превосходную картину духа времени , образа мыслей Парижанъ , системы

правления Наполеона и производства судебных дѣлъ. Все это само говоришь въ вышеупомянутомъ сочиненіи! И вошь чего требуюшь нынѣ въ театральныхъ зрѣлищахъ, заимствованныхъ изъ Исторіи!... Г-нь Дюканжъ былъ гораздо счастливѣе въ вымышленномъ изображеніи ~~бѣдсвѣй~~ фамиліи Жермани (драма: Жизнь игрока), нежели въ представленіи на сценѣ злополучій безвиннаго Каласа. Скажемъ болѣе. Въ послѣднемъ произведеніи Дюканжа, которое изумило весь Парижъ, въ драмѣ: *Семь часовъ*, Авшоръ; вынужденный скрыть историческую испину, обозначилъ оную споль вѣрными и рѣзкими чертами, такъ хорошо умѣлъ представить избранную имъ эпоху, что эта булеварная пьеса едва ли не равняется съ лучшими прагедіями (*).

(*) Это извѣстная исторія отважнаго поступка Шарлоты Корде, избавившей Францію отъ изверга Марапа. Авшоръ не означилъ ни эпохи дѣйствія, ни званія лицъ своей пьесы. Вѣроятно онъ не хопѣлъ возобновлять горестнаго для Франціи воспоминанія о событіи, которое нанесло безчестіе цѣлой націи. Между пѣмъ Дюканжъ, раздѣливши свою пьесу на карпины, предоставляетъ зрителямъ угадывать цѣль оной, и занимаетъ ихъ сценами прекрасными, исполненными чувства! Говорятъ, что эта пьеса переводится на Русскій языкъ, и въ непродолжительномъ времени будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ; не утверждаемъ сей вѣспи, потому что вообще намъ много общають, и мало исполняютъ. Чванство Транжирина! Федоръ Григорьевичъ Волковъ! . . . Этимъ насъ часто подтываютъ.

Что-же касается до игры актеровъ въ драмѣ: *Смерть Каласа*, шо мы еще разъ повшоримъ нашу благодарносшь аршистамъ здѣшняго шеатра, кошорые видимо улучшаються. Эша самая пьеса, на канувѣ предшавленія, была играна на Московско - Французскомъ шеатрѣ. Къ удовольствію любителей опечественныхъ шаланшовъ, мы смѣло признаемъ, не шолько преимущесшво, но даже побѣду нашей труппы надъ восхваленными въ программѣ выходцами провинціальныхъ Французскихъ шеатровъ. Въ старые годы водилось, что иноземцы шѣшили нашихъ соощичей своими хипрыми зашѣями и, собирая по рублику съ нашего брата, наживали капиталы. А мы-шо дивились искусству!... Прошли злаяшья времена для иноземныхъ гаеровъ! Нѣшъ имъ поживки въ машушкѣ Россіи! Москвитянинъ (le Moscovite) поушнѣлъ, и шребуешъ хорошаго. . . . Но эшо дѣло пошороннее. Обратимся къ нашему предмету. Русскіе актеры, учасшвовавшіе въ семъ предшавленіи, какъ будто уговорились наконецъ исполнить шо, чего шакъ давно и шщетно ожидаешъ наша публика, а именно: согласія въ цѣломъ. Въ эшошъ разъ не было ни одной роли, дурно сыгранной и прецашшвовавшей успѣльному ходу пьесы. Мы замѣшили шолько одну несообразносшь. Г-жа Борисова, занимавшая шрогашельную роль супруги несчастнаго Каласа, въ послѣднихъ дѣйствіяхъ явилась въ костюмѣ, въ какомъ изображають на эспапахъ Женевьеву Бранштскую въ лѣсу. Короткое платье, шемваго цвѣша, и распущенные волосы! Случалось-ли когда, шобы мирная жительница образованнаго государ-

ства, въ минуту свой горести, показывалась въ такомъ неприличномъ видѣ? Эта несообразность была тѣмъ досаднѣе, что Г-жа Борисова играла прекрасно и имѣла минушы блестящія, исполненныя чувства. Кромѣ рукоплесканій, она даже исторгала слезы.

Въ данномъ послѣ сей пьесы балетѣ: *Амуръ и Психел*, мы удивлялись: во первыхъ, превращеніи судьбы человѣческой! Нѣкогда эшотъ балетъ почитался драгоценностью, которую не дерзали представлять въ неприличномъ видѣ, а нынѣ. . . увы! на великолѣпной сценѣ Московскаго театра... но довольно! . . . Во вторыхъ, непослужимой для прочихъ танцовщицъ, граціи Г-жи Лобановой, занимавшей роль Амура. Каждое движеніе, каждый жестъ эшой артистки выполняющся съ такою пріятностью, что могутъ служить образцемъ для живописцевъ и ваятелей. А между тѣмъ мы попросимъ нашихъ искусныхъ танцовщицъ взять ее за образецъ, въ умѣнн дѣйствовать не однѣми только ногами.

В. У.

Р. С. На сихъ дняхъ прибыла въ Москву группа Нѣмецкихъ актеровъ, выписанная здѣшняею Дирекціею. Подробнѣйшее свѣдѣніе объ оной мы сообщимъ читателямъ послѣ перваго представленія.

Н О В Ы Й   Ж И В О П И С Е Ц Ъ

ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

Мы обѣщали помѣстить, послѣ письма С. К. Зашѣйкина, два проэкта, присланные къ намъ при письмѣ его. Но послѣ того мы получили, отъ неизвестной особы, подписавшейся буквами: Z. Z., столь важную статью, что рѣшились напечатать прежде эту статью, а пошомъ уже проэкта Г-на Зашѣйкина. Дѣло, о которомъ говоритъ Г-нъ Z. Z., кажется намъ требующимъ скорого и немедленнаго ознакомленія съ нимъ публики; пусть все ясно и готово: недостаешь только охотниковъ выполнить, и какъ имъ не найдешься! Напротивъ, мысли Г-на Зашѣйкина требуютъ еще разсужденій и изслѣдованій. Впрочемъ, ихъ узнаешь читатели въ слѣдующей книжкѣ Телеграфа.

Живописецъ.

ПРО Э К Т Ъ

НОВАГО И ВЕЛИКАГО ПРЕДПРИЯТІЯ.

Первый долгъ благомыслящихъ людей : быть полезными ближнему ; успокоить и осчастливить многихъ есть сладчайшее удовольствіе челоуѣка , копорый , по мѣрѣ силъ , способствуешь благу общему .

Извѣстный , славный живописецъ сказалъ , увидѣвъ картину ; *И я живописецъ !* Говорю : *И я могу быть полезенъ .*

Вошь мое предложеніе ; судите и спѣшите на содѣйствіе въ благомъ намѣреніи .

Выставка Россійскихъ издѣліи доказала , что и мы кое-что обработашь умѣемъ . Оспорить невозможно : издѣлія на лицо ; охотники худить и порочить умолкли . — Но , впрочемъ , что шумъ за диво ? Товары , издѣлія , художественныя изобрѣшенія , промышленность ! Вошь и все . При всемъ эгомъ , мы не люди : мы не одѣшы , какъ совершенные Парижане ! Кто намъ дастъ *турнюръ , элегансъ ?* — Этомъ очаровательный вкусъ , за которымъ сподъ долгое время гонимся , снимаемъ слѣпки . . . увы ! Все еще не доведенъ до совершенства въ Россіи , а — что за просвѣщеніе безъ него ? — « Боже мой ! » восклицаютъ люди , посѣщавшіе Парижъ . « Надобно видѣть *l'ensemble* , общность *Парижскаго собранія* : тамъ старухъ кажется нѣтъ ; ихъ не узнаешь ! Такъ хорошо костюмы сшиты ,

приноровлены. . . а у насъ. . . — Grand Dieu! что можешь сравниться съ Парижскимъ вкусомъ? » — Подобныя восклицанія, и справедливыя, благоразумныя сѣшванія привели меня въ состраданіе, и съ сокрушеннымъ сердцемъ размышлялъ я, какъ помочь горю.

Благотворный геній внушилъ мнѣ наконецъ мысль восхишпедельную, мысль новую, доселѣ никому неизвѣстную, мысль: сократишь сроки доставленія намъ оригиналовъ, коимъ сполько лѣтъ мы жаждемъ подражать, коихъ рады превзойдши, ежели можемъ. Что иное значать журнальные рисунки модъ, присылка иностранныхъ образцовъ? Быспроша почтъ и пароходовъ, сократившихъ время доставленія, все еще недоставочна; гдѣ свѣжестъ? гдѣ нѣжность новости? Мы, несчастные, иногда недѣли при не знаемъ Парижской моды, и носимъ то, что шамъ, можешь бышь, давно въ забвеніи. Зима подходитъ; мы, въ невѣдѣніи, надѣнемъ что либо опъ спужи, а въ Парижѣ тепло! Приведу еще примѣръ: смотря на почныя описанія и извѣстія поселившихся въ земномъ раѣ, то есть въ Парижѣ, нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, мы съ нѣкотораго времени носимъ рукава à l'imbécille (полоумныхъ); но кто знаетъ ихъ почную мѣру? — Мы часто вспрѣчаемъ, что иная щеголиха превзошла, другая не достигла надлежащей мѣры, и кромѣ того: шамъ, можешь бышь, носяшь уже рукава à la rage, или à la frénésie, а мы еще въ невѣдѣніи, и все еще считаемся при imbécillité. . . ишожь значать всѣ наши извѣстія? Это похоже на прошлогодніе календари.

Чудесное изобрѣшеніе воздушнаго шоссе представилось мнѣ, какъ лучъ, освѣщающій шемному нашего невѣдѣнія. Пусть-же я прославлюсь геніемъ-изобрѣшателемъ, а мои соотечественники рѣшительною славою любви къ подражанію.

Я измѣрялъ на карпѣ почное разстояніе отъ Парижа до нашей столицы; пространство меня не спрашивать. Я поставлю на каждыхъ 20^{ти} саженьхъ высокіе столбы; на верхнихъ оконечностяхъ оныхъ приноровлены будутъ пружины и желѣзная проволока, по которой, посредствомъ 2^{хъ} колець, помчится, весьма ээирно и искусно сдѣланный фушляръ, накрышый сдѣланнымъ изъ клеенки зонпикомъ. Въ семь фушлярѣ помѣстятся двѣ искусно сдѣланныя куклы, мужская и женская, одѣтыя по всей почности въ шопъ день явившейся моды, съ подробнымъ означеніемъ каждой фалдочки, складочки, по масштабу, съ выставленными нумерами. Разумѣется, что фушляръ исправно отъ вліянія воздуха будешь обезпеченъ. Отъ сего прибавится несравненная выгода, что куклы обернутся бюллетенями, или дневными записками лучшихъ Парижскихъ обжорныхъ столовъ, и подучится двоякая польза: наружность наша украсится по послѣдней Парижской модѣ, а приобрѣшеніемъ новыхъ блюдъ напишаемъ мы и внутренность свою новѣйшими изобрѣшеніями изъ вмѣстилища вкуса. Я не сомнѣваюсь, что со временемъ улучшеніями моими достигну до способа привѣщивать къ посылкѣ изгошовленные въ Парижъ кушанья. . .

При отправленіи драгоцѣнныхъ образцовъ, избранные мною въ Парижъ комисіонеры, аршисты

и артистки, будутъ имѣть тщательный надзоръ. Они отправляютъ фушляръ, возвыся его на первый столбъ, гдѣ получаетъ онъ шолчекъ, особымъ сдѣланнымъ мною аппаратомъ, ибо путь приворовлена будешь пружина. На подобіе лешучаго челнока посылается пошомъ фушляръ по проволокъ къ ближайшему столбу, гдѣ зазвонившій колокольчикъ извѣщаетъ смотрителя, что ему время дернуть веревку, кошорая даетъ посылкѣ еще шолчекъ. И такъ, шолчекъ за шолкомъ, ошъ столба до столба, драгоценная посылка очушится у насъ, по моему расчисленію, въ 36 часовъ — къ воспоргу и роскощенію нашему. Мой аппаратъ столь искусно приворовленъ будешь, что возвышенія и неровности земли препятствовать ходу не стануть. Я дамъ моему воздушному шоссе большую наклонность отъ Парижа до нашей столицы, ибо, въ обратный путь мы ничего отправлять не будемъ. Да и что намъ посылать? Развѣ векселя и наличныя деньги? То и другое другими путями довольно скоро и успѣшно доставляется въ Парижъ!.. Обращаясь къ изобрѣшенію моему, скажу, что ночью порою, дабы во время пуши ни малѣйшей остановки не было, смотрители столбовъ обязаны будуть подпискою: привязывать веревку къ ногъ, такъ, что со временемъ приучатся держать ее во снѣ, и шолкать къ намъ посылку. Вообще улучшениями и стараніями можно надѣяться сократить время путешествія куколь въ 24 часа.— По приѣздѣ въ Москву, спускается съ аппарата фушляръ въ учрежденную на сей предметъ контору, подъ фирмою: *Контора воздушнаго шоссе*, что изобразится золотыми буквами

на доскѣ, съ двумя рогами изобилія, прекрасно на оконечностяхъ доски нарисованными, изъ коихъ сыпашься будутъ различные мужскіе и женскіе наряды. За тѣмъ, изъ великаго множества Французскихъ разнаго рода, живущихъ въ Москвѣ, аршистовъ и аршистокъ изберутся наилучшіе для надзора. Коншора, или магазинъ, съ пріемными комнадами, отдѣланы будутъ со всевозможнымъ щегольствомъ, и раздѣлятсь на два отдѣленія. Разумѣется, что помѣщеніе коншоры должно бытъ просторное, и устроено при обширной площади. Такъ какъ появленіе образцовъ будетъ всегда въ извѣстный часъ, то естественнo должно ожидать, что многіе захошашь узрѣтъ еще на воздухѣ драгоценныхъ гостей, что посему устремашься на воздухѣ взоры великаго количества зрительей, конныхъ, пѣшихъ, въ экипажахъ, и посему можешь послѣдовать ошъ шолпы народа замѣшашельство, для избѣжанія коего обширная площадь необходима.

По полученіи фушляра, онъ опкрывается торжественно, при нѣсколькихъ акціонерахъ, которые для уравненія впускаютсь по старшинству ихъ билетовъ. Тутъ-же, безъ оплательства, можно будутъ дѣлать заказы въ самой скорости. Извѣстно, что парашья можешь послѣтъ въ 12 часовъ. Это доказано опытомъ въ чужихъ краяхъ. Если-же такъ, то — восхишительная мысль! — придцать шесть часовъ въ дорогѣ, двѣнадцать на изгошование — и чрезъ 48 часовъ на бульварахъ и гуляньяхъ покажутсь Парижскія моды во всей ихъ невинности и красотѣ, за двое шолько сущокъ изобрѣшенныя

геніемъ Парижскихъ закройщиковъ и соскочившія съ иглы Парижскихъ швей!!

Здѣсь я долженъ предупредить, что въ учрежденной Конторѣ, или хранилищѣ моды, будущъ соблюдаемы порядокъ и справедливость. Съ сморшителей и сморшительницъ, взята будешь подписка: подъ опасеніемъ пошерять столь выгодное мѣсто, или *амплуа* (*), не грубиянить, не обманывать, въ десятеро за работу не брать, не отсылать требованія отъ завтра до завтра, держа бѣдныхъ просительей въ страхъ и надеждѣ, и принуждая просительницъ, за ихъ-же деньги, умолять о пощадѣ со слезами, и наконецъ лишая ихъ счастья показываться при надлежащемъ случаѣ въ новомъ нарядѣ. — Всѣ заказы будущъ принимаешься и записываешься въ нарочно заведенную сафьянную книгу. Впрочемъ на все будущъ изданы правила — душа всего дѣла, а потомъ будешь издаваться дополненія, исполкованія и замѣчанія, какъ всегда это дѣлается.

Предлагая мои услуги на выполненіе столь полезной и геніемъ моимъ изобрѣшенной выдумки, къ довершенію нашей образованности, я удостоверяю, что ошдѣлка всей наружности моего аппарата будешь на чудо: столбы раскрашены и вылакированы будешь на удивленіе, а желѣзо опполировано, какъ зеркало. Для полнаго-же услажденія акціо-

---

(*) Новое слово, появившееся для обогащенія нашего языка.

неровъ, во все время устройства буду я подавать прекрасные ошчеты, въ красныхъ графахъ.

Я долженъ ожидать, что безъ сомнѣнія найдутся зоиы, завистники и хулишеля, кошорые на все дѣлаюшь возраженія, и мнѣ скажутъ: 1-е, что страшныя суммы пошребны на шакое гигантское дѣло; 2-е, что ошкуда, при нашей бѣдности, взять шакія суммы, когда (какъ говоришся) у иныхъ въ зубъ шолкѣнушь нечемъ? Я ошвѣчаю, на 1-е, что досугъ-ли о суммахъ думаешь, когда дѣло идетъ о пользѣ и распрошраненіи образованности, и гдѣ-же и когда ошпа-навливались мы, если рѣчь доходила до подобныхъ пожершвованій? На 2-е: правда; мы скудны, очень скудны деньгами; но осмѣлюсь спросишь: при нашей скудоспи въ чемъ мы себѣ ошказываемъ? Мы живемъ весело, прекрасно, шянемся, ишпощаемъ послѣднія крохи, и смѣло уповаемъ — на авось! Впрочемъ, что-же пущъ выйдешъ худаго? — Мы и безъ шого провожаемъ наше достояніе и моремъ и сухимъ пущемъ за границу; я предлагаю пущъ по шрешей спшихи, по воздуху, яко скорѣйшій способъ приве-спши дѣло къ концу.

За шо, мы удивимъ Европу и вселенную. дущомъ подражанія. Пущь шогда зашпоряшь, что мы не похожи на Парижанъ: у насъ куклы на лицо, и всѣ увидяшь, что мы Парижане, какъ двѣ капли воды! Спѣшише, любезные соошечественники, подписывайшесь, сосшавимъ ошщесшво! Планы и смѣшы у меня гошовы, гигантское мое предпріяшіе ишполнишся — силою моего генія, поддерживаемого — вашими деньгами!

Z. Z.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Ce qu'il y a de plus remarquable dans les nouveaux bonnets de blonde, c'est le fond sur lequel sont posés, de distance en distance, des rouleaux de satin. La coulisse étant serrée, ces rouleaux imitent les nervures d'une coquille. Autre particularité: le nœud de ruban, au lieu d'être placé sur la garniture, se trouve quelquefois en dessous, ou, pour mieux dire, la garniture est retroussée, et le nœud la soutient.

Pour qu'une coëffure en cheveux telle que la font exécuter certaines danseuses, soit supportable, il faut d'abord une grande jeunesse, puis un ovale parfait, et un joli minois. Ces conditions étant remplies, il n'y a plus que de l'originalité dans la nudité des tempes, et la réunion de nattes, de fleurs et d'épis sur le sommet de la tête.

Une nouvelle manière de garnir le devant des robes consiste en une suite de triangles, larges de six à huit pouces, que l'on pose la pointe en haut, et qui se recouvrent tant soit peu.

Les étoffes changeantes (à chaîne d'une couleur et trame de l'autre) deviennent chaque jour plus à la mode. Les franges et les torsades que l'on met sur les robes et sur les redingotes de gros-de-Chine, de gros-des-Indes, ainsi changeantes, ont un brin d'une de deux couleurs de

---

(*) 10 Ноября (н. с.) 1829 г.

l'étoffe et un brin de l'autre. Pour les soirées, les satins sont changeans et pailletés, c'est à dire à très-petites mouches d'une couleur qui tranche sur le fond.

Les manteaux de femme les plus nouveaux sont d'un mérinos double, bleu ou rouge, quelquefois noisette ou lavande, imprimé en noir: les dessins, communément étrusques, laissent entr'eux un assez grand intervalle pour former des colonnes. Au bas du manteau, et au bord inférieur de la pélerine, il y a, entre ces colonnes, une palmette ou une fleur. La pélerine est garnie d'une frange, soit de la couleur du fond, soit partie de cette couleur, partie noire, soit tout-à-fait noire. Le collet du haut, en velours plain, est toujours de la couleur du fond.

Le tapis oblong, dit *descente de lit*, le plus élégant, est une peau de tigre ou de léopard, non taillée, c'est-à-dire, avec tête et pattes.

Quelques modistes substituent à l'effilé que l'on a coutume de mettre aux nœuds de ruban qui garnissent les chapeaux, un effilé formé de barbes de plumes d'autruche.

La plupart des bijoux sont massifs; mais l'on en fait aussi en filigrane. Nous avons vu aux oreilles et à la ceinture d'une nouvelle mariée, des boucles en filigrane. Quelques merveilleux ont pour épingle et pour boutons de chemise, une fleur, un oiseau ou autre petit objet en filigrane.

On a donné le nom de *soubrevestés* à des redingotes courtes; nous en avons vu en velours noir, d'autres en velours vert foncé. Les boutons étaient d'or, à dessins. Ces redingotes se portent boutonnées; elles ont pour doublure une étoffe de soie pareille.

Les bottes se font à bouts pointus.

Головные уборы. Самый замѣчательный предметъ въ новомодныхъ блондовыхъ чепчикахъ, есть расположеніе ашласныхъ валиковъ по блондовой шульѣ чепчика, въ нѣкоторомъ разстояніи одни отъ другихъ: они спягиваются въ центрѣ, такъ, что края ихъ, нѣсколько загнувшись вверхъ, образуютъ раковину. Вотъ еще особенность: ленточный бантъ бываетъ не на оборотъ чепчика, а подъ нею, такъ, что собственно оборотка замѣняетъ бантъ, а бантъ ее поддерживаешь.

Новая уборка головы, которую вводятъ въ моду нѣкошорыя шапкорки, можетъ быть весьма красива, но для сего надобно, чтобы особа, у которой такъ образомъ убрана голова, была молода; далѣе, чтобы лицо ея составляло совершенный овалъ, и чтобы оно было, что называется *хорошенькое личико*. Въ такомъ случаѣ эта уборка будетъ очень оригинальна, съ висками открытыми и плечушками, цвѣтами и колосьями, собранными на темъ головы (сія уборка головы изображена на приложенной къ сему № Телеграфа картинкѣ).

Модныя платья. Новый манеръ убирать передъ платьевъ состоятъ изъ трехъ—угольниковъ, широкихъ въ шесть и восемь дюймовъ, которые острымъ угломъ обращены къверху и другъ друга не много закрываютъ.

Двуличныя, или съ переднимъ манеріи (у кошорыхъ основа одного цвѣта, а уголокъ другаго) входятъ болѣе и болѣе въ моду. Бахрома и шорсада у платьевъ и предентгошовъ изъ двуличнаго, Китайскаго или Индійскаго грѣ, бываютъ также двухъ—цвѣтны черезъ лижку. Для бальныхъ платьевъ въ модѣ

Ноябрь 1829.

9

апласы двуличные, и при шомъ крапчатые, ш. е. съ маленькими крапенками, цвѣта противоположнаго полю матеріи.

Дамскія маншо, или плащи, послѣдней моды, шьются изъ двойной меринсовой матеріи, голубаго и алаго цвѣта, иногда орѣховаго, или лавандоваго (опшѣнокъ зеленаго), съ черными набивными узорами. Узоры бывають Этрусскіе, и шакъ отдѣлены одинъ отъ другаго, что составляютъ колонны или полосы. Внизу плаща и по краю ворошняка, или пелерины, между полосами набивають цвѣты, или пальметты. Пелерина обшивается бахромою, подъ цвѣтъ поля матеріи, или подъ цвѣтъ поля пополамъ съ чернымъ, или совершенно чернаго цвѣта. Ворошникъ верхній дѣлается бархашный, и всегда подъ цвѣтъ матеріи.

Модныя вещи и мѣлочи. Тигровая или барсовая кожа, необрѣзанная, ш. е. съ годовою и лапами—вошь самый щегольской коверъ, который спелюють подъ кровати.

Нѣкоторыя модистки замѣняютъ бахрому, какою обшивають шею края лентъ въ баншахъ, употребляемыхъ для уборки шляпокъ, пухомъ строусовыхъ перьевъ.

Большую частію галантерейныя вещи дѣлаются нынѣ массивныя; но бывають и филигранныя галантерейныя вещи. Издатель Парижскаго Журнала модъ видѣлъ у одной новобрачной въ ухахъ серьги, а на поясѣ пряжку филигранной работы. Передавая сіе важное открытіе публикѣ, онъ прибавляетъ, что нѣкоторые изъ щеголей посягъ на будавкахъ

и на пуговицахъ у рубашекъ цвѣшочки , пшичекъ и другія маленькiя фигурки , также филагранныя.

Мужскiя моды. Въ модѣ корошенькiя сюршучки , или , лучше скажешь , длинныя куршки (которыя называли шеперь *солдатскими козетами* , *soubreveste*). Они бывають бархашные , чернаго , или шемнозеленаго цвѣта . Ихъ застегивають на пуговицы , и подбивають шелковою , одинаковаго цвѣта съ бархашомъ , изъ коего они сдѣланы , матерiею .

Сапоги щегольскiе дѣлають съ острыми носками .

На приложенной картинкѣ:

Дама. Головная уборка новомодная , о которой говорено выше: ее изобрѣлъ знаменишый Парижскiй парикмахеръ *Monsieur Postansque*.—Платье шюлевое , убранное леншами и цвѣтами *подъ стать* головной уборкѣ (*assortis à la coiffure*).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,
съ тѣмъ , чтобы по отпечатанiи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра . Москва ,
Ноября 18 дня , 1829 года .

Цензоръ *Сергей Глинка* .

ВЪ ТИПОГРАФIИ АВГУСТА СЕМЕНА .

№ 21 Моск. Маг. 1829.

Въ Парижѣ, 10 Января (н.с.) 1829.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 21. *Ноябрь* 1829.

О ДѢЛАНІИ АЛМАЗОВЪ.

Вниманіе публики недавно было обращено на открытое въ Парижѣ средство составляющъ алмазы. Увѣряютъ даже, будто извѣстіе объ ономъ понизило цѣну самородныхъ алмазовъ. Надѣемся, что нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей будетъ любопытно прочесть крашкое изложеніе вопроса: о вѣроятности сего открытія въ настоящее или будущее время.

Алмазъ существуетъ въ природѣ иногда кристаллами, иногда зернами, неправильно округлыми. Его находятъ всегда въ наносной землѣ, по видимому довольно новаго образованія. Геологи полагаютъ за вѣрное, что онъ составился не тамъ гдѣ находятъ его, но только былъ перенесенъ туда. Алмазосныя земли состоятъ изъ камешковъ, округленныхъ и связанныхъ желѣзистою или песчанною глиною: въ ней находятъ желѣзный окисль въ разныхъ состояніяхъ,

кварцъ , окаменѣлое дерево , и проч. Си земли встрѣчаются чрезвычайно рѣдко и извѣстны только въ Индіи, въ окрестностяхъ Визапура и Голконды, на островѣ Борнео и въ Бразиліи. Плотность алмаза 3,5, а плотность воды 1, следовательно алмазы бывають вообще тяжелее веществъ, смѣшанныхъ съ ними, и самые большіе изъ оныхъ находящіяся въ глубинѣ или на краяхъ широкихъ долинъ.

Добываніе алмазовъ стоить весьма дорого, и худо вознаграждаетъ за трудъ: оно почти невозможно въ нѣхъ государствъ, гдѣ нѣтъ невольниковъ. Издержки на разработываніе алмазныхъ приисковъ полагають въ 38 франк. и 20 сантимовъ на карашъ. Ниже увидимъ среднюю цѣну караша.

Въ Индіи, землю съ алмазами промывали, переносили промышу на хорошо-углаженную площадку, и, давъ высохнуть, заспавляли нагихъ невольниковъ, подъ строгимъ надзоромъ смопріпелей, искашь въ ней алмазовъ. Это производилось на солнцѣ, потому что тогда алмазы болѣе опличаются отъ смѣшанныхъ съ ними веществъ.

Въ Бразиліи добываніе производится такъ-же, но правильнѣе. Землю съ алмазами переносять на промывальный споль, имѣющій склоненіе и раздѣленный перегорodkaми. Въ каждой рабочей ком-

нашѣ бываетъ двадцать Негровъ и нѣсколько надзирашелей. Когда Негръ находишь алмазь, шо онъ всхлопываетъ руками; надзирашель беретъ оный и кладетъ на блюдо, пославленное на сполъ, среди комнапы. Негръ, нашедшій алмазь болѣе чѣмъ въ семьдесятъ грановъ, получаетъ свободу. Не смотря на это награждение, при семъ дѣлѣ бываетъ кража, оцѣняемая болѣе нежели въ прешъ всего производства. Бразильскіе приски доспавляютъ ежегодно отъ двадцати пяти до шридцати тысячъ карашовъ, шо есть отъ десяти до шринадцати фунтовъ необработанныхъ алмазовъ, изъ коихъ шолько отъ восьми до девяти сотъ карашовъ могутъ быть ограниены.

Цѣна алмазовъ чрезвычайно велика: не идущіе въ грань продаются отъ 30 до 36 франковъ карашъ. Въ торговлѣ, для оцѣнки алмазовъ берутъ какое нибудь понятное для всѣхъ основаніе. Единица пажеспи для алмазовъ, называешся *каратомъ*. Слово сіе, прежде употреблявшееся для означенія пробы золота, происходитъ отъ того, что въ Африкѣ, въ землѣ Шангалловъ, гдѣ производится большая торговля золошомъ, жители употребляли для взвѣшанія онаго зерно растенія, изъ фамилии бобовъ, называемое *кара* (kuaga). Перенесенныя въ Индію, зерна сіи служили вѣсомъ алмазовъ. Карашъ имѣетъ не вполнѣ вѣсъ чешырехъ грановъ; до-

сповѣрно пѣжесць его равна 205 миллиграммамъ.

Когда необработанные алмазы могутъ быть огранены, и пѣжесць ихъ менѣе караша, то они продаются по 48 франковъ за карашъ. Если же пѣжесць ихъ болѣе караша, то берутъ квадрашъ сей пѣжесци и умножаютъ оный на 48. Такимъ образомъ алмазъ въ при караша пѣжесцью, спидишъ почти $3 \times 3 \times 48 = 432$ франка.

Таково основаніе, дающее среднюю цѣну необработанныхъ алмазовъ. Ограненные гораздо дороже.

Гранишь алмазы спали въ позднѣйшее время, именно съ 1476 года. Изобрѣпателемъ граненія былъ Людовикъ Беркемъ, жительство Бригге. Оно производится посредствомъ горизонтальной плоскости, сдѣланной изъ мягкой спали и покрытой алмазнымъ порошкомъ, смоченнымъ въ маслѣ. Древнимъ неизвѣстно было искусство гранить, и потому они употребляли только шъ алмазы, которые имѣли естественный блескъ, или представляли правильную кристаллизацию. Въ семъ послѣднемъ видѣ находящся алмазы на древнихъ вооруженіяхъ. Посредствомъ грани, художникъ спарашся сдѣлать алмазъ блестящимъ, не опнимая у него много вѣса, и придашь ему форму, основанную на правилахъ Опшики, усиливающую свойство его опражать и

распространяющъ свѣпные лучи. Для сего, гранью производящъ или *розы* или *бриліанты*. Алмазь-*бриліантъ* даетъ цвѣща и блескъ, болѣе разнообразныя; алмазь-*роза* кидаетъ лучи болѣе живые, но игра его хуже. Нынѣ опдающъ преимущество бриліантамъ, чему лучшимъ примѣромъ можешъ служишь камень сего рода *Регентъ*.

Цѣна ограненаго алмаза бываешъ весьма различна, смотря по формѣ, числостѣ, цвѣщу и вѣсу онаго. Ошъ $\frac{1}{10}$ доли карапа до цѣлаго карапа, средняя цѣна алмаза ошъ 60 до 250 франковъ за карапъ. Выше карапа берушъ основаніемъ квадрапъ пѣжести, умноженный на 192 (*), или на опредѣленную цѣну карапа, смотря по недоспашкамъ или красостѣ алмаза.

Почпи всѣ большіе алмазы получающъ изъ Индіи: самый значительный, найденный въ Бразиліи, вѣсипъ шолько 95 караповъ. Онъ не былъ ограненъ и принадлежишь Бразильскому Императору.

Изъ числа добытыхъ въ Индіи, извѣщенъ алмазь Раджи Мамунскаго, на Борнео: онъ вѣ-

---

(*) Такимъ образомъ ограненный алмазь въ три карапа, будетъ стоипъ среднею цѣною $3 \times 3 \times 192 = 1728$ франковъ.

сипть 300 каратовъ (болѣе двухъ унцій). Это самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ алмазовъ.

Принадлежащій Императору Могольскому вѣсипть 279 каратовъ. Онъ превосходной воды и прелестной формы, но имѣеть недоспажокъ.

Алмазь Императора Всероссійскаго, купленный въ 1772 году, вѣсипть 193 карата.

Алмазь Императора Австрійскаго вѣсипть 139 каратовъ.

Наконецъ алмазь, принадлежащій Французскому Королю, вѣсипть 136 каратовъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ *Питтова* или *Регентова*, пошому что былъ купленъ во время малолѣтства Людовика XV-го, у Англичанина Питта, Герцогомъ Орлеанскимъ, бывшимъ тогда Регентомъ. Форма его хороша, прозрачность совершенная.

Употребленіе алмазовъ довольно важно, если и не почипашъ ихъ предметомъ убранства. По своей чрезвычайной твердости, они предпочитаютъ всѣмъ другимъ веществамъ для составленія основы, на которой утверждаются и оборачиваются въ часахъ нѣжныя и совершеннѣйшія части оныхъ. Основы сіи обкладываются обыкновенно рубиномъ или сафиромъ, имѣя въ срединѣ алмазь, придающій имъ необычайную прочность. Алмазь употребляютъ также для разрѣзыванія стекла.

Теперь обратимся къ изслѣдованію свойствъ алмаза. Прежде думали, что алмазь похожъ на другіе драгоценныя камни. Первый Ньютоунъ, заиѣшивъ, что воспламеняемая и прозрачная шѣла, каковы благовонныя масла, винный спиртъ и проч., имѣють свойство сильно преломлять и распространять свѣшковые лучи (*), и что алмазь имѣетъ сіе свойство въ высокой степени, заключилъ изъ того, что сіе шѣло должно бытъ причислено къ веществамъ сгараемымъ. Предположеніе гениальнаго человека было подтверждено Флорентинскою Академіею Del Cimento, нашедшею, что алмазь, подспавленный къ фокусу сильнаго зажигапельнаго спекла, исплѣваетъ совершенно. Другимъ Химикамъ удалось сжечь алмазь въ своихъ печахъ. Но первый Лавуазье пытался разложить оспашки сгорѣвшаго вещества. Посредствомъ зажигапельнаго спекла, онъ жегъ

(*) Свойство *преломлять* лучи состоитъ въ томъ, что вещества прозрачныя, преломляя свѣшковой лучъ, идущій изъ воздуха и падающій косвенно на ихъ поверхность, приближаютъ его къ перпендикуляру. Свойство сіе соединено въ тоже время и съ свойствомъ *распространять*, потому что различныя цвѣшныя лучи, изъ коихъ состоитъ свѣшковой лучъ, преломляясь неровно, распространяются, или ондѣляются одинъ отъ другаго, болѣе или менѣе, сообразно съ большею или меньшею силою преломляющаго шѣла.

алмазъ въ реципиентѣ, наполненномъ атмосферическимъ воздухомъ: алмазъ исчезъ, и на мѣстѣ его явилась угольная кислота. Изъ этого онъ заключилъ, что алмазъ имѣетъ великое сродство съ углемъ, ибо, сгорѣвши, онъ даетъ одинакое съ нимъ произведеніе.

Г-нъ Теннантъ, въ Лондонѣ, снова сдѣлалъ разложеніе алмаза, и съ большою оппечливоспью. Для сего онъ положилъ въ золотую прубочку, закрытую съ одного конца, алмазъ извѣстнаго вѣса, вмѣстѣ съ самымъ чистымъ селипро-кислымъ пошашемъ, и раскалилъ прубочку до красна. Оказалось, что алмазъ исчезъ, и что опъ него остался только углекислый пошашъ, который Г. Теннантъ превратилъ въ углекислую извѣсть и началъ на нее дѣйствовать фосфоромъ, похитившимъ кислотворъ угольной кислоты и отдѣлившимъ углеворъ въ видѣ чернаго порошка. Сей черный порошокъ, который былъ наспояцій чистый уголь, собрали, свѣсили, и нашли, что вѣсъ его былъ почти совершенно равенъ вѣсу сожженнаго алмаза. Морво въ Парижѣ, Алленъ и Пеписъ въ Лондонѣ разнообразно повпоряли сіи опыты, и всегда доходили до того-же слѣдствія, что алмазъ еспъ не иное что, какъ совершенно чистый уголь, называемый Химиками *углетворъ* (carbone), что, сгарая, онъ даетъ тѣже произведенія, какъ и обыкновенный уголь, что сіи произведенія сами могутъ бытъ разложены и приве-

дени въ состояніе угля, а не алмаза, ибо въ семъ послѣднемъ веществѣ уголь находится въ кристаллообразномъ видѣ, слѣдовательно надобно смыкать шайну кристаллизаціи, чтобы превратить уголь въ алмазъ (*).

Съ перваго взгляда покажется странно, что алмазъ, вещество свѣтлое, прозрачное, блестящее, состоитъ изъ одинакихъ элементовъ съ углемъ, веществомъ чернымъ и непрозрачнымъ, и что вся разница между ими въ симметрическомъ расположеніи составныхъ частицъ, называемомъ кристаллизаціею. Но, размышляя объ этомъ странномъ явленіи, мы находимъ въ природѣ многія другія, совершенно сходныя съ онымъ. Такъ углекислая известь вслѣдуетъ намъ всего чаще въ видѣ мѣла, мрамора и пвердаго камня, называемаго горнымъ кремнемъ. Однакожъ, когда шаже известь закристаллирована, то она представляется подъ видомъ прекраснаго прозрачнаго минерала, называемаго известковымъ

(*). Нѣкоторые Химики почитали алмазъ окисленнымъ углеродомъ, другіе оводороденнымъ углеродомъ. Всѣ сіи сомнѣнія разрѣшены послѣдними опытами Деви, который показалъ, что алмазъ, сжигаемый въ усиленномъ кислотворѣ, не даетъ воды, и что онъ превращаетъ часть кислотвора въ угольную кислоту, не измѣняя количества ея. Сіи два положенія достаточно показываютъ, что алмазъ есть совершенно чистый уголь.

шпатъ, который отражаетъ , распространяетъ свѣтловые лучи, и даже имѣетъ странное свойство придавать имъ полярность. Такъ-же почто кремнистая земля , обыкновенно являющаяся намъ подъ видомъ твердыхъ и темныхъ камней, бѣлаго песка или гранита, будучи закристаллирована, производитъ прелестные кристаллы, совершенно прозрачные и способные къ граненію и полированію.

Когда природа алмазовъ сдѣлалась извѣстна , то надлежало подумать о средствахъ къ узнанію кристаллизаціи угля, чшобы соспавить искусственныя алмазы. Сначала надобно было разыскашь , не можеть-ли по соспояніе , въ какомъ алмазъ находится въ природѣ , показашъ , какими средствами сіе шѣло соспавлялось. Мы знаемъ въ семъ отношеніи только то, чшо главные формы кристаллизаціи онаго суть осьмигранникъ, кубъ, шрегранникъ и ромбоидальный двѣнадцашигранникъ, и чшо алмазъ находится только въ перенесенныхъ земляхъ. Онъ явно древнѣе шой эпохи, въ которую земли сіи были охвачены водою, и ничшо не показываешъ , былъ-ли онъ соспавленъ въ земляхъ, подвергавшихся дѣйствію огня или воды.

Слѣдовашельно, были принуждены искашь средства закристаллиовать уголь по обыкновеннымъ методамъ , употребляемымъ Химиками. Для закристаллиованія какого либо шѣла, надобно разложить оное , въ жидкости или посредствомъ

жара; въ послѣднемъ случаѣ разложеніе происходитъ въ шейловорѣ. Такъ расплавляя металлы, сѣру, и проч., кристаллируютъ ихъ посредствомъ продолжительнаго охлажденія. Средство сіе не могло быть испытано надъ углемъ, ибо онъ не плавится. Употребивъ дѣйствіе Вольтова столба, полагали, что въ оконечностяхъ угля, подверженныхъ сильному раскаленію при семъ опытѣ, видны начальныя признаки плавки. Но вѣроятно, что пепель сожигаемаго угля, заключающая въ себѣ кремнистую землю и пошашъ, доставляла здѣсь только родъ стекла, чрезвычайно хрупкаго, но не имѣвшаго ни одного изъ свойствъ алмаза. Когда-же, увеличивая силу гальванической струи, хотѣли произвести сильнѣйшій жаръ, уголь не расплавился, но разлепался мѣльчайшимъ порошокъ, который покрывалъ стѣнки снаряда, служившаго для опыта. Не имѣя успѣха сими способомъ, нѣкоторые ученые вздумали прибавить къ высокой температурѣ сильное давленіе. Кажется (хотя о томъ и не объявляютъ), что сіе средство было употреблено Г-мъ Каньяромъ. Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 44-го Ноября 1828-го года, сей ученый показывалъ трубки, заключавшія въ себѣ, по его словамъ, алмазъ, или закристаллированный углеворъ; въ одной изъ трубокъ были даже небольшіе кристаллы, прозрачныя, пирамидальной формы. Однакожъ Члены Коммисіи, назначенныя Ака-

демією, признали, что небольшіе кристаллы были соспавлены изъ кремнистой земли, хотя и весьма замѣчательны своимъ соспавленіемъ. Другое вещество, что есть пыль, по донесенію нѣхъ-же Членовъ Коммисіи, не есть чистый алмазь, ибо при сожженіи она оспавляетъ половину своей тяжести, состоящей изъ металлическихъ окисловъ. Она соспавлена не изъ смѣси лиспаго алмаза и сихъ окисловъ, ибо хотя и обшачиваетъ спекло, но не обшачиваетъ алмаза, и сверхъ того въ увеличительное спекло въ ней незамѣшно никакой кристаллической чашпи. Наконецъ, скорѣе кажешся соспойшь она изъ угля, разложеннаго и покрыпаго корою желѣзиспаго шлака.

Другой способъ для полученія кристалловъ есть разрѣшеніе вещества въ жидкости и медленное выпариваніе оной: шакъ кристаллируютъ соли. Но не окрыпа еще ни одна жидкость, способная разрѣшпшь уголь. Правда, есть жидкіе сосшавы, въ коихъ угленворъ одна изъ основныхъ чашпей. Таковы благовонныя масла, алкоголь, эфиръ; къ шакovýmъ-же можно причислпшь маслошворный газъ, обшугленный водопворъ и даже угольную кислоту, ибо, хотя сіи два послѣднія вещества обыкновенно бываютъ въ видѣ газа, однакожь извѣшно, что ихъ можно посредствомъ сильнаго давленія превратпшь въ жидкое сосшпаніе. Хлоръ съ угленворомъ и водопворомъ шакже образуешъ сосшавы шекучіе. Но болѣе всѣхъ

другихъ обратила на себя вниманіе Химиковъ еще одна жидкость, а именно: соединеніе угля съ сѣрою. Она образуетъ вещество, совершенно прозрачное, дѣйствующее на свѣтовые лучи съ особенною силою: это и заставило предполагать, что въ сей жидкости углетворъ находится въ состояніи, весьма близкомъ къ алмазу. Г-нъ Гавналь, Химикъ, хотѣлъ попыпаться отдѣлить сѣру отъ сѣдо угольнаго начала, дабы получить чистый закристиаллированный углетворъ. Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 3-го Ноября 1828-го года, онъ объявилъ о своемъ опытѣ. Оный состоялъ въ дѣйствованіи на соединеніе углетвора съ сѣрою, фосфоромъ и водою. Фосфоръ отдѣляетъ сѣру и составляетъ съ нею фосфорную смѣсь, а углетворъ, на поверхности, превращается въ кристаллы. Сія кристаллизація можетъ вполне совершиться въ три мѣсяца. Отдѣленіе кристалловъ отъ фосфорной смѣси сопряжено съ большими затрудненіями, по причинѣ воспламеняемости сей смѣси. Но когда сіе вещество составлено, по выспавленное проливъ солнечныхъ лучей, оно представляетъ множество кристалловъ, отражающихъ всѣ окраски радуги. Двадцать изъ сихъ кристалловъ были шакъ крупны, что ихъ можно было отдѣлить концемъ перочиннаго ножика; при равняли просыпному зерну. Сии три кристалла были разсмаприваемы Г-мъ Шампиньи, и показались ему настоящими алмаза-

ми (*). Донесеніе Членовъ Коммисіи о Запискѣ Г-на Ганналя, еще не было извѣстно въ то время, когда писана сія статья. Г-нъ Шампиньи, прежде управлявшій масперскими ювелира Г-на Пешипо, былъ уже года два въ Женевѣ, когда услышалъ объ извѣстїи, касавшемся опкрытія Г-на Ганналя, соповарища его въ 1822 мѣ году. Онъ подарилъ Женевскому Музею одинъ изъ упомянутыхъ алмазовъ, находившійся у него. Алмазъ сей вѣсиль около $\frac{1}{16}$ доли караша.

Прибавимъ, что опыты надъ соспавленіемъ алмазовъ были производимы при Г-нѣ Шампиньи, въ 1822-мъ году; что онъ наблюдалъ оныя внимательнѣе; что порошокъ, о которомъ упоминается Г-нъ Ганналь, былъ блестящъ, и отражалъ противъ солнца цвѣта призмъ; что подаренный Женевскому Музею алмазъ находился въ сѣтъ порошокъ, но другіе собраны Г-мъ Ганналемъ не при Г-нѣ Шампиньи. Послѣ всего вышечисаннаго, для надлежащаго сужденія о важности новаго опкрытія, должно прочиташъ донесеніе Членовъ Коммисіи, назначенной Академіею, и знашъ, какіе успѣхи были при почномъ и послѣдовательномъ повпореніи опытовъ, вѣроятно произведенныхъ много разъ послѣ первыхъ попытокъ, сдѣланныхъ уже шакъ давно. Замѣшимъ еще, что употреб-

---

(*). См. Le Globe, отъ 8-го Ноября 1828-го г., стр. 815-я.

леніе слабого и продолжительнаго дѣйствія электрическаго было-бы , можетъ сказать , вѣрнымъ средствомъ для произведенія кристаллизаціи, ибо Г-нъ Беккерель съ успѣхомъ кристаллировалъ оными многія шѣла , которыя , казалось , представляли для сего сколько-же трудностей , какъ и уголь.

Изъ *Bibliothèque universelle* ,
rédigée à Genève.

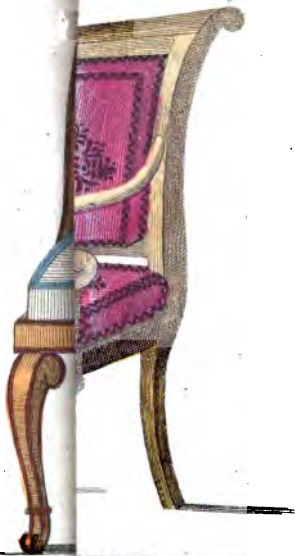

Къ сему № Прибавленія приложено изображение
новогодныхъ Парижскихъ креселъ.

Труд. Моск. Мар. 1829.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

TILDEN FOUNDATIONS

R

2

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

R

К. В. Н. & М. С. М. 1889.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.
КАРТИНА ГРЕЦІИ

въ 1827 году.

(Окончаніе).

Мы не долго оспавались въ Наполи ди Романія. 22-го числа, на разсвѣтѣ, мы опправились къ оспрову Идрѣ, и вечеромъ 23-го ч. прибыли шуда. Корвешта оспавалась подѣ парусами. Капитанѣ и Г. Лабордѣ сошли на землю и ночевали у Томбази. Созвали Эпипропію. Сіе собраніе приняло сообщеніе опѣ уполномоченныхъ и опвѣчало самими увѣришельными обѣщаніями.

Идра и главные оспрова Архипелага прешерпѣли великія упрашы со времени возспанія. Когда началась Французская революція, Греки овладѣли шорговлею Средиземнаго моря; они совершенно замѣнили Французовъ и Ипальянцевъ; они одни шорговали въ Черномъ морѣ хлѣбомъ, и большею часпію они снабжали имѣ Конспаншинополь. Богатства ихъ увеличились съ удивительною быспропою, и шакъ, чшо они уже не

Ноябрь 1829.

10

могли имѣть соперниковъ и не ограничивались одною выгодною опть найма ихъ судовъ, но производили дѣла сами. Въ торговыхъ дѣлахъ съ Оппо манскою Имперією имъ было оказываемо покровительствво, ибо они, шакъ-же какъ Европейцы, плащили только 3 проценша пошрины. Слѣдовательно, во всѣхъ своихъ торговыхъ оборобахъ они имѣли слѣдующія выгоды:

1-е, Служиселей по весьма дешевой цѣнѣ. Мапирсы имъ сподили только опть 15 до 20 франковъ въ мѣсяць, между шѣмъ какъ намъ сподятъ они опть 50 до 60-ши;

2-е, Экономію въ пищѣ экипажа, ибо Греки умѣренны и постыашся почти весь годъ. Лукъ, сельди, хлѣбъ и вода соспавляли всю ихъ корабельную провизію;

3-е, Скороспъ въ переходѣ судовъ, шакъ что они могли дѣлать два или три переѣзда, въ шое время какъ Европейцы дѣлали одинъ;

4-е, Они ничего не издерживали на Консуловъ, а это соспавляетъ, на корабль средняго груза, опть 150 до 200 франковъ во всякомъ поршѣ, гдѣ есть наши Консулы.

Сшоль выгодная шорговля, ещедневно увеличивашаяся дѣятельностью Греческихъ мореходовъ и водвореніемъ торговыхъ Греческихъ домовъ во Франціи и въ Англии, привлекла на оспрова Архипелага, особенно-же на Идру, Спеццію, Ипсару, огромные капиталы.

Со времени возстанія, вся торговля исчезла; барыши прекратились; издержки на флотъ были непрерывны; сильные дома мало по малу испрашивали свои капиталы на поддержаніе моряковъ и на пропитаніе несчастныхъ жителей голыхъ скалъ. Нынѣ средства почти истощены, и жители Идры и Спеціи, умѣющіе существовать единственно промышленностью и мореходствомъ, умираютъ съ голоду. Посредническимъ Договоромъ запрещены имъ военныя дѣйствія; Адмиралы строго преслѣдуютъ морскіе разбои, а торговля еще не довольно безопасна, и потому не можетъ оживиться. !

Надобно сказать, что Идра и Спеція, во все время возстанія, были двумя главными подпорами революціи. Они доставляли все, что имѣли: суда, деньги, людей, и доставляли безкорыстно, потому что не могли ожидать отъ сей невѣрной борьбы ничего, кромѣ потерь. Дополъ они наслаждались полною и совершенною свободою; обязанности ихъ были легки, торговля самая свободная въ мірѣ, а богатства безчисленны. Вошедши въ Эллинское сообщество, они принужденны несли на себя значительную часть тягостей, когорыя долго еще будутъ бременить сіе новое государство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, выплачивали налоги, займы, поддерживали Правительство и войско, когда на всѣ сіи обязанности останулись одни опустошенные, нагія поля,

народъ , чрезвычайно уменьшившійся въ числѣ , и шорговля , лишенная своихъ величайшихъ подкрѣпленій и уже сполько лѣтъ задержанная? Въ-рооятно, однакожь , что какъ скоро прекратится война , и спокойствіе будетъ возстановлено въ Греціи , то ея кучеческая морская сила потчасъ снова займетъ первое мѣсто въ Средиземномъ морѣ. Австрійскіе моряки воспользовались несчастьями Грековъ и увеличили свои дѣла , но сіи послѣднія потчасъ могутъ уничтожиться , и если Черное море не будетъ закрыто для Грековъ , если они будутъ продолжать торговлю съ Опшоманскою Имперією , то немедленно вознаграждать свои пошери.

Мы оправились съ Идры , желая совершить пупешествіе въ Аѳины. Этошъ перѣздъ былъ сдѣланъ именно для насъ. Адмиралъ позволилъ Капшпану попытаться , не лзя-ли будетъ намъ увидѣть сей знаменитый городъ. Зная , что Турки уже не пусшили шуда Англійскихъ пупешественниковъ , мы взяли предосторожности , что-бы и съ нами не сдѣлали шого-же. Мы опстановились при входѣ въ Пирей. Немедленно посланъ былъ на землю кормчій , Грекъ , который зналъ по-Турецки. Онъ потчасъ переговорилъ съ нѣсколькими всадниками , подѣхавшими къ берегу для обозрѣнія нашего корабля. Онъ сказалъ имъ , что мы Французы , что начальникъ нашъ въ первый разъ находится на сихъ моряхъ , что онъ

очень желаетъ посмотрѣть Аѳины, и проситъ испробовать на то позволеніе Паши.

Ожидая отвѣта, мы провели остатокъ дня въ спранспованіи по полуострову Мунихіи. Сколько великихъ воспоминаній шѣснилось въ нашихъ мысляхъ! Мы были между шѣми славными при-спанями, въ кошорыя торговля извѣснаго міра собирала корабли всѣхъ народовъ, и шѣмъ шѣс-нымъ каналомъ, гдѣ, искусвомъ одного человѣка, небольшая Греческая эскадра испрбила огромный флотъ великаго Царя. Впрочемъ, видя сіи мѣста, не лзя не спроситъ самого себя, какимъ образомъ споль узкій преливъ могъ вмѣститъ въ себя шакое необыкновенное число судовъ? Если не хотимъ сомнѣваться въ справедливости Испо-риковъ, то должны полагать, что у Древнихъ корабли были не огромнѣе нынѣшнихъ нашихъ шлюпокъ.

Греки поспавили гробницу Ѳемиспокла на око-нечности Мунихіи, прямо напрашивъ Саламина. Еще оспаются нѣкошорыя слѣды сей знаменитой гробницы. Видны при колонны, опрокинутыя и омываемыя волнами, наполняющими самое мѣсто могилы, изсѣченной въ скалѣ. Весь полуостровъ былъ окруженъ шолспою спѣною, кошорой осно-ванія еще замѣшны. Съ вершины холма намъ вид-ны были оба порпа: Пирей и Мунихія. Высоты Фалерскія закрывали ошъ насъ Аѳины и были увѣчаны укрѣпленіями, кошорыя Греки оспавили

еще прежде сданы Акрополиса. На показаніи было видно мѣсто Бахусова театра, а внизу, на берегу моря, развалины монастыря Св. Спиридонія.

Всѣ сіи мѣста, нѣкогда покрытыя народомъ, споль дѣйствительнымъ и многочисленнымъ, нынѣ пустыни. Жителямъ Пирея было недоспачочно двухъ театровъ. За нѣсколько мѣсяцевъ шаможня и монастыри оставались единственными обитаемыми мѣстами среди сихъ развалинъ: и они испреблены въ свою очередь.

Вечеромъ получили мы отъ Паши отвѣтъ благопріятный. Въ шесть часовъ утра, на берегу, должны были находишься для насъ лошади. На другой день мы не заспавили себя ждать. Съ шести часовъ мы всѣ, въ мундирахъ Королевскаго флота, были уже подлѣ шаможни. Насъ очень удивило только то, что вмѣстѣ съ приготовленными для насъ лошадьми явилось сорокъ человекъ Деліевъ, сопровождаемыхъ Дели-Башею и предшествуемыхъ ливаврикомъ, обыкновенно идущимъ впереди, для показанія высокаго достоинства своего начальника. Насъ встрѣтили со всеми военными почестями. Мы отправились въ путь съ нашимъ прикрытіемъ и ѣхали среди маслянаго лѣса, просширающагося по всей долинѣ и орошаемаго Цезизомъ. Деревья скрывали подъ своею темною зеленью опустошеніе и показывали видъ, издали довольно веселый; но проѣзжая подлѣ нихъ,

мы вездѣ видѣли слѣды ужаснѣйшаго испребленія. Всѣ деревья были обломаны, обожжены; дома разрушены; виноградники, съ давнихъ лѣтъ покинутые, сохраняли слѣды обрабопки только въ правильности своего насажденія; плоды виноградные сдѣлались дикими. Наше почетное прикрытие было на видъ столько-же неспройно, какъ земля, въ которой оно находилось. Оно шло грабительски черезъ лѣса и виноградники. Худя, поджарыя лошади его скрывали подъ своими грубыми и безобразными формами врожденную пылкость, перяемую сими живописными только при смерти. Выѣзжая изъ масличнаго лѣса, подъ Аениами, на поворотѣ въ деревушку Падиша, Дели-Баши раздѣлилъ свой опрядъ на двѣ части, и на чистой равнинѣ заспавилъ его дѣлашь передъ нами эволюціи. Мы не могли опомнишься опъ удивленія, увидѣвъ легкость, оборотливость, пылкость эшихъ скверныхъ скакуновъ, казалось, умивавшихъ опъ голода. Не меньше дивились мы и ловкости всадниковъ: они пускались въ спрѣлки другъ противъ друга, смѣшивались, снова раздѣлялись, и все это съ такою быспрошою, что глазамъ трудно было слѣдовать за ними. Выспрѣлы изъ пистолетовъ, заряженныхъ пулями, гремѣли со всѣхъ споронъ. Я много видалъ у Турковъ подобныхъ эволюцій, но никогда, среди самой большой сумашохи, у нихъ не случалось при мнѣ никакого несчасія. Пусиль спросящъ у на-

шихъ гусарскихъ офицеровъ, чего-бы не сдѣлали они съ такими всадниками?

Послѣ двухъ часовъ пупешествія, мы приѣхали въ главную кварширу Турецкую. Это была груда шалашей досчатыхъ и землянокъ, слѣпленныхъ изъ грязи, гдѣ въ кучѣ находились всадники, Албанскіе пѣхопинцы и нѣсколько Грековъ, возвращившихся съ Турками. Тушъ былъ даже Епископъ Греческій, назначенный своими соопечесвенниками, и призванный ободрять прежнихъ жипелей и побуждать ихъ снова вступать въ свои владѣнія. У этого Епископа велѣлъ Паша угостить насъ завтракомъ. Надобно было ѣсть по-Турецки, къ чему мы привыкли уже во время нашихъ пупешествій.

Долго не подавали кофе. Мы {располагались ѣхать, но Паша спалъ, и сна его не хотѣли нарушить. Между тѣмъ время проходило, и мы начинали бояться, не дурачатъ-ли насъ. Терпѣніе наше кончилось, и мы опсправились съ Акрополисскимъ Комменданпомъ и однимъ офицеромъ Паши, посланнымъ для того, чшобы намъ вездѣ опшворяли вороша.

Обѣхавъ подошву горы Анхезма, мы приблизились къ спѣнамъ, защищеннымъ башнями, замыкающими новыя Аѳины. Прежде всего мы пошли взглянуть на оспашки храма Юлипера Олимпійскаго, на Иссъ, и мѣсто, гдѣ была Спациа.

Возвратившись, мы прошли мимо воротъ Адриановыхъ и вступили въ новыя ворота, охраняемыя Албанскими солдатами. Какое ужасное зрѣлище представилось намъ! Это однѣ развалины и обломки. Никогда городъ, взятый приступомъ, не представлялъ бѣльшаго безпорядка. Одинъ базаръ оспавался цѣль или былъ снова выстроенъ въ срединѣ города. Вокругъ этого оазиса видны были только разрушенныя дома и улицы, загроможденныя горами камней; нѣшь живелей, нѣшь даже собакъ: онѣ, похравши мерпвыхъ лошадей, убѣжали и оспавили одни скелеты ихъ украшать разнородныя обломки. Албанскіе солдаты, вспрѣшившіеся намъ на базарѣ, своимъ дикимъ видомъ и оборваннымъ плащемъ совершенно соотвѣтствовали ужасному своему мѣстопребыванію. Ихъ безстрашныя фізіономіи, посреди всеобщаго разрушенія на этомъ опврашишельномъ театрѣ ихъ же неисповѣствъ, внушали неописанный ужасъ.

Мы спѣшили перейти чрезъ сіи опустошенныя мѣста, чѣобы скорѣе удивляться прекрасному храму Тезееву. Онъ не потерпѣлъ ничего и оспался совершенно цѣль посреди всего этого безпорядка. Только одно ядро отбило уголь у колонны; за то внутренность, служившая казармами Албанцамъ, казалась вершепомъ самыхъ нечистыхъ животовныхъ. Отсюда мы вошли въ Акрополисъ. Дорога къ нему идетъ мимо Венеціанской башни, съ которой былъ сброшенъ несчаст-

ний Одиссей. Вошедши въ цитадель, мы увидѣли бапарей, посвященные напропивъ Турецкихъ бапарей, находящихся на холмѣ, увѣнчанномъ могилою, такъ называемою Филопаповою. Онѣ были въ спрашномъ безпорядкѣ: разныхъ калибровъ орудія были оборочены, лафеты разбины, плашформы, въ началѣ худо устроенныя, были потчасъ разрушены, какъ скоро открыли огонь изъ пушекъ. Я думалъ тогда что Греки, еще не выходя изъ Акрополиса, срыли всѣ свои укрѣпленія, дабы не оставишь Туркамъ ничего, что могло-бы имъ годишься. Но послѣ, къ великому моему удивленію, я узналъ опъ Филеллиновъ, бывшихъ памъ съ Полковникомъ Фавье, что состояніе крѣпости было не лучше, когда Греки и занимали ее. Передъ нами, на всякомъ шагу, выходили, со всѣхъ сторонъ, многочисленныя войска Албанцевъ. Намъ сказали, что ихъ было пушь 3000. Почти мимоходомъ подивились мы Пропислямъ, Паренону, храму Эрихееи. Памятники потерпѣли опъ Англичанъ, болѣе нежели опъ Турецкихъ и Греческихъ пушекъ. Коммендантъ принялъ насъ въ небольшой дослашой комнатѣ, копорая одна оставалась во всей цитадели. Насъ подчивали кофеемъ и шрубками. Капшанъ, желая изъявишь признашельность за шакія вѣжливости, подарилъ пушь зришельную шрубку.

Для возвращенія на корабль, намъ должно было проходить между холмами Музея и Филопа-

ца. Такимъ образомъ, прямо по долину, мы слѣдовали-бы развалинами, вдоль сплнъ, по еспъ спарою дорогою опъ Аѳинъ къ ворошамъ; но мы хопъли видѣнь поле битвы, гдѣ Греки были споль несчастливъ 6-го Мая. Мы спустились на берега Илисса и перешли черезъ небольшой окопъ, сдѣланнй Турками для осады Аѳинъ. За Илиссомъ, мы опяшь взошли на возвышенія, косвенно просирающіяся къ морскому берегу, до болопъ Фалернскихъ. На сихъ-по висопахъ Греки выспроили свои окопы. Намъ рассказали здѣсь всѣ подробности ихъ сраженія, одного изъ самыхъ жаркихъ во все время войны за независимость. Мѣсто придавало сему разказу такую занимательность, копорой я не могу здѣсь сохранить. Тушъ кончилъ жизнь свою Караискаки, человекъ самый способный изъ всѣхъ, предводившихъ Греками. Никто лучше его не умѣлъ пользоваться ихъ добрыми и худыми качествами. Караискаки имѣлъ надъ Греками большую власть. Онъ былъ пораженъ въ то время, когда велъ спрѣлковъ. Жизнь его кончилась на гоэлешпѣ Лорда Кокрена. Последними словами Караискаки были прогательныя желанія и превосходные совѣты опечеству: но время еще не исполнило завѣщанія одного изъ храбрѣйшихъ и достойнѣйшихъ защитниковъ Греціи.

Турки взяли тогда въ плѣнъ 500 человекъ, и топчасъ опрубили имъ головы. Въ числѣ плѣнныхъ находился Паскаль, нѣкогда начальникъ Кор-

сиканскихъ бандитовъ , но шупъ служившій въ первомъ батальонѣ Филеллиновъ. Онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ смонирѣлъ, какъ рубили головы поварищамъ его бѣдсвія. Къ нему подходилъ палачъ, Грекъ, чпобы схватить его и казнить. Онъ опрокидываетъ палача. « Не хочу умереть опъ руки Грековъ, слишкомъ прусливыхъ, » говоритъ онъ , и подзываетъ къ себѣ Албанца : попъ однимъ выспрѣломъ оканчиваетъ его жизнь. Между плѣнными былъ также Калержи ; ; но онъ обѣщаль Деліямъ Паша большой выкупъ, если они спасутъ ему жизнь. Они спали просить , чпобы его пощадил. Паша отказалъ, но послѣ принужденъ былъ согласиться съ своими алчными солдатами, возмутившимися противъ него. При всемъ эпомъ варварствѣ Турковъ, часпо встрѣчаются, отдѣльно у людей сего народа , удивительные примѣры доброты и великодушія. Одинъ Такпикосъ былъ взятъ въ плѣнъ Турецкимъ начальникомъ, и, слѣдовательно, спалъ невольникомъ его. Вскорѣ послѣ эпого , Турка женилъ его на одной Гречанкѣ, также своей плѣнницѣ , подарилъ имъ 500 піастровъ и оппустилъ обоихъ на волю.

Проходя черезъ поле бишвы , мы долго шли посреди скелешовъ. Они всѣ были безъ головъ , опрѣзанныхъ, и, по Турецкому обычаю , посланныхъ къ Султану. Путеводители услужливо обрашили вниманіе наше на опвраишительные останки своей побѣды. Мы посѣщили пройдни эпо

поле мершвыхъ и возвратились на корабль, измученные усталостію, жаромъ, и опечаленные грустнымъ зрѣлищемъ, предспавлявшимся намъ во все время пуши.

Въ слѣдующій день, 27 числа на разсвѣтѣ, мы опсправились, и въ три часа вечера были уже на якорѣ, подлѣ Эгины. Оспровъ сей плодоносенъ; со спороны залива берегъ его крупъ и на вершинѣ горъ видны развалины храма Юпипера Панеллинскаго; но къ споронѣ маперика берегъ низокъ. Въ городѣ нѣшъ порта: одна насыпь, идущая перпендикулярно опъ берега, защищаетъ нѣсколько суда опъ сѣверныхъ вѣтровъ. Прежде Эгина была не важна и сдѣбалась значительною со времени несчастія Грековъ. Скоро и Иравишельсшво было принуждено памъ водворипься. Народо-населеніе ея увеличилось всѣми, бѣжавшими съ Ипсары, изъ Аѣинъ, Мореи и съ оспрова Кандіи. Менѣе чѣмъ въ два мѣсяца было выспроено болѣе двухъ сотъ каменныхъ домовъ; вокругъ оныхъ, множесшво шалашей и палашокъ служили убѣжищемъ бѣднымъ семейспвамъ. Въ благословенномъ памошнемъ климапѣ, вѣшвъ дерева, легкое полошно, могутъ укрышъ опъ непогоды. Довольсшво царсшвовало въ городѣ; во всѣхъ шпоронахъ опкрывались кофейные дома и лавки. Въ портѣ видна была великая дѣяшельность. Шестъ военныхъ бриговъ спояли на спаспяхъ и были гошовы къ спуску. Вооружали

брандеры. Веселость и надежда одушевляли всѣхъ и выражались на лицахъ. Между нѣмъ, въ городѣ нѣтъ укрѣпленій и никакой защиты. Одинъ Турецкій фрегатъ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, можешь придти и сжечь городъ. Но шакова прусость моряковъ Турецкихъ, что они никогда не осмѣливались, со своими военными кораблями подойти къ нѣмъ мѣстамъ, гдѣ могли встрѣпшишь хотя одинъ Греческій корабль. Большая часть острововъ была безъ пушекъ и ни на одномъ не вооружилось-бы сна человекъ. Греческіе искатели приключеній безпрещанно грабили оные и обременяли поборами, а Турки никогда не смѣли тамъ показаться.

Эпипронія собралась здѣсь, шакъ-же какъ на Идрѣ, и ей были сообщены нѣже свѣдѣнія. Засѣданіе ея происходило въ небольшой комнатѣ, надъ лавкою одного бочара: это были палашы Правительшва на островѣ. Съ важностью сидѣли на землѣ и разсуждали о великихъ пользахъ государства. Секретарь говорилъ довольно хорошо по Французски, слѣдовашельно мы могли совершенно узпашъ мнѣніе собранія. По его словамъ, Греки были очень не довольны посредническимъ Договоромъ; при ужасномъ своемъ положеніи, они еще имѣли въ головѣ самыя несчастныя требованія. Договоръ сей обезпечивалъ ихъ отъ немзбѣжной опасности, и пошому они уже забыли, что годъ назадъ, умоляя Англію о пособіи, они

отказывались отъ всякой мысли о независимости, и что съ тѣхъ поръ, начальники ихъ не только не думали о свободѣ опечесства, но что многіе изъ нихъ были готовы переговаривать съ Турками и продать имъ остатки свободы. Однакожь перемиріе казалось Грекамъ самымъ невыгоднымъ для нихъ дѣломъ. Они были вездѣ разбишы, разсыяны, теряли духъ, когда имъ надлежало дѣйствовать, но, по ихъ словамъ, посредничество благопріятствовало болѣе Туркамъ и спасало Константинополь, почти завоеванный (!!).

Изъ всѣхъ новыхъ Грековъ, одинъ Канари сходствуеши съ героями древней Греціи. Простота и скромность еще болѣе возвышають необыкновенную его смѣлость; опечесство можетъ отъ него претерпѣть всего, что онъ имѣеши. Сто разъ подвергалъ онъ за него свою жизнь опасности, и никогда не претерпѣвалъ вознагражденія. Похвалы удивляють его: благородное поведение кажеши ему совершенно естественнымъ. Онъ остался бѣденъ, потому что никогда не думалъ о себѣ. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами Грековъ, одинъ Канари не говориши ни о паршіяхъ, ни о пронырствахъ. Онъ, кажеши, понимаеши, какъ много посредствующія Державы сдѣлали для него опечесства. Будучи болѣнъ при насъ, онъ располагался еще служеши ему и готовъ былъ ѣхать къ сборному мѣсту при Идрѣ, назначенному его судамъ Адмираломъ Міаули.

Мы провели у Канари много очень приятных часовъ, въ кругу его небольшого семейства. Жена его еще молода и прекрасна, а дѣши чрезвычайно привлекательной наружности. Домикъ у Канари небольшой и убранный просто, но въ ономъ замѣтна удивительная опрятность. Тамъ видѣли мы многихъ Французскихъ Докторовъ, находящихся въ службѣ Грековъ, подъ управленіемъ Доктора Бадди. Канари представилъ намъ одного Греческаго священника, соуправляющаго ему во всѣхъ походахъ. «Эпопъ челоуѣкъ,» сказалъ онъ намъ, «молишь у Бога прощенія за насъ, когда намъ случается подышъ на воздухъ нѣсколькихъ нашихъ враговъ.»

Въ Эгинѣ учреждено было призовое судилище, составленное изъ невѣждъ и людей жадныхъ, или обезславленныхъ и уже изгнанныхъ изъ Конспанинополя и другихъ торговыхъ мѣстъ за злосныя банкротства. Расправа сего судилища была самая несправедливая. Однакожь Европейскіе Адмиралы соглашались съ его приговорами и предавали наши несчастныя купеческіе корабли его хищничеству. Ему было много дѣла, ибо дѣятельность и ловкость морскихъ разбойниковъ проспиралась до удивительной степени. Рѣдкія суда ускользали отъ нихъ и всѣ были объявляемы призами. Если, паке чаянія, какой нибудь Капитанъ подарками успѣвалъ вырваться изъ рукъ судей и освободить свой корабль, то онъ выигрывалъ немного: начальникъ

морскихъ разбойниковъ , услышавъ о благопріятномъ приговорѣ судилища , входилъ въ Совѣтъ онаго, грозилъ судьямъ, и заспавлялъ переменный приговоръ въ свою пользу. Наконецъ, избѣгавшіе отъ всѣхъ сихъ несправедливостей и варварства, спасали только свой корабль, ибо грузъ его бывалъ разграбленъ еще прежде нежели оканчивалось сужденіе.

Оспавивъ Эгину 28-го числа, мы отправились въ Поро, и въ пощъ-же день оспановились передъ симъ оспровомъ. Онъ не великъ и безплоденъ, но могъ-бы сдѣлаться чрезвычайно важнымъ по величинѣ и красотѣ порта, образуемаго имъ и маперикомъ. Сей портъ, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ — къ сѣверу полуостровомъ Мепана, къ востоку и юго-востоку самими оспровомъ, а къ западу высокими горами Греціи — могъ-бы имѣть два пѣсные входа, удобные къ зашипѣ. Одинъ изъ нихъ, сѣверный, гдѣ проливъ шириною почти въ милю, между полуостровомъ Мепана и оспровомъ, проходимъ для самыхъ большихъ кораблей; другой, южный, болѣе перваго спѣсенный, теперь запертъ для судовъ скалами, находящимися почти наравнѣ съ поверхностью воды; но ихъ легко было-бы срыть. Споя среди сего обширнаго рейда, можно подумать, что находишься на прелестномъ Швейцарскомъ озерѣ. Море здѣсь всегда тихо и ровно; берега его покрыты вѣчно-зелеными боске-

Ноябрь 1829.

11

нами. Городъ Поро выспроенъ худо ; въ немъ счищается около 45,000 жителей, большею частью бѣжавшихъ изъ земель , занятыхъ Турками. Правительство хотѣло здѣсь поселиться, попому что Приготовительная Коммисія не могла долѣ оставаться въ Наполи, которая со дня на день могла быть осаждена Турками. Оно хотѣло удалиться на какой нибудь островъ, подъ защиту флота, и особенно желало быть подальше отъ Паликарскихъ начальниковъ, ибо ихъ спрашилось оно болѣе всего. Посему-то предпочли Эггину, какъ болѣе удаленную отъ материка.

Коммисія Филеллиновъ обыкновенно находилась въ Поро и была составлена изъ Полковника Баварской службы Гейдеккера , завѣдывавшаго пособиями арміи, Доктора Горсо, опредѣленнаго для флота, и Доктора Балли, надзиравашаго за госпиталями. Комитеты Европейскіе рѣшились только къ нимъ посылать деньги , жертвуемая Европейскимъ великодушіемъ для пособія Грекамъ, и они одни распоряжались оными. Въ окрестностяхъ острова Поро морскіе разбойники грабили всѣхъ, встрѣчавшихся имъ, даже въ портѣ. Жители не смѣли выходить изъ города. Но Члены Приготовительной Коммисіи первые подали сей поспыдный примѣръ. За нѣсколько времени прибылъ Американскій корабль, посланный Американскими Квартерами и нагруженный разными вещами для Грековъ, особенно-же платьемъ. Капитанъ думалъ ,

что онъ сдѣлаетъ очень хорошо, если отдастъ свой грузъ начальникамъ Правдпелеспва. Они продали все, что имъ было не нужно, и оставили между прочимъ шесть сотъ рубашекъ для себя и для своихъ семействъ.

Мы были такъ близко отъ лагера Полковника Фавье, что не могли пропигнпться желанію поспнпть его въ той маленькой колоніи, копорую онъ основалъ въ Мепанѣ. Собспвенно Мепаною называющъ полуостровъ, находящійся почти напропигвъ Эгпны, и прилегающій весьма узкимъ перешейкомъ къ другому полуострову, болѣе пространному, выдающемуся отъ берега материка, во всю ширину порша и острова Поро. Фавье построилъ на крупныхъ холмахъ, при входѣ на перешеекъ, укрѣпленія; лагерь его былъ при подовѣ сихъ холмовъ, на берегу моря, образующаго тупъ небольшой поршъ, гдѣ могутъ оспанавливаться фрегаты. Онъ избралъ сіе мѣсто въ 1826-мъ году, когда Егптяне намѣревались осадитъ Наполи. Онъ хотѣлъ безпрерывно превожитъ ихъ съ пыла, покуда они будутъ производитъ осаду. Съ тѣхъ поръ мѣсположеніе сіе сдѣлалось главною кварпирою Такпикосовъ, почему его и называли Такпикополисомъ.

Мепана естъ единственное мѣсто во всей Греціи, пользовавшееся миромъ и спокойствіемъ со времени возстанія. Народонаселеніе полуострова состоитъ изъ 1800 или 2000 человекъ. Оспав-

пись спокойными обладателями своих земель, они обрабатывали их и доставляли регулярно корпусу все необходимые жизненные припасы. Это также единственное место, где существовали порядок и управление благоразумное, бережливое, правильное. Укрепления были выстроены на двух крутизнах; более возвышенная, называемая Діаманшъ, повелѣваетъ перешейкомъ и моремъ съ обоихъ береговъ. На немъ 7-мь орудій 24-хъ фунтовыхъ, и небольшая казарма для гарнизона. На Тезеѣ, другомъ укрѣпленіи, находящемся въ полу-выстрѣлѣ отъ Діаманша, при 24-хъ фунтовыхъ орудія, казарма и вѣтряная мельница. Отъ сего укрѣпленія идетъ довольно пологая, зубчатая стѣна, до самаго моря. Небольшая дорожка пролегаетъ черезъ скалы, отъ укрѣпленій, и ведетъ, сначала къ бапареѣ, изъ трехъ 24-хъ фунтовыхъ орудій, обстрѣливающихся порипъ, потомъ къ огромной пещерѣ, служащей Полковнику конюшнею, и наконецъ къ его мѣстопребыванію и лагерю. Тамъ жилища офицеровъ, палатки солдатъ, магазины съ порохомъ и съ жизненными припасами, печь, въ которой ежедневно приготавливается 2000 порцій, и водоемъ, сдѣланный въ самородной скалѣ.

Все это устройство, укрѣпленія и вооруженіе не стоили и 2000 франковъ. Слова мои покажутся ложью или останутся загадкою, если я не объясню ихъ. Все построенія производились подѣ

личнымъ руководствомъ Фавье и сдѣланы его войсками. Они разбивали скалы, растворяли извѣсь и упошребляли машеріалы; офицеры должны были не одинъ разъ подавать имъ примѣръ, сами принимаясь за работу. Тридцать 24-хъ фунтовыхъ орудій стоили только 20 ф. сиперлинговъ, вопъ какимъ образомъ: они были посланы въ Наполи Англійскимъ Комисіею, на корабль, наняномъ по сему случаю въ срокъ. Корабль прибылъ только за одинъ день до истеченія срока. Слѣдовательно, Греческому Правительству оспавался только одинъ день, для снятія сихъ орудій: оно ошказалось отъ нихъ. Фавье, находившійся въ это время въ Наполи, предложилъ Англійскому Капитану прибавки по пяти ф. сп. въ день, ошсладъ его корабль въ Метану, и черезъ чешыре дни орудія были уже на бапарей.

Вѣтряная мѣльница не стоила ни одного обола. Она построена по новой модели, изобрѣшенной самимъ Полковникомъ; крылья у нея не вертикальны: они оборачиваются горизонтально, надъ зданіемъ. Для нихъ упошреблены доски, изъ ящиковъ съ разными вещами и запасами, посланными изъ Франціи; гвозди взяты также изъ сихъ ящиковъ. Фавье наблюдалъ такую спрогую экономію въ своемъ управленіи, что ему достаточно было 25,000 паларисовъ на два года, для плапы и содержанія 2000 человекъ. Корпусъ его при насъ состоялъ только изъ 1000 человекъ

нѣхоты и 200 кавалеристовъ, изъ коихъ 60, не болѣе, имѣли лошадей. Для спражи и благоуспройства въ укрѣпленіяхъ, онъ соспавилъ роту вешерановъ. Вдовамъ своихъ солдатъ, убитыхъ въ сраженіи, онъ давалъ убѣжище въ лагерѣ и по пяпи су въ день пенсїи. Онъ не только вооружилъ укрѣпленія, но, еще до вступленія въ Акрополисъ, собралъ двадцать пашъ полевыхъ орудій, очень исправныхъ. Чорчъ взялъ ихъ, когда учреждалъ свой Фалерскій лагерь: изъ нихъ семнадцать были опняшы Турками, чепыре удержаны въ Эгинѣ Спеціотами, въ залогъ долга Чорчева, а оспальныя чепыре опосланы обраино въ Мешану, безъ лафешовъ и будучи негодны къ дѣлу.

Въ то время какъ зависпъ и несправедливоспъ Грековъ удерживали Фавѣ и часпъ его войска, такъ сказапъ, плѣнниками въ Аѣинахъ, все было упошреблено для шого, чпобы уничтожишъ образованный имъ корпусъ. Послѣ двухъ лѣтъ борьбы съ шрудносшями и огорченіями всѣхъ родовъ, Фавѣ увидѣлъ, чшо для главнаго начальспвованія надъ войсками ему предпочли новаго приѣзжаго' челошъка безъ военныхъ дарованій и неопытнаго въ военномъ дѣлѣ. Все, собранное имъ: людей, оружіе, военные припасы, распрашили, расшерили, и къ довершенію сей неблагодарности, обвиняли его въ помъ, чшо будшо онъ продалъ ципадель Аѣинскую. Напрасно, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, пребовалъ онъ ошъ Прави-

пелъшва чшобы его судили и назначили другаго начальника надъ регулярнымъ корпусомъ: онъ получалъ только опклонительныя опвѣщанія. Въ семъ случаѣ недовѣрчивый характеръ Грековъ явился въ соединеніи со всѣми ихъ дарованіями къ проницательности: они воспользовались случаемъ опнять у Фавье всю власшь дѣйствовашь или распустить войско, вообще преданное ему и дававшее начальнику своему нѣкоторое первенство въ дѣлахъ и внутреннихъ несогласіяхъ, если-бы онъ хопѣлъ принимашь въ нихъ участіе; но, впоследствии, были очень рады удержашь его, для уравновѣшенія власпи Генералиссимуса, начинавшаго приходиться въ подозрѣніе. Такимъ-шо образомъ во всѣ свои дѣла Греки впущивающъ множество постороннихъ соображеній и Макиавелевскихъ предосторожностей, о которыхъ Европейцы съ трудомъ могутъ имѣть понятіе, и которыя наконецъ всегда обращающя во вредъ самимъ Грекамъ.

Обходя лагерь въ Мешанѣ, мы узнали отъ Филеллинскихъ офицеровъ подробности о ихъ Афинской экспедиціи, и о томъ, до какой жалкой крайности были они доведены. Они не встрѣшили большаго сопротивленія при занятіи Акрополиса въ Декабрѣ 1826 года. Турки, всегда безпечные, позволили имъ пройти. Но выстрѣлъ изъ пушки съ Филопапа извѣстилъ Турковъ, и они напали на аррьергардъ. Коммандантъ Робертъ получилъ

придцать чешыре раны; съ большимъ трудомъ испоргли его изъ рукъ непріятеля, и онъ умеръ при входѣ въ цитадель. Каждый Такшикосъ принесъ съ собою два мѣшка пороху и мѣшокъ съ кремнями; но провизіи у нихъ не было. Фавье думалъ выйдши черезъ два или три дни. Онъ самъ, не подозрѣвая ничего, принесъ Комменданту цитадели приказаніе удержатъ его. Гарнизонъ, умноженный такимъ образомъ 400-ми человекъ, вскорѣ нашелся въ большемъ прошивъ прежняго затрудненіи, и не земедлилъ шребовашъ пособій. Онъ грозилъ ославить крѣпость. Паликары не хопѣли болѣе сражаться и опказывались выходить. Вскорѣ оказался недоспашокъ въ военныхъ припасахъ. Только изрѣдка могли спрѣлать изъ 24-хъ фунтоваго орудія, находившагося напрошивъ бапареи Филопапа, между шѣмъ какъ Турки опшѣвчали сильнымъ огнемъ. Послѣдніе снаряды берегли для ружейнаго огня. Въ цитадели пригошовляли каждый дець нѣсколькo фунтовъ пороху, но онъ былъ шакъ дурень, чшо едва бралъ на польвыспрѣла. Жизненные припасы уменьшались съ каждымъ днемъ. Наконецъ принуждены были употреблять шолько по одному липру воды и по два съ половиною фунпа ячменя въ день. Ночью черпали воду и мололи ячень. Эшо несчастное положеніе еще увеличилось болѣзнями. Подать какую нибудь помощь больнымъ было невозможно. Яйцо продавалось по 5 франковъ, курица дороже 15 франковъ.

Греческій лекарь, который одинъ только и былъ въ Акрополисѣ, заставлялъ платить себѣ 5 франковъ за то, чтобы посмотришь пульсъ и дань немного опиума или лаудана. Такшикосы были несчастнѣе всѣхъ другихъ: безъ бѣлья, безъ пищи, они ужасно перигли отъ нечистоты, и между нѣмъ какъ у Паликаровъ были еще Турецкіе бобы и масло, Солковникъ Фавье принужденъ былъ и это покушать для своихъ больныхъ. Много разъ покушался онъ выйдти и силою пробиться сквозь ряды Турковъ; но Паликары не соглашались за нимъ слѣдовать. Наконецъ онъ рѣшился выйдти безъ нихъ. Уже войско его, хорошо построенное въ колонну, перешло передовые посты и было подлѣ укрѣпленій Турецкихъ, между масличными деревьями, когда приѣхалъ посланный отъ Караискаки. Онъ привезъ отъ сего Генерала обѣщаніе, что менѣе нежели черезъ недѣлю онъ придетъ съ значительными силами къ Аѣинамъ и освободитъ крѣпость, или умретъ подъ ея стѣнами. Рѣшились возвратиться, но Турки преградили дорогу. Четверо Филеллиновъ было убито. Караискаки не спѣшилъ на помощь къ Аѣинамъ: онъ зналъ, что, въ крайности, крѣпость можешь держаться еще много мѣсяцевъ. Въ это время онъ хотѣлъ пройдти въ Сули и Тессалию, возмутить весь шамашній народъ, учредить цѣль, чтобы прервать всѣ сообщенія Турковъ, и послѣ сего идти со всѣми вновь возставшими

людьми въ пыль Решиду. Онъ долженъ былъ оставивъ сей планъ и слѣшивъ къ Аѳинамъ. Мы видѣли какъ несчастно кончилось дѣло, предпринятое для освобожденія сего города отъ осады. Тогда гарнизонъ не могъ уже болѣе надѣяться на вспомошествованіе. Онъ вступилъ въ переговоры о капитуляціи, при посредничествѣ Капитана Леблана, начальника Французскаго фрегата *Юноны*. Эшо начало переговоровъ не имѣло послѣдствій, и гарнизонъ рѣшился выйдти, оставивъ 400 человекъ, у которыхъ достало-бы съспныхъ припасовъ на чепыре мѣсяца. Все было гошово, когда узнали что одинъ солдатъ Паликарскій перешелъ къ непріятелю. Фавье хотѣлъ, не смотря на эшо, отважиться на вышупленіе; но другіе начальники отказались упорно. 27 Мая Турки овладѣли Фалерскимъ лагеремъ: послѣ эшого, для гарнизона Акрополисскаго не оставалось уже никакой надежды. Чортъ послалъ къ нему приказъ, сдатьсь на капитуляцію; но Фавье, полагая что онъ не связанъ симъ приказомъ, отказался отдавъ оружіе своихъ солдатъ. Г-нъ Корнеръ, начальникъ Австрійскаго брига *le Veneto*, предложилъ тогда свое предсательство у Паши. Оно было принято, но Греки, не довѣря Австрійцамъ, требовали удостоверенія отъ другихъ начальниковъ эскадры Средиземнаго моря. Къ счастью, въ эшо время приѣхалъ Адмиралъ Риньи. Греки просили его присоединиться

къ Г-ну Корнеру въ недавнихъ переговорахъ. Адмиралъ поспѣхъ поѣхалъ къ Пашѣ. Многія спашьи капитуляціи , сначала предложенной , показались Грекамъ слишкомъ жестокими. Адмиралъ Риньи снова обратился къ Пашѣ съ настояніями , и старался исходатайствовать условія благопріятнѣйшія ; онъ зналъ что Паша со дня на день ожидаетъ изъ Салоникъ регулярныхъ войскъ ; онъ искусно воспользовался симъ обстоятельствомъ , замѣтивъ Турецкому Генералу , что если Акрополисъ сдастся по прибытіи новыхъ войскъ , то сей успѣхъ непременно припишутъ имъ однимъ , и что такимъ образомъ онъ потеряетъ большую часть славы , которую принесетъ ему взятіе Аѳинъ. Паша убѣдился и позволилъ Грекамъ выйти изъ крѣдоси съ оружіемъ и обозомъ.

4 Іюня капитуляція была подписана. Адмиралъ Риньи самъ приѣхалъ съ чепырьми Бѣлами , для послѣднихъ распоряженій. Грекамъ дали аманатовъ , и въ полдень гарнизонъ началъ выступатьъ. Сорокъ пять женщинъ , семь спарцевъ и дѣшей , больные и раненые , предшествуемые колонною Паликаровъ , вышли первые . Остальное нерегулярное войско шло двумя колоннами ; Полковникъ Фавье и его Тактикосы составляли арріергардъ . Адмиралъ Риньи , съ нѣсколькими офицерами своего Шшаба , шелъ посреди войскъ. Бей , отданные аманатами , ѣхали позади , на коняхъ.

Но безъ швердости Пани , всѣ сіи предосторожности не спасли-бы Грековъ ошъ испребленія. Албанцы хопѣли описшишь за смерть своихъ соповарищей , и когда Греки выступили , они уже шли прошивъ нихъ. Паша велѣлъ своей кавалеріи ашаковать ихъ и успѣлъ остановишь. Черезъ полшора часа Греки перешли долину и прибыли къ мысу Коля. На чешыре Французскіе и два Австрійскіе корабли были посажены 1,934 человека и перевезены въ Саламинъ. Говоряшь , што нѣкошорые изъ нихъ умерли ошъ радости , увидѣвъ себя спасенными. У всѣхъ эшихъ людей жадность къ пищѣ была непосшижимая : ихъ никакъ не могли накормишь до сыпа и особенно не могли уполишь ихъ жажды. Нечиспопа сихъ несчастныхъ была шакова , што ею они заразили корабли и долго послѣ шого не могли испребишь всѣхъ слѣдовъ оной. Въ Саламинѣ успроили госпишаль для пользованія больныхъ. Остальные очень скоро разошлись по разнымъ мѣстамъ. Одни Такшикосы вступили непосредшвенно въ свой лагерь.

У насъ мало оставалось времени и мы могли побышь въ Мешанѣ шолько нѣсколько часовъ. Возвращившись въ Поро , мы оправились опшуда 29 числа , а 31-го прибыли къ ошрову Сирѣ.

На семь ошровѣ было прежде не болѣе шрехъ или чешырехъ тысячъ жишелей , Каполиковъ.

Сначала они обитали на берегу моря, но непрерывно претраваемые и грабимые жителями Греческихъ острововъ, удалились на вершину крутой возвышенности, гдѣ легко могли защищаться. Тамъ и донинѣ находится городъ Сира. Жители сохраняли въ портѣ только нѣкоторыя конторы и магазины. Но со времени восстанія, двадцать тысячъ человекъ, убѣжавшихъ изъ всѣхъ частей возмущившихся странъ, ринулись на островъ, водворились тамъ и овладѣли всѣмъ вокругъ порта. Новый городъ, госпиталь и верфь явились на мѣстѣ садовъ и покрыли поля прежнихъ владѣльцевъ. Каполики, по слабости своей не могши сопротивляться, точно какъ непріатели новыхъ пришельцевъ, были ими спѣсены въ верхнемъ городѣ и вытерпѣли отъ нихъ нѣсколько нападений. Нынѣ они едва осмѣливаются выходить къ порту и не могутъ считать себя безопасными даже въ своихъ загородныхъ домахъ, во внутренности острова, потому что онъ наполненъ бандитами, которые не признаютъ никакого закона и безпрестанно нападаютъ на дома, грабятъ сады и убиваютъ всѣхъ, кто имъ противится. Адмиралъ Риньи былъ принужденъ много разъ посылать вооруженные отряды на землю, для восстановленія тамъ спокойствія и для избавленія прежнихъ жителей отъ смерти.

Въ Сирѣ морскіе разбойники продаютъ свои добычи. Базары тамошніе завалены поварями

всѣхъ спрантъ, продаваемыми очень дешево. Оспрорвь сей, прежде не производившій никакой торговли, нынѣ очень оживленъ.

Вошъ часшъ того, что я видѣлъ или узналъ въ Греціи, путешествовавши по сей спрантъ одинъ мѣсяць. Я выслушивалъ всѣ паршіи, спрашивалъ всѣхъ, кто зналъ общеспвенныя дѣла или занимался ими: иноспранцевъ, пуземцевъ, должноспныхъ покровипелей, и людей, великодушнор пришедшихъ служить имъ. Думаю что я раскрылъ истину и далъ вѣрное поняпіе о соспояніи Греціи при концѣ борбь ея съ прежними своими повелителями. Можешъ бытъ найдуптъ, что я спрого судилъ Грековъ; но я считаю полезнымъ, даже для нихъ самихъ, чтобы вся истина была сказана. Довольно обманывали ихъ и льстили имъ для того, чтобы имѣть надъ ними вліяніе. Довольно и у насъ играли общеспвенымъ мнѣніемъ и пишали его нелѣпыми сказками. Справедливоспъ пребуешъ, чтобы народы, пакъ много сдѣлавшіе для Грековъ, наконецъ узнали, о комъ они заботятся.

Всякій убѣдился, пакъ-же какъ и я, что Греки, сами по себѣ, и съ одними средствами своей спраны, не могли въ 1827 году завоевать своей независимости и не могли упрочить себѣ оной учрежденіемъ хорошаго Правительсшва. Въ самомъ дѣлѣ, чего доспигли они въ семь лѣтъ возспанія? Имъ дали законы, копорыхъ ни одинъ

человѣкъ изъ нихъ не понималъ, которые были несообразны ни съ духомъ, ни съ нравами народа. Это, нѣсть сомнѣнія, была работа какихъ нибудь юныхъ головъ, набитыхъ теоріями и неопытныхъ, думавшихъ что правительсва и народы можно дѣлать, такъ-же какъ дѣлаютъ мебель, по данному образцу. Что-жъ вышло? Сенатъ собрался, законы были признаны, и не обуздали никого: каждый внималъ единственно своей пользѣ или своимъ приходамъ, и, потому, только безначаліе и безпорядокъ были слѣдствіемъ новаго законодательсва. Что спасло-бы всякій другой народъ, но губило Грековъ. Бездѣйствіе непріятеля не только не помогало имъ преобразовать что либо, но еще давало время парціямъ составляться и раздирать одной другую. Для вооруженія, для приготовленій къ какому нибудь походу, надобны были цѣлые годы; для заговоровъ и для непріятельскихъ дѣйствій между собою, доспащочно было одной минулы. Можно сказать, что сей несчастный народъ былъ дѣшелевъ только шамъ, гдѣ онъ могъ повредить себѣ. Противъ непріятеля онъ шелъ, когда ему хошѣлось, и послѣ побѣды или пораженія, какъ скоро противники его бѣжали или покоились на своихъ лаврахъ, онъ, уподобляясь ребенку, забывалъ опасность и какъ будто не зналъ, что она всякій разъ явится для него снова, и болѣе грозною.

Напрасно человекъ, одаренный сильною душою и безкорыстіемъ, удивительнымъ въ наше время, иноспранецъ, но совершенно преданный пому дѣлу, которое онъ пришелъ подкрѣплять, напрасно хотеть онъ образоватъ армію, и, начиная съ войскъ, дасть первыя понятія о подчиненности. Цѣлая Европа удивлялась этому человеку, а Греки умѣли только завидовать ему! У нихъ никакое управленіе не могло утвердиться, ни одинъ налогъ не могъ быть взятъ правильно. Изъ сполькихъ займовъ и добровольныхъ приношеній, ничего не могли употребить для общеспвеннаго блага. Деньги были разграблены начальниками; съспнные припасы и разныя вещи, посланныя Европейскими Комитетами, были всѣ проданы; часто даже непріатель довольспровался съспнными припасами, посланными для снабженія крѣпоспей, между тѣмъ какъ въ Греческой арміи не было хлѣба! Правосудіе наблюдалось не лучше управленія спраною, и, во все время, Правительство не имѣло ни силы, ни вліянія: въ его распоряженіи никогда не было ни одного солдата и ни одного корабля. Говоря правильно, въ Греціи не было и партій, но было сполько-же мѣспъ для сплешней, сколько тамъ деревень.

Худое согласіе возспавшихъ объясняетъ разницу, замѣчаемую между Греческою и другими революціями, освободившими нѣкошорые народы.

Въ другихъ революціяхъ, отъ безпорядка, неизбежнаго въ первыя минушы смущенія, переходили къ началу устройства и образованія; война создавала войско; публичныя совѣщанія шворили правительствъ; наконецъ, опличные люди являлись среди сихъ революцій, направляли онны и вели къ какой нибудь цѣли. Въ Греціи случилось противоположное. Тутъ въ первыя минушы наиболѣе показали жару, безкорыстія, любви къ опечеспву. Тогда выспустили на поприще дѣяпельности люди опличные; но вскорѣ, низверженныя пронырствами, они принуждены были оспаваться въ бездѣйствіи; иные изъ нихъ были убиты. Послѣ сего, дѣла оспались въ рукахъ негодяевъ, гошовыхъ жерпвовавъ всѣмъ для собственной выгоды, упомившихся борьбою за опечеспво не существующее, различно понимаемое каждымъ, не близкое ни для кого. Починная бродящую жизнь свободою и будучи довольны ею, они оплюняли все, что могло пригошовить народъ къ вспуленію подъ бремя правленія, основаннаго на порядкѣ.

Когда наспанептъ миръ, когда должно будетъ завяпаться полько исправленіемъ золь войны, что дѣлашь тогда съ сими необузданными шайками, копорыя всѣ находяпся внѣ своихъ спранъ, и можеть быптъ, большею частію, потеряють, наспопвие шракшатовъ, наспопвие свое опече-

Ноябрь 1829.

42

ство, свою родную землю, наслѣдіе своихъ оптовъ? Какъ заснавивъ снова заниматься земледѣіемъ всѣхъ эшихъ Клефовъ; эшихъ Паликаровъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ привыкшихъ жить войною? Глубоко сожалю о томъ, кто будетъ обязанъ разсѣять сей ужасный хаосъ и вывести изъ него свѣтъ и порядокъ! Греція свободна; никогда уже не преклонится она подъ иго прежнихъ ея пирановъ. Моряки наши своею кровію при Наваринѣ запечатлѣли обѣщанія своихъ Державъ. Но это еще самая легкая часть исполненія пракаша. Покровительствующія Державы должны дать Грекамъ Правительство, создашь изъ всѣхъ сихъ отдѣльныхъ полтъ, изъ всѣхъ сихъ разнородныхъ частей одинъ народъ, согласный, сильный, способный къ защитѣ самого себя отъ непріателя, оснающагося подлѣ него. Надобно преобразить нравы, обычаи, создашь новыя пользы, согласно ведущія къ общему благу, принудить молчать паршіи и удерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока народъ узнаеть, чего требуетъ отъ него общественное благо, что еепь опечесиво, чего хочеть оно отъ сыновъ своихъ. Наконецъ, должно заснавивъ всѣхъ номяшь, что безначаліе не есть свобода.

Какая важная, неизмѣримая обязанность!... Чья довольно сильная рука будетъ держать кормилло и поведешъ сіе раждающееся государство къ спокойствію и благосостоянію!

Вольней утверждаетъ, что земледѣліе можешь
 возвращишь Грекамъ древнія ихъ добродѣтели.
 «Чтобы воскресишь древнихъ Грековъ,» гово-
 ришь онъ, «должно сообщитишь нравственность
 Грекамъ новымъ, сдѣлавшимся самымъ вѣролом-
 нымъ, самымъ испорченнымъ племенемъ во все-
 ленной: одна земледѣльская жизнь совершишь
 сіе чудо. Она исправитъ ихъ отъ безчувствен-
 ности понятиемъ о собственности, отъ поро-
 ковъ праздности привлекательными занятіями,
 отъ суевѣрія преобразованиемъ распространя-
 шелей онаго, отъ прусосности прекращеніемъ
 ширинства, наконецъ отъ непрямоты пре-
 вращеніемъ продажной жизни и удаленіемъ изъ
 городовъ.»

Средство сіе, конечно вѣрное, кажется, бу-
 дешъ продолжительно, если вмѣстѣ съ нимъ не
 упошребяшь и другихъ средствъ. Надобно про-
 свѣтитишь народъ, и начатишь эпо образованіемъ
 Греческихъ священниковъ, величайшихъ невѣждъ
 и самыхъ суевѣрныхъ людей во всемъ мірѣ. Осо-
 бенно должно оплучитишь народъ отъ покровитель-
 ства людей богатыхъ; это глубоко вкоренилось
 въ нравахъ воспочныхъ и удерживаетъ людей
 въ рабствѣ и огрубѣніи. При этомъ опасномъ
 покровительствѣ никогда не образуются гражда-
 не, дѣти одного и того-же опечества: всегда
 будутъ только рабы, гоповые возмутитишь госу-

дарство , для того чтобы услужить честолюбію покровителя. Мнѣ кажется, что для Греціи можетъ быть прилично одно только федеральное правленіе. Она слишкомъ бѣдна , и пошому не можетъ составить монархіи ; пользы-же обитателей , которые составляютъ сей новый народъ , столь противоположны , что общая харшія не можетъ обнять ихъ всѣхъ и не повредитъ большому числу.

Попребенъ народный конгрессъ , который могъ-бы покровительствовать общимъ пользамъ. Оспориваніе и направленіе частныхъ дѣлъ можно предоставить мѣстнымъ обитателямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ 49-му ПСАЛМУ.

Богъ Боговъ возрѣлъ на жертвы :
Грянулъ громъ — и на кострахъ
Жершвъ кровавыхъ кости мершвы
Вдругъ развѣялись , какъ прахъ ;
Стѣны храма содрогнулись ,
Суевѣры ужаснулись ,
Жрецъ предъ алтаремъ упалъ :
Смокли шрубы , смокло пѣнье ,
И , казалось , въ шо мгновенье
Судъ послѣдній наступалъ .

Засвѣтилась , заблнспала ,
Какъ восшокъ , гора Сіонъ ;
Буря вокругъ нея лешала ,
Молнія лилась — и Онь ,
Какъ заря весны прекрасной ,
Какъ разсвѣтъ денницы ясной ,
Въ ужасахъ и красогахъ ,
Неба грознаго подъ сводомъ
Показался предъ народомъ
На Сіонскихъ висогахъ .

Вдругъ явилась , развернулась
Книга Божескихъ судовъ :
Совѣсть злая вострепенулась
У Царей и у рабовъ ;

Леснь-лисица онѣмѣла ;
 Гордоснь-львица омершвѣла,
 Разумь-змѣй окаменѣлъ ;
 И тогда , подобно грому ,
 По всему лицу земному
 Спрашный голосъ прогремѣлъ :

« Все , что движется , что дышитъ —
 « Океанъ , земля , лѣса ,
 « Все , что видишь , все , что слышишь —
 « Солнце , звѣзды , небеса ,
 « Все взываю громогласно ,
 « Все приди и безпристрастно
 « Разсуди дѣшей съ опцомъ ;
 « Обличи ихъ въ суетѣрствѣ ,
 « Въ своевольствѣ , въ лицемѣрствѣ ,
 « И смири ихъ предъ Творцомъ . »

Кто сей въ златѣ и лазури
 На Сионъ съ небесъ сошелъ ?
 Укротивъ и громъ и бури ,
 Тварямъ шварь судишь велѣлъ ?
 Самъ могущій Царь природы ,
 Кѣмъ сияють звѣздны своды ,
 Созданъ мѣръ и человекъ ;
 Самъ Богъ силъ , для усмиренья
 Вѣроломнаго пворенья
 Сшелъ съ небесъ , и шако рекъ :

« Соберите вокругъ Сиона
 « Всей вселенной мудрецовъ ,
 « Толковашелей закона ,
 « Цѣснопѣвцевъ и жрецовъ —

« Встѣхъ , которые мечшають ,
 « Чшо ихъ жертвы оправдають ,
 « И хотяшь чрезъ пепель и кровь
 « Примиришь Меня съ собою ,
 « Успною одной мольбою
 « Заслужишь мою любовь .

« Слушай ухомъ чистой вѣры ,
 « Все , служащее звѣздамъ !
 « Не дерзайте суетѣры
 « Прерѣкашь Моимъ судамъ !
 « Перестаньте ослѣпляться ,
 « Тварямъ плѣннымъ поклоняться ;
 « Но осмѣльшись вѣришь Мнѣ
 « Сердце , слухъ и разумѣнье ,
 « Замоличише на мгновенье
 « И внимайте въ тишинѣ !

« Долго-ль чадамъ развращенья
 « Богу чуждому служишь ?
 « Льстишься блескомъ просвѣщенья ,
 « А во шмѣ безопасно жишь ?
 « Долго-ль жершвовашъ пороку ,
 « Слѣпнущъ внушреннему оку ,
 « Судь и вѣчность забывашъ ?
 « Долго-ль сердцу , храму Божью ,
 « Долго-ль , наполняясь дождю ,
 « Храмомъ міра пребывашъ ?

« Долго-ль о Царѣ Небесномъ
 « Вамъ судишь , какъ о земномъ ?
 « Думаешь только о тѣлесномъ
 « Поклоненіи одному ?

« Долго-ль Божію Державу,
 « Судь, законъ, любовь и славу
 « Уподоблявашь земнымъ ?
 « Слову истины не вѣришь,
 « Мудрости безмѣрность мѣришь
 « Окомъ разума слѣпымъ ?

« Тщешно разумъ вашъ кружишься
 « Въ блескахъ внѣшности одной ;
 « Мой завѣшь не объяснишься
 « Всею мудростью земной !
 « Сколько буквамъ ни учишься,
 « Сколько знаньемъ ни гордишься,
 « Все вашъ толкъ пребудеть лживъ :
 « Храмъ, алтарь, слова, движенья,
 « Лица, вещи, всеожженья—
 « Все — Святой Героглифъ !

« Безъ меня глаголь завѣша
 « Для ума невнятный гласъ :
 « Безъ душевнаго разсвѣта
 « Самъ Я таинство для васъ :
 « Падшій умъ — есть умъ щеславный ;
 « Онъ всегда, какъ рабъ злонаправный,
 « Безначаліе любя,
 « Въ образахъ и поклоненьяхъ,
 « Въ самыхъ жертвоприношеньяхъ
 « Ищешь одного себя.

« Вникните и вразумишесь
 « Въ смыслъ Моихъ завѣстныхъ словъ ;
 « Воспарите, вознеситесь
 « Выше внѣшнихъ образовъ.

« Вскрою шайну передъ вами!
 « Небо и земля громами
 « Засвидѣтельствуютъ вамъ,
 « Что Я Богъ вашъ и Создатель,
 « Судія, Законодатель —
 « Человѣкъ-же есть Мой храмъ!

« Не о жертвахъ Я желаю
 « Говоришь жрецамъ сѣдымъ:
 « Ваши жершвы всѣ Я знаю,
 « Вижу ихъ вседневно дымъ;
 « Но не зрю на кости мершвы,
 « Не хочу кровавой жершвы,
 « Не приму Я отъ жрецовъ
 « Ни кадилъ благоуханныхъ,
 « Ни козловъ, Мнѣ въ даръ закланныхъ,
 « Ни ошкормленныхъ шельцовъ.

« Что Создателю природы
 « Можешь шварь свое принесть?
 « Ваши-ли земля и воды?
 « Все Мое, что въ мѣрѣ есть:
 « Кедръ, лавры, плющъ и лозы,
 « Лиліи, фіалки, розы,
 « Птицы, звѣри и скопы;
 « Все одинъ Собой объемаю:
 « Небеса, моря и землю,
 « Глубины и высоты.

« Если взалчу пици шлѣнной,
 « Не скажу вамъ, что взалкалъ:
 « Обладая всей вселенной,
 « Самъ-бы пицу Я сыскалъ;

«Но когда Царь Силь небесныхъ
 «Снѣдей пребовадь шѣлесныхъ,
 «Или пиль козлину кровь?
 «Вразумишесь слѣпые!
 «Нужны-ль жершвы Мнѣ земныя?
 «Мнѣ нужна одна любовь.

«Вразумишесь: все земное
 «На землѣ огонь пожреть
 «Порожденье вѣковое
 «Также съ временемъ умреть.
 «Что безъ вѣры всесожженье,
 «Безъ надежды обоженье,
 «Безъ любви алтарь и жрецъ?
 «Все наружное ничожно:
 «Возрожденье невозможно
 «Для слѣпыхъ плотскихъ сердець.

«Какъ-бы внѣшніе обряды
 «Суевѣрь ни уважалъ,
 «И въ какіе-бы оклады
 «Онъ Меня ни наряжалъ;
 «Какъ-бы онъ ни бичевался,
 «И хошя-бы сожигался
 «Для спасенья своего;
 «Но безъ внутренней работы,
 «Безъ любви и безъ субботы,
 «Эшо все — какъ ничего!

«Чтобъ достигнушь совершенства,
 «Вразумишесь въ Мой завѣшь,
 «И познайте, что блаженства
 «Безъ любви и въ небѣ нѣшь.

« Погасише жерпву крови :
 « Я хочу свяшой любви.
 « Дайше ваши Мнѣ сердца ,
 « Съединитесь въ духъ съ Богомъ ,
 « Будше дѣши , въ смыслѣ строгомъ :
 « И довольно для ошца ,

Лицемъру-жь, какъ лжебрашу ,
 Скажешь Богъ Боговъ шогда :
 « Кшо душой прикованъ къ злашу ,
 « Тошъ не избѣжишь суда.
 « Ты прикованъ къ славъ ложной ,
 « Къ мудрости земной , ничшожной ,
 « Гордоси и похваламъ ;
 « Хочешь, чшобы удивлялись ,
 « Подражали , поклонялись
 « Лжесвяшымъ швоимъ дѣламъ .

« Ты шщеславишься смиреньемъ ,
 « Превозносишья постомъ ,
 « Хвасташешь благошвореньемъ ,
 « Хвалишься земнымъ шрудомъ ;
 « Любишь знаньемъ ошличашься ,
 « Любишь мудрымъ называшься ,
 « Любишь шы учишь другихъ ;
 « Ищешь въ Думахъ предшданья ,
 « На пирахъ предпочишанья
 « И вѣнцовъ безъ дѣлъ благихъ .

« Ты съ порочными дружишья ,
 « Подражашешь ихъ дѣламъ ;
 « Своевольштва не шрашишья ,
 « Внемлешь ложнымъ похваламъ ;

« Местъ на брашневъ умышляешь,
 « На пороки соблазняешь
 « Собственныхъ своихъ дѣтей,
 « И молчишь о преступленьи;
 « Не радишь о исправленьи
 « И не чувствуешь спрасней;

« Мыслишь, что и Я подобно
 « Злому дѣлу премолчу:
 « Но швое Я сердце злобно
 « Строго въ злѣ обличу;
 « Трепещать тебя заставлю,
 « Всѣ дѣла швои представлю
 « На судѣ передъ тебя;
 « И тогда себя познаешь,
 « Милости не пожелаешь,
 « Но осудишь самъ себя.»

Не забудьте, лицемеры,
 Есть для васъ Судья и адъ!
 Нѣтъ смиренья, нѣтъ и вѣры;
 Нѣтъ любви, и нѣтъ награды.
 Счастливы, кто чрезъ покаянье
 Воспаритъ въ богопознанье!
 Тотъ къ безсмертью ключъ найдеть!
 Онъ одинъ изъ жизни мершвой,
 Сдѣлавшись жрецомъ и жершвой,
 Въ жизнь живую перейдетъ!

Шатровъ.

КЪ КОРАБЛЮ.

(Горацъ. Кн. I-я, Ода 3-я).

Хранишель вѣренной свяшныи,
 Леши съ Виргиліемъ въ Аѳины,
 Леши, корабль, неси, делѣи
 Другую часть души моеи!
 Да вѣшь Кавръ въ швои вѣприла;
 Плеядъ хранишельныхъ свѣпила,
 И машерь сильная любви
 Пушеводшелаи швои!

Окованъ мѣдью былъ шройною,
 Кшо первый съ брешною доскою
 Свирѣпымъ вѣрился зыбямъ,
 Кшо буръ предвѣспницамъ — звѣздамъ,
 Кшо вшпрѣчныхъ вѣшровъ спорамъ равнымъ,
 И Ноша играмъ швенравнымъ
 Адриатической волной,
 Шель вшпрѣчу швердою душой.

Какихъ смершей не ждалъ отважный,
 Когда чудовищъ бездны влажной;
 Гнѣвъ Океана, гряды скаль
 Холоднымъ окомъ озираль?
 Напрасно мудростію Діа
 По сушѣ шочи водяныя
 Легли границей: корабли
 Пушь свяшошашшвенный нашли!

Такъ нашей дерзости безмѣрной,
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды вѣрной!
Такъ съ неба, къ пагубѣ людей,
Огонь похишилъ Прометей;
Его коварными слѣдами
На землю ринулась съ бѣдами
Толпа болѣзней, и съ шѣхъ лѣшь
Смерть ускорила свой полетъ.

Въ укоръ землѣ, въ замѣнь безсилія,
Дедалъ просперъ на воздухъ крылья;
За Спиксъ проникнулъ Геркулесъ;
Воюя самый сводъ небесъ,
Предавшись замысламъ преступнымъ,
Считаетъ смершнй все доступнымъ!
И — надъ безумнаго челою
Не умокаетъ Зевсовъ громъ.

В. Орловъ.

Ц. Село.

Б У Д И Н С К І Й П А Ш А .

(*Продолженіе*).

8.

Оба поѣхали обратно въ лагерь. Кюньи удалось испросить у Графа Гацфельда шестимѣсячный отпускъ храброму Оливьеру, для свиданія съ родственниками послѣ десятилѣтней разлуки. « Я долженъ посѣщивъ къ своему начальнику, » сказалъ Кюньи, « и постараюсь получить отъ него позволеніе ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцарію. Тамъ, на родинѣ проведемъ мы нѣсколько блаженныхъ дней. Тамъ, близъ каменоломни, выстроимъ мы хижины, одну для себя, другую для меня, а претью для маленькой нашей маркипанци. Тамъ оживимъ мы сладоспныя воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ ! »

Друзья распались съ утѣшительною надѣждою скорого свиданія. Оливьеръ собрался въ путь, и сопровождаемый двумя служителями, отправился въ Швейцарію. Какъ забилось у него сердце, когда онъ узрѣлъ вдали родимый городокъ ! Ему казалось, что онъ какъ будто вчера изъ него выѣхалъ. Но чѣмъ болѣе онъ къ нему приближалъ-

ся, тѣмъ болѣе находилъ перемѣнъ, разумѣлся, маловажныхъ. Тупъ былъ плесень, здѣсь была бесѣдка, шамъ выпроенъ новый домъ — все это удивляло его. То, что въ дѣпскихъ лѣсахъ казалось ему огромнымъ, теперь какъ будто уменьшилось. Высокая колокольня понизилась, широкія улицы сѣззились, и родипельскій домъ сдѣлался тѣснѣе. Невозможно описать, какую радость произвелъ приѣздъ Оливьера на родину. Всѣ жипели городка хопѣли посмопрѣть на возросшаго мальчика, который уже дослужился до Каппанскаго чина. На другой день своего прибытія, онъ посѣнилъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Само собою разумѣется, что онъ не забылъ маленькой сосѣдки Елены. Какъ удивился онъ, когда увидѣлъ ее въ домѣ ея родипелей. Кровь разыгралась въ немъ опъ макушки до пятокъ. Дѣвушка подошла къ нему покраснѣвшись. Прелесное существо, въ полномъ цвѣтѣ юности! Ея плѣнительные взоры подѣйствовали-бы на самое холодное сердце! А сердце Оливьера было вовсе не холодное... Съ шрепепомъ поцѣловалъ онъ нѣжную ручку, и не зналъ что сказать ей. Елена не была такъ застѣнчива; она осмопрѣла съ ногъ до головы поварища дѣпскихъ лѣтъ, поговорила съ нимъ очень ласково, и дружескимъ обхожденіемъ вывела его изъ замѣшательства.

Съ сей минуши возгорѣлась въ Оливьерѣ непреодолимая спрасъ. Ежедневно ходилъ онъ къ

родителямъ Елены, разумѣлся не для нихъ, а для нея. Веселость и рѣзвость милой дѣвицы попеременно погружали его то въ райское блаженство, то въ адскія мученія; съ нею можно было свободно разговаривать обо всемъ, только не о любви. Елена была съ нимъ также опкровенна, какъ и десять лѣтъ назадъ, когда они играли со spadaми козъ; со всѣмъ тѣмъ, девятнадцатилѣтняя дѣвица, казалось, также мало понимала, какъ и въ то время. Правда, въ минувшыя веселости она привѣщивала Оливьера коропкимъ: ты! только въ эпомъ, ты, было болѣе шупливаго, нежели чего либо значущаго, и бѣдный влюбленный мучился! . . . Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль и нѣсколько мѣсяцевъ. Многія прекрасныя дѣвушки изъ Ла Сарраза, Лозанны и Веве, поглядывали на спашнаго воина гораздо ласковѣе, нежели предметъ его любви. Оливьеръ пытался даже различными волокитствами поселить ревность въ Еленѣ: но попытки его не удавались. Беззаботная дѣвушка не перемѣнялась въ своихъ чувствахъ, и какъ будто дразнила Оливьера дружескимъ обхожденіемъ, которое онъ охотно промѣнялъ-бы на кое-что другое. Между тѣмъ она держала своего Селадона такъ снрого, что онъ не отваживался говорить ей о любви, которая проявлялась только въ его взглядахъ, задумчивости и въ нѣжныхъ прислуживаніяхъ молодой красавицы. Оливьеръ самъ началъ стыдиться своей спраси, превозмогалъ се-

Ноябрь 1829.

43

бя и искалъ разсѣянiя въ развѣздахъ по окрестностямъ, однако—чувствовалъ, что доколѣ онъ будетъ дышать воздухомъ очарованнаго круга Елены, то его излеченiе невозможно!

Въ это время дошли до него слухи о томъ, что въ домѣ родителей Елены содержалось въ тайнѣ. Господину фонъ Асперлину доспало по наслѣдству большое имѣнiе; военная служба ему надобла; онъ рѣшился оспаться на родинѣ, и—познакомившись съ Еленою въ Лозаннѣ, началъ свашаться на ней. Родители вмѣнили это себѣ въ большую честь, приняли съ радостью предложенiе, увѣдомили о томъ Елену и пребовали ея согласiя. Но дѣвушка была не успучива! Она рѣшительно объявила, что насмѣхается надъ господиномъ фонъ Асперлиномъ и надъ всѣмъ его богатствомъ, не намѣрена быть помѣщицею въ Бавуа, и на всѣ убѣжденiя честлюбивой матери и угрозы отца отвѣчала только: не бывашъ этому! — Оливьеръ узналъ только о свашанiи Асперлина, но не отвказъ Елены. Онъ вообразилъ, что Асперлинъ былъ его счастливымъ соперникомъ, и тысячу разъ клялся его умершвить. Однако, разсудительно подумавши, онъ нашеть, что смерть соперника не много принесеть ему пользы. Сие мучительное состоянiе духа сдѣлало его печальнымъ и унылымъ. Елена замѣшила это, и старалась развеселить своего друга.

«Могу-ли я бытъ весель, когда я несчастливъ?» сказалъ онъ ей «Я люблю васъ, обожаю, а вы будете принадлежать другому. Вы теперь невѣста Асперлина.» Елена засмѣялась и опвѣчала: —Я ни чья невѣста, и эпомъ Асперлинъ сдѣлался мнѣ песносень, съ нѣхъ поръ какъ онъ началъ искашь моей руки. Будьте всегда моимъ другомъ, но не обожайте меня. Любите меня просто, не желая ничего, и не сердитесь какъ упрямое дитя, копорому не все дѣлается въ угоду. Сердце мое всегда склонно къ дружбѣ. Чпо-же касаеться до любви и до того, что подъ симъ названіемъ разумѣюшь, шо я все эшо считаю за дурачество, копорое, какъ я видала у другихъ, не рѣдко превращается въ безуміе. Надѣюсь, милый Оливьеръ; что вы всегда были и будете разсудительнымъ человѣкомъ. Хотите вы жениться? Доброе дѣло! я сама поспараюсь вамъ сыскать невѣсту. Только оставьте меня въ покоѣ. Я имѣю отвращеніе къ супружескому состоянію. Хорошо что мы объяснились и болѣе не будемъ объ эпомъ говорить. И шакъ, эшо дѣло кончено!

И дѣйствительно эшо дѣло было кончено для Елены, шолько не для Оливьера. Сей долженъ былъ пропивъ воли повиноваться судьбѣ. Къ счастью его, въ скоромъ времени, предсѣвился ему случай къ разсвѣнію.

Вдругъ вошелъ къ Оливьеру, долгое время впушт ожидаемый Кюньи. «Только мимоѣздомъ, сказалъ онъ ему. Я не долго здѣсь останусь. Оппуска не получилъ, а вмѣсто того мнѣ дали препорученіе въ Миланъ. Я могу пребыть въ Ла Сарразѣ одну недѣлю. Для этого я сѣшилъ дорогою день и ночь.

Опъ внезапной радости Оливьеръ забылъ свое горе. Онъ предспавилъ друга родилелямъ своимъ и обязалъ его кваршировашь въ ихъ домѣ. Въ городкѣ полько и было разговоровъ, что о маленькомъ наспухѣ. Когда онъ показывался на улицѣ, по окна опворялись, и всякій увидѣвшій его говорилъ: «Кню-бы подумаль! . . . Такого прекраснаго, спашнаго мужчины еще не видывали въ Ла Сарразѣ. Величавая его осанка, ловкосшь и красота плѣнили всѣхъ. Иные какъ будпо со спрахомъ, другіе какъ будпо съ любовью всманпривались въ его черные, сверкающіе глаза. Въ немъ все было не шакъ какъ въ другихъ. О чемъ-бы ни шолковали, о черныхъ-ли кудряхъ, копорья вились на его вискахъ, или о прекрасныхъ его усахъ, или о красивомъ военномъ одѣяніи, или о шомъ, какъ онъ носилъ шпагу, или какъ онъ кланялся—во всемъ находили различіе съ другими. Если-бы тогдашнія Ла Сарразскія дѣвушки чипали

спихопворенія, по вѣрно сказали-бы о Кюньи: это Аполлонъ въ одеждѣ Марса.

Кюньи навѣспилъ своихъ родственниковъ: опца уже не было въ живыхъ. Попомъ Оливьеръ долженъ былъ предспавить его бывшей ихъ общей маркипаншѣ. «Чудо дѣвушка!» сказалъ Оливьеръ! «Только холодна какъ ледъ. Береги свое сердце!» Елена уже слышала о прибытіи Кюньи. Она вспомнила о хорошенькомъ паспушкѣ и опнюдь не дивилась шому, что всѣ описывали его красавцемъ. Но когда онъ вмѣспѣ съ Оливьеромъ вошелъ въ покой ея родишелей, шо она осполбенѣла, какъ будшо опъ пріятнаго испуга или опъ сновидѣнія. Едва могла она опвѣчать на обыкновенныя привѣспвія. Кюньи, со сладоснымъ воспоминаніемъ, вглядывался въ прелеспную дѣвушку. При каждомъ словѣ, которое она ему говорила, глаза ея блиспали гораздо живѣе, и щечки покрывались необыкновеннымъ румянцемъ. Къ счастью някшо не замѣспилъ этого, кромѣ Кюньи, который все сіе приписалъ заспѣчивости молодой красавицы и обѣщалъ почаще приходишь, въ крапкое свое пребываніе въ Ла Сарразѣ. Такъ и должно быль между сосѣдами! Чшо-же другое и дѣлалъ въ маленькомъ городкѣ? Пошли пиры, прогулки и поѣздки за городъ. Само собою разумѣшся, что спрана, гдѣ нѣкогда производилась война съ козымъ войскомъ, не была забыта, и Елена праздновала сею прогулкою пріятныя воспоминанія, какъ

водишься, въ сопровожденіи двоюродныхъ бранцевъ, сестрицъ и пешушекъ. Замѣчательно то, что во время сей прогулки возобновилась дружеская связь дѣтскихъ лѣтъ. Если Оливьеръ велъ подъ руку Елену, то она подъ разными предлогами спаралась сдѣлать пакъ, чпобы Кюньи былъ ея соупуникомъ. И когда они такимъ образомъ прогуливались вдвоемъ, то забывали Оливьера, всю компанію, дорогу, и, казалось имъ, что на всемъ земномъ шарѣ, кромѣ ихъ двоихъ, нѣтъ никого.

Когда еще въ первый разъ они пошли осматривать это поле сраженія дѣтскихъ лѣтъ, и какъ-то заблудились въ кустарникахъ, Кюньи, прижавши къ сердцу руку Елены, сказалъ ей съ чувствомъ: «Ахъ! почему не можемъ мы опять сдѣлаться дѣтьми? Какъ счастливы были мы въ этомъ возрастѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ! Тогда я бралъ васъ въ плѣнъ. Теперь все перемѣнилось, и чувствую, что вы меня заплонили.»—Если-бы въ самомъ дѣлѣ пакъ было, сказала Елена покраснѣвши, то я не дозволила-бы вамъ приѣхать сюда на короткое время.—«А можете быть лучше было-бы, если-бы я совсѣмъ не приѣзжалъ?»—Можете быть, милый Кюньи! Впрочемъ, почему-же? Гораздо лучше то, что вы приѣхали. На свѣтѣ живешь однажды. До будущаго горя нѣтъ дѣла; должно цѣнить настоящее удовольствіе.—«Правда ваша. За тѣ минуны, кошорыя я про-

вождаю съ вами, охотно ошдамъ я и прошедшую и предспоящую мнѣ жизнь. Я желалъ-бы умереть разспавшись съ вами!» — Эшо желаніе несправедливо, Кюньи. Какъ можно смерть предпочипашъ жизни? Кшо мѣшаепъ мнѣ, изъ одного блаженнаго мгновенія составипть себѣ блаженное бытіе, въ кошпоромъ, не заботясь о всемъ случающемся со мною, въ теченіе многихъ лѣтъ я буду блаженспвовашъ въ одномъ только эшомъ мгновеніи? — «Эшо блаженство будетъ лишъ мечша.» — Какъ угодно! Для меня и жизнь мечша, и мечша — жизнь! — «Вы довольнѣе судьбою, нежели я. Вамъ все равно; вмѣстѣ мы, или за сто миль другъ отъ друга. Только мнѣ не все равно! Чшо вы на эшо скажете?»

Ошвѣпъ оспался за Еленою. Ея прекрасные глаза наполнились слезами; живой румянецъ разгорѣлся на ея щекахъ. Кюньи прижалъ ее къ сердцу; подобно двумъ огнямъ, души ихъ слились воедино. Они разговаривали еще о многомъ, о чемъ здѣсь скучно было-бы чипашъ, и вспунили въ дружескіе договоры, сами не зная какъ исполнипть оныя. Елена любила съ шакою спраспью, кошпорую почши можно было назвашъ ужасающею; не пошому чшобы она была всѣмъ замѣпина: напрошпвъ шкппо и не подозрѣвалъ шайной любви сей чемы; но Елена, нѣкогда здѣвавшаяся надъ любовью, нынѣ, при еспешственной рѣшительности и неустрашимости своего характера, была способна къ опчашнѣй-

шимъ средснвамъ. — Восемь дней скоро прошли. Кюньи началъ собираться въ пупъ. Елена велѣла ему оспаться еще на недѣлю, не болѣе. Безпрекословно повиновался Кюньи очаровательной повелительницѣ. Онъ получилъ отъ нея сладоснную награду за свое послушаніе : обѣщаніе вѣчной любви , взаимной переписки, и всего того , что можетъ усладить горестъ разлуки. Само собою разумѣется , что Кюньи далъ кляшву прѣхавъ черезъ годъ или черезъ два , искашь руки своей невѣснны , и , въ случаѣ отказа , похитишь ее.

Вторая недѣля прошекла еще скорѣе первой. Кюньи полешѣлъ за Альпы , въ Ипалію.

 40.

Въ цѣломъ Ла Сарразѣ никому не вспало на умъ , чтобы эти молодые люди въ столь короткое время снють хорошо поладили между собою. Въ послѣднія минушы свиданія , Кюньи и Елена , въ присущевіи другихъ обходились между собою такъ-же какъ при первой встрѣчѣ. Самъ Оливьеръ ничего не подозрѣвалъ. Ему даже казалось , что со времени отъѣзда Кюньи , Елена сдѣлалась съ нимъ ласковѣе , и , можно сказашь , какъ будто нѣжнѣе. Онъ принялъ это за раждающуюся склонность , къ коей передъ симъ она оказывалась неспособною. Только то вѣрно , что она охотнѣе нежели прежде искала его сообществва , и говорила съ нимъ

опкровеннѣе ; попому-ли чшо онъ , какъ лучший другъ Кюньт , сдѣлался въ ея глазахъ священною особою , или попому , чшо она находила блаженство въ безпреспанныхъ разговорахъ о Кюньи . Родители Елены съ безпокойствомъ взирали на сію шѣсную дружбу , и дорого-бы заплащили , если-бы Оливьеръ былъ тогда за штычу миль ошъ Ла Сарраза , попому чшо свадебные переговоры съ господиномъ фонъ Асперлиномъ зашли очень далеко , а у добрыхъ родителей шолько и было на умѣ , какъ-бы поскорѣ увидѣшь дочь помѣщицею въ Бавуа . Они не могли удержаться , чшобы не сообщить своихъ опасеній Асперлину . Слѣдствиемъ сего было то , чшо Асперлинъ самъ приѣхалъ въ Ла Сарразъ , и въ качествѣ будущаго зятя , оспановился въ домѣ родителей Елены .

Легко можно себѣ вообразить , каково было первое свиданіе Оливьера и Асперлина . Они обошлись другъ съ другомъ съ холодною учтивостью , и показывали видъ , чшо они сроду не были знакомы , и даже не встрѣчались . Елена обращалась съ назначеннымъ ей супругомъ гордо и холодно , и всячески старалась его бѣситъ . Выговоры родителей не помогали . Но Асперлинъ мало обращалъ вниманія на непріязненные поступки молодой проказницы . Онъ говорилъ : « Будъ шолько свадьба сыграна , и все перемѣнится . » Родители были шого-же мнѣнія и шолько-же упорствовали съ своей стороны , сколько дочь со своей . Какъ

ни сопротивлялась Елена , сколько ни плакала , ни просила , но , формальный сговоръ ея съ Асперлиномъ былъ совершенъ , и она должна была , какъ невѣста господина помѣщика , принимать поздравленія цѣлаго городка .

Никто не спрадалъ въ семь случаевъ болѣе Оливьера . Онъ поклялся , что всѣмъ пожертвуетъ для ея спасенія . Въ отчаяніи своемъ , спросилъ онъ даже ея , хочетъ-ли она , чтобы онъ освободилъ ее силою , и гнуснаго Асперлина , съ которымъ , кромѣ сего , за спарыя дѣла онъ долженъ развѣдаться , опправилъ на пошъ свѣшъ ? Елена спокойно отвѣчала : « Не стоить труда . Счастіе имѣешь свои причуды . Вы можете ошибиться въ расчетѣ и сами получите то , что вы ему назначаете . . . » Оливьеръ былъ изумленъ симъ отвѣтомъ , котораго онъ не ожидалъ . И въ самомъ дѣлѣ было опъ чего изумиться . Со времени сговора , съ Еленою произошла перемѣна , всѣми замѣченная и весьма обрадовавшая ея родителей . Хотя Елена обращалась съ женихомъ не ласковѣе прежняго , но по крайней мѣрѣ соблюдала въ отношеніи къ нему нѣкоторое приличіе ; брала опъ него дорогіе подарки , чего прежде не дѣлала , и онъ считалъ себя довольно счастливымъ , когда , за приношеніе богатыхъ жемчужныхъ ожерелій и брильянтовыхъ перстней , получалъ позволеніе поцѣловать ея прекрасные пальчики . О предстоящей свадьбѣ слышала она безъ досады ; только

безпрестанно требовала отсрочки отъ одной недѣли до другой, на что и женихъ былъ нѣкопорымъ образомъ согласенъ, попому что въ замкѣ его не все еще было приготовлено къ принятію новобрачной. Онъ много рассказывалъ ей о новѣйшихъ передѣлкахъ въ его замкѣ, спрашивалъ ея мнѣнія, исполнялъ ея желанія и намѣревался угодишь ей болѣе нежели она сама хотѣла.

Оливьеръ въ душѣ проклиналъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Никогда не повѣрилъ-бы онъ, чѣмбы дѣвушка споль твердая и благородномыслящая, какъ Елена, могла такъ внезапно перемѣниться. Въ Ла Сарразѣ онъ уже не находилъ ничего пріятнаго, и оспавался тамъ только по просьбѣ своихъ родителей. Охотно возвратился-бы онъ въ полкъ! Онъ спалъ рѣже ходишь въ домъ Елены: и безъ того не принимали его тамъ слишкомъ ласково, а дружескіе взгляды Елены, копорые не измѣнились и до сихъ поръ, причиняли ему скорѣе неудовольствіе, нежели радость.

41.

Тѣмъ болѣе изумился онъ, когда однажды Елена отвела его въ спорону и сказала: «Какъ только пробьешь девять часовъ вечера, то непременно приходишь въ нашъ садикъ.» Какъ ни былъ онъ сердитъ на Елену, но въ назначенный часъ явился. Когда смерклось, онъ перелѣзъ черезъ за-

боръ, прямо въ садикъ. Невѣста Асперлина пришла вскорѣ, повела его въ бесѣдку, и взявши за руку, сказала: «Любезный Оливьеръ! вы мнѣ сколько разъ клялись, что гошовы вѣсѣмъ пожертвовашь для моего счастія?»

— Я гошовъ сдержашь слово.

«Въ самомъ дѣлѣ?»

— Да. Прикажише для пробы; я пойду хопъ на смершь.

«Хорошо. И пакъ объявляю вамъ, что я не хочу бышь женою Асперлина.»

— Возможно-ли? Да зачѣмъ-же вы согласились на помолвку?

«Теперь оспавъше эшо, и выслушайте меня. Родипели мои безъ сожалѣнія принесли меня въ жерпву богашспивамъ помѣщика въ Бавуа. Спало бышь у меня нѣпъ родипелей. Я одна на свѣшѣ. Ненависшная моя свадьба не опмѣняешся. Завшраже я пошихоньку оспавлю эшопъ домъ и Ла Сарразъ. У меня еспъ родные во Франціи. Лучшія мои вещи уже недѣля какъ плуда опосланы. Хошите-ли вы мнѣ сопущспивашь?»

Оливьеръ испугался, однако ни мало не думая сказалъ, что онъ согласенъ. Тутъ Елена упала въ его объятія и напечатлѣла горячій поцѣлуй на его успахъ. Онъ былъ внѣ себя. На что не опважился-бы онъ за эшопъ поцѣлуй! Весь жаръ его спраспи, пакъ долго и съ шакимъ шрудомъ по-

давляемый, мгновенно вспыхнулъ. Но Елена слегка оштрапавши его рукою, сказала: «Пошлите вашихъ служителей нынѣшнюю-же ночь по дорогѣ къ Жунь. А завтра въ десять часовъ ночи ожидайте меня на перекресткѣ, за верхними воротами. Приготовьте мнѣ смирную лошадь.»

Оливьеръ хотѣлъ опивѣчать, но Елена съ послѣдними словами убѣжала. Мечшая и блаженспивуя, Оливьеръ обратнo перелѣзъ черезъ заборъ и исполнилъ неожиданныя приказанія прекрасной повелительницы; служителей своихъ шайкомъ послалъ впередъ; собралъ всѣ свои вещи; написалъ къ родителямъ прощальное письмо, въ коемъ уведомлялъ, что по причинѣ внезапнаго отпѣзда онъ хотѣлъ и себя и ихъ избавить отъ горестнаго личнаго прощанія; оставилъ письмо, и послѣ обѣда отправился подъ предлогомъ, что ему надобно навѣстить одного пріятеля въ Лозаннѣ.

Онъ ѣхалъ недалеко, шолько до одного домика въ лѣсу, гдѣ одинъ изъ служителей дожидая его съ лошадью для Елены. Лишь шолько пробило десять часовъ, онъ опять былъ у воротъ Ла Сарраза. Вскорѣ появилась Елена. Она была одѣша въ мужское платье, завернувшись епанчею. Оливьеръ посадилъ ее на лошадь. Поѣхали; къ утру догнали высланныхъ напередъ служителей, перемѣнили усалыхъ лошадей и весѣшно отправились въ вушь. Вечеромъ оспавновились въ деревушкѣ, въ узкой долини. Оливьеръ

охотно доѣхалъ-бы со своею возлюбленною до ближайшаго городка, дабы ей доспавишь спокойный ночлегъ; но Елена клялась, что она до шаковой степени уснула, что умретъ, если пройдетъ еще нѣсколько шаговъ.

Въ этомъ случаѣ ей можно было повѣришь, пошому что ее почти на рукахъ внесли въ постоялый дворъ. Послѣ довольно скуднаго ужина, она пожелала, чтобы ей отвели особенную горницу и приготовили постель. Положено было на разсвѣтѣ ѣхать въ дальнѣйшій путь. Еще разъ съ живѣйшею благодарностью обняла Елена своего избавителя и ушла въ назначенную для нея комнату. Оливьеръ, не менѣе упомянутый долгою ѣздою и двумя безъ сна проведенными ночами, не раздѣваясь бросился на постель; для предосторожности положилъ подлѣ себя шпагу и пистолеты, приказалъ служителямъ постоялаго двора разбудить его какъ можно ранѣе, и погрузился въ глубокой, подкрѣпляющій сонъ.

На разсвѣтѣ его разбудили. Онъ бодро вскочилъ, велѣлъ подавать лошадей и пошелъ самъ будить Елену. Дверь была заперта; онъ постучался пошихоньку, постучался погромче... нѣтъ отвѣта! Онъ ужаснулся. Напрасно онъ кликалъ и стучалъ въ дверь. Люди постоялаго двора полагали, что съ молодымъ господиномъ вѣрно сдѣлался какой нибудь припадокъ. Оливьеръ самъ

вспугался и подумалъ, что молодой дѣвущкѣ послѣ упоминательной ѣзды легко могло сдѣлаться дурно. Въ сильномъ безпокойствѣ выломалъ онъ дверь и съ неизъяснимымъ удивленіемъ увидѣлъ, что въ комнатѣ нѣтъ никого! Онъ осмонирѣлъ постель, на которой по видимому Елена почивала не раздѣваясь. Куда она вышла, этого никто не могъ угадать. Но одно окошко было до половины распворено. Нѣтъ сомнѣнія! Бѣдная дѣвущка похищена. Асперлинъ открылъ ихъ слѣдъ!

Между тѣмъ хозяева, всѣ служители и служанки увѣряли, что цѣлую ночь все было тихо; поспоронній никто не забжалъ, и даже ни одной лошади, ни одной повозки мимо не проѣзжало. Осмонирѣли еще разъ весь домъ и дворъ спереди и сзади, дабы открытъ слѣдъ пропавшей. Ничего не нашли. Оливьеръ почти сходилъ съ ума. Нѣтъ сомнѣнія, что она была похищена, и никто другимъ, какъ подлецомъ Асперлиномъ, который заспалъ бѣдную дѣвущку спящею, завлазалъ ей ропъ, съ помощію своихъ людей вытащилъ въ окно и посадилъ на приготовленную лошадь, чтобы не сдѣлать шума и не разбудить ея хранителей. Сей часъ велѣлъ Оливьеръ своимъ людямъ сдѣлать коней, и поскакалъ назадъ въ Ла Сарразъ, съ твердымъ намѣреніемъ освободить Елену. По дорогѣ разспрашивали вездѣ. Сказывали о многихъ прохо-

дившихъ и провѣзавшихъ , но не было въ нихъ ничего похожаго на шѣхъ , коихъ искали. Уже наступалъ вечеръ , и Оливьеръ не только похищителей , но и слѣда ихъ не нашелъ.

12.

Оливьеръ пребылъ швердъ въ намѣреніи ѣхать на другой день въ Ла Сарразъ. Съ первымъ мерцаніемъ зари онъ уже былъ въ дорогѣ. Едва проѣхалъ онъ нѣсколько часовъ , какъ услышалъ конскій попошъ въ споронѣ , и съ боковой дороги нѣсколько всадниковъ выѣхало къ нему на встрѣчу. Передовой , держа саблю въ рукахъ , закричалъ ему : « Спой ! » Эшо былъ Асперлинъ.

« Разбойникъ ! похищитель ! хорошо что ты мнѣ попался , » кричалъ онъ . « Долой съ лошади ! Я пребую мщенія , гнусный человекъ ! Ты долженъ мнѣ кровію заплапшъ за похищеніе моей невѣсты , негодный Паша ! »

Съ сими словами Асперлинъ соскочилъ съ лошади , а вооруженные его служители окружили людей Оливьера и схватили ихъ . Оливьеръ мигомъ напалъ на своего противника . Бой былъ непродолжителенъ . Смертельно раненый Асперлинъ упалъ , и устрашенные люди его подскочили къ нему . Оливьеръ спалъ на колѣно предъ

умирающимъ и сказалъ : « Вошь тебѣ , несчастный , давно заслуженное за Пашу ! Зачѣмъ ты меня вездѣ преслѣдуешь ? Сказывай : куда ты дѣвалъ Елену , и не лги разсказывая со свѣпомъ ? »

— Злодѣй ! — закричалъ Асперлинъ . — Кровь моя падеть на тебя ! Ты похищилъ Елену . Опдай родипелямъ дочь ; не то ты умрешь отъ руки палача .

« Не лги на исходѣ жизни , » повторилъ Оливьеръ . « Скажи мнѣ : гдѣ Елена ? »

— Эпо ты знаешь лучше , нежели я . Эй , люди ! помогите мнѣ !

Оливьеръ поодинокѣ разспрашивалъ всѣхъ соупниковъ Асперлина . Всѣ они показали , что вмѣстѣ съ господиномъ ѣхали ее опыскивать , подозрѣвая что увезъ ее Оливьеръ . Тушь увидѣлъ онъ , что Асперлинъ не учаспивовалъ въ похищеніи Елены . Онъ сѣлъ на лошадь , созвалъ людей и поѣхалъ назадъ , по той-же самой дорогѣ . Вечеромъ онъ опять доѣхалъ до поспоялаго двора , гдѣ пропала его возлюбленная . Тамъ никшо не дознался объ ней . Начали дѣлать розыски и разспросы . Происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ въ цѣлой деревнѣ , и всѣ жипели , подспрекаемые собственнымъ любопытствомъ , догадывались , искали и разспрашивали .

Эпо дѣло оспалось неизтъяснимымъ для Оливьера , а Елена была для него поперяна . Послѣ

Ноябрь 1829 .

всего происшедшаго, ему не зачѣмъ было долѣе оспавашься въ сей странѣ. Онъ обязанъ былъ какъ можно скорѣе оспавить Швейцарію, ибо разсчиталъ, что послѣ увоза Елены и убійства въ поединкѣ Асперлина, все мѣстное начальство пушится за нимъ въ погоню. Рано поуспру выѣхалъ онъ изъ несчастнаго дома, поспѣшилъ за Рейнъ, въ Германію, и прибылъ обратно въ полкъ.

13.

Все, что случилось съ Оливьеромъ во время оплочки изъ полка, представлялось ему какъ сонъ, когда онъ оцпшь поцалъ въ однообразный бытъ военной службы. Оно и пропало какъ сонъ, въ особенннши когда дни и годы прошекли, и Оливьеръ опъ своихъ земляковъ, къ копорымъ сначала довольно часто писалъ, не получилъ рѣшенія эшой загадки. Онъ дѣйспвншельно любилъ Елену спрасшно, и по исходѣ многихъ годовъ не могъ вспомнншь о ней безъ внуспренняго двнженія. Но, между тѣмъ молодой человекъ возмужалъ, а въ эспу пору уже другими глазами смотряшъ на пылкія ощущенія юношескаго сердца! Спрасшь его угасла и оспалось въ немъ только сознаніе, что въ цѣломъ свѣтѣ не бывало дѣвушки прекраснѣе и милѣе, Елены. Когда по испеченіи вѣсколькихъ лѣшъ родя-

пели Оливьера скончались, онъ и не думалъ о Ла Сарразѣ. Возвращишься на родину было невозможно; тамъ жили родшвенники Елены и Асперлина. Онъ рѣшился посвятивъ всю жизнь военной службѣ и никогда не женишься.

Такъ прошли десять лѣтъ, и во все сіе время ничего не случилось доспопримѣчательнаго для чипапелей, а вѣроятно и для Оливьера. Онъ не измѣнилъ своему намѣренію. Не рѣдко привѣщивали его красавицы выразительными улыбками, попому что и въ придцать пять лѣтъ онъ былъ очень спашный мужчина и могъ пронупъ нѣжное сердце; но любовь и женишба никогда и въ помышленія его не входили. Онъ совершенно посвяпилъ себя военнымъ заняпіямъ, и всего пріятнѣе было-бы для него объявление новой войны.

Эпо и случилось, по поводу мяежей въ Трансильваніи и Венгріи и завоеваній Турковъ, съ которыми Имперашоръ Леопольдъ имѣлъ безпреспанная распри. Въ 1663 году, храбрый и искусный Визиръ Ахмешъ Кіюперли, съ арміею во сто сорокъ тысячъ человекъ, напалъ на Венгрію. Венгерскія обласпи, недовольныя Авспрійскимъ правленіемъ, сопрошивлялись слабо. Все ихъ ополченіе едва составило двадцать тысячъ человекъ; не сильнѣе была и Цесарская армія, копорую могъ тогда Императоръ присоединить къ Вен-

герцамъ , подъ предводительствомъ славнаго полководца Моншекукули. Не мудрено, что Турки и Ташары достигли Пресбурга¹ и Моравіи , и забрали въ рабскій плѣнъ болѣе сорока тысячъ Христіанъ. Въ семъ затруднительномъ положеніи , Императоръ воззвалъ къ цѣлой Имперіи , къ Папѣ и къ Франціи. Помощь ему оказанная была не значительна. Изъ Франціи пришло шесть тысячъ войска , а вся Германская Имперія доставила едва пятьдесятъ тысячъ.

Въ первый походъ сей войны , Оливьеръ опличился во многихъ случаяхъ. Въ одномъ сраженіи едва не былъ онъ взятъ въ плѣнъ. Его освободили солдаты , и онъ съ тяжелой раной отправился въ Вѣну.

 14.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ , онъ совершенно выздоровѣлъ и былъ уже готовъ возвратиться къ своей должности , какъ вдругъ неожиданное приключеніе удержало его въ Вѣнѣ. Однажды услышалъ онъ звуки трубы и подошелъ къ окну. Французскій полкъ проходилъ по улицѣ. Оливьеръ чужь не обезпамятѣлъ , увидѣвъ , подлѣ Французскаго Генерала , ѣдущаго спашнаго офицера , копейный былъ не иной кто какъ Кюньи. « Кюньи !

Кюньи!» закричал Оливьеръ, простирая къ нему руки изъ окна.

Офицеръ, оглянувшись, по видимому изумился, попомъ улыбнулся, привѣтствовалъ его шпагою и поѣхалъ далѣе, часпо оборачиваясь и кивая головою. Оливьеръ погнался за полкомъ и наспигнулъ офицера. Это былъ точно Кюньи. Держа за руку своего друга, онъ сопровождалъ его до шѣхъ поръ, пока вѣрно было полку остановишься и размѣщаешься по квартирамъ. Неизъянима была радость Оливьера и Кюньи! Между шѣмъ надобно было исправить кое-что по службѣ. Друзья разсѣлились до скорого свиданія, а Оливьеръ приготоовилъ въ жилищѣ своемъ чѣмъ угостишь друга.

Вечеромъ поспучались въ дверь. Елена вошла въ комнату Оливьера, и за нею Кюньи. Оливьеръ осполбенѣлъ! Елена и Кюньи бросились ему на шею.

«Какъ вы сюда попали?» спросилъ онъ наконецъ Елену.

— Я прѣѣхала съ моимъ мужемъ — ошвѣчала она. — Неужели я должна была его покинуть?

«Такъ вы за мужемъ за Кюньи?» вскричалъ Оливьеръ внѣ себя.

— Ужедесять лѣтъ. Неужели вы не знаете? Развѣ вы не получали моихъ писемъ? — спросила Елена.

« Ни спрочки. Вы за мужем ! Возможно-ли ! Не во снѣ-ли я эшо вижу ? »

— А мы — сказала Елена — видя что вы не удоспоиваете насъ отвѣща , полагали , что вы гнѣваешесь , въ особенноти на меня . Спало бытъ вы ни о чемъ не знаете , любезный Оливьеръ ? И такъ я обязана изустно просить у васъ прощенія и разсказать о помѣ , что я не разъ описывала вамъ со слезами . Такъ-ли , другъ мой ? Вы меня простите ? — При сихъ словахъ она обняла его и поцѣловала .

За эшо можно было и смертннй грѣхъ просить . Только Оливьеръ не зналъ , въ чемъ испрашивали у него прощенія ? Наконецъ послѣ первыхъ разспросовъ и обниманій , когда уже успокоились , все объяснилось . Елена разсказала свои похождения , почти слѣдующимъ образомъ :

« Вѣроятно вы еще помните , мой добрый Оливьеръ , о моемъ положеніи въ родителескомъ домѣ въ Ла Сарразѣ . Признаюсь , что я васъ любила , очень любила и до сихъ поръ люблю . Но любовной спрасши я и вѣришь не хотѣла . За эшо я была наказана ! Когда эиопъ проказникъ , мой мужъ , шуда приѣхалъ , шо я узнала любовную спрасшу . Не могу объяснить , какимъ образомъ я въ нѣсколько дней и часовъ сдѣлалась съ нимъ гораздо ошкровеннѣе , нежели со всѣми мужчинами и женщинами , копорыхъ знала уже

многіе годы. Онъ узналъ о мнѣ меня о гореспномъ моемъ положеніи , и предложилъ мнѣ бѣжать. Въ моемъ опчаяніи , и чувствуя , что безъ Кюньи я жить не могу , я на все согласилась. Мы условились на счетъ важнѣйшихъ обспоянелствъ. Онъ поѣхалъ въ Миланъ. Мы переписывались тайно. Родители и женихъ мой были спокойны на мой счетъ , и какъ скоро Кюньи извѣспилъ меня о своемъ возвращеніи , по я всѣ свои драгоценныя вещи отправилъ въ Базель. Часъ , день и мѣсто нашего свиданія были назначены. Я опкрылась вамъ въ моемъ намѣреніи и благополучно ушла изъ дому.

«Такъ какъ я знала , что Кюньи недалеко , по и наспоела въ помъ , если вы помните , чтобы мы ночевали въ бѣдномъ поспоеломъ дворѣ. Лишь только я замѣспила что всѣ уже спятъ , по вылъзла въ окошко , и не взирая на свою успалоспъ , выпшла , чрезъ деревеньку , на дорогу ведущую въ городокъ , куда въ спомъ-же вечеръ вы хопѣли меня привезспъ. Но я знала , что Кюньи долженъ былъ меня вспрѣспитъ спамъ въ самую полночь. И въ самомъ дѣлѣ , я еще не прошла чеспверпи часа , какъ уже нашла его. Легкая повозка споела при вѣздѣ въ лѣсъ. Счастіе мое было неизъяснимо ! Мы поѣхали , и безъ всякихъ препяспвій Кюньи доvezъ меня до Брисселя. Тамъ я сдѣлалась его супругою , и первымъ моимъ попеченіемъ было увѣдомитъ васъ обо всемъ и

испросишь себѣ прощенья за мой поступокъ. Но мы не получили отъ васъ отвѣта.»

Къ сему разсказу Елены Кюньи прибавилъ : « Повѣрь , что въ печеніе блаженныхъ десяти лѣтъ , нами проведенныхъ , ты былъ ежедневнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Единственно въ надеждѣ опыскашь себя , если ты еще живъ , или по крайней мѣрѣ узнаешь о себѣ , я всячески старался попастьъ во вспомогательное войско , которое нашъ Король посылаетъ Императору. Посредствомъ рекомендацій , мнѣ удалось быть помещену въ корпусъ Колиньи. Счастье мнѣ болѣе благопріятствовало , нежели сколько я ожидалъ. Ты опять съ нами ! Ты просишь намъ ! Смощи , « продолжалъ Кюньи , вынувши складной ножикъ съ перломуповымъ черенкомъ , » смощи , Оливьеръ : ножикъ цѣль , и свой подарокъ насъ не поссорилъ.»

Съ чувствомъ прижалъ Оливьеръ друга своего къ сердцу и сказалъ улыбаясь : « Мнѣ должно было-бы самому все это опгадать ! Ты еще будучи мальчикомъ , когда мы козами предводительствовали , не рѣдко опнималъ у меня невѣрную мою Елену ! Но я за это не разгнѣваюсь на прекраснаго Париса , и не разрушу Иліона ! »

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

— Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand, par M. le général comte de Ségur (*Исторія Россіи и Петра Великаго*. Сочиненіе Генерала Графа Сегюра). Парижъ, 1829 г.

(Окончаніе).

Ни у одного изъ новыхъ народовъ, ни одна эпоха не имѣетъ такой существенной занимательности, какъ окончаніе шестнадцатаго и первые годы семнадцатаго столѣтія въ Россіи. Сія эпоха мало извѣстна въ остальной Европѣ, попому что она не имѣла Историковъ. И Графъ Сегюръ не хотѣлъ бытъ ея Историкомъ, ибо планъ его не соотвѣтствовалъ эпоху: царствованіе Петра — вошь его цѣль; предшесвующее оному, у него собственно шолько введеніе. Пропустимъ Бориса Годунова: эпохъ похишишель, ненавидимый дворянствомъ, оплакиваемый плебеями, имѣетъ сходство съ Людовикомъ XI-мъ, и съ тысячью другихъ ширавовъ, донынѣ еще ужасающихъ, какъ скоро Исторія спавишь насъ съ ними лицомъ къ лицу. Говоряшь, что Борисъ началъ первый приписывашъ крестьянъ къ землѣ: это мѣтніе общепринятое, но хронологически мало вѣрояшное; по крайней мѣрѣ оно возбуждаешъ сомнѣнія, шребуешъ изслѣдованій. И шакъ Рускіе были свободны, когда половина міра. еще носила оковы! Московія не шолько не ошсшавала ошь Европейскаго просвѣщенія,

но даже шла впереди онаго до 1590 года. Трудно вдругъ принять такое странное мнѣніе; но тогда былъ вѣкъ чудныхъ событій. Исторія Лжедмитрія есть задача особеннаго рода. Судьба его донныѣ еще облечена шуманомъ; обманъ его не доказанъ совершенно; иные приписываютъ паденіе Дмитрія не неправотѣ его, а приверженности къ Католической религіи. Онъ внушаетъ имъ шу-же благочестивую жалость, которая привлекаетъ насъ къ Маріи Стюартъ, не смотря на ея преслупленія. Однимъ словомъ, не всѣ почитаютъ мужа Марины Мнишекъ обманщикомъ. Мнѣніе смѣшное! Гришка Опретьевъ былъ Матюринъ Брюно своего времени, съ тою разницею, что онъ обрабатывалъ болѣе плодоносную землю. Впрочемъ, извѣстно, что главною причиною его бѣдсвія были: Польская гвардія, Польскіе придворные, Польскій нарядъ его жены, знаменіе креста не Русское и музыкальные инструменшы, которые онъ употреблялъ при обѣднѣ, въ прошивность уставовъ Греческой Церкви. Но всего болѣе погубила его свиша Іезуишовъ. Это странное царствованіе, кажется, плѣнило воображеніе Шиллера. Онъ накидалъ свои идеи въ первомъ дѣйствіи трагедіи, богашомъ красками и движеніемъ. Дмитрій, безпомощный, но исполненный честолобія, является просителемъ на Польскомъ Сеймѣ. Волненіе сего собранія нарисовано шибкими чершами: это живая Исторія. Жаль что упомленіе или смерть не допустили Шиллера довершишь сію каршину.

Событія, совершившіяся послѣ Лжедмитрія, еще болѣе досшойны воспламенишь благородный

геній. Лѣтописи народовъ рѣдко представляютъ намъ союзъ различныхъ сословій государства, копорья, часто бывая врагами и всегда соперниками, рѣдко раздѣляли общую славу: торжествовало одного изъ нихъ почти всегда сословіе въ униженіи другихъ. Вотъ причина и необыкновеннаго пристрастія нѣкоторыхъ изъ нашихъ новыхъ Историковъ: потъ защищаетъ дворянство, другой духовенство, третій народъ. Думая давать отчетъ за вѣка минувшіе, они говорятъ о нихъ какъ о вчерашнемъ анекдотѣ. Они болѣе адвокаты, нежели Историки: для нихъ прошедшее есть дѣло, клонящееся ко вреду или къ пользѣ настоящаго. Выгода касты заставила ихъ взяться за перо: это такъ явно, что опытные глаза угадаютъ малѣйшія подробности общественнаго положенія Историка, по его соспристію или ненависти, преувеличенной строгости или излишней снисходительности.

И могло-ли быть иначе? Новая Исторія, съ начала до конца, не есть-ли судебное донесеніе объ опчаянной бившѣ между феодалами и рабами, между силою и слабостью? Историкъ судья на полѣ бившвы: ему надлежало-бы оставаться безпристрастнымъ, но онъ человекъ, кровь кипитъ въ его жилахъ, онъ предается побѣдителю или побѣжденному и изъ судьбы легко становится подсудимымъ. Этого сильнаго искушенія нечего бояться за эту эпоху Русской Исторіи, копорая извѣстна подъ именемъ Междоцарствія. Сенека думала, что есть одно зрѣлище, не недостойное взора Божества: это добродѣтель въ борьбѣ съ несчастіемъ. Есть

и другое зрѣлище, не менѣе достойное быть угоднымъ Божеству: эшо единодушное согласіе всѣхъ гражданъ на защиту отечества и отраженіе общаго непріятеля. Поляки приближаются; Россія можетъ быть завоевана; но народъ, духовенство, дворянство, возстають всѣ: у нихъ одна душа, одинъ духъ. Настоятель Троицкій жершуетъ безчисленными богатствами своего монастыря; Мининъ, богатый купецъ, приноситъ все свое имѣніе на публичную площадь; Князь Пожарскій беретъ Минаина за руку и лепитъ съ нимъ на бишву: они являюся, чужеземець бѣжитъ, отечество спасено. За шо, ничто не можетъ сравниться съ народностью сихъ воспоминаній въ Россіи: нераздѣлимые имена Пожарскаго и Минаина въ устахъ, или лучше скажашъ въ сердцахъ всѣхъ. Знашнѣй баринъ, живущій въ палахахъ, нищій, извощикъ, баба, мужикъ, всѣ знаютъ Пожарскаго и Минаина, всѣ благословляютъ память ихъ. Бронзовые спашуи (*) двухъ друзей украшаютъ одну изъ площадей Московскихъ, и въ 1812 году, призывая имена Пожарскаго и Минаина, Рускіе укрѣплялись духомъ въ героическомъ сопротивленіи не праведному нашествію.

Приняшой планъ не позволилъ Гр. Сегюру подробнѣе изложитъ Междуцарствіе: надобно пожалѣть объ эшомъ. Богатая кисть его дала-бы истинную фізіономію симъ событіямъ, укорочен-

---

(*) Въ подлинникѣ сказано: *les statues en marbre*, разумѣется ошибкою. *Прим. Пер.*

нымъ въ его Ишоріи. Мы увидѣли-бы, что Пожарскій, сей полководецъ шоль-же великодушный сколько скромный, поднесъ предлагаемую ему корону Михаилу Романову (*). Мать сего юноши съ ужасомъ отвергаетъ подносимый ему даръ, почитая оный пагубнымъ; она видитъ въ немъ смершнй приговоръ своему сыну, и на колѣняхъ умоляетъ народъ избавить его отъ опасныхъ благодѣній. Царствование Михаила не оправдало предвѣщанія машери, слишкомъ боязливой: оно было мирно, даже славно, и если сей Государь заслужилъ ошъ попомсшва шолько *уваженіе*, то этому причиной его счастье и вмѣстѣ невыгода бытъ ошцомъ Алексія и дѣдомъ Петра Великаго.

Царствование Алексія описано нѣсколько небрежно. Образовашель Русской торговли, первый законодашель Русскій, однимъ словомъ предшешвенникъ Петра I-го, предуготовившій для него пути просвѣщенія, заслуживалъ нѣсколько такихъ спраиць, какія Гр. Сегюръ умѣетъ писать. Чувствувешь, что онъ спѣшитъ къ своему Герою. Едва произнесено имя Петра, какъ жизнь снова являешся въ его повѣствованіи: все одушевлено, все при-

---

(*) Къ занятію прона и значали двухъ человекъ: Михаила Романова, по избранію народа, и Князя Василія Голицына, по избранію дворянства и духовенства. Голосъ Пожарскаго утвердилъ выборъ народный. Исключеніе кандидата своего званія еспъ новая черта, довершающая сей изумительный характеръ. См. *Нарушевича. Прим. Астора.*

пимаєшь свой цвѣтъ. Вошь Царица Наталія, неустрашимая мать Царевны Софіи, женщины честолюбивой и непредусмотрительной. Софія алкала крови своего брата. Она, кажешся, имѣла много ума, и, пишая въ душѣ своей звѣрскіе замыслы, любила Липперануру. Въ Королевской Библіотекѣ есть трагедія, сочиненная ею, подъ заглавіемъ *Новуходоносоръ*, и переводъ *Лекаря по неволѣ* (*). Софія и Мольеръ! Сганарель и Спрѣльцы! Трудно вѣришь ихъ современности. Мы жили съ Мольеромъ, но мы за десять столѣтій ошь Софіи: пакъ сообразность или разница въ просвѣщеніи, въ нравахъ, въ обычаяхъ, сближають или раздѣляютъ вѣка!

(*) Русскій Театръ родился въ пѣни монастырской. Въ семнадцатомъ столѣтіи, одинъ ученый духовный, причисенный Греческою Церковію къ лику Святыхъ, Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, написалъ много драмъ и заставлялъ представлять ихъ въ монастыряхъ своей Епархіи. Всѣ предметы оныхъ заимствованы имъ изъ Св. Писанія. Таковы: *Рождество Христово*, *Воскресеніе*, *Эсфирь* и *Асасферб*, *Грѣшникъ кающійся*, и проч. Во время ваканцій, студенты Университета (?) Кіевскаго ѣздили по Украинѣ и сосѣдственнымъ обласнямъ, представляли благочестивыя драмы и сопровождали ихъ самою грубою мимикою. Въ 1676 году Бояринъ Матвѣевъ вывелъ передъ Царя Алексія Михайловича труппу Нѣмецкихъ комедіаншовъ. Они представили *дивную исторію о Царицѣ Олофернѣ, отсѣкающей голову непріятельскому полководцу*. Нѣсколько скрипокъ,

Не смотря на свой умъ, Софія не умѣла понять Петра: она ничего не провидѣла въ дѣтскихъ его забавахъ. Героическое дѣтство Царя одушевило Гр. Сегюра: эшошь ошривокъ у него прелестень, и я приведу оный вполнѣ. Чашашель поблагодарить меня.

«... Удаленный отъ прона, Петръ избѣгаетъ атмосферы нѣги и лести, окружающей оный. Ненависть, внушаемая ему къ палачамъ его семейства, увеличиваетъ силу его характера. Онъ знаетъ, что долженъ завоевать свое мѣсто на протѣ, занимаемомъ сесшрою хитрою, честолюбивою, окруженною варварскимъ войскомъ. Съ сего времени дѣтство его имѣетъ то, чего слишкомъ часто не достаетъ зрѣлому возрасту: оно имѣетъ цѣль. Геній его, уже смѣлый и упорный, овладѣваетъ ею. Окруженный отважными умами людей предприимчивыхъ, издалика пришедшихъ попышашъ своего счастья, онъ развивается быстро.

«Одинъ изъ окружавшихъ его, Лефоршъ, безъ сомнѣнія увидѣвъ въ юномъ Царевичѣ слѣды образованности, постѣянной можешъ быть первымъ его

при помощи небольшихъ органовъ, составляли оркестръ, и спектакль кончился балетомъ, гдѣ поэтъ Орфей, пропѣвъ оду въ честь Царя, пустился плясать между двухъ движущихся пирамидъ. См. Грета, Учебная книга. — Прим. Автора.

наставникомъ (*), показываешь ему блескъ Наукъ, Искусствъ Европейскихъ, и особенно Искусства Военнаго.

« Говорятъ, что тогда, при видѣ варварства своихъ соотечественниковъ, сей ошрокъ проливалъ слезы великодушной скорби. Кажется, юнымъ взорамъ новаго Ахиллеса представили мечъ: но Пешрь болѣе и сего. Не будемъ удивляться, что игрушками его было оружіе, играми военныя экзерциціи; но вошь что изумительно: онъ понялъ важность подчиненности въ такое время лѣтъ, когда она кажется игомъ нестерпимымъ; онъ подвергнулся ей съ такою пылкостью, съ какою люди обыкновенно уклоняются отъ нея; онъ упорно остался при этомъ въ самое измѣнчивое время жизни; наконецъ, онъ подавалъ примѣръ въ такомъ возрастѣ, когда едва умѣють брашь оный.

« Пяшьдесять юныхъ Россіанъ было опредѣлено къ нему, не какъ избранные юноши Египетскіе къ Сезоспрису, или, древле, сыновья вельможъ Персидскихъ къ юному Киру, но единственно въ товарищи для буйныхъ увеселеній, въ потѣшники, ибо такъ называли ихъ при грубой простотѣ того времени.

« Пешрь такъ и принялъ ихъ, ибо шѣла его, столь-же могучаго какъ и умъ, доставало на все, на доброе и на худое. Но въ то-же время, съ

(*). См. Бассевича, *Записки Лэфорта. Прил. Автора.*

удивительною разборчивостью, свойственною великимъ людямъ, и съ такою силою, какую имѣють они и надъ собою и надъ другими, онъ пользуется единственною, оставленнымъ ему средствомъ, вырывается изъ окружающаго его варварства, и увлекаетъ за собою все окружающее его.

«Деревня, въ которую онъ былъ удаленъ, становится военною, Европейскою школою, поварами учениками Военнаго Искусства, опытными, вооруженными, одѣтыми какъ иностранцы, кошорыхъ превосходство онъ увидѣлъ.

«Юный Царь хочешь пройди всѣ чины, исполнишь самыя шягосныя обязанности оныхъ: онъ былъ барабанщикомъ, пошомъ солдатомъ, наконецъ офицеромъ, не для суешной формы; онъ самъ, на шѣлжѣ, сдѣланной его руками, вывозилъ землю изъ выкопанныхъ имъ шанцевъ, и шакже самъ, наряду съ послѣднимъ солдатомъ, споялъ подлѣ нихъ на караулѣ.

«Онъ хочешь возвыситъ сіе поприще, хочешь оставишь на немъ глубокіе слѣды Государя, дабы служишь примѣромъ послѣдователямъ своимъ, и послѣ сего, давая еще славнѣйшій примѣръ, въ свободныя отъ службы минушы прилѣпляешь къ изученію Нѣмецкаго языка и Математики, отдыхая шрудомъ ума отъ шрудовъ шѣла, и образуясь шакимъ образомъ для жизни геройской.

... «Но Софія и ея Спрѣльцы со смѣхомъ глядятъ на сіи воинственныя игры. Въ сихъ послѣдовательныхъ усиліяхъ, идущихъ все по одному направленію, она не узнаетъ попытокъ рождающа-

гося генія. Въ сихъ нѣпидесяти дѣсяхъ, сославившихъ ропу, шакъ называемую *потѣшную*, она не провидишь зародыша шѣхъ регулярныхъ корпусовъ, которые вскорѣ будущъ способствовашъ къ низверженію ея съ прона, къ уничтоженію ея приверженцевъ. »

Теперь взглянемъ на поршреть Петра, уже взрослога челоука.

... « Великое сердце его, безъ эгоизма въ самой эгоистической изъ страшей, заключаешъ въ одномъ себѣ высокое честолюбіе, принадлежащее цѣлому народу, чуждое личности: славу двадцати милліоновъ челоука! ...

« Съ симъ величіемъ души онъ соединяешъ правому сужденія, вѣрность ума, словомъ, шощъ здравый разумокъ, кошорый можно назвашъ шестымъ чувствомъ и кошорый одинъ шолько можешъ дашь всѣмъ силамъ души и шѣла полезное, и слѣдшвенно истинно великое направленіе.

« Прибавше къ эшому сложеніе великаго челоука, сообразность крѣпости и дѣяшельности физической и умшвенной, необходимую для живыхъ и сильныхъ помысловъ, для упорнаго исполненія и совершенія обширныхъ предпріятій; наконецъ ростъ героевъ баснословныхъ, рѣдко бывающій у истинныхъ, пошому-ли что природа челоушеская не можешъ бышь полною, и что она истощаешъ въ огромныхъ размѣрахъ или души или шѣла, или пошому что сіи два преимущества несоединимы, и люди, одаренные прекрасною наружностью, не принимающъ на себя труда бышь великими людьми. »

Я зналъ въ дѣшствѣ своемъ нѣсколькихъ спариковъ, почти столѣтнихъ, видѣвшихъ Царя. Видъ его былъ очень важенъ, чтобы не сказать очень ужасенъ. Когда жены Саардамскихъ мажросовъ хотѣли унять крикъ своихъ дѣшей, но всегда пугали ихъ *большимъ Московскимъ плотникомъ* (*). Сила его сошвѣшествовала наружности. Однажды, за ужиномъ съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, Петръ взялъ двѣ серебряныя шарелки, смялъ ихъ одну о другую и свернулъ въ шрубки (**). Въ Амстердамѣ, въ 1697 году, онъ остановилъ одною рукою крылья мѣльницы, для того что ему хотѣлось разсмотрѣть ихъ получше. Подобныя безполезныя неоспорожности часто могли стоить ему жизни; но его удовольствія могли-ли быть не столь-же исполинскими, какъ и его труды? Онъ былъ вездѣ шопъ-же: его работы, его забавы, все происходило изъ одного источника.

Онъ ненавидѣлъ роскошь, которую шакъ любилъ его ошець. Одинъ Англичанинъ, медикъ Алексія Михайловича, оставилъ намъ много подробностей о Дворѣ сего Монарха:

«Царь Алексій,» говоритъ Докшоръ Самуилъ Коллинсъ, «показывается народу не иначе какъ покрытый жемчугомъ, брилліантами, и окруженный множествомъ придворныхъ. Онъ никогда не посѣ-

(*) Scheltema, *Russland en Nederlanden*. 1817, II. *Прим. Автора.*

(**) Рукопись Нартова. *Прим. Автора.*

щаль ни одного изъ частныхъ людей, кромѣ своего наславника, на смертномъ одрѣ. Спражи его стояпть передъ нимъ угрюмы, выпянушы, неподвижны какъ исшуканы. Можно подумашь, что Дворецъ его ешь необишаемое мѣсто: въ немъ всегда глубочайшее молчаніе. Адексій обѣдаешъ одинъ и посылаетъ нѣсколько блюды со своего стола къ Боярамъ, когда хочешъ изъявишь имъ благоволеніе.»

Петръ ошбросилъ эшошъ восточный этикетъ: онъ не шолько не заперался въ великолѣпной пусынѣ, но прощрялъ собранія людей обоихъ половъ и любилъ участвовашъ въ нихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ чинашелей, можетъ бышь, удивяшся, узнавъ, что Законодатель Россіи былъ также однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего ошечества; однакожь это совершенно справедливо: балы начались въ Россіи съ его времени, и онъ, посѣщая каждый изъ нихъ, не бывалъ празднымъ зрителемъ. Однажды ему вздумалось зашавишь прыгашъ самыхъ старыхъ и самыхъ важныхъ особъ своей Имперіи: онъ самъ распоряжалъ танцами, дѣлалъ самыя шпанная фигуры, шрудные па, и принуждалъ неискусныхъ танцоровъ осушашъ большой бокаль, прозванный *Большимъ орломъ*.

Петръ одѣвался очень просто. Онъ носилъ одежду своего времени (вѣка Людовика XIV-го), безъ леншъ и безъ перьевъ. Не болѣе какъ два шоржешвенные случая зашавили его одѣшся парадно. Одинъ, слѣдующій, случай былъ слѣдшвиемъ его политики: Князь Долгорукій и Графъ Головкинъ, занимавъ дипломатическія мѣста при различныхъ Европейскихъ Государяхъ, возвращались въ Россію. По общему

миѣнію, они научились въ Европѣ пріятности обращенія и переняли образованные нравы. Царь былъ чрезвычайно доволенъ этимъ, и рѣшился изъяснить имъ свою признашеюность самымъ блестящимъ образомъ. Въ кафтанѣ изъ малиноваго бархата, вышитомъ золотомъ по швамъ, окруженный своею Фамилією и гвардією, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ своимъ Посланникамъ, чепыре часа ждалъ ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ югъ Петербурга, посадилъ ихъ въ свой экипажъ, и, заставивъ проѣхать черезъ весь городъ, какъ въ шріумфѣ, всенародно поздравилъ ихъ *сблекитсь ветхаго теловѣка* (*).

Хошяшь-ли знашь, какъ онъ располагалъ своимъ днемъ? Это вполне описано въ современныхъ Запискахъ. Петръ всегда ложился въ десять часовъ и вспавалъ въ шри, зимою и лѣтомъ. Вспавши, онъ пошчасъ занимался *пересмотромъ Журналовъ* и книгъ иностранныхъ, переведенныхъ по его повелѣнію. Ни одно сочиненіе не печашалось, не бывъ напередъ разсмотрѣно и исправлено самимъ Императоромъ. Между чепвершымъ и пятымъ часами онъ бралъ свою шпросъ, записную книжку, и шель осматривашъ работы. Послѣ сего онъ занимался, до одивнадцати часовъ, въ Сенашѣ. Здѣсь оказывалъ онъ шу живосшь ума, шу быспрошу въ работѣ, копорыя принадлежатъ подобнымъ ему людямъ. Бассевичъ говоритъ, что Царь дѣлалъ въ одинъ часъ шо, чего другіе не кончили-бы и въ чепыре. По выходѣ изъ Сенаша начинались аудіен-

---

(*). Бюшингъ, Бассевичъ, Бергольць. *Прим. Автора.*

ціи. Богатый, бѣдный, знатный баринъ, купецъ, крестьянинъ, рабъ, къ нему всѣ были равно допускаемы. Петръ выслушивалъ ихъ со вниманіемъ и давалъ рѣшенія *на мѣстѣ* (*). Около полудня онъ садился за столъ, въ кругу своего семейства. Столовая была подлѣ кухни, *чтобы кушанья не простывали*: поваръ вынималъ ихъ изъ печи и тотчасъ подавалъ на столъ Императорскій, *черезъ окно* (**). Послѣ обѣда ошмыхъ въ яхтѣ, на Невѣ; послѣ сего полишическія аудіэнціи, въ кабинетѣ или въ мастерской, при запертыхъ крѣпко дверяхъ, даже для Императрицы и Великихъ Княженъ. Тамъ побѣдитель Карла XII-го, основатель Петербурга, посылалъ свои приказы въ Архангельскъ, въ Аспраханъ, учился теоріи мореплаванія, разговаривалъ съ ошмытными людьми, или шочилъ образъ Св. Николая Чудотворца.

Остановимся: сіи подробности мало извѣстны и, можетъ быть, покажутся не очень важными; посему ихъ надлежало исключить изъ сочиненія Гр. Сегюра. Я не буду со словъ его излагать предпріяній, учрежденій, войнъ Петра Великаго. Гр. Сегюръ описываетъ ихъ не какъ компиляторъ, но какъ воинъ, какъ полишникъ. Онъ знаетъ что должно дѣлать, дабы сообщить понятіе о великомъ челоувѣкѣ: онъ самъ жилъ вблизи великаго челоувѣка. Но эшо не все: въ его сочиненіи умишительная занимательность на высокой степени. Судъ Царевича Алексѣя разсказанъ превосходно: Историкъ болѣе

(*) Наршовъ, Голиковъ, Брюсъ. *Прим. Автора.*

(**) Корниловитѣ, Русская Старина. *Прим. Автора.*

сожалѣешь объ оцѣ, нежели судишь его. Онъ видишь Россію преобразенную, и, какъ *Виргилій*, который колебался порицать *Бруша-республиканца*, онъ не смѣешь осуждать *Бруша-Самодержца* :

Infelix! . . . utcumque ferant ea facta minores.

Впрочемъ, *Гр. Сегюръ* не только удивляешься своему герою : онъ испинно богошворишь его. И мы, вмѣстѣ съ нимъ, изумлены множешвомъ чудесъ *ПЕТРА*; мы удивлены, поражены при видѣ челоука-шворца. Сія способность придала-бы ему, въ глазахъ Древности, нѣчто Божешвенное, шѣмъ болѣе, что слава подобныхъ ему ограничиваешся почти всегда однимъ даромъ испребленія. Но не слишкомъ-ли рѣзко исполнялъ онъ свои преобразованія? Не раздражалъ-ли онъ часто, безъ надобности, шощъ народъ, который хощѣлъ исправить? Не лучше-ли было-бы дать время обрѣчь бороды, нежели вырывать ихъ насильшвенно? Приведемъ одинъ или два примѣра. *Петръ* уничтожилъ древнія названія *Бояръ*, *Думныхъ Дьяковъ*, и замѣнилъ ихъ шиплами *Президентовъ*, *Совѣтниковъ*, и проч. *Гр. Сегюръ* хвалишь его за сію перемѣну; а мы не нашли-бы въ ней повода къ хвалѣ. Говорятъ, что *Лишперашура* ешть выраженіе общешва. Если *Русская Лишперашура* донынѣ не имѣешь собшвенной фижіономіи, шо причина эшого не ошщешся-ли въ слишкомъ шочномъ сколкѣ съ иностранныхъ обычаевъ? Неужели *Петръ* имѣлъ надобность *сердить* (*taquiner*) своихъ подданныхъ, подписываясь *Piter*, по-*Голландски*, вмѣшшо шого чшобы прешо под-

писывашься по-Русски? Предпріятія его были велики, огромны, удивительны; но не вмѣшивалась-ли въ нихъ часто прихоть? Игрѣ воображенія обязаны мы самымъ правильнымъ городомъ въ мірѣ. Неаполь и Петербургъ находясь на двухъ оконечностяхъ Европы; подлѣ одного Везувій, подлѣ другаго Нева; зачѣмъ было вызывать столь грозныхъ соседей? Неужели Петръ не умѣлъ предусматривать? Въ первый годъ основанія Петербурга, онъ увидѣлъ замѣтку на вершинѣ одного дерева, и спросилъ, что это значить? «Замѣтка послѣдняго паводненія, Государь!» отвѣчалъ ему простодушный житель. «Вода доходила до нея.» Царь не возразилъ ничего, но велѣлъ срубить дерево (*).

Желая придашь большій блескъ славы Петра, не имѣющей надобности ни въ какомъ украшеніи, Историки преувеличили варварство, бывшее до него, и образованность, введенную имъ въ Россію. Что разумѣють они подѣ названіемъ образованности? Пріяшность въ обращеніи, въ разговорѣ, ученіе Липшерашурное, занятіе Искусствами, прелесть, вѣжливостъ, опличающія высшее Русское

(*) Это мнѣніе Г-на Крипика совершенно несправедливо. Не изъ прихоти, а по видамъ политическимъ Петръ основалъ Петербургъ. Если онъ велѣлъ срубить дерево съ замѣткой, то поступилъ очень умно: зачѣмъ давать поводъ черни толковать о томъ, чего она не понимаетъ? Если просвѣщенные люди, послѣ ста двенадцати-лѣтняго процвѣтанія Петербурга, питають сіи суевѣрные страхи, то можно ли позволять думать объ этомъ простолюдинамъ?
Прим. Перва.

общество? Ошдадимъ за эшо честь Петру, но не прямо: эша ушонченная образованность не могла бышь введена въ Россію безъ него, но въ его время она не существовала. Она принадлежишь царствованіямъ Анны, Елисаветы; предполагаемъ даже, что она началась шодько во время Екатерины. Варварство, существовавшее прежде Петра, было конечно велико; но развѣ не былъ погруженъ въ варварство весь Сѣверъ? Принцесса Вильгельмина Прусская, Маркграфиня Байрейшская, насмѣхается надъ Дворомъ Русскимъ: но, судя по ея собственнымъ словамъ, многимъ-ли разнились Дворы Царя и Фридриха Вильгельма, отца ея?

Мы не согласны съ Графомъ Сегюромъ, будшо Русскій народъ въ семнадцатомъ столѣтіи былъ пораженъ величайшимъ огрубѣніемъ и рабствомъ: его мнѣніе опровергается нашіропическимъ движеніемъ Пожарскихъ, Мининыхъ, духовенства, дворянства, народа, цѣлой Россіи, во время вшорженія Поляковъ. Не самъ-ли онъ привелъ примѣры смѣлости, данные членами всѣхъ классовъ общества, бѣднымъ извощикомъ, прослымъ Капишаномъ и Княземъ Долгорукимъ? Не испинный-ли Римлянинъ эшошъ вельможа, раздрающій несправедливый указъ передъ глазами самого Императора? Долгорукій соединялъ съ знаменитымъ именемъ благородный характеръ. Говоря, что у Русскихъ дворянъ нѣтъ ни предковъ, ни воспоминаній, Гр. Сегюръ конечно говоришь не о великой, испинной аристокраціи; онъ намекаетъ на нисшее дворянство, въ кошорое можешь вшупишь, посредствомъ оберъ-офицерскаго диплома, посредствомъ ничшожной

писарской должности, всякій сынъ вольноопущенника или священника. Никакойъ высокій родъ не замятъ происхожденія Русскихъ Князей, имѣющихъ сіе достоинство по праву рожденія. Одни, напримеръ, Долгорукіе, потомки Рурика; другіе, отрасль Государей Польскихъ, Липовскихъ: таковы Голицыны, одинъ изъ могущественнѣйшихъ домовъ въ Европѣ, по числу, богатству, знаменности; они, какъ Ягеллоны, происходятъ отъ одного изъ сыновъ Гидемина, владѣтельнаго Князя Липовскаго. Ягеллоны брали супругъ или зятьевъ отъ всѣхъ преновъ Христіанскихъ; кровь ихъ соединялась съ кровію Государей Баваріи, Саксоніи, Австріи, съ кровію Фуа, и слѣдственно Королей Французскихъ.

Хотя нѣкоторыя часпи царствованія Петра и омрачены темными пятнами, но умирая онъ имѣлъ право дать себѣ отчетъ, не имѣющій примѣра: что онъ одинъ совершилъ дѣло вѣковъ. Смерть его была поводомъ къ тысячѣ предположеній: Гр. Сегюръ разбираетъ ихъ съ большою проникательностью. Наконецъ, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ описываетъ онъ послѣднія минуты своего Героя.

« . . . Дворецъ въ смященіи. Въ Лейденъ и Берлинъ скачутъ курьеры за спасительными совѣтами. Всѣ Пешербургскіе медики призваны къ тому одру, на кошоромъ возлежишь столько воспоминаній, столько надеждъ славы и народнаго блага. Тамъ, десять дней, при ужасныхъ средствахъ, употребляемыхъ для облегченія его, и, какъ говорятъ, ускорившихъ его кончину; онъ, шо наполняетъ Дворецъ крикомъ, извлекаемымъ изъ него

спраданіями, шо, негодуя на сію невольную слабость, восклицаетъ, *што въ немъ видать, какое бѣдное созданіе человекъ!*

«Наконецъ, 26-го Января, онъ предаётся Все-вышней Воли, взываетъ громкимъ голосомъ къ Небу, принимаетъ послѣднія пособія религіи, и изъ Христіанскаго-ли смиренія, чувствую-ли при смерти шягосныя воспоминанія, или покоряясь древнему обычаю, принадлежащему Россіи, онъ приказываетъ заплашишь свои долги и освободишь заключенныхъ въ шюрмы. Тушь-же говоритъ онъ: *Я надѣюсь, што Богъ обратитъ на меня милосердый взглядъ за все добро, какое сдѣлалъ я своему отчеству.*

«Умирая еще тысячу разъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней, онъ, съ шѣмъ-же жаромъ къ просвѣщенію, съ шюю-же швердосшію, съ какою жилъ, завѣщаетъ, въ крашкія минушы облегченія ошь боли, завѣщаетъ Екатеринѣ Академію Наукъ и велишь призвашь въ оную ученыхъ изъ Европы. Онъ указываетъ на Осшермана слѣдующими словами: *Россія не можетъ обойтись безъ него; одинъ онъ знаетъ истинныя пользы ея.* Послѣ сего онъ назначаетъ, сколько времени носишь послѣ него прауръ.

«Онъ хочеть напоследокъ изьявишь письменно свою волю; но въ обманчивомъ спокойшвіи неполной смерти, много разъ слѣдовавшей за его спраданіями, онъ не знаетъ, какъ мало остаешся у него силъ. Трепещущая и уже ошяжелѣвшая его рука проводитъ на бумагѣ одиѣ чершы неясныя; онъ самъ не можеть въ нихъ прочишашъ ничего, кромѣ

сихъ словъ : *Отдайте все . .* . . Тушь онъ велишь призвашь, какъ можно скорѣе, Княжну Анну, свою милую дочь ; но когда она приближала — голось, рука и вся лѣвая споруна шѣла ея опца уже умерли. Онъ усиливается окончишь, но щещно; воля его вполнѣ сущесвуешь еще, но уже безъ сообщенія съ здѣшнимъ міромъ. Сей Государь, споль могущесственный, еще живешъ, и среди своего народа, окруженный своими приближенными, въ объашіяхъ своего семейсва, уже опдѣленъ ошь нихъ. Такъ оспаешся онъ, одинъ въ борбѣ со смершью, сопротивляясь ей въ продолженіе пшнадцаши часовъ ужаснѣйшаго помленія.

« Наконецъ , 28-го Января , около чепырехъ часовъ утра , глаза его закрывающся на вѣки . И въ топъ обычный часъ , когда пробуждаясь ошь другаго сна , каждое утро снова начиналъ онъ шрудиться для своей Имперіи , Петръ оканчиваешъ сорокъ шри года царшвованія и пшдесять два года жизни , кошороу Россія живешъ и доынѣ . »

Благія желанія Петра услышаны : уже нѣсколько поколѣній пошомки Княгини Анны занимающъ Тронъ Россіи . Они близко слѣдовали своему Прадѣду въ любви ко всему великому , но не подражали его излишесшвамъ , ибо , не лзя скрышь ошь себя шого , что Исторія Царя изумляешъ , но и шягошишь душу . Величіе цѣли его внушаешъ удивленіе , но жестокосшь его средствъ хладитъ ужасомъ . Петръ не щадилъ крови , даже своей . Преобразование народа можешъ-ли вознаградишь за шакія пожершвованія ? Должно-ли , для побѣды надъ варваршвомъ , пре-

взойдши его? Неужели будущее счастье, плод преобразования, можешь быть приобретаемо только скорбями в настоящем? Человѣчество, стесняя, отвергаешь сію мысль, но опыты видятъ прошедшее, и колеблется. Въ человѣкѣ такъ сильна животная сторона его; онъ такъ лѣнивъ, такой рабъ привычки, что ни одно измѣненіе въ его нравахъ, въ его законахъ, не можешь совершиться безъ потрясеній. Народы дремлющіе, засыпавшіе среди вѣковыхъ преданій, пробуждаются только при ударѣ грома, и — дѣло ужасное, или, лучше сказать, непостижимое! — часто цѣлое поколѣніе приносится въ жертву поколѣніямъ слѣдующимъ! Примѣры недалеко отъ насъ: такъ въ мірѣ физическомъ сосѣдство вулкановъ есть залогъ плодоносія. Но, если и надобно признавать сей законъ природы, то мы должны не соглашаться съ тѣми изъ нашихъ братьевъ, которые захотѣли-бы примѣнить его къ намъ: пусть хвалы наши не поощряютъ никого употреблять это опасное оружіе. Не будемъ заспаивать ихъ спрашанныхъ врачей рода человѣческаго слушать крики жертвъ, исцѣляемыхъ ими: они мало шронутъ ихъ; но покажемъ имъ, что попомство можешь оспоривать у нихъ славу кровавую. Сими гордыми умамъ должно и говорить только о славѣ: это ихъ богъ, ихъ жизнь, ихъ сила и слабость; только ею они люди, только съ этой стороны они доступны. Не знаю, обманываюсь-ли я, но я твердо убѣжденъ, что со временемъ Исторія сдѣлается благоразумнѣе и будешь соразмѣрять свое уваженіе болѣе съ выборомъ средствъ, нежели съ слу-

чайносшями успѣха. Она будетъ сомнѣваться въ величіи генія, который могъ проявить себя не иначе, какъ поколебавъ границы нравственныя: въ немъ найдешь она нѣчто неполное, недостающее, и если послѣ строгаго разсмотрѣнія дашь ему условныя награды, то по крайней мѣрѣ никакъ не будешь сравнивать героевъ сего разряда съ тѣми, чье сердце было равно уму.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

— *Назертаніе Исторіи Государства Россійскаго*, составленное Профессоромъ Историческихъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, Императорской Академіи Наукъ Корреспондентомъ, Спашскимъ Совѣшникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. СПб, 1829 г., въ ш. Мед. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ, in 8, XVIII и 489 стр., съ родословною таблицю.

Трудно-ли писать книги? Трудно, если подь словомъ: *книга*, разумѣшь проявленіе какой либо новой мысли, прибавленіе чего либо къ суммѣ человѣческихъ познаній; легко, если книгою называшь кучу переработаннаго холстиннаго шряпья, испещреннаго сажею и масломъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, хошише-ли, на примѣръ, написашь ученую книгу? Возьмите писавшихъ до васъ; спишите, что попадется вамъ подь руку; примите на себя шрудъ

придумашь названіе шворенію вашему, и поздравляю васъ съ книгою.

Мы никакъ не причисляемъ сочиненія , издавнаго Г-мъ Кайдановымъ , къ числу такого рода книжныхъ явленій ; сохрани насъ Богъ бышь споль несправедливыми къ шпруду почшеннаго Автора ! Но съ шѣмъ вмѣстѣ , мы не можемъ не сказать , что *Назертаніе Ист. Гос. Росс.* , изд. Г-мъ Кайдановымъ , навело на насъ грусть , и причиною этой грусти была мысль : неужели донынѣ мы шакъ мало подвинулись впередъ ? Къ чему-же всѣ наши усилія , наши старанія сколько нибудь уравнишьсѣ съ другими Европейцами , наша надежда , что знанія , науки у насъ совершеншуются ? Вошь , въ 1829-мъ году вышла книга , сочиненная ученымъ чловѣкомъ , премущественно занимающимся Русскою Исторіею , и что она шакое ? Сборъ спараго , не озаренный ни однимъ изъ лучей кришки , проблескивавшихъ въ послѣднее время ; произведеніе , доказывающее рѣшительную остановку на всѣхъ прежнихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ въ Исторіи Русской .

Намъ скажущъ , что книга Г-на Кайданова есть *учебная* . Если прибавяшь къ этому , что учебная книга не должна бышь *ученымъ* сочиненіемъ , то мы ни слова . Пусть тогда дѣлающъ выборки хопь изъ Эмина и Ташицева , не думающъ о кришкѣ , о наукѣ , печашающъ , и учашъ , какъ угодно . Но , если согласяшсѣ съ нами , что учебная книга ешь шолько особенная форма ученаго сочиненія , ш. е. шакая , гдѣ бывающъ собраны кришическимъ , изыскашельнымъ умомъ сочинителя онаго главнѣйшіе

факты, кои предварительно должно передавать юношеству, дабы приучить его къ книгамъ, болѣе обширнымъ и болѣе объемлющимъ, то, какое оправданіе найдешь сочинишь, называя свое сочиненіе *учебнымъ*? Тѣмъ съ большимъ стараніемъ для такого рода сочиненій должно ему заняться выборомъ предметовъ; шѣмъ искуснѣе должно ему говорить юнымъ чинашелямъ, чшобы предварительнымъ руководствомъ дать средство къ совершенному въ послѣдствіи познанію предмета. Впрочемъ, мы уже много разъ писали въ Телеграфѣ о книгахъ учебныхъ, и не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ. Пришомъ, Авторъ *Нагертанія Ист. Гос. Росс.* самъ говоритъ: «Намѣреніе мое было «издать сію книгу въ видѣ учебной, и вмѣстѣ съ «тѣмъ такъ, чтобы она могла быть не бесполезною «и для людей всякаго возраста... И шакъ—parce . . . «liber ibis. . . »

Оставляя дальнѣйшія предисловія, обращаемся къ *Нагертанію Ист. Г. Р.*, и скажемъ, что оно не удовлетворяетъ чинашелей ни въ какомъ отношеніи и ни съ какой стороны. Судя по небольшому объему онаго, событія выбраны въ него безъ всякаго соображенія относительной ихъ важности. Древняя Исторія Россіи предсавлена совершенно въ несправедливомъ и превращномъ видѣ. Средняя и Новая Исторія суть собранія хронологическихъ мѣшоковъ, а не систематической обзоръ происшествій. Все это составило сухую, безцвѣтную книгу, въ кошорой событія минувшаго мелькають безъ всякой жизни, безъ всякаго разнообразія. Прочитавъ повѣствованіе о дѣлахъ полудикаго Рурика,

егда можемъ мы найдши какую нибудь разницу прошвъ изображенія *новѣйшихъ событій*; и въ семь отношеніи не лзя не поблагодарить Автора, что, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ спашейкахъ подсказываетъ онъ кой-какія измѣненія и разности одного времени прошвъ другаго.

Не знаю: для чего по большей части книги, издаваемые для преподаванія Исторіи Русской (и вообще Исторіи Россіи, сочиняемыя Рускими; но мы будемъ говорить шолько объ учебныхъ), пишущся въ видѣ панегириковъ Россіи? Читая ихъ, видише Русскій народъ первымъ во вселенной, по уму, храбрости, образованію, добродѣтели. Мы вездѣ били враговъ, вездѣ шоржесшвовали; ученые мы сшали съ X-го вѣка; добры мы всегда были шакъ, что Исторія наша похожа на отчетъ въ дѣлахъ святаго ошшельника. Въ шожее время, всѣ враги наши являютя бездѣльниками, разбойниками, шрусамы, и почши сумасшедшими. Для чего все это? Неужели эшимъ хошяшъ юношей заставитъ полюбитъ Россію? Неужели не понимають, что это можешь имѣшь дѣйствіе прошивное; что юноша, разочарованный въ послѣдствіи созерцаніемъ зла, кошорое всегда и вездѣ необходимо существуешь, и кошорое ошъ него скрывали, разлюбитъ и самое добро, кошорое увеличивали въ его понятіяхъ? Не лучше-ли, не прибѣгая къ уловкамъ хитроши, не обольщая юныхъ умовъ каршинами несбываемыхъ Утопій, говоритъ имъ свяшую истшину, показывать яркіе цвѣшмы добра и темныя шѣни зла въ Исторіи Отечества, и шолько въ мудрыхъ насшав-

леніяхъ Вѣры и Нравственности объяснять и крапковременное шоржештво порока и счастіе, бытъ добродѣтельнымъ. Будшо необходимо надобно добру шоржештвовашь, чшобы оно заставило полюбить себя? Какое ложное мнѣніе! Нѣтъ: заставьте полюбить добродѣтель не въ Траянѣ, побѣдоносномъ владыкѣ Рима, но въ Сократѣ, выпивающемъ цикушу въ пемницѣ!

Такъ смотрите на Исторію Русскую, шакъ показывайте ее умамъ юнымъ. Изобразите все, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было: покажите Славянъ, дикихъ варваровъ, рабами Скандинавскихъ пришельцевъ; опишите ихъ набѣги на окрестныя сшраны, ихъ безчеловѣчіе, свирѣпость, шоржештво образованія Грековъ, слабыхъ и ничтожныхъ, но побѣждавшихъ дикую силу Руссовъ своею хипростью, своими военными орудіями. Вѣра проникаетъ мракъ варварства, смягчаетъ нравы, но еще образование, прѣсвѣщеніе Руси далеко: самая храбрость Руссовъ истощается въ удѣльныхъ междуособіяхъ; и падаетъ унизительнымъ образомъ предъ полнами Азійскихъ варваровъ. Сіи варвары подавляютъ удѣлы, народный духъ, и шолько Христіанская вѣра и собственные, ушавы побѣдителей опшуждаютъ Руссовъ отъ рѣшительнаго соединенія съ Монголами. Россія оживаетъ подъ скипетромъ самобышнаго, но Азіяшскаго, истинно-Монгольскаго деспотизма. Сей деспотизмъ перегараетъ потомъ въ горнилѣ новыхъ бѣдшвій, кошорыя оживляютъ народный духъ, и изъ Азіяшскаго державства дѣлаютъ крошкое самодержавіе, изъ презрѣнныхъ рабовъ-подданныхъ Государя. Но еще Россія въ грубыхъ

формахъ, пиязелыхъ массахъ, и — Ангелъ Божій, въ видѣ Петра, даетъ сей землѣ неустрашенной жизни настоящую, двигаетъ ее въ Европу. Тушъ борьба новая; и не съ ничтожными врагами; напротивъ: Карлъ XII-й, истинный Баярдъ Сѣвера, *безъ страха и порока*; Фридрихъ Великій; и Наполеонъ — геніи безсмертные, борются съ нею. Россія успояла; она готова къ событіямъ великимъ. Покажите-же ее послѣ этого, какъ она есть: не льстите нашему бѣдному самолюбію; не говорите того, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Зачѣмъ всѣ сіи надутыя восклицанія о нашей славѣ, нашей гремящей чести, нашемъ удивляющемъ свѣтѣ просвѣщеніи? Возьмемъ примѣръ убѣдительный: кто больше похвалитъ нашего Монарха, нашего любимаго всѣми Николая? Тотъ-ли; кто, стоя предъ Нимъ на колынахъ, распочитъ ему похвалы и метафоры громкія и великолѣпныя, или тотъ, кто вѣрно изобразитъ Его — крѣпкаго въ бурѣ, загремѣвшей при началѣ царствованія и умолкнувшей отъ Его рѣшительности; Его сильнаго, мужественнаго характера; мощною рукою поражающаго Персію; въ виду коснѣющей Европы вступающагося за судьбу Грековъ, и среди вопля иноплеменниковъ пѣтрющаго восточную Турцію; въ тоже время дающаго новые; ведущіе ко благу и счастью уставы, законы, свободу мыслей, ободряющаго науки, искусства; въ тоже время нѣжнаго брата, почтительнаго сына, попечительнаго родителя? Конечно, послѣдній, безъ всякихъ восклицаній, похвалитъ Монарха нашего болѣе, нежели распочителъ великолѣпныхъ рѣчей, въ искренности коихъ ничто не

ручается.—Примѣните это къ Россіи. Не уже-ли опасаетесь показать ее безъ увелпченій, безъ гиперболю? Не бойтесь: Россія шакъ велика, славна, что истинная Исторія оной не посыдишь насъ, горячо ее любящихъ, дорожающихъ славою ея сколько-же, сколько собшвенною своею честію. Если при томъ, въ картинѣ Исторіи Русской вы объясните намъ таинственныя пуши Провидѣній, явите намъ связь событій, и, какъ патриотъ, какъ гражданинъ, скажете юношамъ: *тего* надѣемся мы ошь нихъ, что должны они дѣлать для счастья и славы Россіи, спрашиваемъ: не будетъ-ли это истинно-полезная Исторія, истинное руководство къ чести каждого изъ насъ и счастью цѣлаго народа?

Читайше послѣ сего *Начертаніе Исторіи Росс. Государства*, изданное Г-мъ Кайдановымъ.

Семнадцать страниць посвящено имъ голословному исчисленію Гошеовъ, Гунновъ, Аваровъ, мѣлкихъ народовъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, и нравамъ Славянъ, *героевъ* (свр. VI-я), которые *имя свое метемъ и копіемъ внесли въ Грецескія и Римскія лѣтописи* (свр. XII-я). — Зашѣмъ, Славяне, Чудь, Меря и Весь «рѣшаюшя учредить у себя «правленіе монархическое,» и вошь является Рурикъ, «чесполобивый, мужеспвенный, дѣяшель-«ный,» ибо (важное доказательство!) «чесполобие, мужество и дѣяшельность свойспвенны основашелямъ монархіи» (свр. 3-я). Бѣда не велика, если мы вспомнимъ, что преданія *нигего не говорятъ* намъ о Руриковыхъ дѣлахъ: «Памяшь Рурика

для насъ священна,» говоритъ Историкъ (стр. 3-я), и — вошь Рурику наследуешь «храбрый и благоразумный» Олегъ, который «привелъ подь «власть свою страны, нынѣ въ *Волинской, Подольской и Херсонской губерніяхъ* заключающіяся.» Вошь «вторгающся въ южную *Россію* Угры,» и «Олегъ пропускаешь ихъ черезъ свои владѣнія.» Напрасно возразимъ здѣсь, что Олегъ обладалъ тогда нѣсколькими городками, разбросанными въ жилищахъ маленькихъ народцевъ по Днѣпру; что имя *Россіи* тогда не существовало; что Хазары, Печенѣги, Половцы обладали тогда всѣмъ до Трубежа и Оки, и Олегъ, вѣроятно, едва удержался въ Кіевскомъ городкѣ своемъ, при появленіи грозныхъ Угровъ. Историкъ не слушаетъ: онъ ведетъ Олега съ—80,000 воиновъ къ Царьграду, показываешь «любопытный памятникъ нашей древней дипломатіи (?!),» и горько плачешь, что великій Олегъ пошевелилъ ногою конскую голову, откуда выскочила змѣя и ужалила его. Какая неосторожность! Но утѣшимся: является Игорьъ, «достойный престола *Россійскаго*,» герой, страшилище Грековъ; при Свяшославѣ снова «оружіе Россійское озаряется славою;» онъ въ конецъ разбиваешь Грековъ; пошомъ Владиміръ «прославляешь себя геройскими подвигами и возвеличиваешь имя *Россіи*.» — «Слава оружія *Россійскаго* *Монарха*, мудрость правленія его, блескъ его Двора и быспро возрастающее могущество *Россіи*, обрашнуди на себя «вниманіе многихъ народовъ.» — Владиміръ, «по рыцарокому (?) духу своего времени» завоевываешь супругу; шущъ начинаешь блистать Русское обра-

зованіе, просвѣщеніе. «Щедроты и милоспн привле-
 «кають многихъ ученыхъ Грековъ;» являются «пре-
 красныя произведенія Греческаго зодчества; Яро-
 славъ «обращаетъ особенное вниманіе на оживленіе
 «*Науку и Изящныхъ Искусствъ,*» и такъ далѣе, и да-
 лѣе. Дочитавъ Исторію до XVIII-го столѣтія, въ
 изумленіи спрашиваемъ мы: о чемъ-же заботился и
 что дѣлалъ Петръ Великій, пошому, что отъ Рурика
 до Петра Россія была непрерывнымъ поприщемъ сла-
 вы, просвѣщенія и добра? Правда, Ташары владѣли
 ею два столѣтія; но междоусобія и иго Ташарь
 такъ искусно сглаживаются подъ шифовкою Исто-
 риковъ, что все таки Рускіе отъ X-го до XVIII-го
 вѣка едва-ли не были первымъ народомъ во все-
 ленной.

Не продолжаемъ далѣе нашего разсмотрѣнія,
 ибо по представленнымъ нами замѣчаніямъ, кажеш-
 ся, мы имѣемъ полное право сказать, что отъ пре-
 жде изданныхъ учебныхъ и неучебныхъ книгъ Исто-
 рія Русской, книга Г-на Кайданова ни сколько не
 ушла впередъ, а къ познанію Исторіи вообще не
 прибавляетъ она ни одной новой идеи, даже ни
 одного новаго взгляда, будучи сборомъ старой вся-
 чины.

«Но, по крайней мѣрѣ, *Нагертаніе Исторіи,*
 Г-на Кайданова, вѣрно представляетъ факты?» —
 По годамъ, безспорно; но надобно исписать нѣ-
 сколько листовъ, чтобы показать всѣ не-хроно-
 логическія ошибки Автора. Онъ рѣшительно не
 руководствовался никакимъ критическимъ обзорѣ-
 ніемъ Русской Исторіи. Переберемъ нѣсколько спра-
 ницъ для примѣра.

(спр. VI-я) Давно забытое производство имени *Славянь* отъ *славы* или *слова* получаетъ почетное мѣсто.

(спр. VII-я) Въ числѣ народцевъ, обитавшихъ въ вытшней Россіи до пришествія Варяговъ, пропущены *Ятвяги* и *Голды*.

(idem) Основаніе Кіева и Новгорода полагаются въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. (думаемъ, что иначе нельзя понимать словъ Автора: «Славяне основали Новгородъ неизвѣстно когда, но, кажется, что не прежде *Рождества Христова*.»).

(спр. IX-я) Паденіе Хазарской державы приписывается оружію Свяшослава.

(спр. XII-я) Авторъ почитаетъ Варяговъ-*Руссовъ* жителями Шведской области *Россланена*.

(спр. 2-я) Авторъ почитаетъ историческимъ фактомъ чудо, способствовавшее разбитію Руссовъ подъ Царьградомъ.

(спр. 3-я) Авторъ знаетъ, что Олегъ былъ дядя Игоря по матери, и увѣренъ въ томъ, что онъ былъ только *опекунъ Игоря*, а не самовластный Князь.

(спр. 5-я) Авторъ говоритъ, что Олегъ приходилъ подъ Царьградъ съ 2000 судовъ; что на каждомъ было по 40 человекъ, и что Олегъ взял съ Грековъ на одинъ флотъ — *дѣдцать тысячъ пудовъ серебра*, а отъѣзжая повѣсилъ свой щипъ на вратахъ Царьграда.

(спр. 6-я) Авторъ вѣришь, что Греки испугались приговореній Игоря ко вторичному походу, и отъ страха заключили миръ.

(стр. 10-я) Онъ вѣришь ложному описанію похода Святослава въ Булгарію, помѣщенному въ нашихъ лѣтописяхъ.

(стр. 13-я) Авторъ вѣришь походу Владиміра на Камскихъ Булгаровъ, и повѣствованію о разсмотрѣніи вѣрь.

Подобное указаніе ошибокъ въ цѣлой книгѣ будешь упоминательно и продолжительно. Самыя невѣрныя сказанія, извѣстія опровергаемыя самымъ поверхностнымъ взглядомъ, вмѣщены въ *Наертаніе Исторіи Росс. Государства*, какъ-то: супружество Анны, дочери Ярослава, съ Королемъ Французскимъ; мнѣніе, что Ярославъ написалъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды*; сказаніе, что Владиміръ Мономахъ получилъ царскія регаліи отъ Греческаго Императора, и проч. и проч.

Авторъ самъ пребуешь въ Предисловіи сужденій объ его книгѣ; мы сказали ему наше мнѣніе безпристрастно, и просимъ прощенія, если оно ему не понравится.

Н. П.

— *Описание Пекина*, съ приложеніемъ плана сей столицы, снятаго въ 1817-мъ году. Переведено съ Кишайскаго Монахомъ Іакинѣомъ. СПб. 1829 г., въ ш. А. Смирдина, in 8, XVI и 130 стр.

— *Description de Pékin, avec un plan de cette capitale. Ouvrage traduit du Chinois en Russe par le Rév. P. Huacincthe, trad. du Russe par Ferry de Pigny (Описание Пекина, и проч., переведенное съ Кип. на Русскій языкъ Опц. Іакинѣомъ, а съ Русскаго на Французскій Г-мъ Ферри-де-Пинья)* СПб. 1829 г., въ ш. К. Крайя, in 8, XVI и 175 стр.).

При сей книгѣ приложенъ огромный на двухъ большихъ листахъ, и превосходно ошдѣланный, планъ Пекина. Онъ снятъ въ точности съ Кишайскаго подлинника, и въ точности прошивъ онаго раскрашенъ.

Мы читали извѣстіе, что ошдавая опчешъ о семь шрудѣ О. Іакинеа Парижскому Азіятскому Обществу, Г-нъ Эйріесъ упрекаетъ нашего почтеннаго соотечественника въ небреженіи, съ какимъ издана его книга. Что-жь это за небреженіе? Г-нъ Эйріесъ жалуется: почему О. Іакинеъ издалъ *только переводъ Китайскаго подлинника*, а не приложилъ своихъ описаній, своихъ мыслей, своего взгляда на Пекинъ. Жалоба довольно странная! Развѣ О. Іакинеъ общалъ это? Развѣ онъ не сказалъ въ заглавіи Русскаго перевода: *переводъ съ Китайскаго*; въ заглавіи Французскаго перевода развѣ нѣтъ словъ: *traduit du Chinois*? Съ любопытствомъ будемъ читать собственное О. Іакинеа описаніе Пекина, если ему когда либо вздумается издать оное; но теперь будемъ благодарны за рѣдкій подарокъ его. Богъ знаетъ, когда-бы дождались мы отъ Европейцевъ тѣхъ драгоценныхъ книгъ, которыми донимъ подарилъ насъ О. Іакинеъ! Признаемся, что перебирая книги, издаваемые Парижскими знашоками Китайскаго языка, и спашьи въ Журналахъ, исключительно посвященныхъ Востоку, мы часто дивимся тому, какими пустыми подробностями, какими неважными предметами занимается по большей части и большая часть Французскихъ ориенталистовъ! Правда, при каждой вочти спашейкѣ журнальной, мы видимъ кучу примѣчаній, гдѣ ни Иродоту, ни Спратону покоя нѣтъ: шаковъ обычай въ Парижѣ; но, право

мы очень хорошо понимаемъ, что значить эта шумиха. ММ. ГГ.! давайте намъ такія книги, какъ: *Описание Тибета, Описание Чжунгаріи, Записки о Монголіи, Исторія Чингисъ-Хана и Описание Пекина*; за нихъ мы будемъ вамъ благодарить, нежели за Китайскій романъ, переведенный Г-мъ Абель-Ремюза, и за переводы, какими наполненъ *Азіятскій Магазинъ* Г-на Клапроша, или *Новый Азіятскій Журналъ*, изд. въ Парижѣ. Да не подумаешь кто либо, что мы ходимъ унижать одно на счетъ другого; но не льзя-же не замѣтить, что на О. Такинѣа жестоко устремляются теперь многіе Европейскіе ученые. Крипикуй они дѣльно, справедливо — мы ни слова; но если и между людьми, которые занимаются предметами учеными и трудными, будетъ такая-же пустая борьба, какъ между нашими мѣлкими стихотворцами и журналистами, сколько вреда причинить это наукамъ и знаніямъ! Мы обратимся здѣсь на минушу къ спору Г-на Сенковского и Г-на Гаммера. Онъ еще не рѣшенъ; сильныхъ доказательствъ Гаммера мы не видали, а между тѣмъ непрерывно сыплются на Г-на Сенковского колкости и пустыя замѣчанья. Получивъ недавно книжку одного Англійскаго Журнала, гдѣ къстати пришлось сказать, что у Иродота встрѣчается въ описаніи Персіи названіе народа: *Германіи*, Рецензентъ прибавляетъ, что Гаммеръ однажды нашелъ было у Мирхонди, что Ховарезмъ назывался древле: *Германія*; но что послѣ, Гаммеръ признался въ ошибкѣ, и въ томъ, что вмѣсто *Германіи*, должно читать: *Jorjania*. За тѣмъ слѣдуешь: *As far as we know of him, Mr. Hammer claims*

no exemption from the common lot, but his slips certainly did not merit the *illiberal and indecent strictures lavished on them by Senkowski*. — Что за аристокрашія такая въ области наукъ? Если Гаммеръ говоритъ вздоръ, Сенковскій имѣетъ право уличить его. Докажите несправедливость улики, и насмѣшки обращенныя на самого Сенковского; а какимъ образомъ вздумаетъ уличать Гаммера Сенковскій, намъ что за дѣло?

Оставимъ кришиковъ, и обратимся къ книгѣ. Изъ приложеннаго О. Такинеомъ крашкаго Введенія, и изъ самого Описанія Пекина можно составить себѣ ясное понятіе о столицѣ огромнаго, и страннаго во всѣхъ отношеніяхъ, Китайскаго государства. Описатель Пекина распространяется въ изъясненіяхъ и рассказываетъ обо всемъ исторически и топографически. Описаніе это сдѣлано было въ 1788-мъ г., и, по неподвижности всего у Кишайцевъ, весьма ново. Планъ, къ нему принадлежащій, снятъ былъ въ 1817-мъ г. искуснымъ Китайскимъ Геодезисомъ.

Пекинъ, *Бэй-цзинь*, или *Вэ-гинь*, по Кишайски, т. е. *Сѣверная столица*, иначе называемая *Цзинь-генъ* (столица), а собственно именуемый *Шунь-тьхянь* или *Шунь-тьхянь-фу*, находится подъ 132° 55' долг. отъ Ферро и 39° 55' сѣв. широты. Онъ, безъ предмѣстій, содержитъ въ окружности своей 58 ли Китайскихъ, т. е. около 31½ версты. Какъ странно смотрѣть на планъ его: это правильный четырехъ-угольникъ, прорѣзанный однообразными полосами, четырехъ-угольниками и стѣнами. Живое изображеніе Кишай, какъ Пешербургъ есть

изображеніе Россіи! Онъ раздѣляется на *внѣшній* и *внутренній* городъ; первый обведенъ стѣнами въ 1421—1439 г.; второй въ 1544 году. Пекинъ извѣстенъ въ Исторіи съ 1121-го г. до Р. Х., и находится на обширной равнинѣ, во многихъ мѣстахъ песчаной и шонкой. Взглядъ на его наружность любопытенъ, и помѣщенъ, вмѣстѣ съ Исторіею Пекина, во Введеніи, которое приложилъ ошъ себя О. Такинъ. Въ самомъ Описаніи подробности знакомяшь читателя съ мѣстностью и характеромъ города и его странныхъ обитателей, которыхъ, какъ говорятъ Европейскіе географы, счислится въ Пекинъ до двухъ милліоновъ.

— *О Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней Христіанства до царствованія Іоанна IV, Васильевича.* СПб. 1829 г., въ ш. Мед. Деп. Мпц. Вн. дѣль, in 8, 184 стр.

Въ сей книгѣ, составленной Г-мъ И. Т., собраны довольно подробныя извѣстія о всѣхъ церковныхъ Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со введенія Христіанской вѣры, до царствованія Іоанна Васильевича. Авторъ насчитываетъ ихъ 23. Чтеніе сей книги назидательно и любопытно. Съ одной стороны, оно показываетъ Христіанину незыблемыя никакими покушеніями враговъ основанія Церкви православнои; съ другой стороны любопытно потому, что Исторіи Соборовъ есть важное дополненіе къ исторіи ума человѣческаго. Тутъ каждый вѣкъ является безъ покрывала въ своемъ умоначертаніи, своихъ нравахъ и философіи. Съ негодованіемъ видишь безумныя заблужденія и нововведенія ерети-

ковъ ; по , въ тоже время , съ прискорбіемъ замѣчаешь , какъ въ древніе вѣки сами защитники Церкви отступали отъ правилъ крохосши и смиренія , какія жестокія мученія и наказанія шѣлесныя были удѣломъ несчастныхъ , заблуждшихся чадъ церкви ! — Весьма жаль , что почтенный Сочинитель книги , о которой извѣщаемъ , не написалъ вполнѣ Исторіи Русскихъ Соборовъ : онъ кончилъ , повторяемъ , княженіемъ Василія Іоанновича ; но послѣ того , до Петра Великаго было еще нѣсколько Соборовъ , и весьма замѣчательныхъ , каковы : *Стоглавный* , также Соборы , для низверженія Пашріарха Никона и для истребленія мѣсшничества собиравшіеся . Г-нъ Т. писалъ по препорученію Графа Н. П. Румянцова , который назначилъ предѣломъ книги княженіе Василія . — Желаетъ видѣть сочиненіе Г-на Т. напечатанное *вторымъ* изданіемъ и въ видѣ болѣе полнымъ .

— *Наставленіе о приготовленіи хлористыхъ соединеній* и употребленія оныхъ для очищенія отъ заразишельныхъ веществъ и бѣзвнія , составленное Н. Щегловымъ , и изд. иждив. Императорскаго Вольнаго Экономич. Общества . Спб. 1829 г. въ ш. Мед. Деп. Мин. Вн. дѣлъ , in 8 , 99 стран. съ рисункомъ .

Не лзя не радоваться , смотря на издаваемыя почтеннымъ Н. П. Щегловымъ книги , не лзя не радоваться , говоримъ , выбору предметовъ , какими онъ занимается нашихъ читателей . Г-нъ Щегловъ выбираешь именно то , что въ *настоящемъ* положеніи нашемъ можетъ принести наибольшую пользу . Такова и новая , изданная имъ книга о при-

гоповленіи *хлористыхъ соединеній* (chlorurés). Можно посовѣщовать всякому хозяину, не только врачу, или фабриканшу и заводчику, записаться книгою Г-на Щеглова. Въ ней подробно и ясно объяснена сущность хлор. соединеній, ихъ приго- шовленіе и многообразное употребленіе. Удиви- шельное вещество сіе приносить чловѣку пользы неисчислимыя. Оно очищаетъ всякую гнилость, зловоніе, и заразительныя вещества до такой степени, что шрупъ гнѣющій спдитъ только обмышь онымъ, и зловоніе и гнилость прекращаются. Боль- ницы, госпитали, конюшни, стойла очищаются онымъ; наконецъ, оно бѣлшитъ разныя вещества; съ удивительною быстротою. Теперь въ Европѣ бѣ- лять онымъ бумагу, истребляютъ дурной запахъ во ршу; очищаютъ больницы, спасаютъ деревья отъ вредныхъ наѣдомыхъ, и проч. и проч. — Всѣ спосо- бы употребленія хлористыхъ соединеній читателя найдушь описанными въ книгѣ Г-на Щеглова, а на приложенномъ рисункѣ изображены снаряды, по- требныя для производства хлора и его различныхъ соединеній.

— *О библейскомъ и духовномъ краснорѣчїи*; по отношенію къ общей нравственности и Словесно- сти. Соч. Сергѣя Глинки. 2 ч. М. 1829 г., въ ш. Университ.; in 8; XI, 147 и 180 стр.

Сію книгу можно-бы назвать собственно собра- ніемъ мыслей самого Сочинителя и разныхъ писа- телей о библейскомъ и духовномъ краснорѣчїи, и о томъ, что нравственное направленіе ведетъ къ краснорѣчію высокому, чему почтенный Авторъ предлагаетъ доказательства и примѣры, искусно

выбранные и прекрасно переведенные.—Во *Введеніи* изложены мысли Автора, по поводу задачи, предложенной Французскою Академіею въ 1827-мъ г., которую шребовалось изложить сущность милосердія (*la charité*), и разсмотрѣть его отношенія и примѣненія къ обществу гражданскому и къ человеку. — Вообще, читая сочиненія С. Н. Глинки, иногда не соглашаешься съ нимъ, но никогда не откажешь ему въ благородномъ стремленіи ко всему доброму и прекрасному: это космополиитъ по сердцу и эгоистъ по уму. Ошъ шого онъ умѣетъ такъ хброшно говорить сердцу каждаго, не всегда убѣждая умъ своего читателя.

С М Ъ С Ъ.

Мечта счастья.

Къ сему № Телеграфа приложена картинка: это рисунокъ съ большой картины, которая находилась на выставкѣ произведеній Французской живописи въ 1819-мъ году, подъ названіемъ: *Le rêve du bonheur*; пошомъ купили ее для Французскаго Короля; нынѣ картина сія помѣщена въ Трианонѣ. | Съ сею картиною соединяется прогашельное воспоминаніе о шворцѣ оной. Ее написала дѣвица Мейеръ, молодая аршистка, показывавшая необык-

новенный талантъ. Дѣвица Мейеръ была воспитанница знаменишаго Французскаго живописца Прюдона (Prudon). Не смотря на спарость своего воспиташеля, она была привязана къ нему истинною любовью, и, неизвинительная въ глазахъ свѣша, спарсть сія заспавила ее забыть всѣ приличія. Ужасный случай погубилъ дѣвицу Мейеръ, и Прюдонъ не пережилъ ея: она погибла въ концѣ 1821-го года; Прюдонъ плакалъ надъ ея гробомъ цѣлый годъ, и умеръ въ Февраль 1823-го года.

Художница хотѣла изобразить *мету счастья*. Знашюки находятъ, что картина не выражаетъ этой мысли. Можешь быть; но она многое высказываетъ нашему сердцу. Юные супруги, нѣжно обнявшись, сидятъ въ лодкѣ: дитя спитъ подлѣ нихъ. Благодѣтельное существо правитъ веслами: это *Фортуна*; измѣнчивое колесо ея скрыто ошъ супруговъ, но мы видимъ его, и, кажешся, только любовь, умоляя Форшуну, помогая даже ей управлять веслами, удерживаетъ прихотливую, своенравную въпренницу, ежеминутно готовую улешть. Часъ разлуки ея съ счастливицами можешь быть близокъ; можешь быть любовь успанетъ умаливашъ счастье побыть еще съ ними; счастье исчезнешъ — и тогда останешся-ли съ ними и любовь? Куда-же умчишь легкую лодку ихъ стремленіе стихія, по кошорой поплывешъ она безъ кормчаго? . . . Невольно вспоминаешъ слова поэта:

Все пропало, измѣнило!

Разлешълися друзья!

Въ безднѣ брошена унылой
 Одинокая ладья!
 Року странница послушна,
 Не желаетъ и не ждетъ,
 И — прискорбна, равнодушна —
 Въ безпредѣльное плыветъ...

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Многіе изъ читателей Русскихъ конечно съ удовольствіемъ услышатъ, что *Дмитрій Самозванецъ*, новый романъ, сочиненный *Ф. В. Булгаринымъ*, уже печатается, и въ Январѣ, или половинѣ Февраля будущаго 1830-го года, выйдетъ въ свѣтъ. Съ особеннымъ любопытствомъ желаемъ видѣть опыты трудовъ Г-на Булгарина на поприщѣ совершенно новомъ, и для него самого и для Русской публики. Новый романъ его принадлежитъ къ роду, такъ называемыхъ, *историческихъ*, и будетъ *первый оригинальный* романъ сего рода на Русскомъ языкѣ. Авторъ беретъ эпоху любопытную въ высокой степени, и таланту его есть гдѣ разыграться. Мы читали отрывокъ, напечатанный въ № 45 и 46-мъ Сына Отечества; если весь романъ будетъ такъ мастерски отдѣланъ въ подробностяхъ; если притомъ основная идея его будетъ также хорошо выдержана и необыкновенные характеры дѣйствующихъ лицъ изображены столь-же вѣрно, какъ въ семъ отрывкѣ, мы — поздравляемъ Автора съ полнымъ успѣхомъ. — Изданіе книги бу-
 Ноябрь 1829.

дешь прекрасное; картинки гравированы въ Вѣнѣ и Петербургѣ ошлечными художниками.

Умножаясь въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ, Альманахи начинаютъ у насъ болѣе и болѣе разнообразиться. Кромѣ Альманаховъ, содержащихъ въ себѣ стихи и прозу, и драматическихъ, на будущій годъ явился: *Альманакъ Анекдотовъ*. Его издастъ въ Петербургѣ К. И. Зейдель. Онъ объѣзжаетъ выборъ замѣчательнѣйшихъ и забавныхъ анекдотовъ, острыхъ словъ, и проч. и проч.

Ждемъ вскорѣ появленія въ Москвѣ оригинальнаго романа: *Жизнь и мнѣнія Новаго Тристрама*, сочиненія Я. И. Де-Санглена. — Ошрывки изъ него были нѣкогда напечатаны; но Авторъ все передѣлалъ; перемѣнилъ, и то, что мы шеперь слышали изъ Русскаго Тристрама, даетъ надежду на романъ остроумный и занимательный. Сначала Авторъ хочеть издашь только *двѣ части* своего романа, которыя будутъ однакожь содержать въ себѣ ошдѣльную картину.

С. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Письма съ Москву.)

I.

Давно собирався я подашь шебѣ вѣсть о здѣшнемъ шеашрѣ, но по ходу репершуара не могъ исполнишь своего намѣренія. Согласись самъ, что о бенефисныхъ уродахъ-скороспѣкахъ говоришь нечего: ихъ сперва спускають авторы, пошомъ склеивають на скорую руку акшеры, и наконецъ все это зданіе распадается въ глазахъ зрителя (я говорю о большей части бенефисовъ). Впрочемъ, здѣсь бываешь подъ часъ о чемъ пошолковашь, и вообще здѣсь замѣшно болѣе жизни, нежели на Московской сценѣ. Въ репершуарѣ Пешербургскомъ видно желаніе приобрѣташь пьесы, могущія поддержать его, а шруппа акшеровъ, взяшая вообще, станешь выше Московской. Я полагаю, что большинство голосовъ будетъ на моей сторонѣ; такъ же полагаю, что буду правъ, когда скажу, что Москва по части декорационной ничего добраго не перейметъ ошъ Пешербурга: въ Москвѣ рѣже прогуливаются по декорациямъ шесты, въ виду паршера, солнца блещуть ярче, и проч. и проч. Но, обратимся къ дѣлу. Недавно мы видѣли здѣсь трагедію Грильпарцера: *Прародительница* (*die Ahnfrau*), переводъ Г-на Ободовскаго. Противный бракъ соединилъ Прародительницу, за нѣсколько сполѣшій прежде дѣйствія, съ однимъ изъ владѣтелей дома *Бароминговъ*. За невѣрность она была умерщвлена

супругомъ , и озлобленная тѣнь убитой истребляетъ поколѣніе *Баромина*. Последняя ошрасль дома его , *Яромиръ* ; былъ похищенъ разбойниками , и , воспитанный ими , сталъ ихъ шаманомъ ; въ домъ всѣ почитали Яромира упонувшимъ . У сарца Баромина осталась дочь ; она , встрѣясь съ Яромиромъ , избавившимъ ее отъ смерти , полюбила его , не зная что онъ и братъ ея и разбойникъ . Въ ходѣ прагедіи это открываеся : рука *Прародительницы* управляетъ Яромиромъ ; онъ беретъ отъ любовницы кинжалъ , поразившій прамащерь , и убиваетъ отца , своего . Дочь лишаеся ума и умираетъ . Яромиръ , не зная что Берта сестра его , уговариваетъ ее бѣжать изъ дома опцовскаго , и ждешъ ее въ подземельѣ . Но на мѣсто свиданія являеся *Прародительница* , и душишь Яромира въ объятіяхъ .

Кромѣ нѣсколькихъ сценъ , на пр. когда Яромиръ беретъ кинжалъ , поразившій прамащерь его , и говоритъ , что онъ знаетъ это оружіе , что кинжалъ сей , висѣвшій на стѣнѣ ,

Казалось , лучъ кровавый изливалъ !

и сцены въ храмѣ , гдѣ между гробовъ являеся *Прародительница* , показываеъ Яромиру трупъ сестры его , зовешъ его въ свои объятія , душишь его , и , опускаясь въ могилу , говоритъ :

Приговоръ судьбы свершился !

Родъ преступный истребился !

Гробъ ! прими навѣкъ подъ сѣнь

Прародительницы тѣнь ! . .

въ цѣдой трагедіи ничего нѣтъ. Все запушано, все пахнетъ мелодрамою, такъ, что досадно, какъ вздумаешь о Переводчикѣ, убившемъ свѣтлыя минуты въ шрудѣ надъ Грильшарцеромъ. Смѣло увѣрю, что такъ написать, такую трагедію, не мудро. Въ переводѣ слышны хорошіе стихи; но что-жь они значашь? . . .

Роль Яромира, со всею неспройностью, несообразностями оной, мѣстами была прекрасно выдержана Г-мъ Карашыгинымъ. Когда онъ снималъ князью со сцѣны, въ немъ видна была поэтическая душа испиннаго артиста, а слова, когда онъ украшаетъ разбойника, его похищившаго и воспящавшаго ашаманомъ —

Ты свяшопашспивенно мнѣ въ сердце поселился!

Невольно западаюшъ въ грудь.

Если-бы Г-нъ Карашыгинъ менѣе рисовался на сценѣ, онъ былъ-бы еще лучше; но шаланшъ выкупаешъ многое. Еще нѣсколько словъ: пустьъ Г-нъ Карашыгинъ вѣришъ въ свой шаланшъ, но не увлекается самонадѣянностью; пустьъ онъ увѣрился, что Трагедія на Руси не у него одного въ рукахъ, что онъ имѣешъ опасныхъ соперниковъ въ Гг. Брянскомъ и Мочаловѣ; пустьъ увѣрился, что нѣтъ *митификацій*, когда хваляшъ сего послѣдняго. У Г-жи Карашыгиной вырывались счастливыя мѣста. Всего лучше она была, когда Берша лишается ума; но эта сцена на Большомъ театрѣ пропала.—Нельзя умолчашъ объ актрисѣ, представлявшей шѣню *Прародительницы*: она ходила по сценѣ, какъ изъ мрамора изваянная.

II.

Средство выдавать дочерей за мужъ , водевилъ , переведенный Писаревымъ ; Замокъ Палюци , драма , и Миръ съ Турками , вод. соч. П. С. Федоровымъ (бенефисъ Г-на Величина), 11-го Ноября.

Вошь спектакль бенефисный , съ шумомъ , крикомъ , и длинной въ аршинъ аффишею. Водевилъ — жизнь Московской сцены — здѣсь идешь со грѣхомъ по-поламъ. Сколько разъ я смошрѣлъ на водевилы , переѣхавшіе изъ Москвы и поддерживаемые тамъ игрою Щепкина , Сабурова , и не узнавалъ ихъ. Мнѣ скажешь въ оправданіе , что аршиншны имѣюшь мало времени для обшановки водевилей ; но лучше ихъ не спавишь , или распоряжашься шакъ , чшобъ у актеровъ слово , сей даръ Божій , вязалось во рту. *Средство выдавать дочерей за мужъ*, одинъ изъ ошпроумныхъ водевилей покойнаго Писарева , здѣсь рѣшишельно растянулся. Больно было слышать разсуждающій партеръ: « *Да это вздоры ! да тѣ это такое ?* » Вся бѣда пала на Авшора. Если-бъ покойный Писаревъ воскресъ и увидѣлъ , какъ играютъ здѣсь большую часть его водевилей , онъ съ досады умеръ-бы въ другой разъ.

Замокъ Палюци, драма , пер. съ Французскаго. Графъ Сальвіати влюбляется въ Графиню Н. У ней ешь женихъ , кошораго оклевешалъ Графъ Сальвіати въ Сенатѣ , когда сей соперникъ былъ въ плѣну. Графъ женился. Между шѣмъ соперникъ нашелъ средство избавишься ошь плѣна , и приѣзжаешъ въ замокъ Палюци , увидѣшь прежнюю невѣстшу и вручишь ей бумаги , кошорыми онъ могъ бы погубишь ея мужа. Въ эшо время Графъ , увѣ-

домленный поварѣщемъ своимъ , вбѣгаетъ въ залу , рѣжешь соперника , и заставляешь Графиню дать кляшву въ молчаніи . Служанка все видѣла , и въ послѣдствіи доноситъ о пресшупленіи Графа Сальвіаши . Это одно изъ первыхъ произведеній Французовъ , бросившихся во все ужасы . Здѣсь когда-то играна была эта пьеса ; теперь поставлена вновь — и не надолго . Скелевъ чего-то страшнаго есть ; но ни что не развито ; спростей нѣтъ — рѣжущся , да и только ! Артисты были такъ хороши , какъ только можно быть въ подобной пьесѣ .

Миръ съ Турками, водевилъ, соч. П. С. Федоровымъ .
 Есть удивительное сходство между П. С. Федоровымъ и Б. М. Федоровымъ , извѣстнымъ дѣтскими книжками , и пѣснями , военными , мирными , крестинными , ямнинными , похоронными , и проч. — П. С. Федоровъ рвется на сцену съ водевилями , съ пѣснями : *Ужъ давно , какъ Карповна живетъ у насъ въ селѣ* , и проч. — Вотъ что въ его водевилѣ : Къ станціонному смошришелю призываетъ офицеръ , который былъ влюбленъ когда-то , кричишь о мирѣ съ Турками ; пошомъ является барыня , съ дочерью и каршежнымъ игрокомъ , женихомъ дочери . Дочь встрѣчаешся съ офицеромъ , объясняешся ; выходишь мать , кричишь , вызываеш жениха , велишь ему драться ; офицеръ узнаеш въ немъ плуша , прогоняеш его , женишся самъ ; опять кричишь о мирѣ — и все кончено . Гдѣ шушь *миръ съ Турками* ? Я вспомнилъ слова одного пріятеля . *Это потому словъ въ пустымъ мысляхъ !* говаривалъ онъ , глядя на подобныя шалости ума человѣческаго . Въ куплешахъ вотъ какіе стихи : *И я никакъ уже влюб-*

лень! и проч. Пѣсня П. С. Ѳедорова полкуетъ вопль что: «Бабушка, идучи со двора, заперла внучку, и приходишь назадъ *самъ-другъ; бабушка, пришедъ домой, наклюкавшись была!!!* Она заспашаетъ внучку шакже *не одну* и поешъ: *Вотъ-те бабушка Юрьевъ день!*» Г-ну Величкину досадно было, что эту пѣсню ошикали; ему хотѣлось процѣпть ее еще разъ. Ксташи: онъ чѣмъ богать, шѣмъ и радъ. Онъ заспавиль лицедѣйшвовать на сценѣ всѣхъ дѣшей своихъ, собралъ всю семью свою —

. . . . считая

Отъ шридцати до двухъ годовъ . . . .

Р. А.

Русскій (Московскій) Театръ.

Свадьба Фигаро, комедія въ 5 дѣйствіяхъ; *Два записки*, водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ; *Праздникъ отъ лагеря*, дивершисманъ (представленіе въ пользу Г-жи Сабуровой, 19-го Ноября).

Мы извѣщали нашихъ читательей о скоромъ представленіи комедіи: *Женитьба Фигаро*, полагая, что справедливое замѣчаніе, уже сдѣланное въ Сѣверной Пчелѣ Г-ну Переводчику, могло его убѣдить въ шомъ, что: *marriage*, значить *женитьба*, а не *свадьба*. Но у насъ въ Россіи считающъ за сшды воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями. Былъ вздоръ, пусть вздоръ и останешся! Чесши своей никому не опдамъ!! И мы, въ слѣдшвіе таковой чесши, видѣли на здѣшнемъ шеатрѣ: *Свадьбу Фигаро*, вмѣсто *женитьбы*. Да будешъ *Свадьба!*

Поговоримъ о *Женитьбѣ*, то есть о извѣстной комедіи извѣстнаго Бомарше.

Едва-ли не встѣмъ нашимъ чинашелямъ извѣстно, хотя по слухамъ и преданіямъ, что такое Версаль? Всѣ знаютъ, что это великолѣпное жилище Королей Французскихъ было сооружено Людовикомъ XIV-мъ; что построение онаго изнурило государственную казну; что во время революціи было оно разграблено; что гордый Наполеонъ, желая ошдѣлать внутренніе покои сихъ пышныхъ черпюговъ, не рѣшился опредѣлить огромной суммы, требовавшейся по смѣшамъ, или, какъ сказала Людовикъ XVIII, онъ успрашился счета *поставщика мебели* (le tapissier); что сей-же самый Король, когда вознамѣрился жилищу предковъ своихъ возвращить прежній блескъ, въ свою очередь успрашился подобнаго счета. Все это слишкомъ извѣстно. Но можетъ быть многіе изъ нашихъ чинашелей не знаютъ, что такое *быль* Версаль, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи къ Франціи? Мы постараемся дать имъ понятіе объ этомъ.

Если Парижъ называли новѣйшими Аѳинами, то по справедливости слѣдовало прежній Версаль называть Олимпомъ Франціи. Тамъ было випалище земныхъ боговъ и полубоговъ. Тамъ — Король, совершенно ошчужденный своего народа, былъ окружаемъ только царедворцами; важнѣйшія опрасли государственнаго управленія завистли отъ придворныхъ, которые, кромѣ длинныхъ родословныхъ, не могли предсавить никакихъ правъ на почешное приближеніе къ особѣ Монарха; знаиность рода зашмѣвала заслуги; доступить къ Государю былъ

запруднишенъ для храбраго и лаврами увѣчаннаго воина, долголѣшней службою и подвигами спяжавшаго званіе Генерала или Подковника, между тѣмъ какъ сынъ какого нибудь Дюка, по праву рожденія своего, безъ службы назначался командиромъ полка. Изъ Версаля истекала обильный источникъ милостей, который напоялъ шолько приближенныхъ, а недоступные къ сему Олимпу порагались шолько градомъ приказовъ о започеніи (lettres de cachet). Все это дѣлалось безъ вѣдома Монарха. Дворцовые Меры (Maires du Palais) двухъ первыхъ династій, со всѣмъ своимъ могуществомъ ничего не значили, въ сравненіи съ сонмомъ Версальскихъ Дюковъ, Маркизовъ и другихъ знатныхъ особъ. Сіи послѣдніе были настоящіе полубоги, ошдѣлившіе свой Олимпъ ошъ всего земнаго шара. Версаль былъ раемъ для вельможъ, и спрашильцемъ для мирныхъ гражданъ. Щедроты Короля содѣлывались добычами знатныхъ особъ, кошоры искажали самыя благія намѣренія Монарха. Но эти полубоги, чшшмые, или, лучше сказать, спращшмые обыкновенными людьми, дѣйствительнo-ли были свыше ешесшва человѣческаго? Или они своими ошличными и возвышенными добродѣтелями спяжали право быть единственными избранными своего Государя? Напротшвъ! Эти люди (они были также люди) имѣли въ тысячу разъ болѣе пороковъ, нежели сколько протшвой, незначущій человекъ можешъ имѣть слабостей, сопряженныхъ съ нашимъ браннымъ сущесшвомъ. Вельможи, ошъ колыбели и до старости, не знали и не могли знать, что ешть нужда? что ешть запрудненіе въ пред-

пріятіяхъ? что есть служба государственная, по-степенно и почетнымъ образомъ доставляющая значность и извѣстность? Они знали только удовольствія пышной придворной жизни. Добро-бы еще оною довольствовались! Но таковъ уже законъ природы!... Эти бесполезные люди скоро пресыщались наслажденіями своего бытія. Они искали другихъ удовольствій, и часто Дюкъ, гордящійся своимъ высокимъ происхожденіемъ, поивдалъ супругу, знаменитую отрасль доблестныхъ предковъ, стараясь приобрѣсть благосклонность прошлой служанки!... Но довольно о сихъ гнусныхъ поступкахъ!... Злополучный Людовикъ XVI, возсѣвши на престолъ прародительскій, въ кругу своего Августѣйшаго семейства являлъ примѣръ добродѣтели. Ни одна фаворитка не охладѣла его любви къ прелестной и несчастной Маріи Антуанеттѣ. Примѣръ великій! но Дворъ не послѣдовалъ оному и не отсталъ отъ своихъ привычекъ. — Въ эту эпоху, остроумный и смѣшливый писатель, умѣвшій вкраснѣ въ неприсутственные чертоги Монарха, отважный Бомарше, рѣшился мастерскою кистью изобразить, во узнаніе народа, пороки Версальскихъ полубоговъ, поведеніе коихъ уже довольно было пристыжено добродѣтельною жизнью Короля. Бомарше написалъ свою знаменитую комедію. Приближенные къ Государю, имѣвшіе довольно твердосили послѣдовать примѣру Монарха, одобрили произведеніе искуснаго комика. Но другіе придворные возопіяли противъ дерзости ничтожнаго сына часовыхъ дѣлъ мастера (и. е. Бомарше), и старались всячески воспретить представленіе

пьесы. Комедія, неоднократно читанная въ различныхъ Парижскихъ обществѣхъ, пролежала четыре года подъ запрещеніемъ. Хитрый Бомарше не опшчался! Разными происками удалось ему исходапайствовать вождедѣнный приказъ представле- нія, И вопшь объявлена комедія! . . . Парижъ и Вер- саль въ волненіи! . . . . Вдругъ запрещеніе! . . . Еще разъ объявлена . . . . еще запрещеніе! Но неустра- шимый Бомарше преодолѣлъ всѣ трудности, и 21 Апрѣля 1784 года назначено рѣшительное пред- ставленіе Фигаровой Женитьбы. Доспопримѣча- тельно въ семь случаевъ то, что первѣйшіе акте- ры ссорились за роли: каждый хотѣлъ участво- вать въ семь спектаклѣ! Въ день представленія, уже въ три часа до полудни были запершы касса и двери Французскаго Театра; публика уже съ- халась, не исключая и знашнѣйшихъ вельможей. Около двухъ часовъ надлежало дожидаться подня- тія занавѣса; едва-ли какое народное сходбище было когда нибудь такъ говорливо, какъ собрав- шіеся въ то время зрители. Одни толковали, что это изящное произведеніе (дѣло шло о комедіи), другіе утверждали, что она упадетъ, третьи го- ворили что слѣдуетъ ее уронить, потому что она посягаешъ на пороки знашныхъ, и проч. и проч. и проч. Наконецъ комедія разыграна. Приготов- ленные свистки онѣмѣли, громкія, единоголасныя рукоплесканія признали достоинство сочиненія. Бо- марше восшоржествовалъ . . . . Пьеса объявлена на другой день. Толпа народа, шѣснившагося около театра, заставила полицію принять мѣры къ ош- вращенію несчастныхъ случаевъ, могущихъ ошъ

сего произойдти. По объявленіи представленія на прешій день, актеры получили приказъ оплождать спектакль до другаго времени; но Королевскіе комедіанты (такъ доселѣ называють аршишовъ Французскаго Театра), имѣя полную привилегію опъ придворныхъ (*Gentilshommes de la chambre du Roi.*) не захотѣли поперять богатаго сбора и выхлопотали опмѣненіе сего приказа. Пьеса была играна къ ряду *восемьдесятъ разъ (!)*, и только болѣзнь актера Превиля, сдѣланная предлогомъ другой причины: ушомленія аршишовъ — заставила прекратить представленія сей комедіи.

Въ продолженіе сего времени, въ Парижѣ и Версали ни о чемъ болѣе не разговаривали, какъ только о Женишбѣ Фигаро. Въ гостинныхъ и кофейныхъ не было другой занимательнѣйшей новостіи. Придворные, въ особенности дамы, негодовали на Авшора (и между шѣмъ исправно посѣщали всѣ представленія его комедіи); не сподъ высокое сословіе восхищалось мѣткою сатирою на знатныхъ и изобличеніемъ ихъ порочныхъ наклонностей; изъ писателей, одни превозносили пьесу до небесъ, другіе, въ угодность своимъ Меценатамъ, называли оную плоскимъ фарсомъ; стихамъ, *pour et contre*, не было конца. Поэтъ Жильберъ (*requiescat in pace!*), въ одномъ стихотвореніи, означилъ произведеніе Бомарше слѣдующимъ образомъ:

Cette piéce où l'on voit un insolent valet

Disputer sans pudeur son amante à son maître,

т. е. « пьеса, въ коей мы видимъ наглаго слугу, безшмыдно оспаривающаго свою любовницу у своего господина. » Сказано красно, только неспра-

ведливо! По нашему мнѣнію надлежало-бы сказать: « пьеса, въ коей мы видимъ безспыднаго вельможу, отнимающаго *невѣсту* у своего слуги. » — Это было-бы гораздо ближе къ истинѣ, и пояснило-бы цѣль Автора. Нынѣ все это перемѣнилось, и новѣйшіе вельможи ни сколько не похожи на тѣхъ, которые были предметомъ сатиры остроумнаго Бомарше. Тѣмъ не менѣе его комедія играется до сихъ поръ на всѣхъ театрахъ, и всегда приноситъ удовольствіе публикѣ. Причинами сему суть: живость дѣйствія, непрерывная занимательность сценъ, и искусное изображеніе главнаго дѣйствующаго лица, то есть Фигаро. Этого характера достоинъ подробнаго разсмотрѣнія.

До появленія на сценѣ сего лица, Маскарини, Гро-рене, Крипьяны, Скапины и Паскины занимали, въ условномъ театральномъ мѣрѣ, условную должность комическихъ слугъ, состоящую въ томъ, чтобы различными хитросостраданіями вытаскивать изъ бѣды своихъ господъ, то есть вспомошествовать развязкѣ пьесы. Таково было и начальное предназначеніе Фигаро. Въ Севильскомъ Цирюльникѣ, Бомарше уже ознакомилъ публику съ симъ страннымъ человѣкомъ, и нѣкоторымъ образомъ предсказалъ будущія его отношенія къ Графу Альмавива. Въ этой пьесѣ, остроумный цирюльникъ, по примѣру всѣхъ комическихъ слугъ, помогаетъ вельможѣ достать невѣсту. Но хитросостраданіи или, лучше сказать, плусти его выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ лакейскихъ проказъ, потому что самъ онъ не есть обыкновенный комическій лакей, по

неводѣ послушный своему господину, и дѣйствующій природнымъ умомъ. Нѣтъ! Фигаро уже вышелъ изъ этой сферы! Онъ былъ удостоенъ негодования министра и испытывалъ свои способности на тернистомъ поприщѣ липшературы. Это уже не Маскариль и не Криспиль. Въ Фигаро мы видимъ челоуѣка умнаго, образованнаго, котораго неудачи сдѣлали веселымъ философомъ. Услуживая Графу Альмавива, онъ руководствуется не усердіемъ, не преданностью къ бывшему своему господину, но единственно намѣреніемъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, который упрямая фортуна представляетъ ему на сей разъ. Угождаешь людямъ осыпаннымъ дарами счастья: вопъ наилучшая поживка для умнаго бѣдняка! Но испытанный судьбою Фигаро знаетъ, что благодарность знатныхъ людей продолжается столько-же времени, сколько и желанія ихъ, которыя совершенно исчезаютъ по удовлетвореніи оныхъ. Для упроченія своего благосостоянія, умный цирюльникъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ своему господину. Богатство, почести, знатность окружали самую колыбель Графа Альмавива. Они сдѣлались для него столько-же обыкновенными, какъ воздухъ для всякаго дышащаго существа; напрошивъ шого бѣдному Фигаро, по собственному его признанію, нужно было болѣе ума для шого, чтобы прожить одинъ день, нежели сколько онаго пошребно на управленіе всею Испанією въ теченіе шолѣтій. Это выраженіе заключаетъ въ себя многое! Оно въ самомъ ясномъ видѣ выказываетъ шрудную борьбу съ препятствіями, не къ достиженію често-

любивыхъ замысловъ , или утонченныхъ наслажденій жизнью , а единственно къ удовлетворенію первѣйшихъ и необходимѣйшихъ потребностей бытія . Какая разительная противоположность съ блестящимъ состояніемъ Испанскаго Гранда ! Но между тѣмъ предвѣчныя судьбы сохраняютъ взаимную зависимость всѣхъ живущихъ . Тяжкая борьба съ бѣдствіями , до такой степени возмѣтила умъ бѣднаго Фигаро , что вельможа , котораго всѣ способности изнѣжились отъ бездѣйствія , столько-же нуждается въ смыслености своего слуги , сколько сей нуждается въ деньгахъ своего господина . И это весьма естественное отношеніе двухъ лицъ , совершенно разныхъ по мѣсту , занимаемому ими въ свѣтѣ , весьма искусно показано остроумнымъ Комикомъ , въ разныхъ мѣстахъ его пьесы . Графъ Альмавива не можетъ удалить отъ себя хитраго слуги , главнаго препятствія въ исполненіи любовной прихоти вельможи . Но что же это за бѣдный Фигаро ? Довольнъ-ли онъ достигненіемъ своей цѣли , сдѣлавшись необходимымъ для знашнаго покровителя и слѣдовательно обезпечивши себя на счетъ всемогущей нужды ? Нѣтъ ! Ему суждено испытать неудачу или лучше сказать бѣдствіе другаго рода , для отвращенія коего онъ обязанъ истощить весь запасъ своего опытнаго ума . Довольный въ домѣ Графа Альмавива , хитрый дворецкій ознакомился съ другою потребностью , съ потребностью любви : прелестная , ловкая служанка охотно отдаетъ ему руку и сердце ; блаженство супружескаго состоянія гошовой озаритъ сиротскій бытъ космополита Фигаро ; все

по видимому благопріятствуетъ ему, и онъ, доснавившій супругу своему господину, имѣетъ полное право ожидать содѣйствія вельможи къ увѣщанію законныхъ желаній вѣрнаго слуги. Въмѣсто сего знашнѣй баринъ, пресытившись наслажденіями брачнаго сословія и безпрестанно отыскивая новой пищи своему сластолюбію, почувствовалъ нѣчто похожее на страхъ къ юной невѣстѣ Фигаро. Священнѣйшій союзъ природы долженъ бытъ нарушенъ въ угожденіе прихошамъ Графа. Вошь послѣднее и тягоснѣйшее испязаніе для умнаго служителя. Нужда, и трудность снискивать дневное пропитаніе, были уже имъ испытаны: это горе по видимому для него миновалось. Но поперяшь невѣсту, будущую подругу его жизни... это новое испытаніе своейравной фортуны слишкомъ жестоко. Въ подобномъ случаѣ, едва-ли ушѣшишь сповко-философическая пословица: Терпи казакъ, ашаманъ будешь! Что дѣлаешь несчастному Фигаро? Исхишишь юную красавицу изъ когшей могущественнаго сластолюбца и искаешь съ нею въ подлунной уголка, гдѣ можно было-бы укрыться ошь преслѣдованій Графа? А нужда? нужда, ко-рошкая и страшная знакомая, кошорая такъ и грозитъ новыми угнешеніями!... Дѣлаешь нечего! Должно привести въ дѣйствіе всѣ пружины того великаго ума, коего, по мнѣнію Фигаро, было-бы слишкомъ досташочно для управленія государствами! И Фигаро такъ масперски проводитъ вельможу и окружающихъ его, что побѣда хитраго слуги дѣлается несомнѣнною. По видимому, онъ учтивымъ образомъ одурачиваетъ Графа. Но нѣтъ! Его

Ноябрь 1829.

18

Философія должна выдержавъ еще испытаніе. Женскій умъ вознамѣрился перехитрить Фигаро, и веселая, бойкая Сусанна, условившись съ Графинею, назначаетъ свиданіе прихотливому вельможѣ. И объ этомъ провѣдалъ бѣдный Фигаро! И ревность, досада, возгорѣлись въ сердцѣ, приготовленномъ къ блаженству. Фигаро намѣренъ отмстить невѣрной невѣстѣ и ея обольстителю. Онъ поджидаетъ ихъ на самомъ мѣстѣ назначеннаго свиданія, и въ длинномъ монологѣ облегчаетъ душу разговоромъ о всѣхъ происшествіяхъ своей жизни. Классическіе крики находящъ сей монологъ неумѣстнымъ, но Бомарше вѣроятно лучше зналъ того человека, коего онъ изобразилъ. Описание всѣхъ превратностей судьбы, испытанныхъ его идеаломъ — въ полномъ смыслѣ превосходно, и самымъ естественнымъ образомъ высказывается дѣйствующимъ лицомъ. Человеку, въ минуту мучительнаго недоумѣнія, охотно расправляетъ зажившія раны своего сердца и въ воспоминаніи своихъ бѣдствій какъ будто находить облегченіе... Но чѣмъ-же окончилось это происшествіе? По волѣ Авшора, женщины такъ искусно всѣхъ обманули, что самъ Фигаро принужденъ былъ смириться и сознаться въ побѣдѣ прекраснаго пола... Краснота журнальной спашьи не дозволяетъ намъ входить во всѣ подробности сей прекрасной пьесы. Тамъ не мѣсто мы смѣло утверждаемъ, что въ мірѣ комическомъ, Фигаро есть то же, что Шекспировъ Гамлетъ въ мірѣ трагическомъ. — Теперь, дадимъ отчетъ о представленіи сей комедіи на здѣшнемъ театрѣ.

О совершенствѣ обстановка пьесы нигдѣ столько не заботятся, какъ въ Парижѣ. Тамъ, искуснѣйшіе и опытные артисты добровольно подѣржкаются тяжкой работѣ: пробовашь пьесу нѣсколько десяшковъ разъ прежде перваго представленія оной. При самомъ тщательномъ изученіи своихъ ролей поодиначкѣ, они вторично изучающь оныя *для цѣлаго* (l'ensemble). Не только мѣста, занимаемыя дѣйствующими лицами на сценѣ, но даже декораций, мебели, костюмы и всѣ мѣлчайшія принадлежности, располагающь такимъ образомъ, чтобъ ничто не препятствовало общему согласію въ ходѣ пьесы. Устроивши порядокъ представления, артисты вносящь въ особенную книгу подробное описаніе онаго и никогда уже не опшупающь опъ предначертаннаго. У насъ также слѣдующь сему правилу, и никогда не *пережвляють того порядка, или безпорядка, который былъ при первомъ представленіи*. Но въ Парижѣ всѣ зрѣлища выдерживающь искусство кришники, и только общее одобреніе даещь привилегію пьесѣ оспашься въ томъ видѣ, въ какомъ она была выставлена. У насъ и эшо легче обходиться. До кришники нѣтъ дѣла: пожалуй что хочешь, а мы, актеры, будемъ руководствовашься тѣмъ правиломъ, которое изложено въ самомъ началѣ сей спашьи. Великороссійскій обычай. . . . Но эшо не избавляещь кришника опъ обязанности даващь опчешь о томъ, что ояъ видѣлъ и слышалъ, и хошя-бы сказанное имъ пропало, какъ гласъ вопіющаго въ пустынь, тѣмъ не менѣе долженъ ояъ свяшо хранить уваженіе къ образованной публикѣ и увѣдом-

ляшь ее о всемъ имъ замѣченномъ. Чшо-же замѣтили мы въ представленіи знаменитаго шворенія *Бомарше*? О семъ будемъ имѣть честь донести, и, слѣдуя пословицѣ, встрѣшимъ нашихъ аршишювъ *по платью*, а проводимъ *по уму*. — По указанію Авшора, Графъ Альмавива въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ выходитъ на сцену въ охошничьемъ плашь (habit de chasse). На Французскомъ языкѣ эшо выраженіе означаетъ, что вельможа долженъ бышь обушь въ сапоги и одѣшь просто, безъ принадлежностей параднаго костюма. У насъ Графъ Альмавива явился въ одеждѣ рыцаря среднихъ вѣковъ, съ длиннымъ мечемъ. Къ чему эшошь мечъ? спросяшь меня. Не знаю! Можешь бышь, для прикалыванія зайцевъ; только преданія не упоминають о шаковомъ обычаѣ Испанскихъ Грандовъ. — Тотъ-же самый Авшоръ представилъ Графиню нездоровою и обязалъ ее бышь одѣшою по домашнему, что весьма естественно. Знатная дама, въ собственномъ загородномъ замкѣ, не имѣешь надобности наряжашься. У насъ супруга Коррежидора Андалузійя соблаговолила надѣшь апласную робу съ предлиннымъ шлейфомъ. Видно, что болѣзнь не воспрепятствовала ей заняшься шуалешомъ. — *Idem*, Авшоръ хотѣлъ, чшобъ прекрасный пажикъ быль одѣшь, какъ одѣваються пажи Испанскихъ вельможей: костюмъ, не рѣдко нами видѣнный на Московскомъ театрѣ, въ различныхъ операхъ и балетахъ. У насъ — Донъ Серафимъ нарядился въ шанцовальное платье, какого никогда и не видано въ Испаніи, а понеже во время нечаяннаго прибытія Графа въ спальню своей супруги, сія упоминаеть о шомъ,

что пажъ безъ плаща , по Донъ Серафимъ , для оправданія словъ своей госпожи , накинулъ на плеча какую-шо шинель , въ какой вѣроятно ни одинъ пажъ , ни Испанскій , ни Португальскій , не осмѣлился-бы показаться во внутрѣннихъ покояхъ знашней дамы. — *Idem* , Авторъ вѣроятно никогда не воображалъ , чтобъ Испанскій органистъ и учитель музыки одѣвался какъ Липовскій или Бѣлорусскій Жидъ ; шѣмъ не менѣе въ подобномъ костюмѣ видѣли мы на здѣшнемъ театрѣ Донъ Базиля. — *Idem* , Каронъ де Бомарше , выведши на сцену Севильскаго судью , никакъ не предполагалъ , чтобъ полшольншя спусня , въ образованномъ государствѣ , на великолѣпномъ театрѣ , забавный *Brid'oison* явился въ какомъ-шо казакинѣ или чекменѣ , какіе на свяшой Руси носятъ псовые охотники. — *Idem* , Бомарше назначилъ мѣсто свиданія Графа и хитрой субрешки въ Андалузїи , подъ кашпановыми деревьями . Такъ какъ мы неоднократно прогуливались сами подъ кашпановыми деревьями , шо можемъ утвердишельно сказать , что листвіе сихъ древесъ бываетъ чрезвычайно густое , шемнозеленаго цвѣта , а выши на оныхъ въ нѣсколько сажень . Въ послѣднемъ дѣйствїи комедїи : *Свадьба Фигаро* , на сценѣ здѣшняго театра , мѣсто вождедѣннаго свиданія было украшено двухъ-аршинными , блѣдно-зелеными деревцами , что весьма было похоже на анжерейную *выставку* , какъ говорятъ подмосковные садовники. — *Idem* , шошъ-же самый Авторъ , послѣ штысячи препїашствїи и непрїятностей успѣвшїи подарить лишперашурный мїръ превосходною комедїею , вѣрно не ожидалъ шого , чтобы она въ обширной

столицѣ величайшей Державы была представлена съ такими несообразностями, какихъ напрасно будемъ мы искашь на самыхъ бѣдныхъ провинціальныхъ театрахъ.

Но это еще не все. Исчисленные нами недосашки конечно никогда *не будутъ* исправлены (по причинамъ, изложеннымъ въ началѣ сей сашки), но по крайней мѣрѣ *могутъ быть* замѣнены должнымъ. У насъ комедія Бомарше подвержена другому изсязанію, кошорое въ шысячу разъ пошнѣ несообразныхъ костюмовъ и декорацій. Мы говоримъ о переводѣ этой пьесы. — Если-бы нѣсколько плохихъ гудочниковъ взялись разыграть увершюру Моцарша или Вебера, по ихъ нескладная игра, вѣроятно, не сполько шерзала-бы уши любительей музыки, сколько наши бѣдныя орудія слуха пострадали отъ новаго перевода Женишьбы Фигаро. Пьеса обрѣзана какъ червонецъ, побывавшій въ рукахъ Жида. Блеспяцій, оспроумный разговоръ Бомарше совершенно исчезъ на Русскомъ языкѣ. Въмѣсто замысловатыхъ рѣчей и колкихъ насмѣшекъ умнаго Фигаро, слухъ нашъ поражали самыя непростишедныя ошибки. Однимъ словомъ, не лзя было послушать безжалостнѣ съ такою прекрасною комедією. Вотъ нѣсколько примѣровъ, кошорые могутъ убѣднѣ въ истинѣ сказаннаго нами. *Явление 1-е.* «Графъ, соскучась обольщась поспоронныхъ красавиць, вздумалъ опяшь обратишь сияшельные взоры на *свой собственный* замокъ.» По смыслу выходитъ, что Графъ Альмавива влюбился въ замокъ Агвась - Фрескасъ. Спранный вкусъ. Въ подлинникѣ совсѣмъ не шо сказано. — *Явление 3-е.*

« Докторъ моего сердца , » восклицаетъ Фигаро ! — Это переводъ выраженія : *docteur de mon cœur!* — *Явленіе 4-е.* Бартоло называетъ Графиню *притворщицею*. За что? . . . Въ подлинникъ Докторъ говоритъ : *la perfide Rosine*. Въ каждомъ лексиконѣ можно отыскать, что слово *perfide*, значить : вѣроломная , измѣнница , и ш. п. *Явленіе 5-е.* Какъ думаешь чинапелли переведено слово : *duègne*? Вѣроятно : надзирашельница , надсмотрщица , а можешь быть просто *дуэгни*, потому что это Испанское выраженіе , означающее пожду женщину , коей поручено смотрѣніе за дѣвками , употребляется безъ измѣненія на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. — Увы ! Въ Русскомъ переводѣ , умная Марцелина , воспитавшая супругу Испанскаго Гранда , разжалована въ *кюжницы* !!! — *Явленіе 7-е.* Пажъ говоритъ Сусаннѣ : *ты идешь за мужъ , а я ѣду!* — Пора учиться Русскому языку. — Въ третьемъ дѣйствіи , Фигаро напоминаетъ Графу о томъ , какъ онъ помогъ ему « вырвать Графиню изъ Докторскихъ лапъ ! » А Графъ спрашиваетъ : « о чемъ же во всѣхъ твоихъ поступкахъ есть какая-то *двусмысленность* (!) . » После этого мы имѣемъ полное право спросить : о чемъ же въ большей части нашихъ переводовъ есть какая-то *безсмысленность* ? — Въ томъ-же дѣйствіи толкуютъ о *союзнѣ* , который *соединяетъ во едино* . . . Подобныя ошибки не прощаются двѣнадцатилѣтнимъ ученикамъ. Въ томъ-же дѣйствіи , знаменитая сцена пляжки выставлена въ такомъ жалкомъ видѣ , что стыдно было слушать. У Бомарше вся завязка процесса основана на часпичахъ *et* и *on* , которыхъ каплею чернилъ замараны въ распискѣ ,

данной Марцелинѣ. Бартоло говоритъ, что въ заемномъ письмѣ сказано: и на ней женюсь. Фигаро утверждаетъ, что написано: или на ней женюсь. Наконецъ Докшоръ соглашается, что поставлено: ou. Но такъ какъ это слово на Французскомъ языкѣ можешь означать и союзъ и нарѣчіе, то каждая сторона толкуетъ оное по своему: Въ новѣйшемъ Русскомъ переводѣ, вся эта замысловатая сцена совершенно потеряна. Бартоло говоритъ: «положимъ, что поставлено или,» и послѣ сего хочешь посредствомъ запятой (!) превратишь смыслъ рѣчи... Всякій, имѣющій понятіе о Грамматикѣ, сей часъ увидишь, что принявши выраженіе: или на ней женюсь, Докшоръ уже оправдываетъ своего противника. Еще разъ повторимъ, что подобные промахи не прощаются малолѣтнимъ ученикамъ. Въ старинномъ переводѣ сей пьесы, Г-ня Лабзинъ сохранилъ игру словъ, на коей основано еіе явленіе. У него сказано, *а будучи долженъ*, на ней женюсь. Бартоло читаетъ: и будучи долженъ, Фигаро утверждаетъ: *а будучи долженъ*. Потомъ Докшоръ принимаетъ по своему выраженіе: *будучи долженъ*, вмѣняя оное въ *обязанность* женишься на старухѣ. Фигаро опровергаетъ его, относя вышесказанное выраженіе къ денежному долгу. Конечно, въ этомъ переводѣ есть напихка, но за то нѣтъ бессмыслицы. Лучше было оставить старое!... Въ послѣднемъ дѣйствіи, Сусанна говоритъ, что *поцѣлками дождь идетъ !!!*... Но довольно: оставимъ исчисленіе сихъ недѣлностей и пожелаемъ о томъ, что въ XIX-мъ столѣтіи подобные переводы выстариваются на столичныхъ театрахъ.

Что-же касается до игры актеровъ, то мы не смѣемъ быть строги и взыскательны въ нашемъ сужденіи, пошому что комедія Бомарше подвергнута общей участи всѣхъ бенефисныхъ пьесъ, а именно: была обставлена на скорую руку. Въ цѣломъ, зависящемъ отъ долговременнаго изученія ролей и частыхъ репетицій, на сей разъ не было согласія. Со всѣмъ шѣмъ актеры играли очень порядочно — по одиначкѣ. О Г-нѣ Мочаловѣ, занимавшемъ роль Графа Альмавива, нечего и говорить. Онъ вездѣ играетъ прекрасно. — Первый нашъ комикъ, Г-нѣ Щепкинъ, остался при роли Доктора Баршоло, игранный имъ въ Севильскомъ Цирюльничкѣ. — За болѣзнію Г-жи Львовой-Синецкой, роль Графини занимала Г-жа Рыкалова. Гдѣ нужда, шамъ нѣтъ суда! — Молодой актеръ, Г-нѣ Аванасьевъ, въ роли Донъ Гусмана порадовалъ насъ пріятною надеждою, видѣшь въ немъ со временемъ отличнаго артиста. — Съ удовольствіемъ шакже смотрѣли мы на Г-на П. Степанова (по естѣ, не на Г-на В. Степанова) занимавшаго роль Донъ Базиля. Эшопъ молодой артистъ рѣшительно имѣешь въ тысячу разъ болѣе таланта, нежели его однофамилецъ. Должно надѣяться, что со временемъ его репертуаръ не будетъ ограничиваться десятками словъ въ незначущихъ пьесахъ, и что онъ *дослужится* до амшпау, приличнаго его природнымъ способностямъ, о коихъ свидѣтельствующъ игранныя имъ роли Донъ Базиля, и Судьи, въ прекрасномъ водевилѣ: *Невинный въ винѣ*. — Хорошенькій пажъ былъ очень милъ. Тѣмъ не менѣе мы жалѣли о томъ, что роль сія досталась Г-жѣ Пошанчиковой. Раждаю-

щійся шаланшъ должно поберегать , и Графинѣ Вальшронъ не слѣдовало-бы превращашься въ маленькаго шалуна.—Трудная роль Сусанны не могла бышь выполнена ни одною актрисою здѣшняго театра лучше Г-жи Сабуровой. Эта отличная артистка много упрасила по неизбѣжнымъ судьбамъ неумолимаго времени. Однако до сихъ поръ она не имѣеть достойныхъ премницъ ея шаланша.— Но никакъ не причинилъ намъ столько досады въ сіе представленіе , какъ Г-нъ Сабуровъ въ роли Фигаро. Смѣло можемъ сказать , что въ цѣлой Россіи ни одинъ актеръ не въ силахъ выполнитъ сей замысловатой роли лучше Г-на Сабурова , подобно тому , какъ ни одинъ актеръ не достигнешъ совершенства Г-на Сосницкаго въ роляхъ Графовъ Ольгиныхъ и другихъ одинаковаго разряда. Къ сожалѣнію нашему, Г-нъ Сабуровъ , въ костюмъ Фигаро , пренебрегъ существенною и прочною славою , и захотѣлъ выманитъ у райка нѣсколько громкихъ bravo и рукоплесканій. Доказательствомъ утверждаемаго нами можетъ служить знаменитый монологъ пятаго дѣйствія. Мы никогда не повѣримъ тому , чтобы Г-нъ Сабуровъ не понялъ сего мѣста своей роли , потому что первые четыре акта сыграны имъ прекрасно. Его выкрикиванья и размахиванья руками въ семъ монолгѣ напоминали провинціальныхъ актеровъ. Неужели Г-нъ Сабуровъ забылъ на сей разъ , что въ креслахъ здѣшняго театра сидѣла публика образованная , коей рѣдкія рукоплесканія болѣе значашъ , нежели всѣ неистовые вопли райка? Если Г-нъ Сабуровъ почишаешь самого себя обыкновеннымъ , безшаланнымъ

актеромъ, но онъ очень ошибается. Просвѣщенные любители театра думаютъ о немъ иначе, и утверждаютъ, что онъ не имѣетъ никакой надобности прибѣгать къ напѣжкамъ въ выполненіи трудныхъ ролей; что съ его умомъ и искусствомъ можно удовлетворить требованіямъ самыхъ прихотливыхъ знатоковъ; что какой нибудь жалкій актеръ, занимающій роль Фигаро на здѣшнемъ Французскомъ театрѣ, никогда не будетъ ему предпочтенъ, не смотря на снисходительность Московской публики къ чужестраннымъ актерамъ. Онь души совѣтуемъ Г-цу Сабурову по-болѣе дорожить своимъ талантомъ и избѣгать уловокъ, неприличныхъ хорошему артисту. — Желали-бы мы услышать нашихъ читателей надеждою, что знаменитая комедія Бомарше будетъ лучше сыграна въ слѣдующіе разы, но не смѣемъ сего предрекать, по причинѣ, изложенной въ началѣ сей статьи.

Данный послѣ комедіи водевиль: *Двѣ записки*, уже извѣстенъ нашей публикѣ. Поговоримъ лучше о дивертисементахъ: *Праздникъ въ лагерь*, который на длиннѣйшей афишкѣ былъ объявленъ заключеніемъ длиннѣйшаго бенефиснаго спектакля. — Въ настоящее время, когда достославный миръ увѣнчалъ блистательные успѣхи Россійскаго оружія, слова: лагерь, войско, имѣютъ магическое дѣйствіе на всѣхъ сыновъ отечества. Мы думали, что увидимъ нѣчто подобное въставляемымъ на сценѣ С. Пешербургскаго театра интермедіямъ и дивертисементамъ, въ коихъ мирнымъ жителямъ столицы напоминаютъ о новѣйшихъ подвигахъ нашего воинства. Что-же было вмѣсто сего? Какой-

по Генераль пропѣлъ каншашу : Герои , грозны га-
да славы , которую , вѣроятно , Его Превосто-
дительство зашвердилъ въ чинѣ Прапорщика. По-
шомъ двое адъютантовъ , одинъ по музыкаль-
ной , другой по шанцевальной части показали свое
умѣнье. За сѣмъ первые аршисты балетной шруп-
пы кое-что поплясали ; наконецъ солдаты помар-
шировали , и шѣмъ все кончилось. А зрители , по-
жавши плечами , разѣхались по домамъ въ первомъ
часу по полуночи. Московская публика приняла-бы
съ воспоргомъ зрѣлище , въ коемъ что-нибудь изо-
бражало-бы новую славу благополучнаго царство-
ванія и новые лавры , пожатыя нашими героями.
Но не все шо дѣлаешся , чего намъ хочешся !

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

ПРОЕКТЪ

О ТОМЪ, ЧТОБЫ НЕВѢСТЫ НЕ ЗАСИЖИВАЛИСЬ ВЪ РОДИТЕЛЬСКИХЪ ДОМАХЪ, СОСТАВЛЕННЫЙ С. К. ЗАТѢЙКИНЫМЪ, ЧЛЕНОМЪ МНОГИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Sine ira et studio.

Извѣстно, что основанія общесшвеннаго благосостоянія, заключааясь въ благоразумномъ исполненіи обязанностей каждымъ членомъ онаго, могутъ доводить цѣлое общесшво ко благу и счастью. Аббашъ Де Льё-Коммень, въ книгѣ своей: *Sur les origines des lois*, весьма благоразумно говоришь: «Каждый долженъ прежде всего быть добрымъ человекомъ.» Аббашъ Беланже, въ книгѣ своей: *Trésor de la vertu*, прибавляешь къ сему еще: «обязанъ исполнять свой долгъ.» Не приводимъ мнѣній другихъ

знаменистыхъ, древнихъ и новыхъ, писателей, изъ коихъ дѣлается ясно, что мужчина, остающійся не женатымъ, не исполняетъ своего долга, и дѣвушка, не вышедшая за мужъ, также долга своего не исполняетъ. Если древніе Римляне, извѣстные своею мудростію, давали награды женщинамъ, когда она была матерью многочисленнаго семейства, то, само собою разумѣется, что безсемейное созданіе Божіе должно подвергаться какому либо штрафу, что подтверждаетъ и ученый Иоганнъ Христфоръ фонъ-Баусъ, въ книгѣ своей: *Vom Ursprunge des Zeltischen Volks*, доказывая, что Цельшы справедливо подвергали холостяковъ большому наказанію, за то, что они не женились. Но не одни Цельшы: премудрая природа всѣхъ такихъ людей подвергаетъ сильному наказанію, ибо, говоря словами одного Русскаго Писателя, у холостяка «подъ ногами шашко, въ головѣ перемѣнная погода, и сердце со всего срывается.» Состояніе пренепріятное! Не говорю объ участи дѣвушекъ, не вышедшихъ за мужъ; но должно, кажется, послѣ всего сказаннаго мною согласиться, что невѣстамъ выходить за мужъ, а женихамъ жениться слѣдуетъ непременно.

Разсматривая предметъ съ сей стороны, и видя, что вопреки мнѣніямъ ученыхъ людей и голосу природы, много остается на бѣломъ свѣтѣ невѣстъ и жениховъ, никогда не бывающихъ женами и мужьями, я спарался разыскать причину, и наконецъ нашель ее, такъ неоспоримо, что устранивъ оную, мы никогда не увидимъ ни засидѣвшихъ невѣстъ, ни сшарыхъ холостяковъ. Еще болѣе: въ моемъ

открытіи заключается главнѣйшая причина несчастливыхъ супружествъ. Я готовъ восклицать, прыгая, какъ Архимедъ : *нашелъ, нашелъ!* и спѣшу подѣлиться моею находкою со всеми благомыслящими людьми.

Пересмотрите всѣ несчастныя супружества, отъ того, въ кошоромъ мужъ смиренно сгибается подъ башмакъ своей любезной половины, до противоположнаго полюса, ш. е. супружества, въ кошоромъ любезный муженекъ заставляетъ жену свою ходить, что называется, по струнчкѣ; отъ того, въ кошоромъ мужъ и жена дають другъ другу полную волю дѣлать что угодно, до того въ кошоромъ мужъ косыляетъ свою сожительницу, почему она безъ спроса его выглянула въ окошко. Этого мало: переберите холостяковъ, отъ толстаго не женатаго волокишы, у кошораго фракъ запачканъ пудрою, лежащею съ плѣшивой головы его, до щогаго какаго нибудь холостяка, въ печеніе сорока лѣтъ корпящаго за бумагами. Вездѣ, и шамъ и здѣсь, вы найдете, что причиною худаго супружества и безженства, не на половину, а на девять десятыхъ частей бываетъ

П Р И Д А Н О Е !

Такъ, ММ. ГГ., вошь открытіе, кошорымъ горжусь я, въ кошоромъ, смѣло ушверждаю, заключена причина зла.

Происхожденіе приданаго относится ко временамъ невѣжества, къ народамъ варварскимъ. Въ древнія, благословенныя времена не знали другаго

приданого, кромѣ красоты души и шѣла. Угодно ли примѣры: вспомните Иакова, который работалъ четырнадцать лѣтъ за Рахиль, и не думалъ о приданомъ. Но когда нравы измѣнились, люди развратились, добродѣтель улетѣла на небеса, а истина спряталась въ колодець, женщины упали въ мнѣніи мужчинъ, гордыхъ, несправедливыхъ: ихъ стали считать не-человѣками, равными мужчинъ, а чѣмъ-то ниже человѣка. Тогда явилась и пословица: *курца не птица, женщина не словѣкъ*. Проклинаю свою память, безсовѣстный мужчина, тебя, который въ первый разъ отъ начала міра пошребовалъ придачи къ прелестному созданію, и произнесъ пагубныя слова: *дайте приданое!* Исторія приданого весьма любопытна, и я намѣренъ издать ее особливо, въ трехъ томахъ въ восьмушку, съ 2352-ю цифрами изъ Конфуція, Платона, Гуго Гроція, Плинія, разныхъ знаменитыхъ Русскихъ Археологовъ, какъ-то: И. В. Нехачина, Т. И. Мальгина, М. Т. Каченовскаго, и проч. и проч. — Много было всякой всячины: въ Скиѣи, на примѣръ, дамы, оскорбленныя мыслью о приданомъ, рѣшились возстали на мужчинъ, ушли отъ нихъ и составили особое царство, бывшее извѣстнымъ подъ именемъ *Амазонскаго*. Въ Азіи онѣ не только не согласились на приданое, но требовали, чтобы мужчины плашили за невѣсть, и согласились отказать отъ всего, только-бы удалили приданое. По взаимному условію, ихъ стали запирашь, сперечь, закрывать, но за то *калымъ* утѣшаетъ Азіятскихъ дамъ.

У насъ, просвѣщенныхъ Европейцевъ, приданое

вошло въ совершенный законъ. Безъ приданаго — будь у невѣсны во лбу свѣшлый мѣсяць, по косицамъ часныя звѣзды, будь она шакъ хороша, чшобы видно было, какъ у нея изъ косточки въ косточку можжечекъ переливается—спокойно можешь она сидѣшь въ родительскомъ домѣ. Напрошивъ, будь невѣсна огромнѣе въ ширину, нежели въ вышину; не достижывайся одного глаза, двѣнадцать зубовъ и ковыляй на деревяшкѣ; будь пришомъ у нея носъ, какъ руль корабельный; будь она еще пришомъ шиха, какъ Ксаншиппа, добродѣтельна, какъ Фрина, умна, какъ жисель дома сумасшедшихъ—женниковъ не ошобѣешь: давай только приданое. Дайше вѣсомъ за нее червонецъ — хошь ассигнацій по курсу — и ѳ соборищъ всего дурнаго будешь вздыхать и молодой гусаръ, и шучный Генераль, и ловкій купецъ, и — даже какой нибудь Мулла не посовѣщися поохать о прелеснищъ! Невѣстами идешь нынѣ совершенный шоргъ. Опець, кошораго благословиль Богъ дочками, шешъ и говоришь: «Охъ! раззорился: семь дочерей!» Машушка, у кошорой домашываюшь дѣшки послѣднѣя родительскія крохи, лобуешся ими и говоришь: «Перебѣсаяся, а шамъ — три сына, три свадьбы, и на шаросши не уморяшь меня съ голоду.» — По Москвѣ рыскаюшь сошни потаскушекъ, сплешчищъ, шарушекъ, съ росписями приданаго, въ кошорыхъ все написано, кромѣ шого, какова невѣсна; эшо въ придату, шакъ, чшд о придачѣ спрашивашъ?

Ошцы, машери, шешки, дяди, бабушки и дѣдушки! Подумайше, до чего все эшо насъ доводишь?

Ноябрь 1829.

Молодая дѣвочка не думаешь учиться, не думаешь быть хорошею хозяйкою; ошь чего? Она знаетъ, что и безъ того будешь за нею ухаживать. Пошому не стараешься она быть ни доброю, ни послушною; пошому къ молоденькимъ богатымъ дѣвочкамъ лешаютъ письмацы, записочки; для этого выдуманы проклятые кошильоны, мазурки, вальсы. Замѣшше на нашихъ балахъ: за кѣмъ волокишество? Съ кѣмъ шепшанье, разговоры? Съ *приданымъ*! А дѣвушка, прелестная, да безъ приданого, сидишь дома въ углу и — вяжешъ чулочки папенькѣ, между тѣмъ какъ онъ ходишь и думаешь: «Чшдъ дѣлашь? Дѣвочка-шо у меня на возрастѣ!»

А юноши наши? Ошь чего, какъ не ошь мысли о приданомъ, они шалашъ въ училищахъ, повѣсничаютъ въ свѣтѣ, пьюшь и играють въ службѣ? *Приданое все поправитъ!* кричатъ они.

Взгляните на супружества наши: *приданое*, вышедшее за мужъ, имѣешь-ли право пребывать къ себѣ уваженія, любви, привязанности? Его возятъ на балы, съ нимъ развозятъ визиты, берутъ ошь него деньги — и шолько! Возьмемъ другую крайность: если придача къ приданому держишь муженька на своркѣ; за чашку шоколада говоритъ ему: *ты дуракъ!* кусокъ бисквита заславляетъ проглатишь съ припоминаніемъ, что онъ искалъ шолько денегъ, и, звеня ему подъ ухо деньгами, награждаешь щелчками... каково супружество? Положимъ, что и супруга съ приданымъ, и мужъ, включившій себя въ роспись женниныхъ вещей, поладили: онъ съ одной стороны, она съ другой сводятъ домокъ, живуть весело, встрѣчаютъ шолько

въ госняхъ , говоряшь другъ другу сперва шолькоф: дай денегъ , а попомъ : *подпиши вексель*, а попомъ: *убирайся къ горту!* . . . спрашиваю : для эшого-ли сказано : « *недобро быти теловѣку единому ; сотворишь ему помощницу.* »

Но ничто не научаетъ насъ. Девять изъ десяти дѣвушекъ живутъ ошщельницами и не *хотятъ* идти за мужъ , пошому что ихъ не берутъ безъ придачи: это неоспоримо ; но я обращаюсь къ холоспякамъ. Развѣ не девять изъ десяти не женятся ошъ шого , что или ищущъ *приданого* , или боятсѣ взять безъ *приданого*, говоря : « У нея ничего; у меня шоже, а чѣмъ-же намъ *жить?* » Жить значить въ нынѣшнемъ свѣстѣ: *мотать*, шакже, какъ слово: *умеръ*, значить: *промотался*. Эшотъ смыслъ произвело — *приданое*. Оно даетъ *средства жить* , а женщины, кошорымъ безъ *приданого* удалось выйдти за мужъ, почитають мужей *приданымъ* , и, шочно какъ сундуку , говоряшь : « Дай шаль , дай фермуаръ , дай шляпку , дай денегъ на жемчугъ : я не виноваша , что ты безъ *приданого* взялъ меня ; не хочу бышь *хуже другихъ!* »

Не хочу продолжать дальѣ моихъ объясненій , и думаю, что шеперь каждый согласится , что худья супружества происходятъ ошъ шого , что *есть приданое*, а безсемейная жизнь ошъ шого , что *нѣтъ приданого*. Исключеній изъ сего правила шакъ мало , что объ нихъ не стоить говорить. Легко послѣ эшого понять, въ чемъ состоить мой проэкпъ.

Ошцы , машери , дядюшки , шешушки , бабушки , дѣдушки; юноши, желающіе добра; дѣвушки , желающія бышь счастливыми! Соединитесь со мною , и

закричимъ въ одинъ голосъ : « *Да уничтожится приданое ! Да погибнетъ эта язва, убивающая счастье на бѣломъ свѣтѣ !* »

Предлагаю: уничтожишь, рѣшишь и навсегда, всякое движимое и недвижимое приданое ; положишь, чтобы никто и никогда, ни по купчей, ни по рядной, ни по духовной, ни векселями, ни условіями и никакъ, не смѣлъ давать за дѣвушкою приданого, кромѣ души и сердца, кошорыя нынѣ при ошдачѣ приданого часто забываются. Всякое имѣніе принадлежишь ошцу, мужу, сыну, а не матери, не женѣ и не дочери . . .

Но, что если я моимъ проэктомъ не всѣмъ угожу ? Диво-ли, когда и *никому* не угожу ? Я хотѣлъ было войти здѣсь въ подробное изложеніе моего проекта : не буду-ли я пѣшь пѣсню для глухихъ ушей ? Такъ и бышь ; погожу : не кричите, промашавшіеся повѣсы, некрасивыя невѣсты ! еще приданое не опияшо у васъ ! Но послушайте :

Если мой проектъ будетъ приняшь... золотой вѣкъ едва-ли не возвратишь на землю. Сынки будутъ беречь бабюшкины деньги, потому что не будутъ имѣть надежды поправишь женишьбою ; богатые ошцы будутъ забоишь о воспитаніи дочерей, потому что не пучками ассигнацій будутъ цѣнишь достоинство невѣстъ ; бѣдныя дѣвушки не засидяшь у ошца и матери, потому что достоинства будутъ рѣшашъ выборъ невѣстъ, и дочери и богатыхъ и бѣдныхъ будутъ равны, какъ на Спрашномъ Судѣ ; красавицы захопяшь

отличишься душевными красотою, чтобы чѣмъ нибудь взять преимущество, а не-красавицы — о! вы, милыя созданія, которыхъ часто Провидѣніе съ избыткомъ награждаетъ за недосматокъ хорошенькаго личика! вы превзойдете тогда самихъ себя, и вы-шо всего скорѣе тогда будете за мужемъ, потому что смазливое личико... Но я не смѣю быть неучпивымъ, и скажу только, что съ уничтоженіемъ приданого, женщины будутъ истинныя владычицы душъ и сердець!

Безъ этого — скоро супружество сдѣлается у насъ... Да, что я говорю? Наши невѣсты и безъ этого уже совершенный шоварь; балы-биржи; свахи-маклера; женихи-покупатели, а ошцы и ма-шери что?

Совершенное безкорыстіе руководствуешь мною. Я безденежень, это правда; но за то я бездѣ-шень и спарь, слѣдственно: ни женишь, ни же-нишься не имѣю надобности, а предлагаю мой про-ектъ желая добра моимъ соотечественникамъ и соотечественницамъ, которыхъ конечно поблагода-рять меня, если хорошенько подумаешь о томъ, что я предлагаю.

С. Затѣйкинъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

А la rentrée de Mad. Malibran-Garcia, un chapeau de velours couleur pensée, était orné d'une bande du même velours, aussi large que la forme était haute. Les deux bouts de la bande étaient ornés d'une frange à très-longes brins. Par devant, figuraient deux ailes de papillon en blonde blanche.

Deux dames portaient sur le devant d'une coiffure en cheveux, cinq ou six plumes d'autruche posées en auréole. Les plumes d'une de ces coiffures étaient alternativement blanches et bleues.

Cette année tous les satins, soit de couleurs vives, soit de couleurs tendres sont *glacés*; presque tous les taffetas et gros (de Naples, de Chine, des Indes, d'hiver, etc.) sont à *reflet*, ou *changeans*. Vert et violet se nomme *armure bronzée*; vert et blanc, *Blaise et Babet*, etc.

Un nouveau vert, dit *vert-de-cour*, est un peu plus vif que le *vert anglais*; on l'emploie en robes.

De toutes les couleurs à la mode la plus nouvelle se nomme *toucan*, à cause de la nuance orangée de la gorge du toucan, oiseau du Brésil. On fait des capotes et même des

---

(* До 20 Ноября (н. с.) 1829.

robes de cette nuance de jaune. Toucan se marie très-bien dans les rubans de gaze avec le rouge-cerise.

Une dame que son élégance fait remarquer dans toutes les salles de spectacle, portait dernièrement à l'Opéra, une robe de gaze de laine couleur toucan, dont les manches étaient divisées en trois bouffans par trois cordons de martre; mais la mode régnante est celle de manches à *la Donna Maria*. Au dessus du coude, il y a quelquefois comme une corbeille dentelée dans laquelle entre le haut de manche bouffant. — Quelques spencers en velours vert-de-cour ont des manches à *la Donna Maria*: on porte avec ces spencers des robes de soie de la même couleur. — A l'une des dernières représentations des Bouffes, une dame avait une robe de satin, dont les manches à *la Donna Maria* étaient de blonde en haut, c'est-à-dire dans la partie bouffante, et de satin depuis le coude jusqu'au poignet.

Pour rendre plus chauds les manteaux de mérinos double à raies dites *tramées*, quelques élégantes les font ouatter; d'autres, au lieu de manteau, portent une pelisse en forme de redingote et à manches larges. Cette pelisse est bordée de martre ou de chinchilla.

Les danseuses à prétention portent des bas de soie à jour dont les quadrilles et les coins montant jusqu'à mi-jambe, sont dessinés par de légers filets d'or.

Les chapeaux élastiques ne sont plus de mode: un élegant va en soirée avec un chapeau ordinaire dont la coiffe est de peau blanche; il le tient toujours à la main.

Plusieurs élegans n'ont plus ni favoris, ni barbe, ni moustaches.

Головные уборы. Въ спектаклѣ, по случаю возвращенія на театр пѣвицы Малибранъ-Гарція, одна изъ дамъ была въ бархатной шляпкѣ, цвѣша *пансе*, убранной изъ шакого-же бархата полоскою, широкою во всю вышину шляпы. Оба конца полосы были украшены длинною бахромою. Передъ шляпки убранъ былъ двумя крыльями мошылка, сдѣланная изъ бѣлыхъ блондъ. — У двухъ дамъ уборка волосовъ украшена была спереди пятью или шестью спроусовыми перьями, расположенными по головѣ въ видѣ вѣнца. Въ одной изъ сихъ уборокъ перья были голубыя и бѣлыя.

Модныя платья и матеріи. Всѣ апласы нынѣшній годъ, и яркихъ и нѣжныхъ цвѣшовъ, бывають *гласированы*, (съ лоскомъ); почти всѣ другія шелковыя матеріи и гро (денапль, Китайскій, Индійскій, зимній, и проч.) съ опливомъ, или двучными. Имъ дають особыя имена: зеленый цвѣшь съ фіолетовымъ опливомъ называется: *бронзова броня*; зеленый цвѣшь съ бѣлымъ опливомъ называется: *Блезъ и Бабета*, и проч. — Новый зеленый опшѣнокъ, называемый *придворнымъ зеленымъ*, немного ярче такъ называемаго *Англійскаго зеленаго*: его употребляютъ на дамскія платья. — Изъ модныхъ цвѣшовъ самый новѣйшій на-

зывается: *тукановый*, такъ названный по имени шукана, Бразильской птицы, у кошорой шея оранжеваго ошпѣнка. Къ шукановому цвѣту въ газovýchъ леншахъ прекраснѣ идешъ цвѣшъ красно-вишневый. — Одна дама, замѣтная по щегольскому наряду во всѣхъ спектакляхъ, была въ Оперѣ, одѣшая въ плашь изъ шерстянаго газа шукановаго цвѣша; рукава у плашья были раздѣлены на три буфа тремя полосками шумаковаго мѣха. Но самыя модныя рукава называются, по имени Португальской Королевы Маріи Глоріи, *à la Donna Maria*: у нихъ выше локшей дѣлается, какъ будто зубчатая корзинка, къ кошорую входяшь буфированныя рукава. — Дѣлають спенсеры, бархашные, цвѣша зеленаго-придворнаго, съ рукавами *à la Donna Maria*; такіе спенсеры носять съ шелковыми плашьями, одинаковаго съ ними цвѣша. — Въ одномъ изъ послѣднихъ представлений въ театрѣ Оперы Буффы, на одной дамѣ было ашласное плашь, съ рукавами *à la Donna Maria*, сдѣланными изъ ашласа и блондъ: буфъ до локшей былъ блондовый, а остальной рукавъ, ошъ локшя до кисти руки, ашласный.

Чтобы манто или плащи, изъ двойной мерининовой матеріи, съ полосками, кошорыя называются *тканьми*, были теплѣе, нѣ кошорыя щеголихи дѣлають ихъ на ватѣ; другія, вмѣсто плащей, носять шубу, въ родѣ реденгошовъ, съ широкими рукавами. У такой шубы бываетъ шумаковая, или шиншиловая опушка.

Модныя мѣлочи. Дамы, щеголяющія танцами, носятъ шелковые чулки *ажурь*, у которыхъ рѣшешки и стрѣлки обрисовываются тоненькими золотыми нитками.

Мужскія моды. Мягкія шляпы вышли изъ моды. Щеголь является на вечеръ съ обыкновенною шляпою, у которой пуля подшита бѣлою кожею; онъ долженъ безпрестанно имѣть шляпу въ рукахъ.

На бакенбарты, бородки и усы—также проходитъ мода: многіе щеголи обрили ихъ.

На приложенныхъ картинкахъ :

Дама. Атласная шляпка-капошь; рендгошь изъ Китайскаго гро, съ опливомъ; бархашная пеллеринка; жаконатовые панталоны; Турецкіе атласные полусапожки.

Мужина. Суконные фракъ и панталоны; шелковой машеріи жилетъ.

Дитя. Суконные спенсеръ и панталоны, суконный каскешъ, вышитые, и съ бархатомъ; сафьянный галстучекъ и башистовая кодерешка.

О концертѣ Г-дѣ Контскихъ.

Семейство Концскихъ, о прибышїи коего уведомляли мы нашихъ читателей, уже давало, въ залѣ Благороднаго Собранія, концертъ, удостоенный присущствія Его Высочества Принца Хозрева Мирзы и спеченія многочисленной публики. Нынѣ ожидаемъ мы вшоричнаго концерта юныхъ виртуозовъ и не преминемъ сообщить читателямъ наше мнѣніе о шансахъ сихъ необыкновенныхъ дѣшей.

О П Е Ч А Т К А ,

Въ № 20 Телеграфа, на стр. 546, въ спрокъ 3, вмѣсто: «*бенефисъ Г-жи Глушковской, должно бытъ: бенефисъ Г-на Лобанова.*»

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я ;

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 28 дня, 1829 года.

Цензоръ Сергій Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Кол. № 22 Моск. Мода. 1829.

Въ Парижъ, 20 Января (н.с.) 1829. oogle

1910, L. R. N. 1, 100
1910, L. R. N. 1, 100
R E

Ч. 6. N. 22 Моск. Мер. 1829.

Въ Парижѣ, 15 Января (н.с.) 1829.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PRESS

1954

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 22. *Ноябрь* 1829.

О ПОЛЬЗѢ ОБРАБОТЫВАНІЯ

БЕЗПЛОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(*Сочиненіе Валтера Скотта*).

Безпрерывно увеличивающееся распространение машинъ, кажется, возбуждаетъ во многихъ шемное чувство ужаса. Сіи люди думаютъ, что, въ земледѣльской или фабричной промышлености, замѣна рукъ машинами, заспула сохою, веревена или праслицы машиною мюль-джени, есть зло, шѣмъ болѣе пагубное, что оно не ошврапимо. Изъ соспраданія къ шрудодлюбивымъ классамъ народа, бѣдспвующимъ съ того времени какъ развелись машины, они, не имѣя возможности, запрешить введенія сихъ послѣднихъ, желали-бы по крайней мѣрѣ уменьшить число ихъ, наложивъ пошлины на всѣ будущія изобрѣшенія, сокращающія шрудъ. И въ самомъ дѣлѣ, почему-бы не согласиться съ ними, если только будешь

доказано, что машины действительно приносят зло меньшему числу людей. Но не таково наше мнѣніе. Мы не только видимъ зла въ употребленіи машинъ, но радуемся каждому новому примѣненію открытій наукъ и искусствъ къ промышленности, какому средству, сокращающему время и издержки на трудъ, и почитаемъ это шагомъ на пути поприщъ улучшеній, по которому Всемогушій Творецъ ведетъ насъ къ земному блаженству. Замѣнивъ ручныя работы машинами на фабрикахъ, увеличили, хотя и не прямо, число людей могущихъ заняться усовершенствованіемъ и расширеніемъ земледѣлія. Опять этого умножились силы и средства государственныя, и люди стали счастливѣе.

Въ настоящее время происходитъ сильный разрывъ во внутренней экономіи общества. Да нашихъ фабрикъ явилось столько рукъ, столько живописныхъ машинъ, что не знаютъ уже куда употребить ихъ, и куда дѣваться съ этими излишними средствами. Уменьшились ли работы каждого изъ людей высшихъ классовъ, на повину, чтобы всѣ были заняты ею, или предвѣстие сихъ несчастныхъ уничтоженію и случайнымъ пособіямъ общественнаго милосердія?

По нашему мнѣнію, можно избѣжать того и другого. Трудящіеся классы людей не будутъ

принуждены довольствоваться недоспаивающимъ пропитаніемъ и не будутъ питаться милосердіемъ. Ихъ дѣятели ошкрываютъ новое поле. Но гдѣ же оно? Фабрики набиты рабочими, земледѣльческіе округи также населены съ излишкомъ (*). Чѣмъ пособить этому?... Чѣмъ? Переселеніемъ: но переселеніемъ не въ опдаленныя заморскія страны, а въ болоша и на земли нашего же государства, остающіяся необработанными. Вотъ неизсякаемое поле, даруемое намъ природою; вотъ рудникъ богашства, которій, если только его надлежащимъ образомъ разработывашь, доставитъ прибыльное занятіе милліонамъ людей. Мы снажемъ нашему, и всѣмъ другимъ народамъ Европы: если границы вашихъ владѣній слишкомъ пусты, то раздвиньте ихъ! Народу слишкомъ много, говорите вы, а работы слишкомъ мало, такъ что вы принуждены оставяшь часть людей въ праздноши? Хорошо: такъ удалите же ихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они лишніе, и переселите въ тѣ округи, гдѣ они будутъ не только жить собственною промышленностью, но сдѣлающа для государства источникомъ непомернаго увеличенія доходовъ.

Природа явно ведетъ насъ къ тому, чтобы наконецъ вся земля была обработана и занята.

(*) Авторъ говоритъ о Великобританіи и Ирландіи.
Прим. Пер.

Но уси́хки сего обра́ботыванія должны быти медленны и постепенны. Сначала, народонаселенію надлежитъ увеличиться до того, чѣмбы оно поспрѣбляло всѣ произведенія полей, уже удобренныхъ, и потомъ принимаются за разработку земель новыхъ. Природа сама заботится объ улучшеніи бесплодныхъ полей каждой страны, и о приспособленіи оныхъ къ работамъ земледѣла. Никогда дѣятельность ея не дремлетъ: она съ упорствомъ приготовляетъ жилища для умножающагося народонаселенія. Границы плодоносія не суть преграды ненарушимыя: напрошивъ, въ каждой странѣ онѣ безпрерывно стремятся къ расширенію самихъ себя. Безмѣрная проспансва невоздѣланныхъ земель, за нѣсколько вѣковъ казавшіяся совершенно бесплодными, сдѣлалась послѣ того изумительно плодосна. Разложеніе расшеній, часпо почвы незамѣтныхъ, послѣ многихъ лѣтъ покрываетъ сія проспансва слоемъ земли расшпительной, сполько глубокимъ, чпо земледѣль принимается обра́ботывать оный. Многія земли, нынѣ по видимому осужденныя на вѣчное безплодіе, должны, нѣкогда, обогатити и страну свою и владѣльца, вслѣдствіе медленныхъ, но вѣрныхъ приготовленій природы.

Умы невнимательныя, не наблюдавшіе сихъ постепенныхъ приготовленій, и не знающіе испоріи земледѣлія, почишають нынѣшнее безплодіе

нашихъ луговъ и неводвѣданныхъ земель доказа-
 тельствомъ, что они не могутъ быть удобре-
 ны безъ такихъ издержекъ, кощорія не возна-
 градились произведеніями. Мы думаемъ иначе, и
 полагаемъ напротивъ, что есть много земель,
 требующихъ небольшого пособія для принесенія
 земныхъ произведеній, и что количество и цѣна
 сихъ произведеній увеличатся при обрабатываніи
 постепенномъ и благоразумномъ. Чашь лучшихъ
 земель нашихъ была нѣкогда сповсюду же бесплод-
 на, какъ и наши луга; промышленность человѣка,
 при помощи природы, довела ихъ до нынѣшняго
 ихъ состоянія. Пусть руки человѣка разверза-
 ютъ землю: атмосфера положишь въ нее обиль-
 ныя начала своего плодородія; кощорія, со-
 спавля естественную пищу распахній, облег-
 чаютъ ихъ произрастаніе и вознаграждаютъ пред-
 причиваго земледѣла, долженствующаго поко-
 рить власныя перваго изъ искусствъ непродво-
 дящую почву.

Любопытно наблюдать незамѣтные шаги зем-
 ледѣлія, постепенно возобладавшего обширными
 округами, дающими нынѣ, послѣ многихъ вѣковъ
 бесплодія, обильныя произведенія. Сначала, на
 необработанной почвѣ возвышалось монастырское
 или господское жилище, печальное видомъ. Веко-
 рѣ вокругъ него спали соединялись кой-гдѣ хи-
 жины, отдѣленныя небольшими оградами. Бѣд-
 ныя жилища выпускали дымъ свой сконь, ка-

кой былъ у нихъ, насильствъ и принятию праву, на свободу; вечеромъ, живошныя возвращались въ ограду и удобрили ее. Въ сіи оидальския времена, пахарь улучшалъ землю въ своей оградѣ и пою землю, копорую на лопатѣ приносилъ онъ съ поверхности необработанныхъ полей. Когда народонаселеніе деревни увеличивалось, то и границы ограды раздвигались; обрабатываніе дѣлало ивыя завоеванія въ древней области безплодія. Выстраивались еще хижинны; новыя семейства увеличивали деревню, и Баронъ или Аббашъ умножалъ число своихъ вассаловъ. Владѣлецъ каждой новой хижинны расчищалъ новую часть пустоши. Работа сія вообще производилась ручными орудіями; да и почва, набитая камнями и сульями деревьевъ, не могла быть обрабатываемая сохою. Когда-же и не было силъ праятствій иши бѣдность не позволяла земледѣлу употреблять орудій, слишкомъ дорогихъ для него. Такъ каждое обиталище или каждый приходъ дѣлился ценпрома сборища хижинъ, имѣвшихъ оидальныя ограды, и пользовавшихся общимъ правомъ паеши скопѣ на сосѣдственныхъ пустошахъ.

Кроу плуменешовалъ по многимъ частямъ сѣвернаго материка Европы, тошъ видалъ на пустоцахъ ивкопорныя мѣста, несходныя даже ивъ плодородіемъ своимъ съ окружающею оныя безплодностью. Начиште спрашивать, и вы узна-

еще, что прежде шупъ все было равно безплодно; что эта противоположность есть слѣдствіе труда рукъ человѣческихъ, и что сей трудъ, нѣкогда столь полезный для видимой вами страны, былъ-бы потерянъ для нея или можетъ быть обращенъ нрошивъ ея пользу, если-бы изъ него не сдѣлали благаго употребленія.

Система сія способствовала улучшенію огороженныхъ мѣстъ, не пошому только, что земледѣль заботился о нихъ и удобрялъ ихъ почву, но еще и по другому отношенію, достойному упоминанія. Ограды, по необходимости, занимали очень небольшое пространство, и слѣдовательно рвы и насыпи вокругъ нихъ были гораздо значительнѣе, нежели вокругъ обширныхъ владѣній. Люди, не чуждые Сельскаго Хозяйства, знаютъ, какъ быспро увеличиваются во рвахъ плодородіе и объемъ земли. Атмосфера всегда наполнена разложенными началами веществъ живопныхъ и распшительныхъ, находящихся въ видѣ газообразномъ или лепучемъ, и сѣменами, столь мѣлыми, что глазъ не можетъ видѣть ихъ. Но заборы соснавлиаютъ родъ преградъ, копорца удерживаютъ сіи разсѣянные въ воздухѣ начала, оснавливаютъ дальнѣйшее ихъ распространение, привлекаютъ къ себѣ и низводятъ на почву, между шѣмъ какъ деревцы, составляющія сіи заборы, овладѣваютъ влажностью атмосферы, распространяющейя впоследствии по черно-

зему, въ глубинѣ и съ боковъ ровъ. Отъ сего-ща рвы и насыпи, болѣе подвергающіеся дѣйствію вѣтровъ въ сухое лѣтнее и осеннее время, когда распылительныя вещества, лежащая въ атмосферѣ, свободнѣе переносятся съ одного мѣста на другое, всегда бывающъ украшены разнообразными распыленіями, необыкновенно сильными.

Дѣйствіе оградъ на плодоносіе почвы было прежде споль извѣстно, что во многихъ округахъ ихъ нарочно для сего дѣлали. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, обыкновенно окружали извѣстныя пространства почвы насыпями и полосами земли. Землепашцы на сихъ небольшихъ владѣніяхъ строили хижины, коихъ стѣны были также земляныя и покрытыя соломой, проросникомъ и сухимъ папоротникомъ. Въмѣстѣ со временемъ, огорожи и самыя хижины такъ насыщались распылительными веществами, что становились горами удобришельными. Земледѣль разрывалъ ихъ и тщательнѣе раскидывалъ по поверхности почвы, а между тѣмъ выстраивалъ другую хижину, въ другомъ мѣстѣ, и окружалъ свое поле новою огорожею. Такимъ-то, или подобнымъ сему образомъ, большая часть почвы въ Англіи доведена до нынѣшней ея степени плодородія.

Въ сихъ удивительныхъ дѣйствіяхъ, какъ не признашь благости и мудрости Провидѣнія, же-

защитаго, чтобы въ экономіи природы ничто не погибало! Ограды необходимы для защиты жавнъ отъ опустошенія животныхъ; но чтобы нѣско, занимаемое ими, и земля, изъ коей они соспавлены, не были безполезны, онѣ останавливаютъ движеніе плодородныхъ чѣментъ, разбланныхъ въ атмосферѣ, и спимъ весьма сильно увеличиваютъ богатство почвы, закрываемой ими только по наружности.

Мы увѣрены, что достойные люди, недавно съ такимъ рвеніемъ занимавшіеся вопросомъ о переселеніи въ чужія земли, поймутъ предметъ нашъ. Съ своей стороны, мы отдаемъ полную справедливостъ числу ихъ побужденій. Мы знаемъ, что единственная цѣль ихъ есть улучшение соспоянія низшихъ классовъ общесства. И мы спремимся къ той-же цѣли, различивъ съ ними только въ выборѣ средствъ. Мы гордимся, что въ числѣ противниковъ нашихъ находится много изъ нашихъ друзей, и думаемъ, что они слишкомъ уменьшаютъ средства необработанной земли нашего государства, увеличивая въ свое время плодородіе нашихъ за-Атлантическихъ владѣній. Послушавъ ихъ, какъ кажешся, что природа наградила сіи опдаленныя страны плодородіемъ неиспощимымъ. Но онитъ вскорѣ показываешь земледѣлу Сѣверной Америки, что это вовсе несправедливо. Когда земледѣль шамонній

очистишь почву отъ деревьевъ и кустарниковъ, покрывающихъ оную, то въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сразу онъ имѣетъ обильную жатву; но едва перевешалъ онъ поддерживать силу ея унавоживаніемъ, или бондохомъ, то почва сія почтичасъ испощается. Ничего не можетъ быть бѣгуще человѣка, когда онъ воображитъ, что средства его неисчерпаемы. Непредусмотрительный земледѣль Соединенныхъ Штатовъ, очистивъ поле, продолжаетъ на немъ сѣять каждый годъ, безъ унавоживанія, и вскорѣ дикія травы принуждаютъ его оставить сіе поле. Тогда онъ осваиваетъ свою соху, беретъ поперѣ и сваливаетъ новый участокъ лѣса; но послѣ четырехъ или пяти добрыхъ жатвъ, ему должно опять идти въ лѣса, на завоеваніе новаго поля.

Такимъ образомъ въ Америкѣ необдуманное земледѣліе принудило бросить милліоны акровъ земли, испощенной; но при другихъ, болѣе благоразумныхъ распоряженіяхъ, земля сія и донныя сохраняла-бы свое плодородіе.

Мы не утверждаемъ, что необработанныя земли и луга Брипанскихъ острововъ почто также плодоносны, какъ пущыни Канадскія, но говоримъ только, что у насъ есть обширныя воздѣланныя поля, покрышия довольно толстымъ слоемъ распыленной земли, такъ что ее можно

распахивать, и что сии поля имѣютъ еще одно безцѣнное преимущество передъ полями Новаго Свѣта: они подлѣ насъ, а не на помятый берегу Атлантическаго Океана.

Событія въ странахъ Европейскаго материка, приближенныхъ къ Англійскимъ берегамъ, подтверждаютъ въ семъ случаѣ наше мнѣніе. Въ Нидерландахъ есть земледѣльческій округъ, называемый Весландъ, между Гейпомъ и Антверпеномъ. Онъ болѣе населенъ, лучше воздѣланъ, и болѣе производитъ, нежели какой либо утѣшокъ земли въ Европѣ, равный ему поспранспвомъ. Во время междоусобныхъ войнъ во Фландріи, это было не иное что, какъ обширное песчаное поле, ненаселенное, невоздѣланное. Скопа на немъ не было. Измѣненіе почвы его произошло отъ вышесказаннаго, медленнаго дѣйствія природы, при вспомоществованіи дѣйствительныхъ прудовъ многихъ поколѣній. Слѣдствія сихъ прудовъ явны при первомъ взглядѣ на плодородіе земли, на удобныя жилища, наряда, здороваго и хорошо одѣянаго, на красоту скота и всѣ другіе признаки сельскаго благосостоянія.

«Извѣстно,» говоритъ Аббатъ Маннъ въ Запискѣ о землѣдѣліи Нидерландовъ, «что сѣверная часть области Брабантской, называемая Кампине, была прежде покрыта пескомъ, коткарникомъ, кучами пихтовыхъ деревьевъ и большими болошами. По преданіямъ, она составляла нѣкогда

часть моря, и, нинѣ, на ловѣ, невоздѣланной, шамъ одніи пихцы и коцкарникъ. Песокъ шамодній самаго дурнаго качества и, кажется, не кѣмъ образомъ не повинуется воздѣлванію. Но какъ приобрьшеніе сей почвы не стоило почти ничего, по многіе пынулись воздѣлывать нѣкопурые участки оной, и прашительство всѣчески покровительствовало, таковымъ предпріятіямъ. Все это однакожъ было неудачно, и многіе раззорились отъ сихъ предпріятій. Въ Кампинѣ есть воздѣланныя земли; но это было слѣдствіемъ усилій разныхъ монастырей, шамъ находившихся, и особенно аббашецвъ Тонгерлоо и Эвербоде. Упорная и постоянная дѣятельность ихъ, въ продолженіе пяти или шести столѣтій, возобдала сими безплодными песками, и во многіхъ мѣстахъ сдѣлала ихъ очень плодородными.

Тамъ слѣдовали простиой и однообразной методѣ: никогда не начинали обрабатывать болѣе двѣнадцати или пятнадцати акровъ въ годъ, и еще не приступая къ дѣлу, разсмащривали всякій разъ количество находившихся въ распоряженіи средствъ удобренія. Если участокъ удобренной земли могъ прокормить семейство, то выпраивали на ономъ удобное жилище и отдавали его въ наемъ на легкихъ условіяхъ. Такъ значительныя части Кампинѣ были распаханы и покрылись деревнями, жилищами, хорошо выпроенными, церквами и замками.

Г-нъ Коулингъ, искусный гражданскій инженеръ, доставилъ Комитету, покровительствующему переселеніямъ, слѣдующую таблицу, показывающую соотнѣніе почвы въ Великобританіи, Ирландіи и соседственныхъ островахъ. Въ таблицѣ сей означено количество земель воздѣланныхъ, земель способныхъ къ воздѣланію, но оставшихся въ дикомъ положеніи, и наконецъ земель, вовсе неспособныхъ ни къ какому улучшенію.

Раздѣленіе земель по странамъ.	Земель паханныхъ и подъ садами.	Луга и болота.	Земель невоздѣланныхъ, но способныхъ къ улучшенію.	Земель невоздѣланныхъ и неспособныхъ къ улучшенію.	Итого земель въ каждой странѣ.
Англія	40,282,800	15,579,200	3,151,000	3,256,100	32,312,100
Область Валлсская	890,570	2,226,150	530,000	4,405,000	1,752,000
Шотландія	2,193,950	2,774,050	5,950,000	8,523,930	19,758,930
Ирландія	5,389,010	6,736,210	1,900,000	2,116,661	19,144,911
Острова	409,630	271,060	166,000	569,169	4,119,159
Всего, акровъ	49,135,990	27,586,980	15,000,000	15,874,163	77,594,133

Исчисленіе сіе основано на свѣдѣніяхъ, опчастно конечно предположительныхъ, однакожь, вѣрояно; близкихъ къ истинѣ. Изъ нихъ можно видѣшь, сколько еще есть на островахъ Британскихъ

земель, способныхъ давать произведенія ; но отъ нашей безпечности пораженныхъ безплодіемъ. Впрочемъ, для убѣжденія себя въ этомъ, стоишь только отъѣхать миль десятичка на два отъ Лондона, по какой угодно дорогѣ. Тушь непремѣнно встрѣяшся участки земли, которые вмѣстѣ составили-бы значительное пространство ; но, еще никто не задумалъ искоренить ихъ изъ рукъ природы, и они остаются въ первоначной дикости. Даже обитатели Сиби, во время недавнихъ своихъ воскресныхъ прогулокъ, вѣрно встрѣяшъ подобныя земли. Если-же въ близкомъ сосѣдствѣ одного изъ величайшихъ и роскошнѣйшихъ городовъ въ мірѣ, путешественникъ увидишь земли невоздѣланныя, и удобныя для земледѣлія, то можно повѣришь, что ихъ есть еще и большее число въ другихъ частяхъ Соединенныхъ Королевствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе путешественникъ удаляется отъ столицы, тѣмъ многочисленнѣе и пространнѣе спановаяся невоздѣланныя земли. Г-нъ Коулингъ думаетъ, что таковыя земли въ Англии стоѣютъ дороже, чѣмъ въ Ирландіи, и что въ сей послѣдней ихъ легче было-бы улучшить, чѣмъ въ Шотландіи.

Онъ волагаетъ еще, не объясняя почему, что хотя сіи пустоши были-бы очень удобны къ воздѣланію, однакожь, кто первый применитъ за обработку оныхъ, тотъ непремѣнно будетъ въ

убытокъ. Онъ хочетъ, чтобы предпріятіе сіе производилось сначала на счетъ общесивенный, и замѣчаетъ, что сборы на оное уравниваются уменьшеніемъ сбора на бѣдныхъ. «Теперь,» говоритъ онъ, «у васъ много лишнихъ работниковъ, которые сподятъ вамъ, ежегодно, невозвратнаго расхода два милліона фунтовъ стерлинговъ (50,000,000 франковъ). Если вы упопробите сихъ работниковъ на воздѣлываніе пустошей, и потеряете опъ того милліонъ ф. стерлинговъ въ годъ, то все еще у васъ оспанется въ выигрышъ милліонъ, ибо расходъ уменьшился на половину.» Въ семъ случаѣ, мы идемъ далѣе Г-на Коулинга. Мы убѣждены, что благоразумное обрабопываніе нѣкопрыхъ великихъ пространствъ земли, находящихся въ границахъ нашихъ, не шолько уменьшило-бы сборъ на бѣдныхъ, но было-бы выгоднымъ дѣломъ для предпринявшихъ оное. Полагаемъ даже, что, особенно въ Ирландіи, есть весьма обширныя земли, которыхъ обрабопываніе соспавило-бы одно изъ самыхъ прибыльныхъ предпріятій промышленности.

Болона (bogs) Ирландекія соспоятъ не изъ извѣснаго только числа покыхъ земель, какъ полагаютъ иностранцы, но подраздѣляются на небольшія болона, изъ коихъ каждое окружено землями возвышенными и очень сухими. Напримѣръ, на воспокъ опъ Шаннона, болона, занимающія значительную часть Графства Королевскаго и

Графства Килдеръ, извѣсны вообще подъ именемъ Болотъ Аллемскихъ. Но названныя симъ родовымъ именемъ земли отнюдь не составляютъ сплошнаго болота, и пресѣкаются на всякомъ шагу землями возвышенными, совершенно сухими. Ясно, какъ сіе расположеніе почвы облегчило-бы обработываніе оной. Въ доказательство сего, подтвердимъ слова наши слѣдующими достоверными событіями.

(До слѣд. книжки).

Къ сему № Прибавленія приложено изображеніе пароваго дилижанса, изобрѣннаго Г-мъ Гюрне-емъ. Отличіе его состоитъ въ томъ, что паровая машина *a*, заключена въ особой шѣлгѣ, а дилижансъ *b*, прикрѣпляется къ ней цѣпью и составляетъ отдѣльный экипажъ. Въ концѣ Іюля сего года, изобрѣтатель ѣздилъ уже въ своемъ дилижансѣ, и шеперь хопятъ заводить подобныя кареты въ Англіи. Впереди и сзади пароваго дилижанса ѣхали экипажи, запряженные лошадьми, *c*. Передовые едва успѣвали уѣзжать, а задніе догоняли паровой дилижансъ. Онъ такъ устроенъ, что безъ всякой опасности дѣлаетъ всѣ обороты, спускается съ горы и подымается на гору.

Lud. Mock. Mer. 1829.

ASIOR, LENOX AND
JENNY L. NEWELL

R

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
455 N. 5TH ST. N. Y. C.

№ 23 Моск. Мес. 1829.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О МОСКОВСКОМЪ ЗАВЕДЕНІИ
ДЛЯ СОРТИРОВАНІЯ РОССІЙСКОЙ ШЕРСТИ,
открытомъ на Воробьевыхъ горахъ, съ Іюня мѣсяца
1829 года.

Неоспоримо, что всякое полезное заведеніе есть даръ обществу и въ особенности тому словію и предмету, кошорымъ исключительно оно посвящается. Слава Правительству, умножающему въ государствѣ такія заведенія, не жаль ни средствъ, ни денегъ; честь и хвала ревнипелямъ полезнаго, кои принимаютъ на себя почтенную обязанность бытъ исполнителями видовъ Начальства и изъ благой воли жертвуютъ соотечественникамъ своими трудами и оныпомъ.

Нѣкогда Россія находилась въ шакомъ бѣдномъ состояніи относительно промышленности, что одна иносранныя торговля могла доставлять ей предметы, улучшающіе общественный и семейственный бытъ человека. Но это миновалось, и настало время, когда Петръ Великій, воздвигнувъ

Декабрь 1829.

20

изъ необыпія фабричную производимоспъ въ нашемъ опечествѣ , далъ оной основанія , кои донынѣ сохраняютъ часпъ свою въ удивленіи , неразлучномъ съ дѣянїями сего исполина чловѣчества. Послѣдовашельница его и довершительница дѣлъ его Екатерина II, по господспвовавшему въ Европѣ духу времени , увлекалась мнѣнїями физиокрапизма , и въ опношеніи къ фабричной нашей промышленности — нездрѣлому плоду малой науки , по словамъ Канпемира—кажется рано предоспавила ей совершенную свободу. Послѣдспвія доказали , сколь вредно было для фабрикъ уничтоженіе ценпиральнаго правительспвеннаго мѣспна , каковымъ была сдѣлана Петромъ Первымъ Мануфактуръ-Коллегія. Но съ новымъ вѣкомъ , вошло новое свѣщило на горизонтъ нашъ , и вышнїя судьбы , предоспавивъ Александру I-му возспановленіе спокойспвія Европы , не изъяли изъ лавроваго вѣнца Его славы покровитель и водворитель въ Россіи Европейской промышленности. Чего , впрочемъ , не достигнетъ мощное законоспїю и правдою единопдержавіе ? Занявшаяся съ Александромъ заря , уже выше и выше возноситъ наше солнце , и теплоша и благоспъ его одушевляють новою жизнью все пространство безпримѣрнаго государспва , спъ края до края его. Но обратимся къ настоящему предмету. Не первая Россія испытываетъ всѣ возраста государственнаго быпія ; не у первыхъ у насъ начала граждан-

свенности : земледѣліе, торговля и промышленность совершающъ естественное печеніе въ предусмотрѣнной постепенности. Было время, когда Англія, и самая Франція — ближайшій предметъ нашей подражательности — перѣли десятками лѣтъ голодъ, потерю въ жилищахъ; и опъ чего-же? Опъ недоспадка хлѣба. Чпо-же въ послѣдствіи опшрапило сокрушительные бичи и какимъ пособіемъ сіи страны приведены шеперь въ цвѣщущее ихъ состояніе? Конечно промышленностію, слѣдствіемъ дѣятельности человеческого ума, копорому все покоряется и копорый всегда и вездѣ изыскиваетъ и шворитъ, посредствомъ дѣятельности, вспомошествоваемой полезными знаніями. Мы говоримъ *промышленностію* и надѣемся, никто того не оспоритъ. Чѣмъ занимаешься торговля, какъ не перенесеніемъ съ мѣста на мѣсто произведеній промышленности? Долговременна-ли торговля произведеніями естественными? Не въ глазахъ-ли нашихъ примѣры, какъ многіе люди водворяющъ на родной почвѣ, или замѣняющъ другимъ, по, чпо казалось нѣкогда исключительнымъ достояніемъ иноплеменныхъ народовъ?

Такъ опредѣляя промышленности первое мѣсто въ ряду началъ гражданственности, потомъ переходя опъ предметовъ общихъ къ особеннымъ, и разсматривая ее въ опношеніи къ Россіи, оказывается, чпо *суконное дѣло* составляетъ у насъ одну

изъ главнѣйшихъ вѣтвей производимости. Многочисленная армія и флотъ, климатъ почти всего государства, роскошь вошедшая въ среднее сословіе, и многія иныя обстоятельства, свойственные впрочемъ и другимъ народамъ, искони доставляли у насъ сукнодѣлю шу важность, копорая дѣлала его постояннымъ предметомъ попечительности Правительсва. Впрочемъ сія заботливость оправдывалась видимыми, болѣе или менѣе быспрыми успѣхами; недоставокъ-же въ скотѣ и въ особенноти рунномъ, никогда не служилъ препятствіемъ, если не улучшения, то по крайней мѣрѣ распространенія сукнодѣлія. Намъ недоставало всегда машинъ, масперовъ и тонкошерстныхъ овецъ, доставляющихъ волну для высокихъ соршовъ суконъ. Однако же пришло время побѣды и надъ сими препятствіями. Люди значительные не остановились преклонить своего вниманія къ скромнымъ занятіямъ скотоводства (такъ духъ времени и обстоятельство!), пожертвовали значительными капиталами, вникли въ тонкости дѣла: и вопъ осталная Европа снабдила насъ совершеннѣйшими произведеніями коренныхъ заводовъ своихъ; кровь нашихъ спадъ, обширныхъ какъ степи, улучшена, шерсть упончена и наконецъ въ невродолжительномъ времени произведеніе домашнее, являясь на всѣхъ поржищахъ, раскрываетъ источники матеріальнаго изобилія и образованной роскоши для фабричнаго производства.

Но между тѣмъ какъ суконныя заведенія начинали счастливое шествіе къ самобытности, и дѣйствіями Правительсва, знаменовавшаго благодушіе свое не токмо поощреніями, но самыми пожертвованіями, вступали съ иносранными фабриками въ прошивоборство, шрудное, но тѣмъ не менѣе славное — опытъ открылъ въ наспоющемъ состояніи нашихъ овчаренъ новый, дополь не замѣченный заводчиками недоспашокъ: фабриканты не совѣтъ охотно покупали нашу шерсть. Что-же было причиною?

Въ сопредѣльныхъ намъ Пруссіи, Германіи и Венгріи выгоды овцеводовъ исключительно основаны на высшихъ сортахъ шерсти: фабриканты раскупаютъ ее скорѣе, и расходъ на прокъ сукна въ тѣхъ земляхъ значительнѣе. Посему стараніе каждаго заводчика обращено на то, чтобы сколь можно улучшить овецъ. Но какъ не всѣ имѣютъ на сіе средствъ, а между тѣмъ множество жишелѣй въ овцеводствѣ находятъ единственную промышленность, но оны сего изобиліе въ высшихъ и среднихъ сортахъ шерсти чрезмѣрно. Куда-же сбывашъ ихъ, когда нѣтъ продажи дома? Въ Россію! И дѣйствительно, ольсюду посредственная шерсть спала привозимся къ намъ въ огромнѣйшихъ паршіяхъ, и домашнее руно, подобно фабрикамъ, вездѣ начало встрѣтатъ въ иносраннымъ своего соперника, который-бы не долженъ бытъ опасенъ во про-

спранству нашихъ спеей и дешевизнѣ продо-
вольствія.

Такое пропивоборство, необходимое впрочемъ для успѣховъ возникающей промышленности, конечно не повредило-бы сбыту и цѣнамъ опечес-
ственного произведенія. Хорошій шоваръ Русскій предпочттался-бы посредственному иносстранно-
му, и ни шощъ, ни другой не шеряли-бы въ шор-
говлѣ цѣнности, соразмѣрной наспоющему до-
стоинству. Но шуть мѣшала коренная причина,
составляющая недоспапокъ нашего овцеводства.
Это *сортировка шерсти*, на что иносстран-
цы давно обрапили вниманіе, и что мы остав-
ляли въ доверщенномъ небреженіи. Заграничная
шерсть сколь-бы ни была посредственна, но она
оказывалась шщательно разсоршированной; въ
партіяхъ оной каждый соршъ былъ опдѣленъ опъ
другого, по его достоинству, и покупатель, ко-
шорому нуженъ шощъ или эшощъ, могъ приобрѣ-
шашъ пошребное его количесиво, и припомъ
осташься спокойнымъ опъ подлоговъ и другихъ
непріятностей, болѣе или менѣе запруднишель-
ныхъ и вредныхъ для шорговаго кредита. Наша
шерсть напрошивъ, достоинствомъ не уступаешъ
иносстранной, но за то снимаешся кое-какъ, об-
рабашьваешся нерадиво, вообще не имѣешъ на-
ружнаго вида, и шеряешъ въ самомъ качествѣ
своемъ опъ смѣшенія въ партіяхъ разныхъ сор-
шощъ. Вопъ по сей-шо причинѣ, усиленной кро-

мѣ того возможностію сходнаго приобрѣщенія иноснранной шерспи—съ чѣмъ покупашель избѣгалъ спороннаго для сукнодѣлія заводскаго сорпированія — домашнее произведеіе сходишь съ рукъ не шакъ, какъ-бы должно было (*):

Изъ сего произошелъ уже самъ собою и шощъ вредъ для промышленности, что въ Москвѣ продавцы Русской шерспи поспавляюпся въ необходимоспъ или оспавашься съ поваромъ на рукахъ, или успупать его за цѣну, какую назначашъ сами покупщики, ссылающіеся обыкновенно на иноснранную шерспъ; а какъ Москва еспъ средошочіе мануфакшурной промышленности и порговли шерспью, шо ходъ дѣлъ въ оной опражашся и на другихъ мѣспяхъ государспва къ ошущишельной невыгодѣ всѣхъ заводщиковъ и явному вреду овчарныхъ заведеній. Уничпоженіе вѣкопорыхъ изъ нихъ, если-бы оспавишь все въ шеперешнемъ видѣ, было-бы неминуемымъ послѣдшвіемъ.

Цѣль всякаго хозяйспвеннаго предпріянія еспъ вообще выгода, и мѣра оной или поощряешъ ка-

---

(*) Рекомендуемъ читателямъ по сему предмету замѣчательное Разсужденіе о сорпировкѣ шерспи, читанное: въ Императорскомъ Московскомъ Общеспѣ Сельскаго Хозяйспва, Членомъ онаго Г-мъ Сабуровымъ, и напечатанное особо.

пипалисповъ къ дальнѣйшимъ оборопамъ, или вовсе уничтожаетъ намѣреніе. Послѣ сего можно предспавишь себѣ, сколь непріятная будущность опкрывалась для овцеводовъ при дальнѣйшемъ ходѣ вышеобъясненныхъ обспоятельствъ. Нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ заводчиковъ, учаспвующихъ собспвенными капшпалами и шпудами въ развитіи сей промышленности, слѣдили ходъ оной съ прозорливымъ вниманіемъ, и наконецъ вопросъ, о распроспраненіи въ Россіи способовъ изящной разборки шерспи, былъ рѣшенъ въ общемъ мнѣніи шѣмъ, что водвореніе сего искусствва необходимо въ равной мѣрѣ какъ для овцеводовъ, шакъ и для фабриканшовъ нашихъ. Опытъ не замедлилъ доказать основательность соображеній, кои руководспвовали къ сему рѣшенію: нѣкоторые помѣщики Новороссійскаго края, года шпри назадъ, учредили на свой счелтъ, въ кругу помѣспшевъ своихъ, часпное заведеніе для разборки мериноспвой шерспи, и въ шпри года дѣйспвія, сіе заведеніе, распроспраняя посспепенно производспво, въ прошломъ году опспуспило уже значительныя паршії шерспи, копорыя имѣли успѣшный и выгодный сбпшь въ Москвѣ, за границей, и преимущеспвенно въ Англіи, гдѣ приняшы съ одобреніемъ высокіе соршы.—Пожелаемъ сему заведенію дальнѣйшихъ успѣховъ! . . . Но предпріятіе часпное, болѣе или менѣе ограниченное, и по мѣспности опдаленное опъ средоточія суконныхъ фаб-

рикъ и торговли шерстью, удовлетворяло-ли потребности промышленности, и могло-ли убеждение нѣсколькихъ помѣщиковъ въ полезности дѣла, пролить спасительное вліяніе вообще на массу овчарныхъ заводчиковъ, намъ и сямъ по цѣлой Россіи находящихся съ своими стадами? Конечно нѣтъ: кому неизвѣсна затруднительность распространения общепользныхъ свѣдѣній, по деревнямъ и даже по городамъ? Кто не знаетъ, какъ недовѣрчиво вѣряшь не только шому, что говорятъ, но и шому, что пишутъ, и шомомъ, съ какимъ шрудомъ закоренѣлый предрасудокъ уступается свою власть всякому нововведенію, и какъ смущается онъ каждаго человѣка, проводящаго жизнь подъ знаменемъ привычки, при всякомъ случаѣ, гдѣ требуется перемѣна и пожертвованіе?

Вопь почему частное заведеніе, при всемъ превосходствѣ его, было-бы безсильно пособить промышленности, и служить какъ примѣромъ подражанія, шакъ и средствомъ упрочить для овцеводства возможность правильной, изящной и приномъ дешевой соршировки; однимъ словомъ: быть разсадникомъ сего искусства въ нашемъ опечествѣ.

Я говорю: разсадникомъ искусства; ибо это есть важнѣйшій предметъ въ настоящемъ случаѣ. Хозяйственно-ли поступилъ садовникъ, если для поддержания своего сада каждый годъ шанелъ воз-

обновляя заёмъ иноземныхъ расчленённыхъ ошъ тужаго неба, не забываясь о разведеніи собспвенныхъ? Конечно нѣтъ. Точно такъ, и въ отношеніи сорпированія: временная и непрочная вышла-бы польза, если-бы предполагалось обезпечивать его работою однихъ иностранныхъ сорпировщиковъ, выписывая ихъ ежегодно изъ за границы, подобно Италіянскимъ акперамъ.

Такъ-по отношеніе овцеводства къ торговлѣ и соперничеству оной съ шерстью иностранною, обнаруживъ необходимость правильного сорпированія, съ тѣмъ вмѣстѣ породили мысль о пошребности усвоить Россіи споль полезное искусство.

Но какъ доспигнуть сего? Пупи къ шому опверзаются, или изобильными капиталами, или заграничными связями: по и другое не у всѣхъ есть. Кто опшечетъ намъ сорпировщиковъ, да и согласятся-ли ѣхать въ глубину нашихъ степей избалованные общественностію иностранцы, для ограниченнаго къ каждому изъ насъ занятія и изъ умѣреннаго жалованья?

Запруденіе важное, и опасеніе справедливое. Но къ преодоленію его является намъ покровитель, всепоборающій, пошъ, предъ копорымъ земля опверзаешъ нѣдра, копорый богачишъ ея поверхность, врачуешъ всѣ части государспвеннаго нѣла, управляя дѣйствіями ихъ, и копорый

самъ утверждаясь пверже всего и возносясь выше всего, назидаетъ повсюду свое владычество, какъ солнце на воспокъ и на западѣ всегда одинакое.

Мы говоримъ здѣсь о Правительствѣ. Во время наспяющей борьбы между нашею и чужеземною промышленностію и между торгомъ иностранною и собственною шерстію, Правительство склонило нынѣ вниманіе къ недоспашкамъ овцеводства, и въ слѣдствіе того съ Высочайшаго соизволенія учреждено въ Москвѣ, съ прошлаго лѣта, *Образцовое заведеніе для сортированія Русской шерсти*, и при ономъ *Школа сорпировщиковъ*, въ копорой-бы обучались сему искусству свободные и крѣпосные люди, даромъ; съ плашежемъ за одно содержаніе свое по 80 р. въ годъ. Существованіе сего заведенія обезпечено отъ щедротъ Правительсва помѣщеніемъ и суммою на первоначальное устройство, выписку иностранныхъ мастеровъ и на чепырехъ-годичное имъ жалованье.

Желательно было-бы сообщить читателямъ полное свѣдѣніе объ основаніяхъ сего заведенія; но предѣлы журнальной спашьи не даюшъ мѣста подробностямъ, и попому любопытнымъ рекомендуемъ Журналь Мануфакшуръ и Внутренней Торговли, гдѣ въ восьмой книжкѣ напечатаны Уставъ и правила приема шерсти, съ приложеніями. Здѣсь упоминаемъ мы о главнѣйшихъ предметахъ.

Заведеніемъ управляешь въ главномъ отноше-
ніи особый Комитетъ, составленный, подъ пред-
сѣдательствомъ Гг. Президента и Вице-Прези-
дента Императорскаго Московскаго Общества
Сельскаго Хозяйства, изъ опыннѣйшихъ по части
овцеводства Членовъ онаго, и изъ нѣкоторыхъ
суконныхъ фабрикантовъ. Непосредственное управ-
леніе возлагается на особую контору. Разборъ
шерсти производится выписываемыми изъ Саксо-
ніи сорпировщиками, подъ надзоромъ главнаго
мастера и особыхъ подмасперьевъ; нынѣ вызвано
ихъ 15-шь человекъ; при нихъ обучающіеся и он-
данные на по люди. Способъ сорпированія усша-
новленъ Саксонскій, какъ вездѣ предпочитаемый,
и особенно въ Англіи. Шерсть для разбора при-
нимается опъ всѣхъ желающихъ пользоваться за-
веденіемъ, и всѣхъ сорповъ, кромѣ проспой, но
единственно Россійская; цѣны-же за по назнача-
ются Комитетомъ ежегодно и припомъ самыя
умѣренныя (*).

Вникая въ правила Московскаго Заведенія, не
льзя не согласиться, что они проникнуты благою
цѣлю: доставить возможную пользу овчарнымъ
заводчикамъ, торговцамъ шерстью и суконнымъ
фабрикантамъ. Обстоятельность оныхъ въ отно-
шеніи всего, что входитъ въ составъ заведенія,

(*) Онѣ публикуются въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

опчешливость предъ хозяевами шерсти, и вѣрное обезпеченіе опъ подлоговъ, какіе предсавишь себѣ можно, исполняющъ мѣру желаній всякаго, кпо только вспунипъ въ дѣло съ симъ учрежденіемъ. Вѣрнѣйшею-же порукою за вождельный успѣхъ доброму началу да послужишь главное управленіе заведенія, соспавленное изъ людей дознанной опытноспи и извѣспныхъ по рвенію къ общей пользѣ и по званію своему.

Оканчивая изложенныя здѣсь съ возможною краткостію причины, служившія основаніемъ къ открытію Московскаго Заведенія, извиняемся предъ члпашелями, если убѣжденіе въ важности предмета привело насъ къ показанію самыхъ началъ, породившихъ сіи обспояшельства. И если-бы за симъ недовѣрчивый усомнился въ важности насспоящаго предпріятія, по, къ увѣренію его, намъ оспаешся только исчислишь здѣсь въ совокупности всѣ шѣ выгоды, какія произспекушь для овцеводовъ и фабриканповъ опъ водворенія въ Россіи правильнаго и изящнаго разбора своеземной шерспи. Онѣ сущь :

Относительно овцеводовъ :

- 1) Ясное и опредѣлительное понятіе о настоящемъ достоинствѣ стадъ ихъ, которое условно обнаруживаешся одною правильною сорпировкою. 2) Средства наблюдать за улучшені-

емъ оныхъ и во время предупрежденій упадокъ. 3) Вѣрный сбытъ шерсти на отечественныя фабрики и даже въ иностранныя государства. 4) Удословленіе, что всякое пожертвованіе на улучшеніе овчарныхъ заводовъ немедленно вознаградится, и скорѣйшею и болѣе возвышенною продажею.

Относительно фабрикантовъ,

1) Безошибочное понятіе о качествѣ закупаемой ими на свои заведенія шерсти. 2) Возможность приобретать въ нужномъ для каждаго количествѣ сортъ именно сорта, который пребудетъ производимся у фабриканта сортомъ издѣлія, и къ коему исключительно приспособлено заведеніе и работники. 3) Средства производить большія партии одинакаго сорта и доброты, до чего не смотря на всѣ усилія, не могутъ достигнуть Русскія мануфактуры — недоспапокъ важный, лишающій фирмы ихъ нужнаго въ торговлѣ довѣрія, и въ слѣдствіе котораго покупатель съ Русской фабрики не можетъ брать товара безъ пересмотра каждой порознь половинки. 4) Усовершенствованіе сукнодѣлія, что непосредственно зависить отъ достоинства и одинакости первообразнаго матеріала.

Кромѣ сихъ выгодъ, никто не оспоритъ и того, что правильное и совершенное сортированіе своеземной шерсти, распредѣляя всѣ сорта оной,

донныѣ больше или меньше перемѣшанные, и открывъ рѣшительно насроящую степень качества каждаго изъ нихъ, не можетъ опасаться безъ полезнаго для насъ вліянія на уничтоженіе избытка прилива изъ за границы пѣхъ сортовъ, которыми опдается покупателями преимущество по тому только, что они какъ должно разобраны; вмѣстѣ-же съ пѣмъ должно надѣяться (сіе доказываютъ уже опыты), что опкроюшя пуши къ сбыту за границу пѣхъ изъ нашихъ сортовъ, кои по цѣнкости или по инымъ причинамъ окажутся ненужными для домашняго потребленія, и кои теперь не находятъ мѣста въ иностранной торговлѣ, единственно по худому разбору оныхъ.

Н. Р—овъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.
М Ъ Д Н Ы Й Б Ы К Ъ .

(У К Р А И Н С К А Я М Е Л О Д І Я).

Въ Варшавѣ на площади много народу ;
 Какъ мушныя волны ревуть въ непогоду ,
 Какъ вѣшви , ошъ вѣпра ломаясь , скрипяшь ,
 Какъ боръ закачаетъ зеленой главою :
 Такъ бурно столпившись Поляки шумяшь ,
 И страшно внимашъ безобразному вою !
 Уланскія шапки , на пикахъ значки ,
 Межъ куншушей спрояшся грозно въ полки .

Зачѣмъ же Варшава шеперь взволновалась ?
 Война-ли съ Украйной опять ошозвалась ?
 На новую-ль бишву , на Сеймъ , иль на пиръ
 Сармашы сбѣгаюшся буйной шолпою ?
 Не къ бишвѣ ! не къ Сейму ! Смощрите ! кумиръ
 Огромнымъ быкомъ надъ народной главою ,
 Чшобъ каждому видѣнь со всѣхъ былъ споронъ ,
 Высоко , высоко стоить взгромождѣнь .

И вошь , изъ лѣсовъ Радзивила , Сапеги ,
 Со скрипомъ капяшся съ дровами шѣлеги .
 Подъ бременемъ грузнымъ древяныхъ шѣхъ горъ
 Колеса визжали , вращаяся съ шрескомъ .

Подъ мѣдныя ребра сложили костѣрь ,
 И пламень раздули съ шоржешвеннымъ плескомъ ;
 Сперва между скважинъ огонь пробивалъ ,
 И шолько дымился ; потѣмъ запылалъ !

И долго , покамѣсь огонь разгорѣлся ,
 Ошь чернаго дыму мешалъ лишь копѣлся ;
 Когда-жь спалъ красѣшь онъ . . . чудовищный ревъ
 Пронзительно вышелъ , какъ будшо изъ ада ,
 Черезъ скважину пасши ; казалось , свой зѣвъ
 Раскрывъ , заревѣла ошь боли громада !
 Ребячески , буйно народъ хохоталъ ,
 И шапками каждый огонь раздувалъ . . .

И долго чудовище , долго горѣло ,
 Ошверсною паспью спонало , ревѣло ;
 Мальчишки съ весельемъ скакали кругомъ ,
 Ошцы приводили дѣшей на пошѣху ,
 И Польки младыя спихію плашкомъ
 Дразнили , съ служанокъ срывая для смѣху ,
 Кидали во пламень одежду и шѣлкъ ;
 Но ревъ спалъ слабѣ , слабѣ , и — смолкъ . . .

Желѣзною цѣпью обвивши , въ шо время
 Быка сволокали , и съ усиліемъ бремя ,
 Тащили ; онъ ребрами землю пожогъ ,
 И каждый ошь жару , пѣснясь межъ народу ,
 Кидался ошшуда , подалъ какъ могъ ;
 Но взяли на ребра холодную воду ,
 Поднялся шарами удушливый паръ ,
 И мѣде зашипѣла , и спихнула пожаръ .

Декабрь 1829.

21

Пока раскаленный мешалъ охладился,
 Народъ въ нешерпѣнны ропсалъ, и шѣснился;
 Быка расшворили — и чшожь шамъ нашлось?
 Чьи смрадные кости безъ жилъ и безъ шѣла?
 Чей черепъ засохшій, безъ глазъ, безъ волосъ?
 Чья кровь отъ огня запеклась, почернѣла?
 Погибшій за вѣру и честь нашихъ странъ,
 То былъ — *Намбайко*, Казачій Гешманъ.

Н. Маркевичъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

(Съ Испанскаго; соч. Лопеца де Веги).

Намъ радости на крапкѣй мигъ даны!
 Ведемъ мы жизнь средь шягоспной войны;
 Берушь насъ въ плѣнь печали и мученья.
 Спасаемся шогда изъ зашоченья,
 Когда пробьешь нешразимый часъ.
 Презрѣнный червь и прахъ — слѣды по насъ;
 И Царь и рабъ — все въ прахъ преобращишя!
 Удержишь-ли кто времени полешъ?
 Толпа вѣковъ во слѣдъ вѣкамъ пройдешь;
 Ничшожештво лишъ здѣсь не измѣнишя.
 Мучишель вѣчный нашъ — къ чештямъ шремленье;
 Но слава, честь — лишъ мысль одна, мечша;
 Мечшанія-жь земныя — суеша.
 Въ семь моръ зла грозишь намъ пошопленье,
 А мы шолпой спѣшимъ химерамъ въ слѣдъ,

Не къ присшани, гдѣ ждешъ насъ избавленья!
 Къ чему-же нашъ честолюбивый бредъ?
 Что въ славѣ намъ, модѣ зависишь съ нею вѣчно?
 Къ чему намъ все, коль все шакъ скоромечно?

К. Масальскій.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ и ДИТЯ.

Пут. Кто ты, любезное дитя!
 Скажи мнѣ родъ твой и прозванье?

Дитя. По матери зовуся я:
 Отъ ней имѣлъ я проишанье;
 Отца не зналъ.

Пут. — Гдѣ-жь мать твоя?

Дитя. Вошь видишь, пушнину, тамъ могила
 И бѣдный крестъ на холмѣ томъ:
 Тамъ мать моя спитъ крышииъ сномъ.
 Цѣшы руна моя садила,
 А крестъ носшавили вдвоемъ
 Слѣпецъ съ калѣкой...

Пут. — Въ жалкой доль,
 Кто-жь для тебя ошець съ шѣхъ поръ?
 Кто плешь ошрадный разговоръ?
 Гдѣ для тебя родное поле?

Дитя. Съ шѣхъ дней я ласки не встрѣчалъ,
 Снознался съ шяжкой забшой.
 Для бѣдной пици засыпалъ,
 Я, слабый, часто за рабошой!

И чуждый средь большой семьи,
И взрослый меж дѣшей вашей,
Считашь умью дни свои,
А не теряшь ихъ за забавой.

Пут. На полѣ жизни цвѣшь молодой
Безъ шѣни!... Но, скажи, мой милый,
Куда отецъ дѣвался твой?

Дитя. Мать говорила: вражьи силы
Когда внеслися въ край родной,
Тогда отца въ солдашы взяли.

Пут. И тамъ объ немъ ужъ не слыхали?

Дитя. Нѣтъ, мать не знала; но когда
По смерти мамушки, я вконецъ,
Успавъ однажды ось шруда,
Хощьль вдругъ выплакать все горе,
Ко мнѣ пришелъ шарикъ солдашъ —
(Ему ребята указали
Меня) на немъ медалей рядъ,
Да крестъ, какъ солнышко, сияли.
Гдѣ мать швоя? солдашъ спросилъ;
Узнавъ, припалъ онъ на могилу,
Меня слезами омочилъ,
Пошомъ, казалось, черезъ силу
Меня онъ крѣпко цѣловалъ.
Тебя хоть видѣлъ, слава Богу!
Перекрестясь онъ сказалъ,
И за своими на дорогу...
И только я его видалъ. —

Пут. Кшо-жь былъ шарикъ?

Дитя. Когда крестьяне
Сказали, что отецъ онъ мой,

Я долго, долго по полямъ
Бѣжалъ за ротою одной.
Но войска много проходило —
Ошца я больше не видалъ,
А сердце вяшно говорило:
« Тебя родной швой цѣловалъ! »
Да и шеперь, когда порою
Струсинешся мнѣ — вѣдь жизнь горька!
Варугъ вижу я передъ собою
Лицо солдата шарика,
И веселѣи на мысляхъ спанешь:
Какъ словно изъ за грозныхъ шучь,
Когда на небѣ солнца лучъ
Въ работѣ гостемъ мнѣ прогланешь.

Карлгофъ.

БУДИНСКІЙ ПАША.

(Окончаніе).

15.

Счастливые друзья прожили вмѣстѣ три недѣли. Каждый день былъ для нихъ настоящимъ праздникомъ. Иногда въ душѣ Оливьера изъ подъ пепла возгоралась прежняя спраснь къ Еленѣ, но онъ мужественно преодолевалъ оную. Любовь замѣнялась нѣжнѣйшею дружбою. Елена не была способна къ слабости; Кюньи не былъ ревнивъ. Полкъ, въ коемъ служилъ Кюньи, отправился въ Венгрію. Елена должна была опасаться въ столицѣ, съ тѣмъ что по окончаніи кампаніи, въ зимнее время Кюньи выпишеть ее къ себѣ. Нѣсколько дней спустя и Оливьеръ обязанъ былъ отправиться въ полкъ. Онъ не прежде выѣхалъ изъ Вѣны, какъ совершенно устроивши все необходимое для жены своего друга.

Не буду описывать ни горестнаго расставанія друзей, ни кампаніи въ Венгріи. Извѣстно, что Верховный Визирь Ахмедъ Кюперли дошелъ до рѣки Раабъ, что Цесарскій Фельдмаршалъ Моншекукули встрѣчилъ его близъ де-

ревни Сень-Готардъ , что шупъ наконецъ , 4-го Августа 1664 года , произошло рѣшительное сраженіе , въ коемъ Христіане одержали совершенную побѣду надъ поклонниками Магомета . Въ сей битвѣ , Оливьеръ дѣйствовалъ со свойственнымъ ему геройствомъ . Турки сопротивлялись мужественно . Со всѣхъ сторонъ падали храбрые сподвижники Оливьера : но онъ съ остальными пробился впередъ ; имѣлъ честь содѣйствовать одержанію побѣды , и былъ замѣченнымъ Главнокомандующимъ , въ то время , когда онъ , какъ старшій Капитанъ , предводительствовалъ отрядами своего разбитаго полка . Монпекукули , на полѣ битвы , произвелъ его въ Майоры .

Радость о побѣдѣ , равно какъ и о повышеніи была чрезмерно огорчена нѣсколько дней спустя . Оливьеръ , беспокоясь о участи своего друга , который также былъ въ сраженіи при С . Готардѣ , освѣдомился о Французскихъ полкахъ , и получилъ извѣстіе о смерти Кюньи . Со слезами прочиталъ онъ дражайшее имя въ спискѣ убитыхъ . Кюньи , въ запальчивости своей , слишкомъ далеко заѣхалъ съ эскадрономъ и былъ окруженъ многочисленнымъ непріятельскимъ отрядомъ . Видя себя опрѣзаннымъ , приказалъ онъ своимъ воинамъ саблями очистишь дорогу назадъ , и самъ первый показалъ примѣръ . Произошла ужаснѣйшая спычка , и только десять или двѣнадцать воиновъ , покрытые ранами , возвраци-

лись въ полкъ. Всѣ прочіе, и между ними Кюньи, были изрублены. Тѣло его найдено совершенно обезображенное и разбиное подъ грудю пируповъ Янычарскихъ.

Такъ кончилъ жизнь свою храбрый Кюньи! Гореспъ Оливьера была неизяснима. Онъ впалъ въ меланхолію; желалъ и искалъ только смерти. Въ послѣдующихъ сраженіяхъ, не сколько съ неуспрашимостію, сколько съ опчаяннымъ легкомысліемъ, бросался онъ въ видимую опасность, но смерти не нашелъ! Кампанія слишкомъ рано для него окончилась. Императоръ, не взирая на блистательную побѣду при С. Готардъ, возобновилъ съ Портою двадцатилѣтнее перемиріе. Войска размѣстились по кварширамъ. Полкъ Оливьера былъ помѣщенъ въ Рейгейзелъ. Долгое время не имѣлъ онъ силы или лучше сказать мужества, увѣдомишь Елену о смерти Кюньи. Наконецъ, по заключеніи перемирія, онъ опиравилъ къ ней письмо. Опвѣтъ Елены возобновилъ его гореспъ. Она узнала о кончинѣ своего мужа, вскорѣ послѣ сраженія, о чемъ увѣдомилъ ее письменно самъ Колинъи, весьма любившій ея супруга. Опъ испуга и гореспи она занемогла; нынѣ-же начала выздоравливать, и очень желаетъ видѣться съ Оливьеромъ, ибо лишившись мужа, она осшалась хотя не безъ состоянія, но пѣмъ не менѣе безъ родныхъ и друзей, совершенною сиротою въ чужой землѣ.

Коль скоро Оливьеръ получилъ отпускъ, по немедленно отправился въ Вѣну. Прибытіе друга оживило горестъ прекрасной вдовы. Положено было, чтобы Г-жа Кюньи, получивши въ Брисселя собщвенное и оспавшееся послѣ супруга имѣніе, возвратилась въ Австрійскія владѣнія, къ вѣрному другу ея мужа. — Она уѣхала. Путешествіе нѣсколько разсѣяло ея грусть. Болѣе года прожила она въ Нидерландахъ до окончанія своихъ дѣлъ. Между тѣмъ переписка съ Оливьеромъ была непрерывна. Оливьеръ былъ все шопъ-же, по еспь не могъ перемѣнить своего сердца. Хорошенькая малюпка маркизаншша, прекрасная дѣвица, которая хопѣла имѣшь его только другомъ, прелестная придцашилѣпняя вдовушка — всѣ были ему равно милы. Правда, въ письмахъ своихъ онъ клялся, что уже не ощущаетъ любовной спрасши, только въ эспихъ письмахъ былъ замѣшенъ шакой пламень *дружбы*, который всякая другая легко могла принять за пламень *любви*.

Наконецъ Г-жа Кюньи возвратилась изъ Нидерландовъ. Ей не нужно было ошыскивать въ Венгрии своего друга; онъ уже поселился въ Вѣнѣ, и выѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Линцъ. Первые привѣтствія и лобзанія были гораздо нѣжнѣе, нежели они оба полагали. Прижавшись къ

груди Оливьера, Елена облилась слезами. « Я шеперь совершенная сирота въ Божьемъ свѣтѣ, » сказала она. « Кромѣ васъ, любезный Маіоръ, у меня нѣтъ никого. Вамъ однимъ я принадлежу. » — А я кому долженъ принадлежать, возразилъ онъ? У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей. Самъ Господь благоволилъ меня соединить съ подругою дѣтскихъ лѣтъ !

Оливьеръ уже приготоовилъ въ Вѣнѣ для прекрасной вдовы спокойное и пріятное жилище, вблизи оупъ своей квартиры, Елена не знала, какъ возблагодарить за его заботливость. Оба жили счастливо, и не могли обойтись другъ безъ друга. Тѣмъ не менѣе они оспавались на прежнихъ отношеніяхъ, что вовсе было не по душѣ Оливьеру. « Не мнѣ-ли одному въ цѣломъ свѣтѣ принадлежишь свое сердце? » сказалъ онъ Еленѣ. « Почему-же ты не опдашь мнѣ своей руки? Зачѣмъ живишь врознь двумъ существамъ, копорые кромѣ другъ друга никого не имѣюшь въ семь мірѣ? »

Елена ошвѣчала: « Я не хотѣла-бы, чтобы вы оупъ меня сего претбовали. Но если это можешъ васъ сдѣлать счастливымъ, то я согласна. Я не имѣю права вамъ опказывать. » Это согласіе могло-бы бышь изъявлено нѣскольکو поласковѣе, но Оливьеръ охотно извинилъ жестокость словъ, вылетѣвшихъ изъ оупо прелест-

нихъ успѣ. Елена сдѣлалась супругою Оливьера. Эша чина, спокойно, счастливо и безмятежно проводила свое бышїе въ маломъ, но избранномъ кругу друзей.

Послѣ девятнадцатилѣшняго супружества Елена умерла. Спрахъ и нужда, въ продолженіе осады Вѣны Турками, въ 1683 году, много содѣйствовали усилію ея болѣзни. Оливьеръ думалъ, что онъ не переживешъ ея кончины. Добровольно искалъ онъ смерти въ каждой спычкѣ съ Турками: но желаніе его не исполнялось. Цесарскіе солдаты подумали даже, что онъ колдунъ и можетъ проливущояшь шшыкамъ, саблямъ и ядрамъ, ибо когда все вокругъ его валилось опъ непріятельскаго оружія, онъ одинъ оставался невредимъ. Наконецъ, Вѣна была избавлена мужеспвеннымъ Королемъ Польскимъ Іоанномъ Собіескимъ. Турки опрешировались въ Венгрію и далѣе. Но крѣпости сего края оспались въ ихъ власни, и въ числѣ оныхъ Офенъ, древняя столица Маджаровъ, при Дунаѣ, называемая Венгерцами *Буда*. Крѣпость сію почипали Турки швердымъ оплошомъ пропивъ Хриспіанъ. Тамъ почипали они храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, а начальство надъ городомъ было поручено Аппи Цантѣ, опважнѣйшему, благоразумнѣйшему и счастливѣйшему изъ всѣхъ Опшонавскихъ полководцевъ.

Эпопъ Апши, которій въ скоромъ времени для добраго Оливьера сдѣлался важнѣе, нежели думающъ, еще въ званіи Аги не мало содѣйствовалъ завоеванію Турками оспрова Кандіи въ 1669 году, не взирая на мужественное сопрошивленіе Христіанъ. Будучи Сераскиромъ, эпопъ же самый Апши взялъ въ 1672 году Польскую крѣпость Каменецъ. Султанъ возвелъ его за сей подвигъ въ достоинство Паши Вендерокаго. Когда Верховный Визирь Кара Муспафа былъ разбиенъ подъ Вѣною въ 1683 году, и величайшее смятеніе произошло въ его войскѣ, Апши, подъ спѣнами Буда, привелъ въ порядокъ Опшомановъ и вскорѣ послѣ сего назначенъ главнокомандующимъ сей крѣпости, попому чю прежній начальникъ умеръ оупъ ранъ.

 47.

Два года война производилась въ Венгрии безуспѣшно. Крѣпость Буда казалась непобѣдимой. Лѣтомъ, въ 1686 году, Герцогъ Лопарингскій подступилъ къ сей швердынѣ, со свѣжими войсками. Подъ начальствомъ его служили Баварскій Курфирснъ Максимилианъ Эммануилъ и Баденскій Принцъ Людовикъ. Такимъ образомъ три знаменишѣйшіе полководца того времени соединились для покоренія Буда. Осадныя работы

производились съ необычайною дѣйствительностью ; дѣлали приступъ за приступомъ , но благообразная и мужественная оборона Аппи Паша все отражала . Между шѣмъ праншей и бапарекъ подвигались къ крѣпости . Герцога Лопарингскій послалъ къ Пашѣ Графа Кенигсегга съ письмомъ и пребываніемъ сдачи города . Паша отвѣчалъ очень учтиво : « Я сдамъ только прупы и развалины . » Эта записка была обвернута шелковиною кроваваго цвѣта , дабы легче было узнать содержаніе оной .

Этотъ Спарпанскій отвѣтъ раздражилъ осаждающихъ ; они учинили осадныя работы . Паша могъ по видимому надѣяться на вспоможеніе споявшей не въ далека обсерваціонной арміи Верховнаго Визиря , но сей полководецъ былъ разбишъ Герцогомъ Лопарингскимъ , а между шѣмъ въ сѣнахъ Буды сдѣланъ былъ проломъ . Когда оный довольно увеличился , то положено было приступить къ штурму . Однако опчаянная храбрость Паша заставила призадуматься . Надѣялись , что если при вопоричномъ пребываніи сдачи , будущъ сдѣланы ему блестящія предложенія , то можеть спастись онъ вступитъ въ переговоры . Но кого послать къ нему ? Принцъ Баденскій предложилъ служащаго подъ его начальствомъ Маіора Оливьера , какъ искуснѣйшаго и надежнѣйшаго изъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ .

Въ слѣдствіе сего, Оливьеръ получилъ приказаніе отправиться въ Буду и стараться склонить Пашу къ сдачѣ города, чѣмъ болѣе, что уже не было надежды къ спасенію оного; въ случаѣ сопротивленія, объявить Пашѣ, что при первомъ удачномъ приступѣ, съ нимъ и со всѣми осажденными будетъ поступлено безъ пощады. Оливьеръ, въ сопровожденіи переводчика и шрубача, поѣхалъ въ крѣпость. Его сей часъ впустили и повели во Дворецъ Пашы.

18.

Аппи Паша, мощный, бодрый, можно даже сказать красивый мужчина, лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, принялъ посланнаго опъ Христіанскихъ войскъ, со свойственнымъ всѣмъ Туркамъ, спокойнымъ и гордымъ видомъ. Наружность Пашы была величественная и богатое воспоичное одѣяніе придавало оной еще болѣе важности. Онъ подалъ знакъ рукою и Оливьеръ съ благородствомъ, рѣшительностью и вѣтливостью высказалъ предложенія своихъ начальниковъ. Паша стоялъ предъ нимъ съ хладнокровіемъ побѣдителя и не сводилъ глазъ съ Оливьера, доколѣ шолмачъ не перевелъ его рѣчи на Турецкій языкъ. Тогда спранныя улыбка оказалась на лицѣ Пашы. Оливьеръ это замѣнилъ и ожи-

далъ ошвѣна гордаго Мусульманина. Но сей долгое время молчалъ , какъ будио размышляя о рѣшеніи , которое онъ долженъ дать. Наконецъ спросилъ онъ, посредствомъ переводчика , какъ зовущъ Маіора , откуда онъ родомъ , давно-ли служишь , и въ какомъ полку ? Оливьеръ ошвѣчалъ крашко и вшорично просилъ рѣшенія насчетъ сдачи крѣпости. Паша началъ въ задумчивосни расхаживашъ по великолѣпной залѣ , вдругъ повернулся въ спорону , и ушелъ въ другую комнашу , чрезъ минушу опять возвратился и подошелъ къ Маіору. « Fa reteri té geins , у fari réteri lé min , » проговорилъ Паша скоро и съ важнымъ видомъ. Оливьеръ поглядѣлъ на переводчика , который , не понявши сихъ словъ , озираля шю на Пашу , шю на Маіора. Мусульманинъ , полагая чшо онъ выразился не внашно , повшорилъ сказанное имъ Оливьеру пропжно и явшвенно : Te dio , fa reteri té geins , у fari reteri lé min (говоряшъ тебѣ , вели выйдши ошсюда своимъ людямъ , я вышлю моихъ).

Оливьеръ осполбенѣлъ ошъ удивленія , слыша въ Будѣ , изъ успъ Паши , нарѣчіе своей родины , испорченнй Французскій языкъ , коимъ говоряшъ въ Ла Сарразѣ. Еше болѣе изумился онъ , когда Паша , держа между пальцами знакомый ножикъ съ перломушовымъ черенкомъ , поднялъ оный вверхъ. Со смяшеніемъ вглядывался Оливьеръ въ походку и осанку Паши . . . Эшо былъ не иной

кшо, какъ Кюньи! Оливьеръ велѣлъ удалиться переводчику и шрубачу. Аппи Паша приказалъ своей свитѣ оставивъ его на единѣ съ посланцами, и угоспивъ сопровождавшихъ его Христианъ. Лишь только зашворились двери по выходѣ присутствовавшихъ, Оливьеръ и Кюньи съ радостными слезами бросились въ объятія другъ къ другу.

« Довелось-же намъ въ преклонныхъ лѣтахъ, посѣдѣвшимъ спарикамъ, воевать одному прошивъ другаго, подобно шому какъ въ дѣлствѣ мы сражались, предводишельствуя козьимъ войскомъ! » воскликнулъ Кюньи. « Скажи, гдѣ наша маркипанша, моя Елена? »

Сильно пронупый Оливьеръ громко зарыдалъ. Успокоившись, онъ разсказалъ своему другу о произошедшемъ со времени бѣгства подъ С. Готтардомъ, когда за двадцать лѣтъ назадъ оплакивали смерть Кюньи, о бракосочетаніи его съ Еленю и наконецъ о ея кончинѣ. « Миръ праху ея! » сказалъ Паша прерывающимся голосомъ и упирая глаза. « Духъ ея ожидаетъ насъ въ странѣ безсмертія. Не будемъ сѣшоваць; она все еще намъ принадлежитъ. Въ черпогахъ общаго Опца, во вселенной, мы перемѣняемъ только наши жилища. »

— Но ты еще живъ! воскликнулъ Маіоръ, опшупавши назадъ и вглядываясь въ своего

друга? Ты — Мусульманинъ! ты спрашний Ап-
ти Паша! Не во снѣ-ли я эшо вижу? « По-
завипракаемъ вмѣспѣ, Оливьеръ, » сказалъ Кюнъи,
и повелъ Маіора въ другую комнапу, гдѣ по
мановенію Паша подана была роскошная закуска.

49.

Когда служители удалились и друзья оспа-
лись наединѣ, Кюнъи объяснилъ Оливьеру всю
загадку. « Я легко могъ догадаться, » сказалъ
Паша, что меня считали въ числѣ убишыхъ,
попому что подѣ С. Гопардомъ ни одинъ изъ
моихъ воиновъ, какъ я полагаю, не оспался въ
живыхъ. Я, съ подспрѣленною лошадейю пробил-
ся впередъ, былъ обезоруженъ Янычарами и
взятъ въ плѣнъ; однако меня не ограбили. Въ
последствіи времени я узналъ, что эшой ми-
лосшью я былъ обязанъ приказанію самого Вер-
ховнаго Визира Ахмеша Кьюперли, который самъ
видѣлъ, какъ я съ моими солдапами поражаъ его
воиновъ. Онъ взялъ меня плѣнникомъ на свою долю;
меня опвели въ Констанпинополь и опдали подѣ
надзоръ вѣроопсшунника, родомъ изъ Прованса,
называемаго Али Мухамедомъ. Я скоро съ нимъ
подружился. Онъ былъ человекъ очень хорошій
и полюбилъ меня. Когда Верховный Визиръ воз-
вратился въ столицу, то Али Мухамедъ увѣдо-

Декабрь 1829.

22

милъ его о моихъ свѣдѣніяхъ въ Артиллеріи и Фортификаціи. Меня заславили сняшь нѣсколько плановъ. Визирь призывалъ меня къ себѣ и неоднократно разговаривалъ со мною о Военномъ Искусствѣ. Я надѣялся, что меня освободятъ и что по окончаніи войны я пойду въ размѣнъ плѣнныхъ; но Визирь мнѣ сказалъ: «Объ этомъ и не помышляй. Тебя полагаютъ въ числѣ убитыхъ. Я удерживаю тебя за собою. Опъ тебя зависишь получишь свободу, вспуленіемъ въ службу Оппоманской Порпы. Сдѣлайся Мусульманиномъ и я сей часъ жалую тебя чиномъ Аги. Съ твоими познаніями, ты въ скоромъ времени достигнешь у насъ почетнаго званія. Ты двадцать лѣтъ служилъ Франкамъ, и со всѣмъ твоимъ мужествомъ, съ твоимъ усердіемъ не выслужилъ болѣе Капитанскаго чина. Мудрено было-бы тебѣ повиситься! Таковъ уже непоспимый обычай Франковъ, которые внимательны не къ личному достоинству человѣка, а къ его предкамъ, и званія, требующія ума и опважности, раздають не тѣмъ кои умны и опважны, а единственно людямъ знашнаго происхожденія. Вспуни въ нашъ законъ! Сей часъ будешь Ага.»

« Не взирая на краснорѣчивые доводы Визира, его предложеніе мнѣ было проповино. Али-Мухамедъ шакже напрасно спарался побудить меня къ послѣдованію его примѣру. Сдѣлаюсь вѣро-

опступникомъ ! Измѣнишь присягѣ , данной моему законному Государю ! Лучше умерешь ! Ни Визирь , управлявшій обширною Имперією Ошпюмановъ , ни клеветны его не могли меня убедить . « Не глупъ-ли ты ? » сказалъ мнѣ однажды Визирь . « Если Король Французскій къ намъ пошлешь вспомогательное войско , неужели ты заупрямишься въ такомъ случаѣ , и не пожелаешь воевать подѣ моимъ предводительствомъ , вмѣстѣ съ нашими храбрыми Мусульманами ? » Я отвѣчалъ , что покорность воля моего Государя всегда вмѣнялъ и вмѣняю себѣ въ главнѣйшую обязанность . — « Но теперь я твой власпелинъ ! » возразилъ Визирь . « Ты мой невольникъ . Для Франковъ ты уже не существуешь : они слышающъ тебя убьютъ . Какая-же присяга свяжетъ тебя съ Королемъ Французскимъ ? » — Государь ! — сказалъ я : — опрехшись ошъ моей вѣры и опъ моего Монарха , я не могу заслужить довѣрія самаго ничпожнаго человѣка . Нынѣ ты мой власпелинъ ; ты общаешь мнѣ почести и блистательныя награды ; но скажи самъ , Государь ! будешь-ли ты имѣть какую либо увѣренность въ человѣкѣ , который ослѣпаясь заманчивыми предложеніями , продаетъ свою честь ? — « Безумный ! » закричалъ Визирь , « развѣ ты вмѣняешь себѣ въ безчестіе служить подѣ моими знаменами ? Развѣ многократныя наши побѣды не доказали тебѣ , что Мусульманы не пруславѣ Франковъ ?

Видь вонъ, негодный райя! Тебя ожидаешъ заслуженное побою наказаніе за дерзкія рѣчи!»

«Послѣ сихъ словъ, произнесенныхъ съ бѣшенствомъ, я удалился, ожидая неминуемой казни. Вмѣсто оной, возобновились увѣщанія вѣроошпупника Али-Мухамеда, присланнаго ко мнѣ Верховнымъ Визиремъ. «Образумься, Кюнью,» говорилъ онъ мнѣ, «не навлекай на себя несчаствѣйшей участи.» — За вѣру отцевъ своихъ гоповъ я воспріяшь мученическую смерть—опвѣчалъ я рѣшительно. — «То-шо и бѣда,» возразилъ Али-Мухамедъ, «что шебъ гоповишься не смерть, а вѣчное рабство. Тебя опправяшь въ кандалахъ въ Азію. Тамъ долженъ будешь шы, подъ палкою невольника Мусульманина, влачишь самую бѣдсшвенную жизнь, безъ пользы для себя и для другихъ.» — О! въ такомъ случаѣ я самъ лишу себя жизни! — «Безумный!» сказалъ вѣроошпупникъ, «на что шы опваживаешься? За вѣру и за Государя шы можешь и долженъ жертвовать своею жизнію, полагаясь на волю Всевышняго, кошорый даровалъ шебъ оную. Но покусьишься самому на драгоцѣннѣйшій даръ Творца!... Знаешь-ли шы, что вѣроошпупничество гораздо проспишельнѣе сего тяжкаго грѣха? Перемѣнивши религію, шы все будешь вѣренъ Богу, кошорый у всѣхъ насъ одинъ; лишивши себя бытія, шы попираешь благіе дары Создашеля и учишаешь преспуцленіе, кошорое никакимъ покаяніемъ

емъ не можеть бышь заглажено.» — Признаюсь, Оливьеръ, что эти слова сильно подѣйствовали на меня. Но когда я вспомнилъ объ Еленѣ, о себѣ, о благодѣшелѣ моемъ Маршалѣ Беллефонѣ, то рѣшительность моя сдѣлалась Мусульманиномъ, колебалась. Прошли два года. Я зналъ, что меня считали умершимъ, и какъ будто предувспововалъ, что ты соединишься со моею Еленою. Признаюсь, что я этого желалъ. Оба вы были мнѣ такъ милы, а я для васъ на вѣки былъ поперянь!

« Однажды Али-Мухамедъ со слезами объявилъ мнѣ, что я назначенъ къ отправленію въ Азію, вмѣстѣ съ другими невольниками. « До чего доводишь себя упрямышво! » — сказалъ онъ мнѣ. « Тебя ожидала такая блиспашельная участь! » Въ тотъ-же день Визирь позвалъ меня къ себѣ. « Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя, » сказалъ онъ. « Хочешь-ли ты служишь подѣ доспославными знаменами нашего Государя, или намѣренъ въ рабскомъ состояніи умереть подѣ палкою моего служителя? » Оливьеръ! это было тяжкое испытаніе! Я рѣшился сдѣлаться Мусульманиномъ, давши себѣ слово бышь по мѣрѣ возможности полезнымъ всѣмъ Христіанамъ, кошорые попадутся намъ въ плѣнь . . . Меня назвали Аппи и дали хорошую кварширу въ загородномъ домѣ Верховнаго Визира. Ахметъ Кью-

перли прислалъ мнѣ въ подарокъ богатую чалму, пышное одѣяніе, саблю осыпанную драгоценными камнями и два кошелька, изъ коихъ одинъ былъ наполненъ золотыми монетами, а въ другомъ былъ дипломъ на званіе Аги.

20.

« Съ того времени, » продолжалъ Кюньи, « жизнь моя была исполнена дѣятельностью. Больше двадцати лѣтъ осаждали Турки крѣпость Кандію, на оспировѣ сего имени. Венеціане опчаянно защищались въ укрѣпленіяхъ. Ахметъ Кьюперли непременно хотѣлъ завладѣть сею, по видимому недоступною крѣпостью. Въ 1666 году опирался онъ къ оной со многочисленнымъ войскомъ. По моему совѣту и подъ моимъ надзоромъ было вылипо множество осадныхъ орудій; я располагалъ всѣми работами апаки. Намъ удалось, по испеченіи прехъ лѣтъ, овладѣть Кандією. Еще во время осады, былъ я возведенъ въ доспоинство Сераскира, равняющееся съ чиномъ Европейскаго Генерала, и самъ Верховный Визирь представилъ меня Султану Мухамеду IV.

« Спустя два года войска наши пошли въ Польшу. Мнѣ препоручена была осада Каменца. Я взялъ эту крѣпость въ 1672 году. Въ вознагра-

жденіе за сіе, Султанъ наименовалъ меня Пашею Бендерскимъ. По заключеніи мира я опсправился во вѣреннѣйшій мнѣ городъ. Тамъ, вмѣстѣ съ наслажденіями воспоучною роскошью въ черпогахъ моихъ, опкрылось для меня обширное поле благошворительной дѣяшельности. Я спарался, правосудіемъ замѣнишь приписаніе, образовашъ варваровъ и въ полудикихъ Гапсарахъ поселишь чувсво человѣческава. У меня были не рабы, а служители, даже не служители, а друзья. Если мнѣ присылали въ подарокъ или я покупалъ Европейца, шо въ скоромъ времени возвращалъ ему свободу, съ шѣмъ условіемъ, чшобы онъ побывалъ въ Вѣнѣ и освѣдомился о шебѣ или объ Еленѣ. Тому, кшо принесъ-бы мнѣ вѣрное извѣстіе объ васъ, обѣщалъ я царскую награду. Но ни одинъ изъ освобожденныхъ мною не возвращался. Въ Бендерахъ между военнопленными нашель я одного, кошпорѣй говорилъ по-Французски. Эшо былъ одинъ изъ шрехъ сошъ дворянъ, приведенныхъ Ла Фѣллядомъ на зашщипу Кандіи. Онъ назывался Дюмоншъ и былъ взяшь въ пленъ въ шой спычкѣ, въ коей погибъ Герцогъ Воборпъ. Я препоручилъ этому Дюмоншу увѣдомить меня о шебѣ и о Маршалѣ Беллефонѣ; не опкрывая ему тайны своего происхожденія, я оппустилъ его на волю и полагался на его честное слово. Но я не получилъ опъ него никакого извѣстія. Такимъ образомъ жилъ я въ Бен-

дерахъ, всѣми уважаемый и всѣми любимый. Я былъ доволенъ своею судьбою. Единственнае мое желаніе было увидѣть себя и мою Елену. Въ числѣ моихъ драгоценностей, хранился швой ножикъ. Смощри : я положилъ его въ золотой футляръ, украшенный швоимъ именемъ. Это былъ для меня единственныи и дражайшій оспашокъ давно минувшаго блаженства дѣпскихъ лѣтъ. — Война въ Венгріи испоргнула меня изъ спокойнаго соспояніа. Я сдѣланъ былъ начальникомъ войска, подѣ предводительствомъ Верховнаго Визира Кара Мустафы, и по разбиіи нашихъ подѣ Вѣною, ввѣрено было мнѣ защищеніе Буда. И подѣ Вѣною, и здѣсь, спрашивалъ я о себѣ многихъ военнопленныхъ. Удивительно, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ себя. Я полагалъ, что ты уже умеръ. Благодарю судьбу, мой другъ, за то что она шакъ неожиданно привела себя ко мнѣ ! »

Оба кинулись въ объятія другъ другу и на минушу позабыли о враждебныхъ обстоятельствахъ, копоры ихъ свели вмѣстѣ. Все шпро было проведено во множествѣ воспоминаній и рассказовъ о прошекшемъ и въ разговорахъ о насшоящей войнѣ, о полководцахъ, ихъ ошибкахъ, о причинахъ побѣдъ или поражений. Оливьеръ сообщилъ своему другу, доселѣ неизвѣспныи ему, послѣдствія сраженія 14 Августа, въ коемъ Верховный Визиръ, имѣа подѣ начальствомъ шолько

пидцать тысячъ, былъ выпѣсненъ изъ укрѣпленій и на голову разбитъ Цесарскими войсками. Будинскій Паша сказалъ сердито: «Я ему напередъ говорилъ, что надлежащая пора еще не наступила.»

21.

«И такъ,» возразилъ Маіоръ Оливьеръ, «не надѣйся на снятіе осады. Ты уже довольно сдѣлалъ для славы Опшоманской Порпы и для своей. Всѣ твои предпріянія послужатъ ко вреду твоего государства и твоему собственному. Тебѣ невозможно удержатъ Буду; но, сдавши крепость, ты можешь спасти своихъ храбрыхъ воиновъ и присокупить ихъ къ обезсиленному войску Верховнаго Визира. Проломъ уже сдѣланъ, и мы стоимъ предъ послѣднею стѣною. Для рѣшительнаго приступа все приготовлено. Съ какимъ-бы мужествомъ ты ни сопротивлялся, какія-бы средства ни были въ твоей власни, увѣрю тебя, что крепость будетъ взята и подвергнется ужаснѣйшей участи. Къ чему это неумѣстное и бесполезное упорство, которое губитъ большой городъ и храбрый гарнизонъ, и видимо пропивився выгодамъ Дивана? Дай руку, Кюньи! Пощадимъ кровь человѣческую! Герцогъ Лопарингскій уважаетъ тебя. Онъ приказалъ мнѣ объявить тебѣ: что если ты внемлешь гласу челоуѣколю-

бля, шо благодарность Герцога будетъ неограниченна, и ты можешь требовать всякой награды. Дай-же мнѣ руку! Для спасенія многихъ тысячъ, заключимъ условіе почешной сдачи города. Неужели ты хочешь, чшобы мы завтра обращали оружіе другъ прошивъ друга? Будешь ты убишь? На что мнѣ жизнь! Я паду? Другъ мой!; Вспомни, что ты могъ меня спасти!! . . .

Въ продолженіе сей рѣчи Маіора, Паша съ мрачнымъ видомъ хранилъ молчаніе. Когда Оливьеръ окончилъ и ожидалъ отвѣта, Паша сердито взглянулъ на него и сказалъ: «Маіоръ, ты что-то проговорилъ о благодарности и наградахъ, если я сдамъ крѣпость. Надѣюсь, что ты не считаешь меня способнымъ къ такой подлости. Если-бы ты въ самомъ дѣлѣ пакъ обо мнѣ думалъ, то знай, Оливьеръ, что наша дружба прекратилась-бы навсегда! Я оборотился-бы къ тебѣ спиною и пожалѣлъ-бы о ушатѣ твоего благороднаго образа мыслей. Но нѣтъ! Я знаю тебя! Ты имѣлъ препорученія къ Будинскому Пашѣ; ты исполнилъ свою обязанность, а я исполню свою. Твой примѣръ еще болѣе побуждаетъ меня жить и умереть честнымъ человекомъ, И пакъ слушай, и донеси своему начальнику, что въ настоящее время я не знаю никакихъ выгодъ, кромѣ тѣхъ, кошорья предписываются должностью и честью. Буда принадлежитъ не мнѣ, а Сулшану; безъ его повелѣнія не могу я сдать города

непріятелю. Теперь не лъзя и ожидашь подобнаго приказанія, а посему или я удержу за Сулпаномъ крѣпость, или погибну подъ ея развалинами. Вотъ тебѣ рѣшительный мой отвѣтъ!»

Почти таковъ былъ смыслъ опъыва Паши, внушеннаго ему вѣрностью и честью. Послѣ онаго дружба воспріяла свои права. Кюньи, обнявши Оливьера, сказалъ: «Другъ мой! шеперь я съ моею спороны сдѣлаю тебѣ предложеніе. Опнеси поскорѣе мой отвѣтъ своимъ начальникамъ; завтра исполняй свою обязанность, только не вдавайся въ опасность. Жизнь швоя для меня дороже моей собственности. И если, какъ я надѣюсь, не поперяю я ни жизни, ни крѣпости, то переселись ко мнѣ, другъ мой! У меня найдешь ты довольство и успокоеніе на старости.»

Оливьеръ призадумался, и наконецъ сказалъ: «Завтра Богъ рѣшитъ! Тѣмъ не менѣе, я благодарю тебя, Кюньи, и принимаю твое предложеніе. Мнѣ хотѣлось-бы пожить счастливо на бѣломъ свѣтѣ, а счастливымъ могу я быть только съ побою.» Кюньи вынулъ своего друга принявъ мѣшокъ съ золотомъ, и послѣ сего они разстались.

22.

Эпо неожиданное и необыкновенное происшествіе причинило Оливьеру множество живѣйшихъ и пропироворѣчащихъ ощущеній, такъ что по выходѣ изъ крѣпости онъ едва могъ образумиться. Долгое время не слышалъ онъ распросовъ сопровождавшаго его офицера о успѣхѣ переговоровъ. Припоминая невѣроятное и странное приключеніе, онъ громко смѣялся, и послѣ не могъ удерживать своихъ слезъ. Сопутники Маіора не могли добиться отъ него ни слова, и напоследокъ подумали, что храбрый Оливьеръ лишился разсудка, или, можетъ быть, Аппи Паша задалъ ему какого нибудь зелья, отъ котораго онъ обезумѣлъ.—Приближаясь къ Цесарскимъ форпосамъ, Оливьеръ пришелъ въ себя, омоченными глазами посмошрѣлъ на бывшаго при немъ офицера, пожалъ его руку и сказалъ: «Извините меня! со мною случилось самое необыкновенное происшествіе. Вообразите, что въ Аппи Пашѣ я нашелъ стариннаго и возлюбленнѣйшаго друга моихъ дѣтскихъ лѣтъ!»

Послѣ сего онъ разсказалъ вкратцѣ о свиданіи своемъ съ Пашею, и прибавилъ: «Приходите вечеромъ въ мою палашку. За спаканомъ вина, я дамъ вамъ подробное свѣдѣніе о моихъ связяхъ съ Пашею. Этимъ разсказомъ я облегчу свое сердце, которое отъ радости и печали какъ будто

очень выпрыгнуть изъ груди (*).» По прибытіи въ лагерь, Маіоръ явился въ главную кварширу, и сообщилъ собравшимся Принцамъ и Генерали-вешу о послѣдствіяхъ своего посольства. Не узналъ онъ и того, что Паша, который далъ ему столь рѣшительный опказъ, былъ его землякъ, другъ съ самаго дѣтства, Кюньи, коего почитали рѣшимымъ подъ С. Готардомъ. Въ разказѣ Оливьера замѣтны были сильное ощущеніе и уваженіе къ Пашѣ.

Съ улыбкою удивленія выслушали его Принцы; нашли, что сказанное имъ очень похоже на романъ, пооспрились на его счетъ и занялись пѣмъ, что долженствовало имъ предъстоять послѣ рѣшенія беспрашнаго Будинскаго Паши. Нѣкоторые присутствовавшіе офицеры, не слишкомъ расположенные къ Маіору Оливьеру, перетолковали въ худую сторону похвалы, воздаваемые имъ Пашѣ. Они начали намекать, что Оливьеръ, во время посольства, можетъ быть оказалъ дурную услугу Цесарскому войску. Оливьеръ узналъ объ этомъ отъ того самаго Кашипана, коего онъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Въ иуже минушу пошелъ онъ къ Принцу Баденскому и, для оправданія

(*) Вѣроятно, этимъ самымъ офицеромъ доставлены свѣдѣнія о семъ приключеніи, напечатанныя въ послѣдствіи времени.

своего, просилъ позволенія завпра на приступѣ находипься въ самомъ опасномъ мѣстѣ.—На другой день, 2-го Септября 1686-го года, крѣпоспъ Буда была штурмована со всѣхъ споронѣ. Въ продолженіе цѣлой войны не дѣйспвовали съ такою исправноспью, пакъ благоразумно и опважно, какъ въ семъ случаѣ. Никогда еще, со спороны храбрыхъ защишниковъ Буды, не опражались нападенія съ пакимъ мужеспвомъ. Все то, что военное знаніе и искусство полководцевъ могли okazaшь, было оказано въ сей достопамятпый день. Аппи Паша самъ находилса тамъ, гдѣ сраженіе производилось съ наибольшимъ ожеспоченіемъ, именно на проломѣ. Его распорядженіями и храброспью обученныхъ имъ воиновъ, всѣ нападенія осаждающихъ были опражаемы съ большою для нихъ поперею. — Съ Цесарской спороны подвигнуто было къ пролому свѣжее войско. Тупѣ находилса полкъ Принца Людовика Баденскаго, въ коемъ служилъ Маіоръ Оливьеръ. Сей опважный офицеръ пробилса съ своими солдашами къ главному пункту кровопролитпной битвы. Всѣ узнали Пашу, находившагося позади войскъ, имъ предводисельспвуемыхъ. Полкъ Принца Баденскаго, сдѣлавши залпъ, пошелъ на шпыки. Всѣ увидѣли паденіе Паши, пораженнаго выпрѣломъ. Маіоръ Оливьеръ, со шпагою въ рукѣ, приблизилса къ тому мѣспу, гдѣ палъ его другъ. Вскорѣ его солдашы узрѣли его низвергнунаго множеспвомъ

выспрѣловъ. Турки, ожесточенные смертью любимаго ими полководца, дрались съ опчаяніемъ. Но всѣ ихъ усилія къ защищенію пролома оснались щепными. Христіане одержали побѣду. Крѣпость Буда, выдержавшая въ печеніе двухъ мѣсяцевъ съ половиною всѣ ужасы блокады, была взята приспущомъ.

Такъ пали съ оружіемъ въ рукахъ два великодушные друга, достойные уваженія не по высокому происхожденію, а по личному дѣлюинству !

Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражанія Ивана Козлова. СПб. 1829 г., въ III Депарш. Внѣшн. Торг., XII и 36 стр., in 8.

Неоднократно было упоминаемо въ Русскихъ Журналахъ о произведеніяхъ Польскаго Поэта Мицкевича, произведеніяхъ, которыя какъ рѣдкій и удивляющій феноменъ явились на полѣ Словесности, долгое время казавшемся совершенно бесплоднымъ и неспособнымъ къ обрабошыванію. Наши соотечественники, ознакомившіеся съ языкомъ Польскимъ, съ восторгомъ приняли цвѣты поэзіи соплеменнаго нарѣчія, возвращенные въ самую Россію. Стихотворенія Мицкевича содѣлались предметомъ общаго вниманія всѣхъ Русскихъ Литераторовъ, и Сарматскій пѣвецъ былъ гораздо болѣе превознесенъ въ нашемъ отечествѣ, нежели на своей родинѣ, гдѣ, по наслоящему, красоты юнаго поэта могли-бы скорѣе быть оцѣнены. Этотъ странный случай невольнымъ образомъ увлекаетъ насъ въ польско-историческія изслѣдованія о духѣ двухъ народовъ, столь долгое время бывшихъ непримиримыми врагами, и наконецъ наслаждающихся благоденствіемъ подъ одною Державою. Все сіе по видимому не у мѣста въ журнальномъ разборѣ стихотвореній; но если, по баснословнымъ преданіямъ, лиры пѣвцовъ возбуждали мужество въ герояхъ предъ битвою, то мудрено-ли, что сладкогласная лира Мицкевича поражаетъ непреодолимое желаніе вкращѣ обозрѣть минувшія распри и новыя;

прочный союзъ двухъ единопзычныхъ племень? — Впрочемъ, читатели увидятъ, что это обзоръ будешь имѣть предъ собой только поясненіе несправедливости, оказанной Польскому Поэту его единоземцами.

Двеписанія Польши представляють длинный рядъ междоусобій, коимъ несчастная сія страна была подвержена въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Безначаліе было главною и даже единственною причиною сихъ бѣдствій. Между тѣмъ какъ просвѣщеніе упрочивало могущество сосѣдственныхъ Державъ, пользующихся благосостояніемъ, сопряженнымъ съ неизмѣняемымъ Монархическимъ правленіемъ, храбрый народъ Польскій, болѣе и болѣе изнуря свои силы внутренними раздорами, подвергнулся общей участи тѣхъ государствъ, въ коихъ слабое Правительство непрерывно враждуетъ съ необузданностью подданныхъ. Королевство Польское исчезло, и пошожки доблестныхъ Сарматовъ разсыпались по лицу земли. По видимому они должны были испытать участь древнихъ Іудеевъ, и лишенные опечесыва, сохраняя токмо законъ своихъ предковъ, впастъ въ то. безсильное и презрѣнное состояніе, въ коемъ донинѣ Евреи стараются только снискивать скудное пропитаніе. Но Провидѣніе опредѣлило иначе, и храбрый народъ Польскій сохранился, по Всевышней волѣ. Родимый край его раздѣлился на участки, подпавшіе подъ чужеплеменные Державы, чего требовала особенная безопасность сосѣдственныхъ государствъ: но духъ народа, его любовь къ погибшему отечеству, утѣшительныя воспоминанія о прежней

Декабрь 1829.

23

славъ, не угасли въ сердцахъ Поляковъ, и, подобно священному огню, сохраняли нравственное бытіе погибнувшей націи. Остатки войскъ, разсыянныхъ побѣдоноснымъ Россійскимъ оружіемъ, рѣшились испытать свою доблесть въ другой странѣ, кошорая, по удивительному сѣтленію обстоятельствъ, въ тоже самое время раздиралась междуособіями, происходящими отъ безначалія. Поляки были принесены въ жертву благоразумной и осмотрипельной политикѣ близъ-лежащихъ государствъ; Франція сама возгла пламень мятежа въ средѣ сыновъ своихъ, ниспроверженіемъ законной власти. Это образованное государство, для сохраненія своей цѣлости, возобновило всѣ ужасы нападенія Азіятскихъ варваровъ на просвѣщенную Европу. Пресытившись кровью своихъ чадъ, Французская Республика кровью другихъ народовъ поддерживала временное свое бытіе. Въ эту несчастную страну отвелъ Домбровскій храбрые Польскіе легіоны, бѣдствующіе остатки сильной Державы. Безпріютные Поляки посвятили себя служенію колосса, возникавшаго изъ развалинъ ниспроверженной Французской монархіи. Наполеонъ присоединилъ храбрыхъ сподвижниковъ Косцюшки къ мужественнымъ полкамъ, изумившимъ своими побѣдами при частнн свѣта. Заря надежды возсіяла для Поляковъ; въ отважномъ Корсиканцѣ видѣли они воскресителя ихъ отечества. Поляки, въ полномъ смыслѣ, вѣрою и правдою служили Наполеону, единственно въ чаяніи видѣть возстановленіе погибнувшаго государства древнихъ Ляховъ. Сіе желаніе исполнилось: Царство Польское, подобно фе-

никсу, возродилось из праха своего; но не гордый завоеватель Европы сошворил сіе чудо. Властолюбивый Наполеонъ окончилъ жизнь въ тяжкомъ започеніи, на скалѣ, окруженной хлябями Океана, а Внукъ Великія Екатерины, Благословенный Миршворецъ Европы, принялъ подъ свое покровительство народъ Польскій, столь долгое время бывшій непримиримымъ врагомъ Россіи. Великодушный Монархъ даровалъ Польшѣ права, благосостояніе и прочное существованіе, которое навѣки утвердилось вѣнчаніемъ священной главы Его Преемника въ столицѣ Польскаго Царства. Подъ симъ благошворнымъ покровительствомъ мощной Державы, всѣ отрасли промышленности оживились въ государствѣ, долгое время изнуряемомъ войною. Торговля начала процвѣтать, и все то, что составляетъ роскошь образованности, пробудилось отъ вынужденнаго усыпленія. Языкъ Сарматовъ, который долженъ былъ исчезнуть съ лица земли, вмѣстѣ съ родимою страной, занялъ въ Европейской Словесности такое-же значительное мѣсто, какое Польша занимаетъ въ политическомъ составѣ сей просвѣщеннѣйшей части свѣта. Литература Польская оживилась. Новое поколѣніе Поляковъ, не обязанное обрекать себя на пролітіе крови, для омысканія погибшаго отечества, пользуется своимъ благосостояніемъ, и подъ мирною сѣнью могущественнаго покровительства старается придать новый блескъ родному краю, приношеніемъ обильныхъ жертвъ Музамъ. На семъ новомъ и дослославномъ поприщѣ появился Мицкевичъ, который, содѣлавшись предсавителемъ, или,

лучше сказать, героемъ Словесности Польской, по удивительному случаю, нашелъ первыхъ цѣнителей своего таланта въ средѣ Русскихъ Литтераторовъ, подобно тому, какъ его отечество въ Русскомъ Царѣ нашло своего благотворителя.

Но что-жь дѣлалось тѣмъ временемъ въ Литтературѣ Польской? Что способствовало ея прозябенію? Что содѣйствовало ея ходу и достиженію вождѣльной славы? Для поясненія сего мы должны обратиться къ вышеописанному, краткому начертанію политическихъ переворотовъ Польши. Словесность есть не иное что, какъ возвращеніе дара слова, безъ коего не можешь существовать ни одинъ народъ. Словесность показываетъ различныя эпохи прозябенія языка, употребляемаго націею, и носитъ на себѣ отпечатокъ политическаго быта своей отчизны. Примѣры, долженствующіе подтвердить сказанное, увлекли-бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся одною Польскою Литтературою. Въ старыя годы она была проста, выразительна и мощна, какъ и сами представители ея, свидѣтели славы Жигмунтовъ и Собіескихъ. Подъ владычествомъ роскошнаго Августа, Курфирста Саксонскаго и Короля Польскаго, она изнемогала вмѣстѣ съ государствомъ. Станиславъ Августъ, съ переменною древняго наряда Королей Польскихъ, какъ будто-бы одѣлъ во Французскій кафтанъ Словесность своего края. По раздѣленіи Польши, она исчезла. Напѣвы для краковяковъ и мазурокъ составляли главную опору ея промышленности. Надежда возстановленія Польши оживилась во время воинственнаго владычества Наполеона. Фран-

ція содѣлалась живошворящимъ свѣшломъ для обшашелей береговъ Вислы. Въ ихъ глазахъ блескъ новой Имперіи затмѣвалъ всѣ прочія спраны земнаго шара, а посему и Словесность Польская долженствовала слѣлаться раболаьпною поклонницею Піитики Буало. Въ эту эпоху умы Поляковъ начали понемногу окриляться; необходимость ошечественной Литшпературы болѣе и болѣе дѣлалась ошупительною; писашелей самобытнихъ уже не было; кодексъ Французской Академіи былъ по неволѣ уважаемъ наравнѣ съ грозными орлами Наполеона. Въ шакомъ случаѣ, по пословицѣ: *кто ранте всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ*. Въ сіе время, благопріятное для посредшвенности, нѣскольکو самозванцевъ-Литшператоровъ вновѣ свили разрушенное гнѣздо Музь въ Варшавѣ. Само собою разумѣется, что кришика, или лучше сказашь, законодательство новаго литшпературнаго міра должно было возникнуть въ новомъ заведеніи для просвѣщенія раждающихся паланшовъ. Въ выборѣ основанія для сей важной части литшпературнаго производства, руководшвовались извѣшнымъ школьнымъ соршпомъ, посредшвомъ коего можно доказаашь, что я, имярекъ, первый человекъ въ мірѣ. Полякамъ покровительствуешъ Франція; по побѣдамъ своимъ, она ешть могущественнѣйшее государство въ Европѣ; управляющій оною Наполеонъ ешть сильнѣйшій Государь; слѣдовашельно его законоположенія сунъ наилучшія, и такъ какъ Французская Академія (или шогдашній Инстшшупъ) состоишть подѣ его властью, шо изъ сего можно зашлючишть, что Французская Піитика ешть единая

непогрѣшимельная. Возженный шакимъ образомъ свѣшочъ крипики, за недоспашкомъ умныхъ головъ, былъ присвоенъ Фр. Дмоховскимъ (*), а собрашья его, завладѣвши каждый каждаю либо ошраслю наукъ, единодушно согласились воздавать должное почтеніе Надвисляискому Литпературному Наполеону. Все благопріятствовало новому законодателью. Варшава и почти вся Польша шакъ долго страдали ошъ военныхъ угнетеній, что драгоцѣнный даръ слова въ печеніе многихъ лѣтъ былъ употребляемъ единственню для переговоровъ съ фуражирами и кварширмейстерами. Музы почивали. Образованнѣйшая Польская молодежь провела лучшіе годы своей жизни на бивакахъ, и, кромя Парижа, не знала другаго святилища. Кто могъ кое-какъ изъясняться на Французскомъ языкѣ и видѣлъ Тальму, тошъ почиался уже просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ. А Дмоховскій? О!... Для его критическихъ подвиговъ эпоха возстановленія Царства Польскаго была благопріятнѣе, нежели 18-е Брюмера для Бонапарша. Храбрые воины, собравшіеся изъ разныхъ странъ Европы, занимались устройствомъ новаго порядка службы подъ знаме-

---

(*) Переводя Предисловіе Мицкевича къ полному Собранію его стихотвореній (см. 17-ю кн. М. Т.), мы не объявили имени сего знаменитаго Варшавскаго Критика. Нынѣ-же, по причинамъ, кои будущъ видны изъ сего разбора, мы не посовѣспились выспавить вполне прозвище сего Герарха Польскихъ Рецензентовъ. В. У.

нами Августѣйшаго Вождя: государственныя чиновники, Нунція и Депутаты, представивши воскресшаго царства, спарались пригоцовишься къ содѣйствию благимъ намѣреніямъ великодушнаго Монарха; вся Польша, подобно селенію опустошенному бурей, обрадовалась вновь возсіяшему солнцу, и забошилась о изглаженіи слѣдовъ разрушенія. Можно-ли было въ это время заниматься Словесностію? И мудрено-ли, что въ семъ суешливомъ положеніи государства неозабоченныи гражданинъ успѣлъ соорудить грозное сѣдалище липшературнаго судьи изъ Курса Лагарпа и нѣсколькихъ Лашинскихъ изрѣченій? Такимъ-то образомъ Дмоховскій овладѣлъ неумышленнымъ жезломъ кришки, подобно тому какъ у насъ въ Москвѣ Въспѣникъ Европы. . . Но не будемъ упоминать о семъ забвенномъ Журналѣ!—Между тѣмъ какъ сановная Іерархія Варшавскихъ кришниковъ (слова Мицкевича) корпѣла надъ созиданіемъ правилъ, долженствовавшихъ упрочить ея могущество, Музы летѣли подъ маслинною всеобщаго мира новыхъ своихъ пипомцевъ, и новый орелъ воспарилъ надъ областью Польской поэзіи: это Мицкевичъ. Подобно кругамъ, описываемымъ въ воздухѣ вьющеюся ласпючкою, первыи стихотворенія Мицкевича никакъ не могли бытъ измѣрены по масштабѣ школярныхъ правилъ. Липшературный Ареопагъ Варшавскій, какъ говорится по-Русски, спалъ въ шупикъ. Опредѣленіе настоящаго достоинства произведеній юнаго поэта было также для нихъ затруднительно, какъ для Гамлета важный вопросъ: to be, or not to be? Сколько ни рылся въ условномъ кодексѣ Словесно-

сти, но изъ всѣхъ вешошекъ, оный составляющихъ, не омыскали ни одной, кошорая могла-бы разрѣшить ихъ недоумѣніе: хорошо, или дурно пишеть Мицкевичъ? Между тѣмъ читающая публика увлекалась прелестью поэзіи своего единосемца, и безъ всякихъ справокъ съ пѣшиками отдавала ему должную справедливость. Узнавши о шаковомъ направленіи вкуса непослушной и своевольной публики, Литпературный Ареопагъ принялся за работу. Надобно было похвалить Мицкевича; но какимъ образомъ? Красоты его стихотворенія должны бышь исчислены и указаны къ свѣдѣнію читающихъ. А это намъ было не подь силу, пошому, что у Польскаго Поэша все какъ-то вырывается за ограду Классическихъ правилъ! Сказашъ просто, что сочиненія Мицкевича превосходны? Не годишся. Если Ареопагъ не будешь казашься грознымъ, то власть его скоро пропадешъ. Сказашъ и доказашъ по правиламъ, что новыя стихотворенія въ полномъ смыслѣ не хороши? Это легко! Въ Классическихъ кодексахъ есть чему поживишья литпературнымъ подьячимъ: ко всему найдушъ придирку. Но публика, злодѣйка публика, кошорая восхищается Мицкевичемъ, какъ-то она приметъ подобный приговоръ? Надобно жить въ ладу съ этою своенравною дамою. . . И въ слѣдствіе сего рѣшено: признашь въ Мицкевичѣ *талантъ*, а между тѣмъ сдѣлашь ему нѣсколько спрогихъ замѣчаній, дабы посредствомъ сего придашь болѣе важности своему сужденію. Это опредѣленіе Варшавско-хриштической Іерархіи довольно похоже на похвалы, кошорыя несвѣдуцій пожилой человекъ

воздаешь удачною работою ошрока, говоря: Хорошо, брашь, хорошо! похвально! шолько надобно учишь-ся. Старайся, прилежи, и проч.— Само собою разумѣтся, что Мицкевичъ не подорожилъ подобными похвадами, и не уважилъ замѣчаніями своихъ рецензентовъ. Онъ отвѣчалъ имъ новыми произведеніями, которыя непрерывно были съ восторгомъ принимаемы всѣми просвѣщенными читателями. Видя сіи успѣхи, кришическій Ареопагъ зажужжалъ погромче, и, пользуясь всеобщимъ средствомъ плохихъ кришниковъ, яже суть разсыяны по лицу земли, началъ бодѣть о чистотѣ роднаго языка, якобы искажаемаго перомъ смѣлаго Поэта. Раздались жадобные вопли сановной Іерархіи. . . Но Мицкевичъ не отвѣчалъ, а публика съ жадностью читала новыя его творенія.— Наконецъ Польскій Поэтъ достигъ своей цѣли. Въ своей особѣ явилъ онъ могущественнаго представителя Словесности роднаго края, и поставилъ Польскую Литтературу на ряду со всѣми другими. Совершивши сей важный подвигъ, Мицкевичъ обратилъ вниманіе на жалкое состояніе кришики въ его отечествѣ. Въ шеченіе шести лѣтъ одерживая блистательныя побѣды на поприщѣ поэзіи, онъ поступалъ съ пресмыкающимися противниками, какъ Орелъ въ прищѣ И. И. Дмитріева: бросалъ на нихъ гордые взгляды и возлеталъ къ солнцу. На послѣдокъ онъ вынужденъ былъ послѣдовать примѣру пернашаго сопутника Зевеса, описанному въ древней Маріевой поэмѣ. Къ полному Собранію своихъ стихотвореній присовокупилъ онъ общій отвѣтъ всѣмъ своимъ рецензентамъ. Цѣлюю его было не собственное оправданіе предъ

читающею публикою: въ этомъ онъ не нуждался; но онъ желалъ обнажить ограниченность свѣдѣній Варшавско-кришическаго Арелопага, столь долгое время управлявшаго умами и дѣйствіями единоземныхъ поэтовъ. Мицкевичъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Его возраженіе написано спльно и благородно, вполне объемлетъ свой предметъ и безъ пощады поражаетъ лихшераатурныхъ изувѣровъ. Нашимъ читателямъ извѣстно это Предисловіе къ сочиненіямъ Польскаго Поэта. Но послѣ сего грознаго удара умогло-ли гнѣздо Варшавскихъ Кришниковъ? Созналось-ли оно въ своей посредственности? О, нѣтъ! посредственность можно уподобить злой женщинѣ, которая, получивши заслуженный полчекъ отъ мощной десницы мужчины, въ безсильной злобѣ своей спарается облегчить душу обильнымъ шоккомъ ругательствъ, на кошорья мужчина не обращаетъ вниманія. Дмоховскій, видя что доказательства его невѣжества пригвождены къ безсмертнымъ твореніямъ Мицкевича, и сѣдовашельно достигнуть позднѣйшаго попомства, почувствовалъ, что лихшераатурное его владычество можетъ подвергнуться участи Наполеоновой Имперіи. Онъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попышку защищенія мнимыхъ своихъ правъ, и разразился шяжеловѣсною аншикрипикою, напечатанною особенною книжкою и напоминающею любовнашельность и любовспыташельность Вѣшвика Европы. Намъ довелось прочиташъ это курьѣзное произведеніе. Смѣло ушверждаемъ, что сія книжца есть лучшее доказательство истины шого, что сказано Мицкевичемъ о Варшавскихъ Кришикахъ и

Рецензентахъ. Желая обнаружить фарисейскую систему либеральныхъ законодателей Польскихъ, Мицкевичъ указывалъ на несомнительные признаки ихъ невѣжества. Критическій Герархъ вздумалъ прикрывать оныя фарисействомъ: средство употребляемое не въ одной Варшавѣ. Грозное возраженіе Дмоховскаго основывается на томъ, что скромность, сирѣчь обязанность безусловно принималъ недѣльные замѣчанія, есть одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ молодого генія. Не споримъ въ томъ, что заносчивость и наглость не должны быть шерпы въ недозрѣлыхъ писакахъ, и что недоучившіеся студентны, которые подъ предводительствомъ одряхлѣвшаго желчнаго педагога размахивають руками и вызываютъ на кулачный бой Либераторовъ — всегда и вездѣ подвергаются презрѣнію и осмѣянію. Но Мицкевичъ, прошекая избранное имъ поприще, никогда не оказывалъ себя наглымъ или заносчивымъ; смѣлымъ, опважнымъ, безстрашно пролагающимъ новыя стези въ областяхъ поэзіи — шакъ! И за эту нескромность благодарятъ его всѣ образованные чашатели. Смѣшно читать упреки Дмоховскаго за употребленіе Мицкевичемъ Восточныхъ выраженій въ Крымскихъ Сонетахъ. Вотъ образецъ эпитихъ велемудрыхъ уроковъ. Въ Сонетѣ: *Чатырдагъ*, Мусульманинъ привѣтствуетъ сего великана Таврды и называетъ его *минаретомъ* свѣта и *Падишахомъ* горъ. При семъ прекрасномъ стихѣ, сатирическая улыбка оказывается на критической физиономіи Дмоховскаго. «Развѣ минареть крыша?» говоритъ онъ, желая симъ доказать, что въ сѣдствіе его географическихъ свѣдѣній,

ему извѣстно, что Чашырдахъ не высочайшая гора на земномъ шарѣ. Пошомъ увѣдомляетъ, что онъ не бывалъ въ Крыму, не знаетъ, похожа ли эта гора на минареть, и совѣтуешь назвать ее лучше храмомъ. Безъ всякихъ побздовъ въ Крымъ, образованному чловѣку должно быть извѣстно, что ни одна гора въ свѣтѣ не похожа ни на минареть, ни на колокольню, ни на храмъ; что Мусульманинъ, для кошораго весь свѣтъ заключаешся въ областяхъ Султана, выраженіемъ: минареть, желаетъ означить возвышенность чпимой имъ горы, а назвавши оную Падшахомъ горъ, придаетъ ей по своему обыкновенію самый почешный шишулъ. Надъ этимъ Падшахомъ въ волю пошѣшдся Дмоховскій и предаваясь вполнѣ своей кришической веселости, весьма *тупоумно* спрашиваетъ Поэша: какимъ шишудомъ возведичаль-бы онъ гору въ Швейцаріи, въ Испаніи или въ Швеціи? — Нелѣпность подобныхъ придирокъ шакъ бросаетъ въ глаза образованнаго чишашедя, что мнѣ не нужно доказывать оную, и я скажу со вздохомъ, что, не рѣдко, прочитавши нѣкоторыя ученныя и глубокомысленныя замѣчанія на великихъ поэшовъ, я невольнымъ образомъ припоминалъ кое-что изъ ашшестата, даннаго Кутейкину при увольненіи его изъ Семинаріи!... Въ сей поскѣ, производимой хваленными успѣхами просвѣщенія, порадуемся по крайней мѣрѣ шому, что Поэшь чужеземный, въ нашемъ отечествѣ нашель благой пріюшъ для своего таланша. Мицкевичъ большую часть своихъ стихотвореній написалъ въ сердцѣ древней Россіи; его языкъ мало

извѣстенъ нашимъ соотечественникамъ , но сладость звуковъ его лиры была ими восчувствована. Русскіе Литтераторы привѣтствовали Мицкевича, какъ новое свѣтило на горизонтѣ всеобщей Словесности. Наши Журналы воздали ему должную похвалу (*); наши Литтераторы стараются пересадить на родимую почву прелестныя цвѣты его поэзіи , и вотъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ стиховорцевъ подарилъ Россію переводомъ всѣхъ Крымскихъ Сонетовъ , сихъ очаровательныхъ произведеній , блестящихъ роскошью Восшока. Изложимъ наше мнѣніе о семъ переводѣ.

Наши Русскіе Литтераторы и Поэты , вообще очень мало сочиняютъ , а между тѣмъ число переводовъ годъ ошъ года увеличивается. Мы какъ будто признаемъ себя , предъ цѣлою Европою , не способными шворить и довольствуемся хваленымъ качествомъ Русскаго народа : переимчивостью. Въ этомъ нѣтъ большой бѣды ! Почему не перенимаешь хорошаго ? Дастъ Богъ , придетъ и наша пора ; и у насъ будутъ перенимать. Скажемъ болѣе. Судя по многимъ признакамъ , эта пора уже наступаетъ. Языкъ нашъ усовершенствуется и вѣстѣ съ симъ отрывается изъ подъ студа сокровищница отечественной Словесности. Собственныя произведенія

(*) Мы смѣло можемъ увѣрить нашихъ соотечественниковъ , что образованные единоземцы Мицкевича болѣе уважаютъ мнѣніемъ Русскихъ Журналовъ , нежели сужденіями Варшавскихъ Классиковъ , и сему мнѣнію мы неоспоримыя доказательства.

принимаются съ восторгомъ нашими единоплеменниками, и переводы часъ отъ часу дѣлаются затруднительнѣе, по причинѣ взыскашелейныхъ требованій тѣхъ людей, кошорые понимая красоты иноземныхъ писателей, умѣють цѣнить богатство роднаго нарѣчія. Въ настоящее время хопятъ, что-бы изящное чужезычное было въ полноцъ смыслѣ изящно передано на нашемъ языкѣ. Эфемерные переводы, выказывающіе незнаніе своего и чужаго языка, не пользуются долголѣтіемъ и даже не привѣтствуются ласково читающею публикою. Было время золотое, когда имя автора переводимаго, выставленное на заглавномъ листкѣ перевода, зашмѣвало всѣ недоспашки господина переводчика. Нынѣ все перемѣнилось, потому что народъ поумнѣлъ. Нынѣ, съ помощью періодическихъ изданій, размножающихся въ нашемъ отечествѣ, можно получать вѣрнѣйшія извѣстія о новыхъ, опличныхъ произведеніяхъ чужеспранныхъ Музъ, и читашели наши, знакомясь болѣе и болѣе съ отечественнымъ нарѣчіемъ, по справедливости негодуюшъ, когда въ переводѣ хваленаго шворенія не видятъ ничего хорошаго, и по справедливости же всю вину слагають на переводчика. Да не подумають наши читашели, что все это касается разбираемаго нами перевода Крымскихъ Сонешовъ. Нѣтъ! Вышесказанное относится къ молодымъ нашимъ геніямъ, кошорые, изъ журцальныхъ разборовъ и кришикъ получивши нѣкоторое понятіе о знаменишыхъ писашеляхъ, и выучившись съ помощію лексиконовъ кое-какъ понимашъ пятое или десятое слово въ великихъ швореніяхъ, съ опшвак-

ностью (по одобренію школьныхъ товарищей) принимаются за переводы изящнѣйшихъ произведеній, не зная основательно ни своего языка, ни того, съ коего переводяшь. Такіе переводчики, подобно воншамъ, возродившимся изъ посянныхъ Кадмомъ драконовыхъ зубовъ, являюся у насъ ежеминутно, и, подобно симъ баснословнымъ рашоборцамъ, съ яростью нападаюшь другъ на друга, дожде испреблѣтся. О Поэтъ, заслуживающемъ уваженіе, сколько по своему несчастію, столько и по дарованіямъ, о шворцѣ Чернеца, мы будемъ говорить другимъ языкомъ, понятнымъ для него самого. Опличнѣй писашель, не будучи самъ кришикомъ, знаешь, въ чемъ состоишь сія обязанность, и самолюбіе его не оскорбишь замѣчаніями благонамѣренными.

Переводишь поэтовъ на родимый поэтическій языкъ, значишь или заимствоватъ основную мысль и украсишь оную богатствами собственнаго нарѣчія, или постигая силу піитическихъ выраженій, передаватъ оныя съ вѣрностью на своемъ языкѣ. Последнее въ тысячу разъ шруднѣе. Изъ множества примѣровъ, подшверждающихъ сказанное нами, мы приведемъ только два. Вѣтъ извѣстно, что прекрасная Ода по случаю грома, И. И. Дмитриева, есть подражаніе Гётеву Зевесу, и что превосходная Баллада Людмила, вполне заимствована Жуковскимъ изъ Бюргеровой Леоноры. Тѣмъ не менѣе оба сіи стихотворенія имѣюшь на Русскомъ языкѣ такую оригинальность, что не читавшіи иностранныхъ песточниковъ, изъ коихъ оныя по-

черпнушы , всегда сочтешь ихъ плодами собственнаго воображенія нашихъ поэтовъ. До такой степени мощна , выразительна и непринужденна въ поэзія ! Гораздо труднѣе было Жуковскому написать стихотвореніе : *Моя богиня* , въ коемъ онъ , сохраняя форму сего произведенія Гёте , и переводя стихъ за стихомъ , умѣлъ сохранить легкость , благозвучіе и смѣлыя выраженія подлинника. Сколько я могу припомнить , кромѣ Жуковского , ни одинъ изъ нашихъ писателей не передавалъ съ такою точностью иносйранныхъ поэтическихъ произведеній , и всѣ другіе называли переводы свои подражаніями. Въ это затруднительное положеніе поставилъ Мицкевичъ нашихъ поэтовъ , желающихъ обогатить отечественную Словесность сокровищами Польскаго Пѣвца. Его прелестныя Крымскіе Сонеты въ особенности подстрекнули національную гордость нашихъ писателей , которые какъ будто усидились невниманія отечественныхъ лиръ къ очаровательнымъ явленіямъ природы въ сйранѣ , принадлежащей Россіи. Лучшіе наши стихотворцы начали списывать обворожительныя картины , въ коихъ Мицкевичъ изобразилъ Тавриду. Не говоря о переводахъ сихъ Сонетовъ по одиначкѣ , въ семь году вышли двѣ книжки , заключающія въ себѣ полныя собранія сихъ плодовъ путешествія Польскаго Поэта. Мы займемся разборомъ лучшаго изъ сихъ переводовъ.

Г. Козловъ только въ трехъ стихотвореніяхъ сохранилъ форму Сонета. Прочія пятнадцать переведены различными размѣрами , и написаны прекрасными стихами. Со всѣмъ шѣмъ , сладкогласный

пѣвецъ бѣдспвій Княгини Долгорукой, не совладалъ съ трудностями, которыя почти при каждомъ стихѣ являли ему красота подлинника, и блестящія цвѣты поэзіи Мицкевича, не рѣдко исчезаютъ въ переводѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ первомъ сонетѣ, названномъ: Акерманскія Степи, Поэсъ уподобляетъ свой экипажъ лодкѣ, носящейся по океану растений и плывущей мимо *багряныхъ острововъ бурьяна* (*omijam koralowce ostrowy burzani*). Переводчикъ выражаетъ это: *минуя бережно багровый кустъ бурьяна*. Это уже совсѣмъ не то. Въ сонетѣ: Видъ горъ изъ степей Козловскихъ, Пилигримъ, указывая на надоблачную вершину Палашъ-горы, спрашиваетъ у своего проводника: не *Алла-ли* шамъ ошлалъ, для своихъ ангеловъ, пресполю изъ замерзшихъ паровъ? Не *Дивы-ли*, изъ чаши машерика воздвигнули стѣны, для воспрепятствованія шествию съ востока каравановъ звѣздъ? По-Русски сказано:

Кто поднялъ волны ледныя,
И кто изъ мерзлыхъ облаковъ
Пресполю ошлалъ вѣковые
Для роя свѣсплаго духовъ?
Ужъ не обломки-ли вселенной
Воздвигнушы стѣной неплѣнной,
Чтобъ караванъ ночныхъ свѣспилъ
Съ востока къ намъ не проходилъ?

Строфа прекрасная, но стѣмъ не менѣе красная выразишельность подлинника совершенно ослаблена. — Въ томъ-же сонетѣ, Мирза отвѣщспвуетъ: «Тамъ? я былъ! шамъ царствуетъ зима и

Декабрь 1829.

проч. И піишическій свой, опѣвъшъ заключаешь словами: «эшо Чашырдахъ! — А! га!» восклицаешь Пилигримъ. Эшо: А! га! было крѣпко не понуру Варшавскимъ кришикамъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить не лзя. Въ Русскомъ переводѣ выпущено *фатальное* А! га! Но за шо и прелестъ поэзи исчезла, подобно эшому А! га! Бошь какъ изъясняешся Мирза:

Не вьеспя гдѣ орелъ, я шамъ спремилъ мой бѣгъ,
Гдѣ царствуетъ зима, свершилъ я путь далекій

И надъ чалмой моей горѣла въ небесахъ

Одна уже звѣзда, — и былъ но. . . .

Пилигриибъ.

Чашырдахъ!

Въ сонетѣ: Длушпа днемъ, Поэшь совершенно знакомишь чашашеля съ языкомъ Восточной поэзи. Онъ употребляетъ выраженія чалмоносцевъ. Такъ говоритъ: «Высошы снимають съ персей своихъ покровы (*чалаты*) мглы; злапокласная нива шумить какъ ушрениій намазъ (молишва Магомешанъ); дресеса склоняють вершины, и съ зеленого ихъ листвѣя, какъ съ чешокъ Халифа, сыплюшся гранашы и рубины.» Въ переводѣ:

Гора опрясаетъ мракъ ночи *лднивый*
И *ранниибъ* намазомъ волнуются нивы,
И злапо струями вездѣ разлилось,
Лѣсъ темный склоняетъ густыя вершины,
Какъ съ чешокъ Халифовъ гранашы, рубины
Онъ сыплешъ съ кудрявыхъ зеленыхъ волосъ.

Уподобленіе Магомешанской утренней молитвы койханія и шопоша нивныхъ знаковъ, волнуемыхъ раннимъ вѣтеркомъ, у Мицкевича превосходно, а въ Русскомъ переводѣ двусмысленно, такъ что чипашели могутъ принять намазъ за дуновеніе вѣтра.

Въ слѣдующемъ сонетѣ: Алушта ночью, Поэтъ придаетъ даръ слова шайнственнымъ красамъ природы. У него: «Воздухъ, навѣвая благовопіе, сію музыку цвѣтовъ, говоришь сердцу гласомъ, непоняннымъ для уха.» Въ переводѣ:

И вѣетъ ароматъ; отъ слуха утаенный
Онъ сердцу говоришь въ мелодіи цвѣтовъ.

И мысль и выраженіе подлинника сохранены, но по расположенію словъ выразительность не та! Въ последнемъ сонетѣ: Аюдахъ, у Мицкевича «пѣншья волны, шо бушують, сомкнувшись въ черные ряды, шо подобно сребровиднымъ снѣжинкамъ въ безчисленныхъ дугахъ величественно клубяся.» Въ переводѣ:

... Смотрѣшь; какъ черныхъ волнъ несется зыбкій
строй,
Какъ пѣнишся, кипишь буншующая влага,
То въ радуги дробясь, шо пылью снѣговой.

Далѣ въ подлинникѣ: «Ударяюшся обь ошмѣли и разбиваясь на валы, подобно раши киповъ облагаюшь берега, съ шоржеспвомъ овладѣваюшь сущешю, и всяишь обращааясь, мечушь за собою раковины, кораллы и жемчугъ.» Переводъ:

И суму — рать китовъ , воюя , облегають (?)
 Опять стремится въ бѣгъ отъ влажныхъ береговъ,
 И дань богатую въ побѣгъ оставляетъ :
 Сребристыхъ раковинъ , коралловъ , жемчуговъ.

Безъ всякихъ подкованій видно, что переводъ весьма далекъ отъ подлинника. За то остальные стихи сего сонета переданы такъ хорошо и вѣрно, что мы не можемъ воздержаться отъ удовольствія выписать оныя :

Такъ страсти пылка , подѣмляся грозю ,
 На сердцѣ у тебя кипятъ , молодой пѣвецъ :
 Но лютию ты берешь , и вдругъ всему конецъ.
 Мятежныя бѣгутъ , смѣняясь тишиною ,
 И пѣсни дивныя роняютъ за собою :
 Изъ нихъ вѣка плещутъ безсмертный твой вѣнецъ.

Мы исчислили всѣ недостатки перевода, и читатели могутъ замѣтить, что разборъ нашъ не только строгъ, но даже привязчивъ. Это дѣлается не съ намѣреніемъ унижить талантъ переводчика, но съ другою, гораздо полезнѣйшею цѣлью, которую при сей вѣрной оказіи имѣемъ пояснить. Если стиховорець отличный, приобрѣлшій извѣстность въ лишперашурномъ мірѣ, встрѣтилъ непреодолимая затрудненія въ переводѣ великаго писателя, то чего-же должны мы ожидать отъ предпріятій мѣлкошравчатыхъ писаекъ, которые, не зная ни отечественнаго, ни иностранныхъ языковъ, съ отважностью берутся переводить геніяльныя произведенія поэшовъ, спяжавшихъ вѣковую славу? Вотъ уже подлинно переводятъ! Не уподобляются-ли эти господа младенцамъ, которые по неразумію

своему, рвутъ и грызутъ все, что попадетъ имъ въ руки? Но при младенцахъ бываютъ няньки, не позволяющія имъ поршить хорошее. У нашихъ скороспѣлокъ-лишперашоровъ по несчастію нѣтъ другой няньки кромѣ благонамѣренной кришки, кошорою они не слишкомъ дорожатъ. Хвали насъ! Вошь общее требованіе цѣлаго сцгклима младенцевъ-поэтовъ. А если крищикъ, не находя въ ихъ произведеніяхъ ничего достойнаго хвалы, въ состраданіи умадчиваетъ объ оныхъ, тогда появляется другое младенческое требованіе: брани меня! доказывай, почему я не хорошъ! Если-же крищикъ удовлетворитъ сему желанію, и съ машемашическими доказательствами выкажетъ всѣ недоспашки знаменишаго творенія, тогда полно писать! Мы удаляемся изъ лишперашурнаго міра! А школьные друзья отшельника, говорятъ о немъ: Онъ могъ-бы бытъ самостоятельнымъ паланшомъ, но кришка его убила!—Этимъ господамъ мы смѣло скажемъ, что кришка никогда не убиваетъ паланша. Глупыя и жельныя придирки подвергаются всеобщему презрѣнію читающей публики; кришка благонамѣренная, не одобряющая шого, что не зрѣло, есть не иное что какъ урокъ, коимъ писатель можеть воспользоваться; молчаніе же кришки, есть милость, за которую должно благодарить. Имѣяй разумъ разумши, да разумѣешь!

В. У.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Собрание писем Императора Петра I-го къ разнымъ лицамъ, съ ошвѣтами на оныя (собраны В. Н. Берхомъ) Ч. 1 и 2-я. Спб. 1829 г. въ ш. Морской, in 8, V, 343 и 393 стр.*

Посвящая нынѣ время свое на составленіе Исторіи Русскаго флота, В. Н. Берхъ, съ нѣсколькихъ уже лѣтъ, прилежно занимался разборкою Адмиралшейскаго Архива. Здѣсь собралъ онъ, богатые матеріалы, не только для своего предмета, но и вообще для Русской Исторіи. Если-бы осмѣлились мы быть нескромными, то наименовали-бы читателямъ нашимъ многіе, предполагаемые В. Н. Берхомъ литературные труды, о которыхъ, по дружескому расположенію своему, предварительно сказывалъ намъ сей почтенный и извѣстный своими литературными заслугами писатель. Теперь заготовлены имъ къ изданію: Жизнеописанія 54-хъ первыхъ флагмановъ Русскаго флота, 3-хъ капитанъ-командоровъ и 3-хъ преподавателей наукъ; шесть списковъ морскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Русскомъ флотѣ, отъ начала существованія онаго, и Историческія извѣстія о первыхъ морскихъ училищахъ и основаніи Морскаго Шля-

хешнаго Кадетскаго Корпуса. Сія три сочиненія печатаюцца на счешь Правительсва. Въ бумагахъ Адмиралшейскаго Архива между прочимъ найдено было Г-мъ Берхомъ болѣе 1000 писемъ Петра Великаго и ошвѣшовъ на оныя ошъ разныхъ особъ. Сію драгоценность долженсшвовадо довести до свѣдѣнія публики немедленно и ошдѣльно. Дорожа своею находкою, Г-нъ Берхъ предположилъ напечатать письма Петра Великаго прежде всего другаго, и теперь *два тома* оныхъ вышло въ свѣсь. Г-нъ Берхъ не рѣшилсѣ дѣлать никакихъ примѣчаній и выписокъ, представляя читателямъ шолько самыя вѣрнѣйшіе списки съ подлинниковъ, для чего онъ *самъ списалъ все письма*, боясь ввѣришь ихъ неискуснымъ рукамъ писцовъ. Извѣстно притомъ, что почеркъ Петра Великаго, чрезвычайно связной, весьма трудно разбираться, и эшо особенно могло увеличить ошибки при перепискѣ. Ксташи замѣшимъ здѣсь, можешъ бышь не вѣсти замѣченное, что почеркъ Петра чрезвычайно сходенъ съ почеркомъ Наполеона. Если на разсмотрѣніи почерка можно основать нѣкошорыя разгадки характера человека, то къ какимъ важнымъ размышленіямъ ведетъ наше замѣчаніе!

Съ прекращеніемъ въ новѣйшей Исторіи льшописей, и съ тѣхъ поръ, какъ люди выучились не шолько *рукоприкладствовать*, но и *писать*, записки достопамятныхъ людей и переписка ихъ сославляютъ любопытнѣйшіе, и, едвали не больше оффиціальныхъ актовъ, важные матеріалы для Исторіи. Въ оффиціальныхъ актахъ человекъ являешся

въ парадѣ, внѣшній, окруженный блескомъ, на сценѣ: въ запискахъ, въ перепискѣ онъ одинъ, въ своемъ кабинетѣ, безъ всякаго опшического обмена внѣшностей. Какъ часто клочекъ бумажки, исписанный карандашемъ, поясняетъ намъ дѣло, ош кошораго пошомъ шель цѣлый рядъ собышій, и какъ часшо кипа сшараго пергаменша Архивскаго не пояснитъ намъ, почему шакое-шо дѣло сдѣлалось шакъ, а не иначе, когда нѣсколько спрочекъ какого нибудь Савари, Буррьеня, даже d'une Contemporaine, дѣлаюшъ все обшоятельство яснымъ. Никогда не понимали сей испины шоль хорошо, какъ въ нашъ вѣкъ, и наше время для новѣйшей Ишпоріи можно-бы назвашъ *эпохою исповѣдей*. Ушмясь дѣйшвовашъ, герои былаго говорашъ о своемъ прежнемъ жишѣ-бышѣ, и мы загружены шеперь признаніями минисшровъ полиціи, кардиналовъ, шпіоновъ полиціи, полководцевъ, любовницъ королевскихъ, полковыхъ аптекарей, и, наконецъ, даже самыхъ главныхъ дѣйшвовашелей. Для насъ Рускихъ время сей ошкровенности еще не настало. Переписки и записки нашихъ историческихъ лицъ, и людей, жившихъ съ историческими лицами, у насъ все еще храняшся подъ спудомъ. Не дѣлжно думать однакожъ, чшобы подобныхъ машеріаловъ у насъ не было. Рецензентъ самъ удосшовѣрился въ прошивномъ, и, занимаясь новѣйшею Русскою Ишпоріею, имѣлъ въ рукахъ испино-драгоценныя частныя записки и письма временъ Петра, Анны, Елисаветы, Екатерины и временъ къ намъ ближайшихъ. Удивляемся: почему все это не печашаюшъ; подобно Запискамъ Манштейна,

Миниха, Бирона, Князя Я. П. Шаховскаго, изданнымъ, и читаемымъ всѣми съ величайшимъ любопытствомъ ?

Желаемъ, чтобы примѣръ почтеннаго В. Н. Берха имѣлъ многихъ послѣдователей. Издаваемая имъ переписка Петра Великаго будетъ заключаться въ 4-хъ томахъ. Два изданные тома содержатъ въ себѣ 360 писемъ Петра Великаго и 298 писемъ отъ разныхъ лицъ къ Петру Великому. Все это просиращается до 1715 года; въ двухъ послѣднихъ томахъ переписка будетъ доведена до 1725 г.

Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ Г-мъ Берхомъ писемъ Петра Великаго были уже прежде изданы Голиковымъ, Туманскимъ и Щербатовымъ, но не вѣрно; наибольшая-же часть писемъ во все новыхъ, особливо писемъ къ Петру Великому. Надобно сказать вообще, что хотя издаваемая Г-мъ Берхомъ письма весьма драгоценны, но не могутъ имѣть общаго большаго интереса для читателей, ибо содержаніе ихъ, почти всѣхъ, касается собственно флота, бывшаго однимъ изъ любимыхъ предметовъ попеченій Петра. За всѣмъ тѣмъ многія письма однакожъ любопытны чрезвычайно; да и въ тѣхъ даже, коихъ содержаніе чисто, читатель внимательный и наблюдательный откроетъ много поводовъ къ размышленію и наблюденію. Великій во всемъ великъ! Въ маленькой записочкѣ Пётръ виденъ мощный, неутомимый, и—всегда оригинальный, даже въ самыхъ шуткахъ и выраженіяхъ. Геній его всюду изумляетъ. Сообразишь только мѣста, *откуда*, и числа, *когда* писаны многія пись-

ма. Въ 1709 году, Карлъ XII-й былъ въ Россіи, естрашный и непобѣдимый, но ошъ 24 Января 1709 г. Петръ пишеть изъ *Сумь*, къ Апраксину, о флошскихъ дѣлахъ, увѣдомляеть, что Шведы идушь къ Днѣпру, и говорить: «Въ пригото-вленіи судовъ не изволь бышь сонее, дабы сего, ошъ Бога даваемого, времени не потеряшь;» ошъ Февраля 5, онъ пишеть уже изъ *Ахтырки*; ошъ Февраля 21 изъ *Воронжа*; ошъ Мая 9, изъ *Азова*, и во всѣхъ письмахъ входить въ подробности, мѣлочи касательно постройкы судовъ, и между шѣмъ ошъ 9-го Мая до Полшавской бишвы ошавалось не болѣе 49 дней! Кажеться, что Петръ забылъ о Шведахъ, что все вниманіе его обращено было на постройку лодокъ и шнявъ: не вѣришь чиншая.

Приведемъ примѣръ оригинальности писемъ Петра. Онъ спрашиваетъ Крюйса, почему не дѣлають у него морскихъ экзерцицій; если пошому, прибавляеть Петръ, что корабли негодны — «сіе ешь великой важности; я буду оное свидѣтельствовашь, и аще не шакъ найдешся, шо не легко плачено будеть, ибо *недобро ешь братъ серебро, а дѣла дѣлать свинцовыя.*» — Вотъ еще нѣсколько словъ изъ письма къ Апраксину, изъ Польши, въ 1707 году: «О здѣшнихъ вѣдомостяхъ знашнаго не могу ничего писашь, понеже здѣсь всѣ дѣла Польскія, *яко молодая брага идуть.*»

Историкъ Петра Великаго поблагодарить В. Н. Берха за изданіе книги, о которой мы теперь говоримъ и пожелаеть, чтобы и другіе подобныя

труды Г-на Берха были безъ замедленія изданы въ свѣтъ:

— *Рѣчь и стихи*, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московской Губернской Гимназіи, 1829 года, Ноября 15 дня. При семь Отчетъ Гимназіи за 1828 годъ. М. 1829 г. въ ш. Университетской, in 4, 46 стр.

Въ сей брошюркѣ помѣщены: *Рѣчь о добромъ направленіи сердца*, соч. Спаршимъ учителемъ Гимназіи В. И. Оболенскимъ; *Сравненіе Ломоносова съ Карамзиннымъ*, соч. ученика Гимназіи, А. Шуббе; *О гласнѣйшихъ пригинахъ, по коимъ познаніе иностранныхъ языковъ важно для Рускихъ (на Французскомъ языкѣ)*, соч. ученика Гимназіи Сомина; *Рѣчь (на Нѣмецкомъ языкѣ)*, соч. ученика Гимназіи Сомина; *Разсужденіе на Итальянскомъ языкѣ*, соч. ученика Гимназіи Борелли; *Разсужденіе на Англійскомъ языкѣ*, соч. ученика Гимназіи Козмина, и стихи (*Духъ Россовъ*), соч. ученика Гимназіи Бобылева.

— *Ночь мщенія*. Соч. Петра Машкова. Писано въ 1828 году. Спб. 1829 г. въ ш. Штаб. Ошд. Корпуса внутр. стражи, in 8, 28 стр.

Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца!

говоришь, книгопродавецъ въ 1-й главѣ Евгенія Онегина.

Что слава? Звукъ молвы, гуль свѣта,
Невѣжей судъ, ученыхъ споръ,
Презрѣнной зависти укоръ!

говорить Г-нъ Машковъ , и объявляетъ , что онъ пишетъ не для славы , а для друзей . Но онъ печатаетъ свою поэму , и имѣетъ на то многія причины . Содержаніе поэмы не зашѣливо ; стихи въ ней со грѣхомъ пополамъ , и всю ее можно рассказать въ немногихъ словахъ . Дѣло въ томъ , что одинъ юноша перебилъ у другаго невѣсту ; оставленный сошелъ съ ума и сидѣлъ въ домѣ сумасшедшихъ . На бѣду , чета счастливыхъ супруговъ , лѣтъ черезъ пять послѣ свадьбы , шла мимо дома сумасшедшихъ , и вздумала пѣть пѣсни . Сумасшедшій взбѣсился , сорвался съ цѣпи , прибѣжалъ въ шалашъ измѣнницы , и убилъ ее , и мужа . Сколько штукъ поводовъ къ полезнымъ заключеніямъ : 1-е не должно пѣть близь дома сумасшедшихъ ; 2-е , должно запираеть сумасшедшихъ крѣпче ; 3-е , на ночь надобно запираеть дома и шалаши крѣпче , и , наконецъ — 4-е , не должно отбивать невѣстъ , потому что легко можно навязать себѣ множество хлопотъ . Можно-бы присовокупить здѣсь еще одно полезное для сочинителей поэмы замѣчаніе , но — побережемъ его для будущаго .

Т. М.

— *Розуе Alexandra Chodźki (Стихотворенія Александра Ходзьки)* . СПб. 1829 г. , въ ш. К. Крайя , іа 12, VIII и 281 стр. , съ лиш. каршинкою .

Александръ Ходзько не Мицкевичъ , но однакожъ писатель съ большими дарованіями , и одинъ изъ любимыхъ Польскими Музами современныхъ поэмовъ . Онъ соединяетъ съ даромъ : выражашься въ звучныхъ стихахъ , пламенное воображеніе , и еще особенную

способность изучать языки. Г-нъ Ходзько почтпаеіея однимъ изъ отличныхъ учениковъ С. Петербургскаго Института Восточныхъ языковъ. Весьма хорошо зная Персидскій, Арабскій и Турецкій языки, онъ находился Переводчикомъ при Его Высочеству, Принцу Хозревъ - Мирзъ, во все время бытности Принца въ С. Петербургѣ. Къ познаніямъ Восточныхъ языковъ, Г-нъ Ходзько присовокупилъ еще знаніе Греческаго, Латинскаго, многихъ новѣйшихъ Европейскихъ и, наконецъ, нашего Русскаго языка.

Изданныя имъ теперь Стихотворенія состоятъ болшею частію изъ переводовъ. Г-нъ Ходзько напечаталъ въ семь собраній переводъ ново-Греческихъ пѣсень, съ которыми отчасти познакомилъ насъ Н. И. Гибдичъ, и, кажется, что переводы Г-на Ходзьки не уступятъ переводамъ нашего Поэта, ни въ вѣрности, ни въ силѣ. Далѣе слѣдуетъ: *Дераръ*, повѣсть изъ двухъ Арабскихъ кассидъ составленная, въ которой изумляешься ученому знанію Востока, и очаровываешься сплюю воображенія поэта. Въ концѣ книги помещены: *элегіи, баллады, пѣсни* и мѣлкія стихотворенія (всего 35 пѣснь): Здѣсь мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили прекрасные переводы: стихотворенія Жуковскаго: *Море*; Пѣсни Мильоны; Черкесской пѣсни, Пушкина; двухъ пѣснь изъ Байрона, и наконецъ—нѣсколько Лиховскихъ и Морлацкихъ пѣсень, переданныхъ съ прелестною, поэтическою прѣсловою. Мы желали-бы привести здѣсь примѣры всего сказаннаго нами о стихотвореніяхъ любезнаго Польскаго Поэта, но, къ со-

жалѣнію, Русскимъ читателямъ шакъ мало извѣ-
стность Польскій языкъ, что это было-бы излишне.
Впрочемъ, кажешся, скорѣ насущишь время, что
мы будемъ учишься Польскому языку наравнѣ съ
языками Гёте и Байрона. Мицкевичъ принудишь
насъ къ этому.

— *Партизаны*. Описательная поэма. Сочиненіе
Николая Невѣдомскаго. СПб. 1829 г. въ ш. Восп.
Дома, in 8, 48 стр.

Рецензентъ напередъ признается, что описа-
тельная поэма, шакъ-же какъ Французскіе Dis-
cours en vers, кажущся ему только призраками
поэзи, которыхъ не сильно оживишь самое силь-
ное дарованіе. Возможно-ли сдѣлать что-либо по-
рядочное, набирая нѣсколько сошь стиховъ на
заданный предметъ, какъ варіаціи на извѣстную
тему? Будущъ звуки счастливые, прекрасные, мѣ-
сса яркія, но тѣмъ не менѣ общность останеш-
ся чѣмъ-то холоднымъ, сухимъ и пестрымъ, если
не вовсе безцвѣтнымъ.

Размѣромъ, который употреблялъ Жуковскій въ
Пѣвцѣ на Кремлѣ и *Пѣвцѣ съ стѣнъ Русскихъ вои-
новъ*, Г-нъ Невѣдомскій описываетъ жизнь и под-
виги Партизановъ въ 1812 и 1813 годахъ, и судьбу
Фигнера. Тонъ поэмы не выдержанъ. Сочинитель
испытываетъ всѣ образы выраженій: шушавый,
унылый, сатирическій, памфлетическій, но почти
вездѣ неудачно. Множество выраженій сверхъ того,
неволью останавливають читателя. Кучу На-
полеондоровъ, на примѣръ, Г-нъ Невѣдомскій на-
зываетъ—*толпою золотыхъ Наполеоновъ* (стр. 7);

описывая нападенія на Французовъ, онъ говоритъ, что Партизаны не давали имъдохнуть, какъ петля роковая (стр. 8): уподобленіе довольно странное! Такъ море называетъ Г-нъ Невѣдомскій соленою пугиною; сказывается, что Партизаны были въ непрерывномъ движеніи, какъ маятникъ стугащій; говоритъ, что Фигнеръ —

Ни разу, какъ нѣмые,
Султановы послы съ скуркомъ,
Не жалился надъ жертвой, и проч.

— Стихотворенія Адама Мицкевича. Перевелъ съ Польскаго В. Р. СПб. 1829 г. въ ш. Деп. вн. торговли, in 8, 42 стр.

Слава Мицкевича и всеобщее сознаніе въ достоинствахъ сего знаменитаго современника нашего, суть вѣрныя доказательства, что полета генія не останавливаютъ никакія обстоятельства, никакіе противники, и что геній быстро пролетаетъ по пространству, за которое обыкновенное дарованіе платитъ иногда трудомъ многихъ лѣтъ. Въ 1822 г. книгопродавецъ сухо совѣтовалъ юному, невѣстному еще Мицкевичу, не ошваживаться на изданіе двухъ томовъ своихъ стихотвореній, а въ 1829 г. имя Мицкевича, по общему признанію, стоило на ряду съ великими поэтами нашего времени, и старецъ Гёте принимаетъ его, какъ дорогого гостя. Зная, сколь многие дорожатъ у насъ на Руси судьбою Мицкевича, мы извѣстимъ здѣсь многочисленныхъ почтенителей его, что Мицкевичъ благополучно совершилъ путешествіе по Германіи, гостилъ у Гёте; и по послѣднимъ

письямъ былъ въ Венеціи. Съ жаркою любовію пишетъ онъ къ друзьямъ своимъ объ опчизнѣ Данте и Тасса. Теперь Мицкевичъ долженъ былъ въ Римѣ. Поэтическія мечты очаровывали его на берегахъ Адриатическаго моря; великія воспоминанія Рима конечно также доступны будутъ его вдохновенной душѣ. Не знаемъ: кончилъ-ли онъ новое, огромное швореніе, которое началъ еще въ Россіи?

Говоря о Мицкевичѣ, не лзя не заговориться; извиняемся передъ читателями, и спѣшимъ обратиться къ книгѣ, посвященной въ заглавіи нашей снатьи. Подъ названіемъ *Стихотвореній Мицкевича*, Г-нъ Р. издалъ переводы Крымскихъ Сонешовъ, трехъ другихъ Сонешовъ, и опрылковъ изъ Валленрода (пѣсни Альдоны и начала пѣсни Вайделота). Г-нъ Р. переводилъ съ Польскаго, и многія мѣсна переданы имъ весьма удачно. Къ сожалѣнію, неровность и жесткость стиховъ вообще, мѣшающъ читателю узнавать пѣсни соловья Липовскаго въ Русскомъ переводѣ.

— *Стихотворенія эротическія Н. Маркевича*. М. 1829 г. въ ш. Университетской, in 8, 80 стр.

Въ сей книжкѣ помѣщено 10 пьесъ, сочиненныхъ самимъ Г-мъ Марквичемъ; 20 пьесъ, переведенныхъ имъ изъ сочиненій Парни, и переводъ *Паризины*, поэмы Байрона. Многія изъ пьесъ мѣлкихъ дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ веселости, и опдѣланы весьма легко и искусно.

Отвѣтъ на замѣчанія, помѣщенные въ № 19-мъ Московскаго Телеграфа, объ изданномъ въ 1829 году *Почтовомъ Дорожникѣ*.

Не говоря ни слова о *Дорожникѣ Рубана*, Указашель дорогъ Г. Виспицкаго и Почтъ-Словарь Г. Орлова, какъ объ изданіяхъ чашныхъ, не лзя умолчать, что замѣчанія, помѣщенные въ Телеграфѣ на счетъ Почтъ-Календаря и обомъ изданіи Почтоваго *Дорожника*, весьма ошибочны.

Почтъ-Календарь 1801—1802 годовъ былъ весьма удовлетворителенъ по его точности и исправности и продавался по 8 рублей 5 копѣекъ. Таковая цѣна была тогда весьма умѣренна, судя по величинѣ его, составлявшей 6 книгъ.

При первомъ изданіи Почтоваго *Дорожника*, въ 1824 г. напечатанномъ, въ числѣ 2400 экземпляровъ, цѣна установлена, по 15 рублей, ша самая, какая и при впоромъ назначена, и она также очень умѣренна въ сравненіи съ издержками, не упоминаемая уже о трудахъ занимавшихся составленіемъ *Дорожника*. По крайней мѣрѣ такъ утверждають всѣ безпристрастные люди, и даже покупатели.

Продажа *Дорожника* производилась въ почтовыхъ мѣстахъ, а не въ книжныхъ лавкахъ, о чемъ было припечатано въ публичныхъ вѣдомостяхъ и въ каждомъ почтовомъ мѣстѣ выставлено о томъ объявленіе. Посему заключить должно, что Издашель Телеграфа дѣлалъ свои замѣчанія или по слухамъ, или-же какой нибудь книгопродавецъ, купивъ въ Почтамтѣ экземпляръ за 15 рублей, продалъ оный можешь быть, по рѣдкости уже экземпляровъ, за

Декабрь 1829.

25

50-рублей; чѣмъ далъ ему поводъ къ ложному заключенію о общей продажѣ.

Второго изданія Дорожника напечатано также 2400 экземпляровъ; слѣдовательно, въ краткое время появилось 4800 экземпляровъ (число весьма значительное); и при обоихъ изданіяхъ употреблены были всѣ усилія къ сокращенію издержекъ, дабы продажная цѣна была сколь можно менѣе.

Издатель Телеграфа не ошибся, что карты увеличили цѣну Дорожника; но опытъ доказалъ, что онѣ необходимы при подобномъ изданіи, не смотря на мнѣніе его, что можно-бы и безъ нихъ обойтись.

Опзывать его на счетъ картъ объявленъ былъ въ рѣзкомъ ономъ, и онъ проситъ вразумить его, въ чемъ онъ плохъ, дабы могъ оправдать себя. По крайней мѣрѣ значащія не спакъ судящъ, да тому и бытъ иначе нельзя, ибо рѣзчикъ сей есть изъ первыхъ въ Санктпетербургѣ. Можешь бытъ, на грѣхъ, попался Издателю Телеграфа плохой оппечашокъ; но сего во множествѣ избѣжать или усмотрѣть никакъ не лзя, что можно доказать и самимъ Телеграфомъ.

Что продававшъ изданіе въ такомъ видѣ, хотя и безъ картъ, за 2 рубли каждый экземпляръ, нтъ никакой возможности, въ томъ вѣрно и по совѣсти засвидѣтельствующъ не только типографщики, книгопродавцы, но и естъ Гг. Журналисты. Впрочемъ, на случай надобности въ прешьемъ изданіи Дорожника, Г. Издатель Телеграфа весьма обязалъ-бы, еслибъ сообщилъ наставленіе, какимъ

образомъ можно того достигнуть, чѣмъ-бы всѣмъ издаателямъ книгъ и Журналовъ принесть большую пользу, и они конечно были-бы благодарны за такое насшавленіе.

Иванъ Жуковъ.

О Т З Ы В Ъ

Издателя Телеграфа.

Весьма не охотно приступаю я къ опвѣщанью прошивъ замѣчаній на рецензіи, помѣщаемыя въ Телеграфѣ, ибо полагаю, что публика, имѣя уже рецензію и замѣчанія на нее, можешь сама судить и рѣшишь кто правъ, безъ оспягощенія себя излишнею полемикою. Но въ нѣкошорыхъ случаяхъ дополнителныя изьясненія необходимы. Къ такимъ случаямъ принадлежишь возраженіе Г-на Жукова на библиографическое извѣстіе о *Погтовомъ Дорожникѣ*. Писавъ сіе извѣстіе, я совсѣмъ не думалъ оскорбить кого нибудь моими замѣчаніями; вышло прошивное. Разберемъ-же дѣло по порядку.

1-е. Почтъ-Календарь былъ *неудовлетворителенъ*, сказалъ я. Почтъ-Календарь былъ *весьма удовлетворителенъ*, опвѣчаюшь мнѣ. — Сличите его съ 2-мъ изданіемъ *Погтоваго Дорожника*, и увидите, что я правъ.

2-е. Число экземпляровъ *Дорожника* было *недостаточно*, сказалъ я. *Достаточно*, говоряшь мнѣ, ибо, какъ первое такъ и второе изданія, состояли изъ 2400 экземпляровъ. Но перваго давно нѣтъ, и вто-

раго оспаеся весьма немного, слѣдственно : печатать надобно было по шести, по десяти тысячъ, чтобы удовлетворить требованіе, и почестъ издавіе достаточнымъ.

3-е, Карты плохи, замѣнилъ я. Хороши, говорятъ мнѣ, и ссылаются — на рѣзчика, оныя вырѣзывавшаго! Свидѣтельствую мое почтеніе сему арписшу, но указываю на карты, издаваемые опъ Депо картъ. Сличите съ оными карты, приложенныя къ Дорожнику, и тогда увидите, что сія послѣднія грубо вырѣзаны, напечатаны на плохой бумагѣ, раскрашены весьма неискусно, и почъ въ почъ шаковы, какія издають наши Г-да книгопродавцы. О необходимости картъ не смѣю спорить; но знаю, что изъ десяти девять покупателей охотно уступятъ ихъ Издаателямъ Дорожника.

4-е, Цѣна дорога, замѣнилъ я. — Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчаютъ мнѣ : 15 рублей цѣна небольшая. Но я предполагалъ, что можно-бы продавать *рубля по два*, а какимъ образомъ, охотно готовъ располковать.

Въ Почтовомъ Дорожникѣ *тридцать* печатныхъ листовъ. Напечатанъ онъ на плохой, сѣрой бумагѣ, которая стоитъ рублей по восьми за стопу. На 2400 экземпляровъ надобно бумаги 150 стопъ, что составитъ 1200 рублей; за напечатаніе положимъ по 50 рублей съ листа, что составитъ 1500 рублей; приложите еще на обвершку и прочее 300 рублей, и вы увидите, что 2400 экземпляровъ Дорожника, безъ картъ, стоили-бы всего *тысячи три рублей*. Слѣдственно, продавать Дорожникъ по 2 рубля за экземпляръ весьма легко, ибо подобныя

книги издаются не для приобретения барыша, а для пользы общества. Я не упоминаю о трудах занимавшихся составлением Дорожника. Мне кажется, что Г-да составлявшие Дорожникъ, как чиновники Почтамта, исполняли свою должность, за что они получаютъ жалованье, чины, кресты и награды; следовательно, они должны были шрудишься, не шребуя никакой награды особенной.

5-е, Наконецъ я сказалъ, что 1-е издание Дорожника *продавалось въ книжныхъ лавкахъ по 50 рублей*. Это называютъ *ложнымъ заключеніемъ*; но я ссылаюсь на Реэсиръ Библиошеки для чтенія Г-на Смирдина, гдѣ подъ № 3701-мъ напечатано мое оправданіе. Что книгопродавцы, купивъ книгу по 15 рублей, продавали по 50 рублей, за рѣдкость экземпляровъ, ихъ винить не лзя, а виною сего было недоспашочное количество экземпляровъ книги.

Очень буду радъ, если мои замѣчанія, пригодяшся при *третьемъ* изданіи Дорожника, и пожалѣю, если, не смотря на нихъ, дѣло пойдетъ прежнимъ порядкомъ, что бываетъ весьма часшо въ дѣлахъ лишперашурныхъ; впрочемъ — было-бы сказано. . .

Николай Полевой.

С М Ъ С Ъ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ портретъ Симона Боливара, Президента Колумбійской республики. Имя его извѣстно всякому. Припомнимъ читателямъ Телеграфа, что жизнеописаніе и характеристика Боливара были помѣщены въ Телеграфъ (см. 1828 г. т. XXII-й, стр. 605-622).

Въ Москвѣ получены двѣ медали, сдѣланныя въ Пруссіи, одна на объявленіе войны Россіею Турціи; другая на взятіе Варны. На обѣихъ, съ одной стороны находится портретъ Государя Императора, съ надписью: Николай I-й, Императоръ Всероссійскій. Съ другой стороны, на первой медали представлень нашъ Монархъ, въ одеждѣ рыцаря: Онъ благоговѣнно склоняется и приемлетъ изъ рукъ Вѣры крещъ и мечъ; шлемъ лежишь у ногъ его; вокругъ надпись: « Препояши мечъ твой по бедръ твоихъ, сильне! » Внизу: *Объяв. война, 14 Апрѣля 1828 г.*—На оборотѣ второй медали надпись: *Варна, побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ, взята Сент. 29 дня, 1828 года.* Дубовый вѣнокъ окружаешь сіи слова.—Изобрѣшеніе обѣихъ медалей принадлежишь искусному Прусскому медальёру Г. Лоосу; вырѣзываль ихъ Г-нъ Губе. Горячее участіе, принимаемое

гражданами Пруссіи въ славѣ нашей, конечно обратишь] на доказательство онаго вниманіе просвѣщенныхъ Россіянь. Многіе, вѣроятно, захотятъ имѣть медали Г-дъ Лооса и Губе, какъ памятникъ великихъ современныхъ событій. Медали сии заслуживаютъ вниманіе и по сходству портретовъ Великаго нашего Монарха, и по искусной ошдѣлкѣ. Онѣ продаются въ магазинѣ В. И. Киспера, на Ильинкѣ; бронзовый экземпляръ стоитъ 5 рубл. ассигнаціями.

Съ Новаго года въ Петербургѣ будетъ издаваема Г-мъ М. А. Бесшужевымъ-Рюминымъ новая литературная газета: *Сѣверный Меркурій*. Каждую недѣлю будетъ выходить по 3 №, и по 4. Цѣна съ пересылкою 37 рубл. асс.—Содержаніе оной составятъ: Словесность, Кришица, Библиографія, Смѣсь. Издатель напередъ обѣщаетъ полемичку, особыми листочками, подъ шитудомъ: *Безкровный бой*. Но полно согласился-ли кшо вступить въ бой съ Сѣвернымъ Меркуріемъ? Въ такомъ случаѣ, *безкровный бой* не пойдетъ-ли подъ пару къ *Донь-Кихотовымъ мельницамъ*?— Впрочемъ, А. О. Воейковъ ручается за достоинство будущей газеты. Не знаемъ только, кшо за самого Г-на Воейкова ручается?

Къ Новому году выйдеть въ Москвѣ Альманахъ: *Денница*, собранный Г-мъ Максимовичемъ. Мы видѣли его въ рукописи, и охотно рекомендуемъ читателямъ. Въ семь Альманахѣ будутъ помѣщены:

большой отрывокъ изъ трагедіи Пушкина : *Борис Годуновъ* ; стихи Е. А. Баратынскаго, Н. М. Языкова, Б. Дельвига ; стихи и проза Ф. Н. Глинки ; отрывки изъ *Гайдамака* , романа, сочиняемаго Г-мъ Байскимъ ; стихи и проза покойнаго Веневитинова, обзорніе Русской Литтературы 1829 года , написанное И. В. Кирѣевскимъ ; стихи и проза Князя П. А. Вяземскаго , А. Ф. Мерзлякова, и проч. и проч. — Все это можешь служить порукою за чтеніе пришлое и занимательное. Г-да иногородные могутъ выписывать *Денницу* , адресуясь къ А. С. Ширяеву ; цѣна 10 рубл. ассигнаціями.

Наконецъ, желаніе охотниковъ до чтенія , и вообще всѣхъ просвѣщенныхъ жителей Москвы : имѣть въ Москвѣ хорошую публичную библіотеку для чтенія Русскихъ книгъ , удовлетворено А. С. Ширяевымъ. Благодарность сему почтенному книгопродавцу мы считаемъ обязанностью нашею. Библіотека Г-на Ширяева не привидѣніе библіотекъ , въ которыхъ романовъ сколько угодно, а болѣе ничего нѣтъ. Г-нъ Ширяевъ, при обширной своей торговлѣ , успѣлъ въ печеніе многихъ лѣтъ собрать Библіотеку весьма богатую и снабдить ее такимъ множествомъ всякаго рода Русскихъ книгъ , что при самомъ началѣ Библіотека его равняется съ извѣстною С. Петербургскою Библіотекою для чтенія А. Ф. Смирдина , такъ , что подписчики въ Библіотекѣ Г-на Ширяева получаютъ Каталогъ Г-на Смирдина , по которому могутъ требовать всѣ книги.

Слѣшимъ извѣстнѣе любителей музыки, что въ музыкальномъ магазинѣ Г-на Ленгольда получена драгоцѣнная книга : Школа фортепѣанная, сочиненная знаменишымъ Гуммелемъ. Имя сего славнаго композитѣра и фортепѣаниста досташочно для показанія достоинствъ книги ; прибавимъ , что, по опзывамъ знапоковъ, никогда еще не являлось школы фортепѣанной столь хорошо расположенной, снабженной столь многими примѣрами для всѣхъ подробностей, и столь богатой въ изъясненіяхъ. Она начинается изъясненіемъ, какъ садиться за фортепѣано, а оканчивается теоріею импровизацій музыкальныхъ. Сего досташочно для показанія ея обширнаго объема. Книга сія издана на Французскомъ языкѣ, подъ шишуломъ : *Méthode complète théorique et pratique pour le piano-forte*, и на Нѣмецкомъ, подъ шишуломъ : *Ausführliche theoretisch - practische Anweisung zum Piano-forte-Spiel*. Сія послѣдняя посвящена Авторомъ Государю Императору Николаю I-му. Изданіе книги богашо : въ большую четвершку, съ поршретомъ Авшора, снимкомъ нотъ, имъ писанныхъ и біографіею его. Всѣ ноты, въ книгѣ помѣщенные, гравированы превосходно. — Намъ обѣщали подробный разборъ сей любопытной книги ; увѣдомляя о ней читашелей, прибавимъ, что почтенный Г-нъ Ленгольдъ полагаетъ за нее самую умѣренную цѣну : на Французскомъ языкѣ (въ Парижѣ экземпляръ стоить 100 франковъ) — 100 рублей ; на Нѣмецкомъ 80 рублей. Г-да иногородные прилагають за пересылку 7-ми фуншовъ.

 РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Днѣпровская Русалка, часть 3-я, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Мнимый невидимка*, опера въ 1-мъ дѣйствіи; *Дивертисментъ* (бенефисъ Г-жи Филлисъ).

Предлагаемъ на разрѣшеніе нашихъ читашелей слѣдующій важный, истинно философическій вопросъ: Кто оказываетъ болѣе неразумія, семилѣтній мальчикъ, который сѣвши верхомъ на палочку, бѣгаетъ по комнатамъ, ссѣгаетъ хлыстикомъ, кричитъ: поспоронисъ! безпрестанно задѣваетъ спульи и сполы, и оканчиваетъ свою игру шѣмъ, что едва переводя духъ отъ усталости, упадешь и ушибешь ручку, или семидесятилѣтній шарецъ, который послѣ дѣтешельной жизни долженъ наслаждаться спокойствіемъ, и вмѣсто того проводишь цѣлыя ночи за боспономъ, вышаскиваетъ изъ принадацаши каршъ одну за другою, сердится, когда поставишь лабеть, и съ досадою плашишь проигранныя имъ деньги? Вопросаемъ еще разъ: который изъ двухъ вышеприведенныхъ живущихъ, глуше въ своихъ забавахъ? Читашели не отвѣчаютъ? И шакъ, мы сами разрѣшимъ имъ эту задачу, и скажемъ, что младенецъ и шарикъ равно умны; каждый изъ нихъ веселился по своему, и если забавы ихъ бывають сопряжены съ неудовольствіями, то эшо есть слѣдствіе непрелож-

ныхъ законовъ міра нравственнаго. Худо дѣлають шѣ люди, кои порицають и воспрещаютъ безвредныя увеселенія. Такъ на примѣръ, сшрогая няня, кошорая изъ опасенія, что младенецъ ушибется, не позволяеть ему рѣзвиться и бѣгать и засшавляетъ смирно сидѣть за скучною азбукою, сдѣлаеть малышку вялымъ, неуклюжимъ, упрямымъ и лишитъ его всѣхъ прелестей его возраста; равномѣрно заботливая машушка—мадамъ, кошорая не позволяеть своему дряхлому супругу сердиться за каршочнымъ столомъ, сдѣлаеть шарика бранчивымъ, брюзгливымъ и даже несноснымъ въ собственномъ семействѣ. Умъ неоспоримо есть драгоценный даръ Творца, но умъ не шерпящій безвредной веселости — хуже дьявольскаго наважденія! Справедливо гласитъ старинная поговорка: кто сшасшливъ, шощъ и мудрецъ. А въ чемъ состоитъ сшасстіе? Эшого еще никшо не опредѣлилъ. Но шо неоспоримо, что веселость есть принадлежность сшасстія. Слѣдовашельно шо, что веселишь, не можешъ бышь глупо. *Probatum est* и послѣ сего силлогизма мы естественнымъ образомъ заговоримъ о старинной оперѣ: Днѣпровская Русалка.

Первая часть сей оперы была предшавлена въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1804 году. Она шакъ понравилась публикѣ, что и шарый и малый должны были видѣть Русалку. Арія изъ Русалки напѣвались всѣми, балльная музыка заимшвовалась изъ Русалки; на дѣшскихъ балахъ, бывшихъ въ большой модѣ, прелестные па, сочиненія Г. Юге-

ля, танцовались подь извѣстные напѣвы: *Приди въ тертогъ ко мнѣ златой* и *Полно-те вздорить*, *нашите плясать*; учили на фортепiano обязаны были доставлять барышнямъ Thema con variazione изъ Русалки; даже лакей, который гуля подь качелями, дѣлалъ привѣтствіе разсудившей красавицѣ своего сословія, получалъ ошъ нея въ отвѣтъ: *мужины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ!* Эша слава Днѣпровской Нимфы очень понятна. Опера веселила публику, слѣдовательно должна была ей нравиться. Но сія обвѣщавшая Русалка имѣетъ также достоинство въ литературномъ отношеніи. Умная, и даже если угодно премудрая Мадамъ Сшаль, которая по боготворила Бонапарте, по ненавидѣла Наполеона, съ похвалою ошзывается о Русалкѣ въ извѣстномъ сочиненіи: *О Германіи*. Въ философическомъ обзорѣнн сей занимательной страны, дочь славнаго Неккера ошискала истинную поэзію въ шуточномъ произведеніи Музы Вѣнскихъ театровъ. И подлинно! Частыя явленія Русалки въ разныхъ привлекашельныхъ видахъ, любовь сего неестественнаго существа къ смершному, даже проказы ея съ добрымъ, веселымъ Тарабаромъ, симъ Санчо-Пансою Князя Видоспана, все эшо дышитъ очаровашельностью фаншасшическихъ міровъ древнихъ Грековъ и Воспчныхъ народовъ. Забавный Конюшій и старуха Рашима, сушь истинно комическія лица. Если прибавимъ къ сему употребляемая въ сей оперѣ хипрости механическаго и живописнаго искусства, шо не лзя не сознашья, что опера: Русалка,

можешь быть названа въ полномъ смыслѣ прекраснымъ зрѣлищемъ.

«Эта пьеса слишкомъ глупа,» скажешь угрюмый ненавистникъ увеселеній; «я въ ней не нахожу никакой пищи для моего ума.» Мы никакъ не согласимся съ подобнымъ сужденіемъ. На счетъ пищи, умъ прихотливѣе гаспронома Камбасереса; трудно ему угодить, и онъ во всемъ найдетъ недоставки! Сверхъ того, театральное зрѣлище есть не трапеза, а десертъ для ума. Въ театрѣ не насыщающъ, а только лакомятъ умъ. Тамъ нѣтъ не правилъ мудрости, а минушнаго развлеченія и забвенія пияжкихъ попеченій жишейскихъ; пошпитатели спектаклей могутъ избрать себѣ девизомъ стихъ Карамзина: *На минуту позабудемъ въ гародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!* И неужели важные и сановные аристархи, оскорбляющіеся невинною забавою, полагающъ, что для доставленія народу увеселенія вовсе не нужно ума? Ошибающся! Соспряпаешь какую нибудь смѣшную Русалку, можешь быть, гораздо труднѣе, нежели сочинишь философическую шрапсацию. Литтературныя произведенія ума оцѣняются по ихъ долготѣию, а мы видимъ, что Мольеръ до сихъ поръ живъ на сценѣ, между тѣмъ какъ Спиноза и многіе подобные ему давнымъ давно забыты, въ самыхъ храминахъ учености, въ Академіяхъ и Университетахъ. Мы готовы стоять горою за Русалку, за Тарабара и за всѣ зрѣлища, которыя безвредно шѣщаютъ зрителей.

У насъ въ Россіи нѣтъ Большой Оперы; по край-

ней мѣръ она является на сценѣ очень рѣдко. И слава Богу что не часто! Намъ до сихъ поръ памяшны безконечно-ушомишельные речиспашивы и кадансы арпшшовъ Парижской музыкальной Академіи. Самые ревностнѣйшіе Французскіе меломаны скучающъ Большою Оперою; шѣмъ не менѣ это зрѣлище сущесшвуетъ болѣе сша лѣтъ, потому что оно поддерживается великолѣпіемъ спектакля. Я помню анекдотъ объ извѣстной оперѣ: Торжештво Траяна, сочиненной въ честь великодушнаго посшупка Наполеона съ супругою Берлинскаго Губернатора. Въ этой пьесѣ, обставленной со всевозможнымъ великолѣпіемъ, Императоръ выѣзжаетъ на сцену въ богашой колесницѣ, запряженной чешырьмя лошадьми и сопровождаемой опрядомъ конницы. Славный волшижеръ Франкони является на сценѣ со всѣми своими искусниками. Одинъ Парижанинъ, кошорый былъ не охошникъ до пѣнія Лаиса и Г-жи Браншю, объявилъ однажды, что онъ пойдемъ вечеромъ въ Большую Оперу. На замѣчаніе пріятеля, что онъ до сихъ поръ не любилъ этого зрѣлища, онъ отвѣчалъ: «Сегодня дающъ Траяна. Надобно посмотрѣшь лошадей!» Вопъ изрѣченіе, кошорое совершенно характеризуетъ публику въ отношеніи къ ея забавамъ. Такъ и у насъ дѣлается! Можно смѣло ручашься, что Русалка, Невидимка, и прочія очаровашельныя зрѣлища, всегда будутъ предпочишаемы лирическимъ шрагедіямъ Кино, Мешаспазія, Эменара, Аббата ди Понше и другихъ; равномѣрно упошребляемые въ вышеименованныхъ операхъ національные нацѣвы, коими шакъ искусно воспользовались Кавось и Давы-

довъ, скорѣе угождать всеобщему вкусу поспѣшителей Русскихъ театровъ, нежели самыя высокоученныя произведенія Глюкка, Пиччини, Сальери, Саккини и тысячи другихъ. Публика, умѣющая цѣнить хорошее, очень малочисленна; публика, любящая веселиться безусловно, почти безчисленна. Сія послѣдняя требуетъ блестящихъ декораций, замысловатой механики, превращеній, полетовъ, хоровъ, балетовъ, словомъ всего того, что въ простонародь называется *морозеньемъ*. Надобно угождать и этой публикѣ, которая по нашему мнѣнiю, на счетъ увеселеній едва-ли не умнѣ самыхъ ученыхъ сословій. За симъ обратимся къ Русалкѣ.

Г-жа Филлисъ, первая пѣвица здѣшняго театра, была въ большомъ затрудненіи на счетъ выбора пьесы для своего бенефиса. Она рѣшилась наконецъ представить давно извѣстную Русалку, и въ этомъ случаѣ, со стороны нашихъ артистовъ былъ оказанъ рѣдкій примѣръ товарищеской пріязни. Первоклассные актеры, желая помочь успѣху представленія, добровольно вызвались играть въ этой старой оперѣ. Такимъ образомъ, первый нашъ трагикъ, Г. Мочаловъ, занималъ роль Князя Видостана; Г-жа Рыкалова представляла Княгиню Милославу; первый нашъ басистъ Г. Лавровъ игралъ Остана; Г-нъ Сабуровъ рѣшился смѣшить публику въ роли забавнаго Тарабара; даже ничтожную роль привидѣнія занималъ трагическій актеръ Г-нъ Орловъ. Говорятъ что и Г-нъ Щейкинъ охотно брался играть Кифара, но поспѣшное изученіе

роли и музыки для слѣдующей за симъ пьесы, воспрепятствовали ему исполнить свое намѣреніе. — Этошъ похвальный поступокъ нашихъ артистовъ увѣнчался желаемымъ успѣхомъ. Всѣ мѣста въ большомъ театрѣ были заняты и бенефициантка не осмалась въ накладѣ. Въ замѣнь сего и любопытная публика была угощена пошнно прекраснымъ зрѣлищемъ. Г-жа Филлисъ, не взирая на нешвердое знаніе Русскаго языка, кошорое много ей мѣшаетъ въ игрѣ, была очень и очень хороша въ роли Днѣпровской Нимфы. Объ искусствѣ ея въ пѣніи, излишне было-бы и говорить. — Г-нъ Лавровъ пѣнядъ восхишительными звуками своего прекраснаго голоса. — Г. Мочаловъ, и въ ничпожной роли былъ все пошъ-же величешвенный, благородный, пламенный Мочаловъ, кошорый восхищаетъ насъ въ прагедіяхъ. — Болѣе всѣхъ доставилъ удовольствія Г. Сабуровъ, кошорый за недѣлю предъ симъ такъ хорошо игралъ остроумнаго, хитраго Фигаро, и вдругъ, какъ будшо по мановенію проказницы Русалки, превратился въ простодушнаго Тарабара. Видя его въ сей послѣдней роли, нельзя было не удивляшся опличному и разнообразному шаланшу сего актера. Едва-ли самъ Рязанцевъ могъ-бы сыграть оную лучше Г. Сабурова. Единогласный вызовъ по окончаніи пьесы и многочисленное собраніе зрителей во второе представленіе сей давно извѣшной оперы, ясно доказали Г. Сабурову, что публика признашельна за удовольствіе, доставляемое его игрою, а справедливость обязуетъ сказать, что подобное удовольствіе доставляешся имъ не въ первый разъ. Не

много найдется въ Россіи актеровъ, которые такъ достохвально прошекають свое театральное поприще.

На счетъ наружныхъ принадлежностей сего зрѣлища замѣтно было, что пьеса обставлена на скорую руку. Декораціи и машины были съ грѣхомъ по поламъ. Всего курьознѣе было восхождение солнца во второмъ дѣйствіи!... Но впрочемъ эти недоспадки извиняются поспѣшностью, съ коюю приготовленъ сей спектакль, къ назначенному сроку, и неизбѣжною бережливосшью Дирекціи въ обставкѣ бенефисныхъ пьесъ. Малорослые рыцари, назначенные въ команду къ Тарабару, и разъезды по сценѣ сего предводителя на живомъ козлѣ, въ сопровожденіи уродливыхъ свѣтъ выпязей — невольное заставили смѣяться самыхъ угрюмыхъ зрителей. Повторимъ еще разъ: что веселитъ безъ вреда, по очень хорошо и даже полезно. — Послѣ Русалки дана была небольшая опера: Мнимый невидимка, которая смѣшила публику не менѣе забавнаго Тарабара. Въ сей пьесѣ Г. Щепкинъ занималъ роль ревниваго шракирщика, который желаетъ сдѣлаться невидимкою для того, чтобы подсматривать за женою и пощипателями его дома. Не нужно говорить объ удовольствіи, доставленномъ публикѣ его прекрасною игрою. Щепкинъ вездѣ Щепкинъ! — Роль офицера, который дурачитъ глупаго шракирщика, и сообщаетъ ему тайное средство сдѣлаться невидимымъ, занималъ Г. Баншышевъ. Пьесе этого молодаго артиста, часъ отъ часу усовершенствуется. Видно по всему, что

Декабрь 1829.

26

онъ заботился не столько о прибавкахъ къ жалованью , сколько о прочной славѣ. Примѣръ похвальный , который найдешь мало послѣдователей! — Г-жа Рѣпина въ роли шракирщицы , была по обыкновенію очень мила , и пѣла предестно нечпѣйшія слова какія только можно выдумаешь. Упомянувши о Г-жѣ Рѣпиной и о Г. Баншышевѣ , невольно пожалѣешь о томъ , что комическая опера у насъ совершенно изгнана со сцены , и замѣнена несносными водевилями , въ коихъ видишь одни усилія авшоровъ и переводчиковъ вклеить острое слово въ осьмислшшннй куплетъ. Пріятныя мелодіи Далеярака , Мегюля , Габо , Делла Маріа и многихъ другихъ , не нуждающся въ приправѣ водевильными оспрошами и несомнѣнно доставили-бы удовольствіе нашей публикѣ. Прелестная опера: Старинныя свѣтки , въ теченіе тридцатилѣтняго существованія на сценѣ нравится своею простотою , вѣрностью изображенія минувшаго быта и не кудреватною мелодіею музыки , заимствованной изъ простонародныхъ или , лучше сказать , дѣдовскихъ напѣвовъ , которые , какъ священное достояніе предковъ , сохранились между простолюдинами , не измѣнившими обычаевъ своихъ опцевѣ. Упомянувши о сей оперѣ , мы , съ позволенія чшашпелей , выскажемъ наше мнѣніе объ оной. По многимъ причинамъ мы уже давно желали пошолковать о сей пьесѣ.

Старина для насъ миновалась безвозвратно , и то , что почиталось годнымъ нашими предками , въ наше время уже не годится. Это неоспоримо.

Скажу болѣе: настоящее поколѣніе, всегда счита-
 ешь себя умнѣ нежели исчезнувшее съ лица зем-
 ли, и едва-ли ошибается въ семь хвастливомъ
 мнѣніи. Мы живемъ, мы дѣйствуемъ, слѣдователь-
 но мы пригоднѣе для нашего вѣка, нежели шѣ,
 копорые давно не сущесивуюшъ. Бодрый мужъ
 всегда имѣеть преимущество предъ дряхлымъ
 старцемъ; такимъ образомъ и эпоха нашего бы-
 тія гораздо лучше для насъ, нежели давно минув-
 шая. Называемое нами спариною въ непрерывномъ
 возрожденіи челоувѣковъ, ешь не иное что какъ
 младенчество каждаго поколѣнія. Она сущесву-
 ешь для насъ въ воспоминаніи, какъ дѣтскія лѣта,
 и между шѣтъ должна быть уважаема какъ живу-
 щій, дряхлый нашъ прародитель. Спаринный
 языкъ, содѣлался для насъ младенческимъ лепе-
 шомъ; но преданія о нравахъ и обычаяхъ нашихъ
 предковъ, бываюшъ для новѣйшаго поколѣнія уро-
 ками опытной мудрости. Однимъ словомъ, спари-
 на для современниковъ, олицетворяешся въ двухъ
 видимыхъ сущесвахъ: въ прелесномъ, невинномъ
 дшяши и въ масшиномъ спарцѣ. Мы любуемся
 однимъ, и съ почшеніемъ взираемъ на другаго. На-
 слаждаясь въ полной мощи благами бытія, мы
 увлекаемся невольнымъ чувствомъ къ началу онаго,
 къ прошедшему, и это самое чувство содѣлало
 Историю драгоценностью между народами. Уче-
 нѣйшіе люди посвящаюшъ долготѣнне и силь-
 ные шруды, на поясненіе такихъ событій, копо-
 рые никогда не возобновятся, а геніи, одарен-
 ные самымъ пламеннымъ воображеніемъ, созидаюшъ
 міръ фантазіи *въ дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ,*

съ *предалихъ старины глубокой.* — Въ новѣйшихъ произведеніяхъ Словесности болѣе всего шребують историческихъ изображеній. Краснобайные вымыслы Ваалтера Скоинпа, обязаны своимъ успѣхомъ вѣрнымъ предшавленіямъ того, что дѣлалось въ годы давно уже слившіеся съ вѣчностью. Кто-бы подумалъ, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, гораздо прежде обнародованія сихъ лишшературныхъ шрегованій, уже написалъ яркими красками картину стариннаго быта, которая въ другихъ странахъ обрашила-бы на себя всеобщее вниманіе ученаго міра, а у насъ . . . но объ этомъ послѣ.

Въ оперѣ: *Старинныя свѣтки*, Авторъ перенесъ насъ въ тѣ вѣки, когда права мѣспничества были между спѣсивыми боярами поводами къ ссорамъ, оканчивавшимся истинно Христіанско-брашскими примиреніями; когда эти самые бояре жили въ своихъ нещеголевашыхъ, но обширныхъ, прочно вышроенныхъ палатахъ; когда не ломбардные билеты, а кованые ларцы, наполненные золотыми и серебряными монетами, свидѣтельствовали о благоразумной ихъ экономіи; когда, не гастрономическія ушонченности, а для всѣхъ открытые столы, являли изобиліе ихъ домовъ; когда, не маклерскія книги, исписанныя копіями съ заемныхъ писемъ, а богатые милосшыни возвѣщали о щедрости бояръ; когда прекрасная половина рода человѣческаго не вынуждала опцевъ и супруговъ проклипать искусницъ Кузнецкаго моспа, а украшала свои прелесци уборами домашней работы,

доселъ признаваемыми истинно-пѣвнательными, и наконецъ, когда для воззрѣнія на красавицъ, неразъѣзжавшихъ по баламъ и театрамъ, отважный любовникъ долженъ былъ пробиваться сквозь заклепы высокихъ шеремовъ и сквозь грозную стражу дворниковъ, служивелей, сѣнныхъ дѣвушекъ и строгой матушки. Въ этотъ самый, неприступный шеремъ, переноситъ насъ сочинитель оперы: Спаринныя свяшки. Онъ воскрешаетъ нашихъ прародительницъ, и заставляетъ любоваться ихъ простыми и веселыми играми. Не гавошы и не мазурки танцуютъ красныя дѣвицы въ высокомъ шеремѣ дома боярина Симскаго. Нѣтъ! Настасія прекрасная съ подругою своею, въ слѣдствіе спаринной святочной игры пляшетъ, подъ веселую пѣсню: *гадай, гадай дѣвица!* и граціозныя движенія танцующихъ дѣвушекъ въ богато-щипыхъ сарафанахъ и жемчужныхъ повязкахъ, ихъ лебединоплавная походка, ихъ милое помахиваніе прелестными головками, бѣлоснѣжныя руки, коими они величественно поводятъ—все это заставляетъ забыть вычурныя танцы красавицъ нашего времени. Этой граціи напрасно будешь искать въ искуснѣйшихъ на быспроногихъ Гюлленъ и Харламовой! Скажемъ болѣе! Хариты древнихъ Грековъ, со всѣмъ сонмомъ Эрошовъ, позавидовали-бы симъ пѣвнательнымъ играмъ свяшой Русской шарины.—Потомъ сочинитель дѣлаетъ зрителей свидѣтелями маленькой шайны древнихъ шеремовъ. Онъ заставляетъ насъ подслушать какъ наши скромныя прабабушки толковали о всеобщей необходимости для смертныхъ, о потребности любви. Онъ по-

казываете намъ шѣ невинныя чары, къ коню, слѣдуя повѣрю, прибѣгали красавицы для узнанія своихъ суженыхъ. Не преминулъ онъ представлять намъ и хитрость старушекъ того времени, которыхъ, получивши увольненіе изъ сферы любви, какъ будто воспоминанія ради, помогають предприимчивымъ любовникамъ. Онъ заставляетъ страстныхъ суженыхъ изъясняться въ любви благопристойнымъ и простымъ языкомъ нашихъ предковъ, и послѣ этой прелестной сцены, вдругъ пугаетъ всѣхъ святочнымъ событіемъ! Выводитъ домоваго, одушевляетъ спашуи, и волшебнымъ замкомъ запираетъ уста грѣшной няни. И все это чародѣйство поясняется самымъ простымъ образомъ. Помошь знакомишь насъ Сочинишель съ старинными боярами, съ ихъ радушіемъ, съ ихъ гостепріимствомъ, съ ихъ непоколебимою честностью и съ простыми ихъ увеселеніями въ кругу милаго семейства. О вкусахъ спорить не лзя, но что до меня касается, то я съ большимъ удовольствіемъ слушаю загадки и скороговорки, которыхъ Бояринъ Симскій и Князь Гагинъ загадываютъ краснымъ дѣвушкамъ — нежели всѣ подслащенные каламбуры новѣйшихъ пьесъ. Что-же касается до пѣня, коню украшена сія опера, то не только я, чинишель старины, но и самый хладнокровный зришель, посѣщающій театръ для того, чтобы наслаждаться любимымъ Итальянцами *far niente*, пробуждается опъ умственной лешаргін и съ радостью слушаетъ, когда Наспась прекрасная воспѣваетъ *славу солнцу на небѣ и славу Русскому Царю на сей землѣ*. Сердца нашихъ соотечественниковъ еще не совсѣмъ

оглохли ; напоминаніе о любви , преданности и до-
вѣренности , пишасмой Россіянами къ своему Госу-
дарю , о завѣщанной предками нашими вѣрности
къ Престолу , дѣйствуютъ и на самыхъ равнодуш-
ныхъ посѣщителей театра . Эта пѣсня сколько-же
драгоцѣнна для Рускихъ , сколько для Французовъ
ихъ прошлой и прелестный : *Vive Henri IV!* — Кто-
бы подумалъ , что въ сердцѣ нашего отечества ,
въ древней столицѣ , въ Москвѣ , сохранившей ос-
ташки свяшой старины , столь прекрасное и даже
восхищительное зрѣлище , какова опера : Старин-
ныя свяшки , является на театрѣ безъ жалости
обрѣзанное , сокращенное , лишенное заниматель-
ности , въ видѣ какого-то пошлаго Русскаго дивер-
тисеменша ? Между шѣмъ въ нѣкихъ Журналахъ
спараются насъ увѣрить , что безжизненный , на-
полненный анахронизмами и неправдоподобный въ
предсавленіи историческаго событія водевиль :
Федоръ Григорьевичъ Волковъ , *долженъ* нравиться ,
и что шомъ не Рускій , кто не восхищается этою
пустою пьесою ! . . . Послѣ этого невольнымъ об-
разомъ повшоришь Англійское *годдемъ!* — Но если
опера : Старинныя свяшки , по кажимъ нибудь при-
чинамъ не можетъ являться въ настоящемъ видѣ
на сценѣ , то мы , именемъ всѣхъ благомыслящихъ
Литтературовъ , просимъ почтеннаго Сочинителя
сей прекрасной пьесы , напечатать оную вполне ,
безъ малѣйшихъ урѣзковъ , съ сохраненіемъ проспа-
го , плѣнительнаго слога и невинныхъ шутокъ ,
которыя шакъ понравились въ первое представле-
ніе . Ручаемся , что при нынѣшнемъ всеобщемъ
стремленіи образованныхъ странъ Европы знако-

мишься съ чужими произведеніями, опера : Старинныя свѣтки , какъ вѣрное и прелестное изображеніе обычаевъ древней Россіи , въ скоромъ времени будетъ извѣстна всѣмъ просвѣщеннымъ націямъ . А въ заключеніе , попросимъ прощенія у нашихъ читателей въ томъ , что мы отклонились отъ нашего предмета . Какъ бышь ! заговорило сердце Русское ! . . . Космополинизмъ есть не иное что , какъ личина , а душа всегда болѣетъ о родинѣ ! Что до меня касается , то я , вдоволь наглядѣвшись на различныя сцены Европы , чувствую , что сердцу моему гораздо милѣе родимый край со всѣми его морозами , нежели пѣвнибельный Лангедокъ съ его розами . Сказаль , и отъ сказаннаго не отступь !

В. У.

Н ѣ м е ц к і й Т е а т р ѣ .

Для любви все возможно , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ; *Проба ролей* , комедія въ одномъ дѣйствіи; *Вѣнскіе жители съ Берлиномъ* , опера въ 1-мъ дѣйствіи.

Мы увѣдомляли нашихъ читателей о прибытіи въ Москву Нѣмецкой труппы актеръ , и обѣщали сообщить подробное извѣстіе о искусствѣ ихъ , послѣ перваго представленія , которое и воспослѣдовало 11-го Декабря . По краткости времени и по невозможности съ одного раза узнать средства новыхъ артистовъ , мы ограничимся небольшимъ обзорніемъ ихъ дебюта . — По всему видно , что труппа составлена изъ опытныхъ и хорошихъ ак-

перовъ. Не взирая на то, что они играли на различныхъ театрахъ, въ цѣломъ представленіи было совершенное согласіе, какого напрасно добиваемся мы отъ нашихъ актеровъ. Всѣ три пьесы были обспавлены прекрасно; всѣ принадлежности спектакля, всѣ положенія на сценѣ играющихъ доказывали совершенное знаніе театральнаго дѣла. Всего пріятнѣе было видѣшь, что суффлѣру не было почти никакой работы. Судя по первому дебюту Нѣмецкой труппы, можно полагать, что Г-нъ Шверинъ — прекрасный актеръ; что Г-нъ Оманъ, режисѣръ труппы, весьма опытенъ по сей части, и въ добавокъ къ шому очень хорошо играетъ. Пѣвцы: Гг. Гедике и Ризе, за неприбытіемъ перваго тенориста, Г-на Миллера, оказывали свое искусство въ междудѣйствіяхъ. Первый пропѣлъ арію Вебера, другой арію Россини. Въ обоихъ пѣвцахъ видно знаніе музыки, но замѣтно было, что они еще не привыкли къ огромной сценѣ нашего театра и старались выкрикивать. Никто не доставилъ столько удовольствія публикѣ, какъ Г-жа Герстель. Съ самою пріятною наружностью, эша молодая актриса соединяетъ замысловатую, восхищательную игру. Мы отлагаемъ до другаго времени удовольствіе поговорить пространнѣе объ этой прелестной артисткѣ. — Спеченіе зрителей было весьма многочисленно, и можно надѣяться, что наша публика будетъ въ полномъ смыслѣ довольна Нѣмецкою труппою.

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ. ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

Господину Живописцу.

Вечеромъ, за чаемъ у Г. Предводишеля, въ № 18-мъ Телеграфа начисали мы повѣсть о подвигахъ какого-то славнаго Городничаго, по окончаніи коей всѣ единогласно воскликнули: «Почему-же не описашь подвиги нашего любезнаго Капитанъ-Исправника?» И обратясь ко мнѣ всѣ сказали: «Вы Сидоровичъ, старый писака; махните-ка къ Живописцу грамотку.» — Любя своихъ приятелей, я не смѣлъ ошказаться, и въ удовольствіе ихъ посылаю къ вамъ, милосшивецъ, сіе скудное мое марье.

Отставной арміи Поручикъ Н. Н. выбранъ у насъ прошлаго года въ Капитанъ-Исправники. Какъ человекъ военный, онъ захотѣлъ ошличиться

на поприщѣ гражданскомъ, не имѣвши случая отличиться на полѣ рашномъ. Вступивъ въ должность, съ перваго раза началъ онъ съ плеча: зашумѣлъ, закричалъ, запопалъ; Секретарь запрешалъ; съ повышчика холодный пошъ градомъ, а писаря прошрезвидилъ. Славный приѣмъ!

Вошъ видите, мы и порадовались военному духу Капишанъ-Исправника, и, правду скажешь, перья заскрипѣли; полугодовой запасъ бумаги вышелъ въ два мѣсяца; вѣдомости объ исполненіи доведены до послѣдняго числа, и число исходящихъ № увеличилось въ пятеро; дѣла пошли быспро — въ добрый часъ!

Да, вошъ видите, мой милосшивецъ: Секретарь-то у насъ спарожилъ въ судѣ, дѣлецъ, дока, крапивное сѣмя!! Онъ что-то смѣкнулъ, да и въ ушъ не дуешь, а пошихоньку посмѣивается и перемигивается съ повышчикомъ. Ушро и вечеръ спядяшъ они въ судѣ за дѣлами, а что-то не похуѣли бѣдняжечки! Капишанъ-Исправнику, какъ челоуѣку новому, эшо и не въ домѣкъ, а намъ, давнишнимъ жихелямъ, хощъ и приходишь въ голову кое-что, да не наше дѣло; пришомъ-же, подозрѣніе безъ улики, бѣда для доносчика, а хлопошы Капишанъ-Исправника и шожедневное исполненіе входящихъ бумагъ, покрывающъ все. — Только и Капишанъ-Исправника берешъ иногда раздумье. Число просишелей и ходатаевъ не уменьшается, при всѣхъ суешахъ его. Онъ за Секретаря, а Секретарь журналъ ему подъ носъ, и чишаешъ: «По прошенію тако-го-шо, того жъ числа испрашивана

чрезъ Губернское Правленіе справка, откуда еще не получено предписанія.» — «На указъ Губернскаго Правленія о немедленномъ взысканіи съ ошкупщика недоимокъ за прошлые годы, тогдаже потребовано отъ него объясненіе, за неполученіемъ каковаго въ назначенный срокъ, снова подтверждено о томъ, тогда-то.» — «По рапорту соискаго «объ ограбленіи поваровъ у купца, требовано «отъ него такихъ-то дополненій того жъ числа, «по полученіи коихъ приказано ему самому явиться «въ судъ для личныхъ объясненій; по отобраніи отъ него оныхъ того жъ числа *опредѣлено*: «отправить на слѣдствіе Засѣдателя Н., который «находился для обревизованія вновь построеннаго «моста въ такой-то деревнѣ, по прибытіи коего «оттуда въ то же время дана ему выписка изъ «журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписано ему въ «томъ-же селеніи заняться сборами поборовъ и «недоимокъ, значащихся по сему суду на такихъ-«то, за то-то и за то-то,» и проч. и проч. и проч. Исправнику ясно доказано; Секретарь правъ; просителя *просятъ* подождать.—Только Капитанъ Исправникъ все недоволенъ, и, Богъ знаетъ за что, сердится на Секретаря, и косо сморщивъ на повыщика, хотя и не знаетъ за ними никакой вины. Вѣрно бѣсовское наважденіе, а въ такомъ обсипоятельствѣ не долго и до грѣха. Такъ и случилось наемдн.

Его Благородіе потребовалъ къ себѣ журналъ прошлаго мѣсяца, началъ пересматривать оный, и какъ все было въ порядкѣ, то молча возвратилъ

его повыпчику. А досталось-бы ловко ему, если-бы журналъ не былъ исправень. Такъ содержитъ до сего дне въ страхъ свою команду нашъ почтенный Капитанъ-Исправникъ.

Каковъ-же онъ? По нашему скудному разсужденію, онъ знаменитѣе вашего Городничаго, ибо шомъ изукрасилъ улицы, а нашъ изукрасилъ судъ свой исправнымъ печеніемъ дѣлъ, и пошому мы надѣмся, что вы насъ не обидите, и помѣстите сію мою смиренную грамошку между спашейками, въ завѣдываніи вашемъ состоящими, чѣмъ крайне обяжете вашихъ усердныхъ почитателей.

Максимъ, Сидоровъ сынъ.

ЗАМѢТКИ НА КНИГѢ.

Одинъ изъ шоргашей, извѣстныхъ у насъ подѣ названіемъ *Елзниковцевъ* и *Коробичковъ*, по причинѣ заплечнаго короба, составляющаго ихъ походную лавку, обходя по порядку всѣ дома, удостоилъ посѣпить и меня. На вопросъ мой: какіе у него шовары? отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующею рацею:

*Есть иголки, булавки и крюжки,
Есть тесемки, ленты, таратки;
Есть наперстки, игольники, указки,
Картинки, картины и сказки,
Лапанъ, румяны и бѣлила,
Камфора, нашатыръ, и всякое мыло.*

Складны зеркала , зубочистны щетки ,
 Игрушки , марки , ухвертки .
 Есть кольца , крестики , сережки ,
 Гребни , гребенки , костяныя ложки .
 Есть инбирь , сабурь , калгань ,
 Каркумей , синій камень , шафранъ .
 Есть щеты , грифели , карандаши :
 Ей , ей , сударь , товары хороши !

Ну , брашъ , ужь слишкомъ много ! Найдется-ли у тебя и двадцатая доля всего , что ты насказалъ ? « А вошь увидише , баринъ , увидише ! » отвѣчалъ мнѣ чеспный торговецъ и началъ выгружать свою чудную посудину . Въ самомъ дѣлѣ большая чашъ изъ вышесказаннаго оказалась на лицо . Для курьозу купилъ я у него изображеніе райскихъ пшицъ : а) *Алкаоста* , кошорый таковъ *вѣнецъ на главѣ носить и сицевы цвѣты изъ рал выносить* , и б) *Сирина* , коего пѣніе *святинѣ въ лѣпоту , иже отъ усть восходитъ на высоту* . Между всякою всячиною книгъ , нашель я Ордена Архитекшуры по размѣру Виньола , съ сицевою надписью на обершкъ : « Сія Виньола , куплена въ Москвѣ 1792 года и заплачено за нее денегъ 5 р. 75 к. » Говоряшъ , что замысловатое названіе много придаетъ достоинства книгъ , покрайней мѣрѣ , въ отношеніи къ ея сбыту . На эшошъ разъ даже надписаніе : *сія Виньола* , послужило удачнымъ средшвомъ шоргашу продашъ свою книгу , можешъ бышъ , съ изряднымъ для него барышкомъ .

По уходѣ краснобая , я занялся перелистывашъ

емъ своей покупки, и къ большому, удовольствію моему и не малой пользѣ нашель слѣдующее :

На чершежахъ орденовъ положены резолюціи :

На Тосканскомъ орденѣ : « *Дѣлано*. По шолсто-«сти сего ордера употребляется въ строеніяхъ. »

На Ионическомъ : « *Не дѣлано*. Сей ордеръ по «большей части употребляется въ строеніяхъ, «шребуемыхъ понкости и нѣжности. »

На Коринескомъ : « *Не дѣлано*. Сей ордеръ по «большей части употребляется въ публичныхъ мѣ-«спахъ , шо еслѣ . . . » —

На изнанкахъ чершежей нашель я намалеванныя по линейкѣ, и кое-какъ ошѣ руки, преузорочные кор-низы , двери съ разными вычурами, и проч. ; шакже всякіе стихи , басни , анекдоты. Изъ сихъ послѣд-нихъ два показались мнѣ довольно иншересными , кошорые и помѣщаю здѣсь, съ небольшою перемѣною въ слогѣ :

1-й.

« Въ старинные годы ,
Когда воеводы
Дѣлами вершѣли
Такъ, какъ хопѣли ,

« въ нѣкоей ассамблеѣ одинъ чиновникъ жаловал-ся на невыгодную резолюцію имѣвшагося у него въ судѣ дѣла. То-шо, братаецъ, сказалъ воевода , какъ-бы не швоя амбиція , шо резолюція была-бы ина-ковая : шолько спойло-бы поклонись мнѣ въ пра-вое конышцо . . . Ошкровенно признашся , ошвѣ-

чалъ чиновникъ , я побоялся , чшобы ваша милость не улягнула !

2-й.

«Тотъ-же воевода, осмотрѣвъ домъ своего сосѣда, зажиточнаго купца, отдѣланный *вельми крсно и зѣло велемлно*, какъ гласишь рукопись, сказалъ хозяину, что для него паче всего инаго прочаго нравится *хлѣвъ*. Съ большимъ удовольствіемъ уступаю его для вашей милости, ошвѣчалъ пороватый купецъ.»

Остальное писанное, чѣмъ роскошно испещрена *Виньола*, соспойшь, или изъ извѣснаго, или изъ пошлаго, или изъ относящагося до домашней жизни бывшаго хозяина книги. Въ заключеніе всего прочиталъ я шаковое посвященіе: «Сія Виньола «принадлежитъ господину Губернскому Архивек-«тору N. N., кой своеручно посвящаетъ ее не-«забвенному своему другу и любезному пріятелю «опшовому строидьному подрядчику казенныхъ «строений N. N., на вѣки нерушимо.»

Ба, ба, ба! N. N.! старинный мой знакомецъ — вѣчная тебѣ память! . . . Какимъ чудомъ послѣдніа крохи нѣкогда огромнаго твоего достояніа попадаются въ руки бѣднѣйшаго изъ швоихъ знакомцевъ? Я живу, а корабль швоего счастья уже разбился, и обломки его, разносимые волнами суесть, достаются наконецъ обитателю суши, который боязливо сморѣлъ издали на величавое швое плаваніе по океану свѣша! И такъ, богатство швое, извѣстность, связи не спасли тебя ошъ крушенія!

Ахъ! для чего не повтораля ты каждочасно: « Не надѣйшеса на князи и на сыны челоувѣскіе, въ нихъ-же, нѣсть спасенія! » — Ты видѣль, какъ оснавили шебя въ несчастіи сильныя друзья твои, кошорыхъ ты угощаль обѣдами, шѣшилъ музыкою, забавляль сюрпризами, и съ кошорыми, можешь бышь, дѣлился своими барышами. . .

— Съ кѣмъ вы, дѣдушка, шакъ разсуждашь изволише? спросиль меня мой внукъ, вбѣжавшій въ эшо время въ комнашу.

« Ахъ, Павелъ, эшо ты! Я въ прелеспяхъ мечпанья Блаженспивоваль мои, свершались желанья —

И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ! . . . »

—И царство и швой флотъ онъ на мѣль посадиль —

сказала жена моя изъ другой комнашы. — Нѣшь, другъ мой, нѣшь! дѣло идешь не о царствѣ, не о флотѣ, а просто объ одномъ подрядчикѣ, съ кошорымъ я былъ знакомъ въ моей молодосипи!

« Ты былъ знакомъ съ подрядчикомъ? возразила жена моя. Кажись, ты не очень жалуешь подрядчиковъ, эшихъ, по швоему будь сказано, пѣявиць, сосущихъ кровь общественнаго шѣла! »

— Но эша пѣявица, другъ мой, была особливаго рода: съ горячею кровію, любимая главнымъ Докторомъ, доставлявшимъ ей всѣ случаи, гдѣ-бы она могла насосаться до сына, до самаго горла. И какъ Докторъ обыкновенно самъ припускаль ее къ общественному шѣлу, по и могъ-ли кшо другой, не знавшій столь-же хорошо, какъ онъ, Медицины, посовѣшовать ему поставишь другую пѣявицу, или

не спавишь вовсе никакой? Быль примѣръ, что одна смѣлая пѣвица вздумала было, почти насильно, вѣянуться въ какую-то часть пѣла; за шо Докшоръ, ошнимая ее, раздавидъ.

« Спусти въ воду своихъ пѣвицъ, » сказала мнѣ жена, « и повѣдай мнѣ о подрядчикѣ, кошорому ты посвятилъ сполько восклицаній. »

— Хорошо; слушай. Это былъ человекъ — почти въ родѣ Калліостро, съ небольшимъ умомъ, но съ большимъ умѣньемъ жить на свѣшѣ; человекъ, кошорому первые чиновники города плашили визишы, а не первые искали у него прошекціи; человекъ, кошорый умѣлъ выдашь себя за нес plus ultra въ Архишпекшурѣ, человекъ, кошорый малеваль планы, какъ *Макарка огаркомъ*, но о кошоромъ сильныя друзья его заставили всѣхъ думать и говорить, что онъ лучше всѣхъ на свѣшѣ архишпекшоровъ: съ большими познаніями, съ большимъ вкусомъ и съ безпримѣрною честностью, ибо, что новое спроеніе, шо и славный пиръ; раскинешъ бывало палашки, наймешъ музыканшовъ, съ сопѣлками, съ свирѣлками и—куда конь съ копышомъ, шуда бывало щацимся и мы, раки съ клешнями. Послѣ всего этого, кто-же спадъ-бы примѣчашъ за какими нибудь грѣхами хлѣбосольнаго спроишеля? Но повадишся кувшинъ по воду ходишь, шамъ ему и голову положишь, и новый Фазшонъ, засѣвшій не въ свою колесницу, бухъ и разшибся, шакъ больно, что уже никогда не вставаль. Тебѣ нѣшь нужды знашь, какъ это случилось, но нажитое неправдами, никогда прочно не бываешъ. » — Съ сими словами

положилъ я Виньолу, подавшую поводъ къ разговору нашему, на полочку, и рѣшился писать къ вамъ, Г-нъ Живописецъ, съ такимъ намѣреніемъ :

Кому не случается покупать или имѣть въ рукахъ шарья книги? Чтѣ еслибы каждый изъ насъ пересматривалъ замѣтки, примѣчанія, замѣчанія, какія рука хозяина самоедасно вноситъ на бѣлые листочки подлѣ переплета, на бѣлыя мѣстечки подлѣ испечатаннаго пространства страницъ? Правда, иногда любопытство награждалось-бы словами : *металь кровь — былъ на обѣдѣ у Н. Н. — шель свѣгъ — былъ первый громъ*; но какъ часто находили-бы и источники остроумія многихъ, и основанія учености, и шакіе опчешы въ дѣлахъ, какіе только на Спрашномъ Судѣ могутъ сдѣлаться извѣсными; какъ часто увѣрялись-бы мы, что смерть не одни *животы* оказываетъ.

Предлагая вамъ мысль мою на разсмотрѣніе, Г-нъ Живописецъ, честь имѣю быть, и проч.

N. N.,

Житель городка О.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Une étoffe tout-à-fait nouvelle, pour chapeaux et pour capotes, est la *pluche glacée*: fond d'une couleur et soies d'une autre; par exemple, fond rose, bleu, jaune, arbre de Judée, lilas, vert, grenat, et soies blanches.

Outre les tire-bouchons qui pendent le long des tempes, quelques dames en portent derrière la tête. Entre les cheveux relevés et ces tire-bouchons, existe une raie de chair qui va d'une oreille à l'autre.

Nous avons vu une robe de velours noir-plain, qui avait pour garniture, à la hauteur des genoux, au lieu d'une effilé à tête maillée, ou d'une frange en soie torsadée, une frange en barbes de plumes d'autruche noires, renouées comme ces franges en plumes que l'on met au bout des noeuds de satin ou de velours sur les chapeaux.

Le dos de beaucoup de robes est fermé par de petits boutons d'or.

Une des nouvelles étoffes pour robes, est un velours-plain à palmettes imprimées en or.

Quelques manteaux de drap bleu de roi, doublés en velours noir, ont un petit collet de velours sans pélerine.

Les petites cravates de velours se mettent en costume paré; on en fait dont les bouts sont brodés en or; elles ont un coulant en or.

En soirée, nos merveilleux mettent une cravate de satin blanc qu'ils étalent sur la poitrine, de manière à ne rien laisser voir de la chemise.

(*) До 10 декабря (н. с.) 1829 г.

Les dernières redingotes de nos merveilleux sont en drap bleu de ciel, avec collet de velours noir; elles ont deux rangées de boutons, se boutonnent jusqu'en haut, et descendent à peine aux genoux.

Головные уборы. Совершенно новая машерія для шляпокъ и капюновъ-шляпокъ, есть *лощенный плюшь* двухъ-цвѣтный, у котораго поле одного, а насыпь другаго цвѣта, на примѣръ: поле цвѣта розоваго, голубаго, желтаго, Жидовскаго дерева, лиловаго, зеленаго, гранашоваго, а насыпь бѣлаго цвѣта.

Кромѣ длинныхъ локоновъ на Англійскій манеръ, висящихъ по вискамъ, нѣкоторыя изъ дамъ носятъ шагіе локоны и сзади головы. Сіи локоны раздѣляются промежуткомъ отъ собранныхъ на верху головы волосовъ.

Модныя платья. Замѣтили черное бархашное платье, у котораго оборку, въ вышину колѣнь, составляла бахрома изъ верхушекъ спироусовыхъ перьевъ, черныхъ, закрученныхъ шочно шакъ, какъ закручиваютъ бахромки спироусовыя на концахъ баншовъ атласныхъ и бархашныхъ на шляпкахъ.

Спинки у многихъ платьевъ застегиваются нынѣ маленькими золотыми пуговками.

Новую манерію для платьевъ составляетъ нынѣ гладкій бархашъ, съ вышитыми по оному золотыми пальмешами.

У дамскихъ платьей (маншо) суконныхъ, опшѣнка голубаго, называемаго *bleu de roi*, и подбитыхъ чернымъ бархашомъ, бываешь маленькій бархашный ворошничекъ, безъ пеллерины.

Бархашные галстучки надѣваютъ въ нарядномъ костюмѣ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ кончики вышиваютъ золошомъ, и застежку дѣлаютъ золошую.

Мужскія моды. На вечера, щеголи надѣваютъ бѣлый атласный галстухъ, который распространяютъ они на груди, такъ, что рубашки вовсе бываешь не видно.

Новомодные сюршукки щеголей дѣлаютъ суконные, цвѣта небесной лазури, съ чернымъ бархашнымъ ворошникомъ, и съ двумя рядами пуговиць. Такой сюршукъ бываешь длиною едва до коленъ, и застегиваеши на всѣ пуговицы.

На приложенной картинкѣ:

Дама, въ атласной шляпкѣ; въ рединготѣ изъ Китайскаго гро; рукава, такъ называемыя *слоновья уши*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 18 дня, 1829 года.

Цензоръ Сергій Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

№ 23 Табулетт, Денасъ (и.с.) 1829.

Son Altesse Royale Monseigneur le Prince d'Orange, a résolu d'accorder une prime de 25,000 florins des Pays-Bas, à celui ou ceux qui livreraient les bijoux volés en son palais, tels qu'ils se trouvent spécifiés et décrits dans les listes et dessins què le Gouvernement en a publiés, ou qui fourniraient des renseignements assez positifs, pour mettre la justice à même de découvrir et recouvrer ce trésor en entier. Cette prime sera doublée, si en même temps on fait connaître et désigner au juge, avec toute la certitude requise, celui ou ceux, qui ont commis le vol.

Son Altesse Royale, a résolu également d'accorder des récompenses considérables à celui ou ceux, qui livreraient une partie ou seulement l'un ou l'autre des objets volés, ou qui fourniraient à ce sujet des renseignements, dont le résultat serait de découvrir un ou plusieurs de ces objets.

Les récompenses seront proportionnées à la valeur des objets, dont on aura procuré le recouvrement ou la découverte.

(Signé) *B. de Hoeckeren.*

Его Королевскому Высочеству Принцу Оранскому угодно было назначить 25,000 Голландских флориновъ въ награжденіе тому, или пѣмъ, кои доставяютъ похищенные изъ дворца его драгоценныя вещи, въ томъ видѣ, какъ оныя означены и описаны въ обнародованныхъ Правительствомъ описяхъ и рисункахъ, равномѣрно и пѣмъ, кои доставяютъ свѣдѣнія, могущія дать Правительству способъ къ омысканію и обратному полученію оныхъ вещей въ цѣлости. Награжденіе сіе будетъ удвоено, если въ то же время съ надлежащею достоверностію показанъ будетъ Правительству учинившій или учинившіе сію покражу.

Его Королевское Высочество равномѣрно соизволилъ опредѣлить значительныя награды тому, или пѣмъ, кои доставяютъ часть или только одну какую либо изъ похищенныхъ вещей, или доставяютъ по предмету сему свѣдѣнія, по коимъ омыскана будетъ одна или нѣсколько изъ сихъ вещей.

Награды сіи будутъ соразмѣрны съ цѣною омысканныхъ или обратно полученныхъ вещей.

Двора Его Величества Короля Нидерландскаго
Каммергеръ и Чрезвычайный Посланникъ и полномочный Министръ при Его ВЕЛИЧЕСТВѢ
ИМПЕРАТОРѢ Всероссийскомъ.

(Подп.) *Б. де Геккеренъ.*

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 23. *Декабрь* 1829.

О ПОЛЬЗѢ ОБРАБОТЫВАНІЯ

БЕЗПЛОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Продолженіе).

Въ 1800-мъ году Лордъ Диллонъ ошдалъ поселянамъ своимъ, на извѣстное число лѣтъ, безъ плапы, болошо, соспавлявшее часпъ его владѣній. Такая успушка сильно подспрекнула ихъ рвеніе: они начали спровитъ себѣ жилища на самой сухой часпн болоша, подлѣ земель, уже воздѣланныхъ, и послѣ эшого принялись за осушеніе болоша. Теперь они уже воздѣлали десяць или двѣнадцать акровъ, прежде осшававшихся въ совершенномъ безплодіи, а нынѣ дающихъ столь-же хорошіе сборы карпофеля, сѣна, овса, какъ и лучшія сосѣдспвенныя земли.

Въ 1790-мъ году Г-нъ Эджеворпъ, человекъ, имѣющій многія права на славу, рѣшилсѣ сдѣлать

пахатнымъ болошо, въ двадцать семь акровъ. При началѣ сего предпріятія, онъ предложилъ одному арендатору ближней земли нанять сіе мѣсто по полугиней (12½ франковъ) за акръ. Предложеніе его не было принято; но Г-нъ Эджевортъ, не унывая ошъ сего опказа, принялся за дѣло на свои издержки, и каждогодно выдавалъ занимавшемуся онымъ по полу-гинеѣ съ акра. Весь употребленный на сіе кащпаль не возвысился болѣе какъ до сша фуншовъ сперлингговъ, шакъ что черезъ пять лѣтъ всѣ издержки были вознаграждены, и оспавалось чистой прибыли семнадцать фуншовъ (425 франковъ); послѣ этого, та-же самая земля была опдана въ наемъ по тридцати шиллингговъ (37½ франковъ) за акръ, шому-же арендатору, который прежде не нанялъ ея и по полу-гинеѣ. Даже не смопря на шо, что впоследствии цѣны на земли упали, она и донныѣ нанимаелся за выгодную цѣну.

Въ поже время Г-нъ Садльеръ нанялъ у Лорда Дигби болоша, проспиравшіяся почти на приспа сорокъ три акра. Тогда ихъ оцѣнивали шиллингговъ по пяти за акръ. Когда-же они были осушены, выровнены и выжжены, шо дали опличный сборъ рѣпы, вознаградившій всѣ издержки, употребленные на осушеніе. Сей благоразумный агрономъ получаешъ нынѣ со своей землей ошъ тридцати до сорока шиллингговъ съ акра.

Въ 1760-мъ году Г-нъ Френчъ сдѣлалъ опытъ, который всѣ современники его называли сумасшествіемъ. Онъ рѣшился удобрить болопо въ двѣсти девяносто два акра, покрытое пиною споль глубоко, что, казалось, не было во всей Ирландіи мѣстѣ, болѣе неудобнаго для воздѣланія. Это предпріятіе было продолжаемо и окончено Лордомъ Ашшоуномъ, сыномъ Г-на Френча. Благоразумное и постоянное искусство воспоржесствовало надъ симъ предпріятіемъ, при издержкѣ десяти фунтовъ стерлинговъ на акръ. Около семидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и не потребовалось никакихъ дополнителныхъ расходовъ на сію почву, нынѣ споль твердую, что лошадь можеть пробѣжать по всему ея пространству, не оставивъ слѣда. Эта плошность, при большой глубинѣ почвы, дѣлаеть нынѣ сію землю одною изъ лучшихъ въ Ирландіи. Акръ ея цѣняеть почти въ два фунта стерлинга (50 франковъ).

Мы могли-бы привести много другихъ примѣровъ, но довольно сказаать, что подобныя предпріятія почти всегда удавались, когда только были исполняемы самими владѣльцами. Если-же арендаторы оспавляли оныя, даже послѣ нѣкоторыхъ работъ, то это не пошому, чтобы они находили ихъ невыгодными, но въ слѣдствіе разчета, что срокъ найма ихъ долженъ кончиться прежде нежели они могушь вознаградишь свои

издержки. Продолжите сроки наймовъ , и тысячи акровъ, покрытыхъ шиною , исчезнутъ подъ неизмѣримыми коврами зелени. А это было-бы сколько-же выгодно для владѣльцевъ, сколько для арендаторовъ.

Другимъ препятствіемъ къ обрабатыванію многихъ пустошей могутъ быть привилегіи, по которымъ мѣстные общества присваиваютъ себѣ большую часть сихъ земель. Но это препятствіе относится къ законамъ и опять насъ самихъ зависитъ уничтожить оное. Уничтоженіе сихъ правъ возвратило-бы земледѣлію великія пространства земли и слѣдовательно много пособило-бы улучшенію благосостоянія и правдивности трудолюбивыхъ классовъ общества. Тотъ Министръ приобрѣлъ-бы вѣчное право на признательность народа, который, не внимая тщетнымъ пересудамъ, имѣлъ-бы надлежащую силу духа для уничтоженія сихъ преградъ успѣхамъ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи мы можемъ руководствоваться примѣромъ Ганновера, гдѣ въ продолженіе послѣдняго столѣтія совершилось слѣдующее событіе.

Тамъ прежде всего сдѣлали опись всѣмъ землямъ Курфиршества. Это было ввѣрено Корпусу искусныхъ Инженеровъ. Послѣ сего составили карту, большаго масштаба. На ней означены были всѣ малѣйшія пропущенія водъ, всѣ роды почвъ, пустоши , пески , болота. Приведши въ ясность

пакимъ образомъ земледѣльческія средства государства, приложили стараніе воспользоваться ими всѣми. Предварительныя работы, которыя были не подъ силу частнымъ людямъ, производились на иждивеніе Правительсва, если земли принадлежали ему, и на иждивеніе мѣстныхъ обществъ, если онѣ имъ принадлежали. По всѣмъ направленіямъ назначены были дороги; глубокіе каналы были прорыты въ болотахъ и соединили спочія воды съ рѣками. Такимъ образомъ поверхность земли сдѣлалась столько тверда, что ее можно было воздѣлывать. Когда сіи огромныя, главныя предначертанія были окончены на счетъ общественный, то земли раздѣлили на разномѣрные, но вообще небольшіе участки, дабы сдѣлать ихъ доступными капиталамъ и дѣятельности будущихъ земледѣльцовъ. Послѣ сего ихъ отдали въ наемъ, въ длинные сроки, или продали по возможно-дешевой цѣнѣ. Однакожь цѣна сія все еще превзошла издержки, употребленныя государствомъ и обществами.

Сей планъ осуществилъ надежды изобрѣтшихъ оный. При умноженіи народонаселенія начались требованія на земли, и менѣе нежели въ одно столѣтіе, неизмѣримыя полосы пустошей и болотъ были превращены въ хлѣбныя поля или въ богатыя пастбища. Такимъ образомъ, не расширя своихъ границъ, Ганноверъ чрезвычайно увеличилъ свои средства и богатство. Той-же си-

спемѣ слѣдуютъ памъ и нынѣ, и потому-то въ Ганноверѣ невоздѣланныя поля поспешенно исчезають передъ успѣхами промышленности и дѣятельностью жителей, вспомошествоваемыхъ Правительствомъ мудрымъ, опечетскимъ.

Въ ближайшее къ намъ время, Голландцы, съ отличающимся ихъ постоянствомъ, обратили вниманіе на улучшение пустыхъ земель. Жители усовершенныхъ округовъ Голландіи были обременены множествомъ бѣдныхъ, не находившихъ себѣ занятія. Они вздумали избавишься отъ сего бременя, поселивъ бѣдныхъ на невоздѣланныхъ земляхъ, которыхъ въ Голландіи много. И земли дополь безплодныя, увеличили земледѣльческое богатство сего государства. Во многихъ округахъ такія колоніи были учреждены и подвергнуты дисциплинѣ, почти столь-же строгой, какъ военная полиція. Для облегченія въ издержкахъ на сія заведенія, деньги собраны добровольными вкладами. Въ колоніи посылаются бѣдные, не могущіе дослать себѣ въ другомъ мѣстѣ занятія и хлѣба. Почва памъ самая неблагоприятная; температура печальная и туманная. Однакожь, не смотря на столько неблагоприятныхъ обстоятельствовъ, успѣхъ сего предпріятія теперь не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. Подъ управленіемъ искусныхъ распорядителей, промышленность колонистовъ производитъ столько съспныхъ припасовъ, сколько ихъ нужно имъ, и умноженіе сихъ

произведеній идепъ съ возрастающимъ успѣхомъ. Англія можетъ подражать симъ примѣрамъ пѣмъ съ большею выгодною, что наши земли легче можно обратишь въ пользу.

Перемѣны, медленно и почти незамѣтно совершающіяся въ эконеміи общеспвенной, обыкновенно оканчиваются переломомъ, возбуждающимъ живое, всеобщее участіе. Великій Государспвенный человекъ бываепъ всего виднѣе въ поій рѣшительности, съ какою удаляется онъ отъ избитой дороги своихъ предшеспвенниковъ и принимаетъ систему болѣе сообразную съ новымъ его положеніемъ и съ предстоящими ему затрудненіями. До половины шестнадцатаго столѣтія народъ Англійскій занимался почти исключительно сельскими работами: мануфактуры были почти неизвѣстны ему. Мало по малу увеличилось народонаселеніе, излишнее для земледѣлія. Тщепно спало-бы оно въ промышленности искапъ занятія, котораго не могло дапъ ему земледѣліе: тогда всѣ издѣлія, если не приготавлиались въ семейспвѣ сельскаго жипеля, по привозимы были изъ Нидерландовъ, или изъ Ломбардіи, въ обмѣнъ за излишнія произведенія земли, рспававшіяся у помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Слѣдспвіемъ сего порядка вещей было то, что часть народа просила милоспшню и жила даяніями доброхопныхъ людей.

Миниспрамъ Елисаветы надобно было побѣдипь сей переломъ. Они совершенно знали свойство болѣзни, и потому легко нашли для нея лекарство. Планъ, приняшой ими, превращилъ всѣхъ непроезводящихъ погребителей, наполнявшихъ государство, въ дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ онаго. Миниспры покровительствовали учрежденію мануфактуръ; всѣхъ нищихъ прогнали съ улицъ и большихъ дорогъ, и посадили за работу. На нѣкошорые иностранные повары наложена была огромная пошлина, для того, чтобы поощришь къ выработыванію оныхъ дома. Уже одно это сдѣлало ненужнымъ распоряженія знаменитаго Спанупа, дававшего смотрителямъ приходовъ право покупать сырыя произведенія, для того только, чтобы дать работу бѣднымъ людямъ. Различныя фабрики, по мѣрѣ того какъ онѣ учреждались въ государство, занимали всѣ способныя руки. Мало по малу приходы освободились отъ тяжкаго бремени, лежавшаго на нихъ, и должны были поддерживать только немощныхъ бѣдныхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, учреждая фабрики и покровительствуя обрабатыванію только лучшихъ земель, Миниспры Елисаветы поступали благоразумнѣе, нежели-бы поступили они ободряя воздѣлываніе болотъ и луговъ, копорыхъ множество еще находилось въ томъ видѣ, какъ вышли они изъ рукъ природы.

Но теперь, размноженіе машинъ, и почти все-

общая замѣна ими прудовъ челоуѣка, привели насъ къ новому перелому, отличному отъ прежняго и пребующему другаго пособія. Въ шестнадцатомъ столѣтіи было слишкомъ великое число земледѣловъ и часть нашихъ земледѣльческихъ произведеній обмѣнивалась за границею на произведенія фабричныя. Теперь совершенно прошивное: для мануфактурной промышленности не только не нужны новыя руки, но ихъ слишкомъ много для нея, и она не знаетъ, куда дѣваться съ пребующими работы. Съ другой стороны, безпреспанно возрастающее умноженіе народа досшавило земледѣльской промышленности столько людей, что въ нынѣшнемъ своемъ соспоянніи она не можетъ занять ихъ. Отъ этого работники, опущенные съ фабрикъ, не могутъ найдши себѣ приспанища на поляхъ.

Всего болѣе должны мы спарашься обратишь вниманіе предсѣдательствующаго въ Совѣтахъ Англійскихъ на сей переломъ, который могъ-бы имѣть ужасныя слѣдспвія, если-бы имъ не располагали съ искусствомъ и благоразуміемъ. Челоуѣкъ, возврашившій государспву миръ спасливымъ разспомпрѣніемъ дѣль Ирландскихъ, конечно будетъ умѣть здраво судишь о нынѣшнемъ переломѣ, и съ пвердоспью опврашишь оный. Множеспво перемѣнъ, совершившихся въ послѣднія двадцать лѣтъ, опдали въ его распоряженіе мощныхъ людей болѣе, нежели сколько было ихъ подъ его

предводительствомъ на пути славы. Пусть откроетъ онъ этому войску работниковъ дорожку во всемъ необработаннымъ землямъ нашего государства; пусть дастъ онъ каждому изъ нихъ сколько проситъ, чтобы каждый могъ приносить пользу, и тогда мы увѣнчаемъ чело его вѣнкомъ гражданскимъ, еще болѣе славнымъ, нежели шпаль, котораго лавры завоевалъ онъ въ тридцати битвахъ! Когда Семилѣтняя война была со славою окончена, Фридрихъ II-й, съ рѣшительностью и силою, вознесшими его на вершъ славы военной, занялся улучшеніемъ земледѣлія въ Пруссіи. Онъ осушилъ, удобрилъ, населилъ огромныя проспанства земли въ Помераніи и Бранденбургѣ. Благодарности соотечественниковъ къ тому рвенію, съ какимъ раздѣлялъ онъ долины народа и учреждалъ земледѣліе на поляхъ, прежде пустыхъ и бесплодныхъ, ни сколько не уменьшила удивленія ихъ къ блеску его военной славы. Слѣдующему великому примѣру, дадутъ и нашему благосостоянію прочнѣйшее и обширнѣйшее основаніе. Впрочемъ мы увѣрены, что наши мѣтны не будутъ презрѣны, ибо мы знаемъ, что, какъ и многіе великіе полководцы, Лордъ Спрашфильдсей (*) особенно любитъ сельскія работы. Наученный Французскою революціею, онъ не хо-

---

(*) Спрашфильдсей, помѣстье Герцога Веллингтона.

вещь, какъ говорящъ, доводитъ насъ до подобнаго бѣдспвія, и желаемъ сдѣлать благовременныя и добровольныя измѣненія. Прозкъ, предлагаемый нами, не можетъ быть чуждымъ при исполненіи сего великаго предначертанія.

Да не подумаютъ однакожь, будто мы желаемъ, чпобы само Правительство взяло на себя обработываніе нашихъ пустошей и луговъ. Мы просимъ только одного : пусть удалитъ оно препятствія къ обработыванію оныхъ, и думаемъ, что система, по которой ихъ надлежало-бы обработывать большими количествами, едва-ли была-бы удачна. Это должно быть предоспавлено владѣльцамъ не большихъ участковъ земли.

Только они, подстрекаемые желаніемъ обезпечить свое и своихъ семействъ существованіе, могутъ соблюсти строгую экономію, необходимую для успѣха подобнаго предпріятія. Если-же воздѣлываніе нашихъ пустошей производилось-бы подъ смотрѣніемъ чиновниковъ, состоящихъ на жалованъ Правительства, или даже подъ смотрѣніемъ большихъ компаній, то, вѣроятно, оно принесло-бы одни убытки. Тогда еще болѣе укоренилось-бы пошлое мнѣніе, что удобреніе сихъ земель необходимо должно быть не выгодно для перваго предпринимателя, и неудобства, происходящія только отъ выбора средствъ, были-бы приписаны цѣлой системѣ:

Правительство, или компанія, должны только проложить дороги, выстроить плотины, где будетъ нужно, и, однимъ словомъ, пригласить пущи сообщенія для земледѣла: оспальное все сдѣлаешъ онъ самъ.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь давно оспориваемаго вопроса: большія или мѣлкія фермы выгоднѣе въ земляхъ, уже обогащенныхъ прудомъ? Намъ кажется неоспоримымъ то, что система мѣлкихъ фермъ гораздо выгоднѣе въ шѣхъ земляхъ, которыя предназначены къ удобренію въ первый разъ. Исторія каждаго государства показываетъ, что такимъ образомъ земледѣліе поспешенно возобладало величайшею частію Европейскихъ земель, и особенно въ Англіи. Вассалъ владѣльца распроспранялъ мало по малу свое поле, прихватывая земли сосѣдственной ему пустоши. Всѣ поступали такъ, и вскорѣ земли сіи исчезли при ихъ соединенныхъ усиліяхъ. Въ горахъ Шотландіи сія старинная система не совсѣмъ оставлена и донинѣ. Яркая зелень означаетъ занятыя горнымъ земледѣломъ частіи пурпурныхъ пустошей. Теперь, когда земледѣлы сіи загнаны въ пустыни Канадскія, на другую сторону Атлантическаго океана, а ихъ хозяева строятъ себѣ замки и залы для баловъ и концертовъ, красота и даже богатство сихъ отдаленныхъ участковъ еще свидѣтельствуютъ прудолобивой промышленности занимавшихся

оними. Недавно соединили сошны сихъ участковъ земли въ большія фермы, и только опдѣльно стоящія деревья показываютъ, гдѣ прежде восходилъ дымъ изъ смиренныхъ обиталищъ. Въспомо этого, чтобы изгонять жившіе въ оныхъ кланы (сообщества), послѣ этого какъ они воздѣлали подошвы и бока горъ, было-бы челоуколюбивѣе, и можеть бышь полезнѣе, направивъ шаги ихъ на вершины горъ: они-бы и ихъ сдѣлали плодоносными. Такимъ способомъ во Фландріи были распаханы неудобныя земли. Искусные земледѣлы сей спраны обрабатывали только нѣ участки земли, кошорые были имъ подъ силу. Эти удивительные кресьяне не только увеличивали поспешенно количество паханныхъ земель, но съ каждымъ годомъ желѣзо ихъ сохи проникало глубже въ почву, кошорая имѣла сначала не болѣе какъ три или чепыре линіи распашельной земли, нынѣ-же, вездѣ проспирался на осьмнадцать дюймовъ, или два фула. Благоразумнымъ правиломъ Фламандцевъ было, въ семъ случаѣ: прибавлять каждый годъ что нибудь къ спарому, и исполнять это хорошо. Такимъ образомъ, сей прудолубивый народъ сдѣлалъ изъ самой бесплодной спраны въ Европѣ, плодоноснѣйшую землю въ мѣрѣ.

(Окончани е при слѣд. книжкѣ).

На приложенной картинкѣ находишся изображеніе
новогоднаго Парижскаго фаятона.

уд. Моск. Мар. 1829.

STOR. LEN
BY FOUND

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATION
L

№ 1. 27 Моск. Мер. 1829.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛѢ.

(Замѣчанія безпристрастнаго наблюдателя).

Россійское купечество съ особеннымъ удовольствіемъ видипть, что попечительное о благѣ опещсва Правительство доводитъ нынѣ до всеобщаго свѣдѣнія полныя и подробныя извѣстія обо всемъ, что касается торговли и промышленности Россійской. Пользы опъ обнаруженія статистическихъ свѣдѣній о сихъ предметахъ столь ясны и ощутительны, что излишне было бы здѣсь объяснять оныя. Но, важный предметъ, въ копоромъ каждый долженъ согласиться, что точность и вѣрность свѣдѣній есть въ семъ случаѣ первое и главное условіе. Надобно опдасть совершенную справедливость, что статистическія свѣдѣнія въ новременныхъ сочиненіяхъ, опъ Правительства издаваемыхъ, бывають болшею частію точны и вѣрны, по крайней мѣрѣ, приблизительно въ такой степени, что ничего не

Декабрь 1829.

28

оспаляющъ желашъ болѣе, кромѣ того, чтобы люди, для которыхъ преимущественно оныя публикуются, умѣли ими пользоваться.

Но, иногда въ сихъ извѣстіяхъ бывающъ однакъ нѣкоторыя ошибки, а опъ того происходишь, что и выводы, кои извлекающъ изъ извѣстій, дѣлающъ не вполне вѣрными. Примеры сего рѣдки: согласенъ; но когда они, хотя и рѣдко, *бываютъ*, то, для пользы общей, не должны ли люди, могущіе показашъ ошибку, объяснишь оную опкровенно и прямо? Увѣренный въ справедливости сего мнѣнія, и имѣя цѣлю благо общее, я осмѣливаюсь предложить здѣсь нѣсколько замчаній моихъ на извѣстія, которыя помѣщены были въ Описаніи Нижегородской ярмарки сего 1829-го года, касательно Кяхтинской торговли (*Коммерческой Газеты*, № 78-й).

Мнѣ кажется, что составлявшая сіи извѣстія почтенная особа не можетъ оправдаться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и выводахъ ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что шущъ ускользнули опъ вниманія нѣкоторыя ошибки. Изяснимъ оныя.

1. Всякій, знающій хотя нѣсколько сущности Кяхтинскаго шорга, видить изъ соображеній продажи чаевъ на Нижегородской ярмаркѣ, что шорговля сія, по вымѣнамъ чаевъ въ Кяхтѣ и

продажѣ оныхъ въ Россіи, не только не представляла Кяхтинскимъ торговцамъ въ нынѣшнемъ году никакихъ выгодъ, но принесла явные убытки. Разсуждая о семъ, Г-нъ Сочинитель спашь въ Коммерческой Газетѣ говорить: «Главнѣй-
«шія партіи чаевъ, привезенныхъ на ярмарку,
«находились въ рукахъ нѣкопрыхъ только куп-
«цовъ, изъ числа 54-хъ, производящихъ торговлю
«на Кяхтѣ, а именно: у Московскихъ: *Колесо-*
«*ва* 4300, *бращевъ Куманиныхъ* 2300, *Кор-*
«*зинкина* 1200, *Лобкова* 800, и *Квасникова*
«около 1000; у С. Пешербургскаго *Чаплина*
«800; у Верховажскихъ: *Рудакова* 2300 и *Зен-*
«*зинова* 850; у Иркутскихъ: *Трапезникова*
«2100 и *Пр. Медвѣдникова* 2200; у Казан-
«скихъ: *Крупеникова* 1150 и *Литова* 960;
«у Кяхтинскихъ *Басниныхъ* 2042; у Тоболь-
«скихъ: *Пиленкова* 1100 и *Селиванова* 820;
«слѣдовательно: около 24,000 цыбиковъ находи-
«лось въ рукахъ не болѣе какъ 15-ти богачей
«купцовъ. Столь малому числу торговцевъ за-
«жизочныхъ, конечно, не трудно-бы было вы-
«держатъ на ярмаркѣ цѣны выгодныя, если-бы
«существовало между ними искреннее согласіе,
«или, по крайней мѣрѣ, по твердое единодушіе,
«копормъ ознаменовываются дѣйствія опшовыхъ
«покупапелей. Но опытъ показываешъ, что каж-
«дый изъ нихъ руководствувешся собственными
«своими соображеніями, и приступаешъ къ про-

«дажѣ безъ всякаго сношенія съ своими собра-
 «тіями. Пошребители опть сего не проигрыва-
 «юшъ; Кяхтинскіе-же наши торговцы, если об-
 «думаютъ сей предметъ внимашельно, и обсу-
 «дятъ здраво, по усмотранію безъ сомнѣнія,
 «что таковыя одиночныя распоряженія не при-
 «носятъ имъ пользы ни въ промѣнѣ Россійскихъ
 «поваровъ на Кипайскіе, ни въ продажѣ на яр-
 «маркѣ вымѣненныхъ, тогда, какъ прошивъ ихъ,
 «съ одной спороны Маймачинская Кипайская фу-
 «за, а съ другой на Нижегородской ярмаркѣ опто-
 «вые покупатели, составляющіе нѣкоторымъ об-
 «разомъ подобную-же фузу, дѣйствуютъ каждая
 «всегда единодушно, и въ швердомъ между со-
 «членами согласіи.»

Слѣдовашельно: здѣсь обвиняюшся *всѣ* упомя-
 нупые 15-ль Кяхтинскихъ торговцевъ въ несо-
 глашенія пользы собственныхъ съ пользами сво-
 ихъ соповарищей по торговлѣ. Осмѣлюсь замѣ-
 шить, что такое обвиненіе едва-ли можно по-
 чеснъ относящимся ко всѣмъ упомянутымъ тор-
 говцамъ, и едва-ли не одного, не двухъ, можешъ
 бышъ, торговцевъ должно-бы было посшавишъ въ
 число тѣхъ, копорые «руководствовались соб-
 «швенными своими соображеніями и приступали
 «къ продажѣ безъ всякаго сношенія съ своими со-
 «браніями,» и слѣдшвенно: сіи шолько немно-
 гіе — «обдумавъ сей предметъ внимашельно и

«обсудивъ здраво,» должны «усмотрѣть, что шаковыя одиночныя распоряженія не приносятъ имъ пользы ни въ промѣнѣ Россійскихъ товаровъ на Кипайскіе, ни въ продажѣ на ярмаркѣ «вмѣненнхъ.» Для занимающихся Кяхтинскою торговлею совсѣмъ не пайна, что распоряженія произвольныя, не въ общую всѣхъ пользу, сдѣланы были двумя торговыми домами. Другіе торговцы изумлялись продажамъ сихъ двухъ богатыхъ торговыхъ домовъ, и послѣдовали имъ по неволѣ, а многіе и за симъ примѣромъ не рѣшились продавать чаевъ, и паршіи свои привезли съ ярмарки въ Москву.

Въ полученномъ недавно въ Москву *Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ* (книжка 1-я, стр. 213-я), помѣщены слѣд. подробности о Кяхтинской торговлѣ: «Всякаго рода мерлушка (на Нижегородской ярмаркѣ) поднялась въ цѣнѣ опъ того, что нѣкоторые Кяхтинскіе торговцы закупили оную еще зимою въ полуденныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ возвысили на нее цѣну, а какъ опъ сего на ярмарку привезено оной мало, по и цѣна ея значительна *повысилась*.—Чай проданъ ниже прошлогодней цѣны опъ 100 до 120 рублей на цыбикъ. Сіе произошло опъ пониженія цѣнъ однимъ изъ первыхъ торговцевъ (К * * *), имѣвшимъ около 4500 цыбиковъ. Примѣру его невольнымъ образомъ должны были послѣдовать

и прочіе негоціанты, дабы получить деньги для закупки поваровъ, необходимыхъ къ отправленію на Кяхту, и для уплаты выданныхъ Кяхтинской таможенъ векселей. Кирпичный чай проданъ съ выгодною, ибо его пребовалось гораздо болѣе, нежели находилось въ привозѣ. Низкая цѣна на чай служила торговцамъ поводомъ къ пониженію цѣнъ на нѣшныя товары, кои закупаются здѣсь для отправленія въ Кяхту. Обстоятельство сіе сдѣлало нѣкопорую оспановку въ торговлѣ; однакожь послѣ разрѣшилось, и, какъ видно, торговцы суконъ, вейверешовъ и прочихъ поваровъ, пребуемыхъ Кишайцами, удержались отъ пониженія и продали повары свои съ соблюденіемъ торговыхъ выгодъ.»

Здѣсь, сказанное о понпженія цѣнъ на чай *однимъ торговцемъ* совершенно справедливо; но другія подробности, какъ-то: о повышеніи цѣнъ на закупаемые для Кяхты повары, невѣрны, и пребуютъ поясненій. Въ *Коммерческой Газетѣ*, послѣ выписанныхъ мною словъ, слѣдуетъ расцѣнка продажи прошлогодней и нынѣшней. Изъ оной выходитъ, что сложная цѣна нынѣшняго года была:

Цвѣшчному фамильному	430 руб.
———— обыкновенному	200 —
Фамильному торговому неквадрашн.	400 —

Фамильному порговому квадрашн.	300 р.
Не фамильному —————	200 —

Сія расцѣнка совершенно вѣрна; но я полагаю, что для доказательства, какія невыгоды представляется она, потребно соображеніе о промѣнахъ Кипайцамъ на Кяхтѣ. Присовокупляю къ сему расчеты о пошлинахъ и расходахъ, послѣ чего понятно будетъ основаніе Кяхтинской торговли, поясняясь и дополняясь извѣстія, какъ *Коммерческой Газеты*, такъ и *Журнала Министерства внутр. дѣлъ*.

Продажа чаю цвѣточнаго, фамиль- наго была	430 рубл.
--	-----------

Изъ сего числа слѣдуетъ исключити: вычетъ за деньги, ибо продажа всегда бываетъ въ годъ; пошлины съ проценнами; расходы и перевозки, всего . . . . . 490 рубл.

Слѣдственно: изъ 430 рублей, получено за мѣсто чаю по продажѣ, *только* . . . . . 240 р.

Въ Кяхтѣ мы давали Кипайцамъ за каждое мѣсто чаю цвѣточнаго фамильнаго:

Мерлушки Украинской, бѣлой, 316 шпукъ. Она стоила въ Кяхту отъ 1 р. 5 к. до 1 р. 20 к., а полагая среднюю цѣну 1 р. 10 к.; слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . . . . 347 р. 60 к.

Сукна Польскаго (Мизирическаго) давали по $3\frac{1}{6}$ половинокъ. Оно стоило въ Кяхшу по 105 р. за половинку. Слѣдственно: вымѣненное на сей шоварь мѣсто чаю обходилось въ . 332 р. 50 к.

Камлота Голландскаго давали по 56 аршинъ. Онъ стоилъ въ Кяхшу по 6 рубл. за аршинъ. Слѣдственно: вымѣненное на сей шоварь мѣсто чаю обходилось въ . . . . 336 р.

Маржана купорета давали ошъ 135 до 121 золошника, а полагая среднюю пропорцію 128 золошниковъ. Онъ стоилъ въ Кяхшу по 3 р. 33 зол. Слѣдственно: вымѣненное на сей шоварь мѣсто чаю обходилось въ . . . . 426 р. 24 к.

Лапы лисьей давали по 126 паръ, переднихъ и заднихъ вмѣстѣ, по поламъ: она стоила въ Кяхшу ошъ 2 р. 50 к. до 4 р. 50 к., а полагая среднюю цѣну по 3 р. 50 к. Слѣдственно: вымѣненное на сей шоварь мѣсто чаю обходилось въ . . . . . 444 р.

Выдръ давали по 12 шпукъ. Онъ стоили въ Кяхшу ошъ 30 р. до 35 р., а полагая среднюю цѣну по 32 р. 50 к. Слѣдственно: вымѣненное на сей шоварь мѣсто чаю обходилось въ . . 390 р.

Бѣлки Якутской давали ошъ $461\frac{1}{2}$ до 490 шпукъ; полагая среднее число 476 шпукъ. Она покупаема была ошъ 68-ми до 73 коп.; полагая

среднюю цѣну 70 к., а съ провозомъ на Кяхту 73 коп. Слѣдственно: вымѣненное на сей поварь мѣсто чаю обходилось въ . . . 347 р. 48 к.

Ясно, что по продажѣ чаевъ, на каждое мѣсто торговецъ Кяхтинскій получалъ *убытка* :

Опъ мерлушки	407 р. 60 к.
— сукна	92 — 50 —
— камлопа	96 — —
— маржана	186 р. 24 к.
— лисьей лапы	201 — — —
— выдры	150 — — —
— бѣлки	107 — 48 —

Продажа чаю *цвѣточнаго простаго* была . . . . . 200 р.

Изъ сего числа слѣдуетъ исключить : вычетъ за деньги, пошлину, провозы, и проч. . 160 р.

Слѣдственно : изъ 200 рубл. получено за мѣсто чаю *только* . . . . . 40 р.

Впрочемъ, цвѣточные простые рассчитывались въ парціяхъ по 220 рубл. Но и по сему расчету продавашель получалъ за чай только . . 60 р.

Дабы показать здѣсь расчеты промѣна другихъ поваровъ, представляю слѣдующіе примѣры:

Кошекъ давали за мѣсто чаю опъ 70 ши до 410 шпукъ; полагая среднее число 90 шпукъ.

Онѣ спости въ Кяхту по 1 р. 25 к.—И шакъ,
мѣсто чаю обходилось въ . . . 112 р. 50 к.

Вейверту иносипраннаго, Русскаго крашеня,
давали по 60 аршинъ. Онѣ спости въ Кяхту
дороже 2 рубл. аршинъ; но если полагають только
въ 2 р., то мѣсто чаю обходилось въ . 120 р.

Обрашивъ на шовары, выше сего уже означен-
ные, находимъ, на примѣръ, въ *мерлушкѣ*, что да-
вали оной ошъ 100 до 110 шшукъ, а полагая мень-
шее число (100 шшукъ), чай обходился въ 110 р.

Продажа чаю *торговаго фамильнаго* бы-
ла . . . . . 300 р.

Изъ сего числа: вычепъ, провозы и расхо-
ды . . . . . 180 р.

Слѣдственно: изъ 300 рублей получено за чай
только . . . . . 120 р.

При вымѣнѣ съ Кипайцами, сей чай полагаеш-
ся *въ половину* пропивъ цвѣшчнаго, и шакъ
онѣ обходился себѣ на Кяхтѣ за каждое мѣсто:

На мерлушку по	173 р. 80 к.
— сукно —	166 — 25 —
— камлопъ —	168 — — —
— лисью лапу —	220 — 50 —
— выдру —	195 — — —
— бѣлку —	173 — 73 $\frac{1}{2}$ —

Продажа чаю *торговаго простаго* была
по . . . . . 200 р.

Изъ сего числа : вычепъ , провозы и расхо-
ды . . . . . 465 р.

Слѣдственно : изъ 200 рубл, получено за чай
только . . . . . 35 р.

По разсчету вымѣна обходилось мѣспо шакого
чаю

За мерлушку въ . . . . . 55 р
— кошку — . . . . . 56 — 25 к.
— вейверепъ — . . . . . 60 ———

Замѣчу припомѣ, что расцѣнка продажи чаевъ въ Нижегородской ярмаркѣ, помѣщенная въ Коммерческой Газетѣ , сдѣлана была по шакой паршии, въ кошорой были лучшіе фамильные чай, и припомѣ были и *Лянсины*, копорые всегда спо-япъ опъ 2-хъ до 300 рублей за мѣспо дороже другихъ, и при вымѣнахъ доспаюпся съ шакимъ-же излишкомъ цѣны. Предоспаляю послѣ сего опын-нымъ шорговцамъ судипъ : какой разсчетъ вы-ходилъ на паршии худшихъ соршсвъ чаю? Замѣчу еще, что въ разчешы кочпа чаевъ я не вводишь упошребленія на поупку шоваровъ для Кяхпы наличнаго капишала , копорый, особенно по Си-бирскимъ шоварамъ, обрачиваепся почти въ два года; шакже расходовъ , какіе пранипъ купецъ на почпу (вѣсовыя и спраховыя), перевозъ шова-ровъ изъ Маймачинъ въ Кяхпу , и другихъ рас-ходовъ , мѣлкихъ , но въ гурпѣ соспаляющихъ счешъ.

Послѣ сего , Кяхтинскимъ торговцамъ весьма естественнo пожелать, чшобы обвиненіе, произнесенное въ Коммерческой Газетѣ , не падало на всѣхъ ихъ; но, относилось только къ тѣмъ , которые въ семъ случаѣ могутъ быть подвергнуты упреку со стороны ихъ со товарищей.

Сіе тѣмъ болѣе погрбно , что опытъ , кажется , мало научаетъ. Послѣ ярмарки , и даже послѣ появленія спашьи о продажѣ чая въ Коммерческой Газетѣ , нѣкто уроженецъ Греціи , одинъ изъ богатѣйшихъ торговцевъ чаями , сблъ большую парцію оныхъ въ Москвѣ по низкимъ цѣнамъ !! Чего-же ожидать Кяхтинскимъ торговцамъ въ будущемъ отъ такихъ событій , если не убытковъ и раззоренія ?

Я говорю сіе , основываясь не на предположеніяхъ , но на фактахъ вѣрныхъ и неоспоримыхъ , и только пому удивляюсь : на какихъ расчетахъ нѣкоторые наши торговцы основываютъ свои коммерческіе обороты ? Въ то же время , когда на Кяхтѣ вымѣны поваровъ ничего добраго намъ не обѣщали , къ новымъ вымѣнамъ ревностно покупали въ Россіи на мѣспахъ сборки :

Мерлушку Украинскую, отъ 1 р. до 1 р. 20 к.

Кошку до . . . . . 4 — 30—

Сукно Мизиричское съ фабрикъ , на наличныя деньги (*ассигнаціи*), ошъ 75 до . . . . 85 р.

Камлопъ Голландскій, по выпискѣ, до . 5 —

Сего не довольно. Извѣстно , что Сибирскіе пушныя шовары сосшавляющъ одинъ изъ главныхъ предметовъ порга съ Кишайцами. И пушъ неразсчепливая порговая предпріимчивость не оспалась въ покоѣ. Въ предѣлахъ Якушскихъ , какъ главномъ мѣспѣ сборки Сибирскихъ пушныхъ шоваровъ, коммиссіонеры Московскихъ купцовъ дѣяшельно прудились и покупали шоваръ — съ шакимъ-же расчепомъ, какъ выше сего можно видѣшь о мерлушкѣ, кошкѣ и сукнахъ! Какое соображеніе ведепъ ко всему эшому — повпорю — я не понимаю ! Некупленная на мѣспахъ мерлушка и кошка привезены были на Нижегородскую ярмарку , и шпамъ мерлушку (вмѣсно 4 рубля , и 4 р. 20 к.) можно было купишь ошъ 95 до 65 коп. Кошку (вмѣсно 4 р. 30 к.) ошъ 4 р. 10 к. до 70 к. Сукна Мизиричскія покупали на ярмаркѣ , правда , ошъ 75 до 85 рубл. , но на монету , или *въ 12 мѣсяцевъ*. Такъ вейверешъ и плись покупаемъ былъ на монешу въ 12 мѣсяцевъ ошъ 4 р. 60 к. до 4 р. 95 к. Маржанъ купорешъ на монешу , въ 12 мѣсяцовъ , ошъ 2 р. 94 к. до 3 р. 5 к. за золошникъ.

Желаю , штобы благонамѣренныя порговцы Кяхтинскіе вняли симъ моимъ замѣчаніямъ , и поду-

мали, до чего доведешъ ихъ малое соображеніе торговыхъ обстоятельствъ.

2. Послѣ изясненія о продажѣ чаевъ въ Нижегородской ярмаркѣ, слѣдуешъ въ *Коммерческой Газетѣ* извѣстіе о цѣнахъ, состоявшихся на Русскіе повары въ Кипайской Калганской ярмаркѣ 1829-го года, бывающей обыкновенно въ Февралѣ мѣсяцѣ. Извѣстія сія для насъ любопытны и важны въ великой степени. Въ *Коммерческой Газетѣ* сказано, что извѣстія сія *досто-вѣрны* и «получены однимъ изъ нашихъ Кяхтинскихъ торговцевъ;» за тѣмъ предсавлены цѣны поварамъ, выведенныя на наши деньги, безъ всякихъ объясненій.

Не знаю : ошибка-ли была въ спискѣ Кяхтинскаго торговца, доставившаго означенныя свидѣнія, или при вычепѣ Кипайскихъ денегъ на наши учинена ошибка ; но тѣмъ не менѣ цѣны поварамъ въ *Коммерческой Газетѣ* не совсѣмъ исправно поставлены; на примѣръ, сказано, что *выхухоль* въ Калганѣ продавалась 8 *рубл.*; *хвостъ хорьковый* отъ 6 до 7 *рублей*, и проч. — Явная несообразность! Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе, предсавляю все это извѣстіе въ исправнѣйшемъ видѣ, и съ подробностями.

	Китайская цѣна за шпуку.				Надмешу на 100 шпукъ.
	Лань	Чинь	Фу	Ли	
Кошка :					
Черная	»	1	6	»	10
Черноспинная	»	1	3	»	11
Пестрая	»	»	»	»	15
Мерлушка :					
Украинская бѣлая . .	»	1	5	»	10
	»	1	3	»	
Пестрая и черная шожь	»	1	»	»	15
Сибирская черная .	»	4	5	»	10
	»	5	»	»	
----- бѣлая . .	»	2	5	»	»
Лапа лисья Московская :					
Передняя бѣлодушка .	»	2	2	5	»
Задняя	»	1	2	5	»
Корсакъ 1-го сорта .	»	3	»	2	»
	»	2	9	»	»
Лисица карганка . .	»	3	5	»	»
Выхоль	»	»	8	»	»
Выдра :					
Русская	3	6	»	»	3
	3	2	»	»	
Нѣмецкая	9	»	»	»	»
Хвосты хорьковые . .	»	»	6	»	10
	»	»	7	»	
Бѣлка Якушская . . .	»	1	»	»	»
	»	»	9	»	»
Сукно Мизиричское по-					
ловинка	14	»	»	»	»
	12	5	»	»	»
— Московское (аршинъ)	»	4	2	»	»
	»	4	»	»	»
Чешуйка Переяславская (за 100 аршинъ) . .	»	»	8	»	»

Примѣчанія.

1. Кипайскій ланъ значить $8\frac{3}{4}$ золошниковъ Русскихъ, слѣдственно, считая по 90 коп. золошникъ, 7 р. $87\frac{1}{2}$ коп. По сему-же разсчету: *чинъ* = $78\frac{3}{4}$ коп. — *фу* = $73\frac{1}{4}$ коп. — *ли* = $\frac{3}{4}$ коп.

2. Надмешъ на товары Русскіе, показанный въ 5-й графѣ, значить, что Кипайцы имѣютъ поспоянную придачу къ числу *ста*; сія наддача, какъ выше показано, бываетъ отъ 3-хъ до 15-ши.

Въ дополненіе всѣхъ моихъ замѣчаній, почиаю любопытнымъ предсказать еще слѣдующее къ довершенію разсчетовъ.

По достовернымъ извѣстіямъ, въ Калганѣ покупались чай самими Кипайскими торговцами для промѣна Рускимъ на нынѣшній 1829-й годъ, *два мѣста фамильнаго* за 600 чинъ, п. е. 60 лановъ (полагается 1 мѣсто цвѣпочнаго въ 34, 1 мѣсто не-цвѣпочнаго въ 26 лановъ) и *два не фамильнаго* за 240 чинъ, ш. е. 24 лана (полагается цвѣпочный въ 15, не-цвѣпочный въ 9 ланъ).

Если, для круглаго счета, опредѣлимъ цѣну лана Кипайскаго въ восемь рублей, по самимъ Кипайцамъ каждая пара мѣстъ фамильнаго чая приходилась въ 480, а не-фамильнаго во 192 рубля. Сообразивъ припомъ продажу Русскихъ товаровъ въ Калганѣ, можемъ-ли уповать, чтобы и

при будущихъ вымѣнахъ успѣли Рускіе поддержать себя прошивъ Китайцевъ въ цѣнахъ? Маймачинскіа фузы (или Китайскіе торговые дома) дѣйствують единодушно, твердо, а мы какъ дѣйствуемъ? Это можешь всякій видѣшь изъ всего здѣсь сказаннаго. Не будучи предвѣщателемъ будущаго, можно сказать напередъ, что ожидаетъ Кяхтинскихъ торговцевъ, и нынѣшнюю зимою въ Кяхтѣ, и будущимъ лѣтомъ на Нижегородской ярмаркѣ.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА,

ИЛИ

ГЕНІЙ РОДОССКІЙ.

(Сочиненіе Б. Александра Гумбольдта (*)).

У жипелей Сиракузъ, такъ же какъ у Аѳинянъ, былъ свой Пѣсиль. Изображеніе боговъ и героевъ, произведенія искусствъ Италіи и Греціи, украшали различныя залы порпика, всегда наполненныя шолпою народа. Юные воины прихо-

(*) Это едва ли не единственнае чисто-литтературное сочиненіе А. Гумбольдта. Оно въ первый разъ было напечатано въ Шиллеровомъ Журналѣ: Die

дили шуда созерцать дѣянiя своихъ предковъ, художники изучашься произведенiямъ великихъ генiевъ. Среди безчисленнаго множества картинъ, перенесенныхъ изъ главнаго города дѣпельною ревностью Сиракузянъ, была одна, особенно привлекавшая къ себѣ, въ продолженiе столѣтiя, вниманiе мимоходившихъ. Иногда въ портикѣ не было удивляющихся Юлиперу Олимпiйскому, Кекропсу, основателю городовъ, и героической смѣлости Гармодiя и Ариспогипона, но въ по-же время народъ тѣсными рядами толпился вокругъ сей картины. Чшо было причиною шакого предпочтенiя? Не Апеллесъ-ли былъ шворцемъ сего произведенiя, избѣгнувшаго ошъ губишельнаго времени? Не изъ школы-ли Каллимаха вышло оно? Нѣшъ: прелестъ и красота, правда, были видны въ сей картинѣ, но соединенiе красокъ, и общiй характеръ, спиль ея, не могли идиши въ сравненiе со многими другими картинами, находившимися въ Песилѣ.

Народъ глядишь съ изумленiемъ и удивляется пому, чего онъ не понимаетъ; а шакого народа очень много. Картина сiя была на своемъ мѣ-

Норен, 1795, № 4. Представивъ читателямъ нашимъ ученое сочиненiе знаменитаго путешественника (*О степяхъ*, № 18 М. Т. 1829 г.), представляемъ здѣсь совершенно противоположное оному. Гнiй всздѣ видѣнъ. *Изд.*

ствѣ уже лѣтъ сто , и , не смотря на то , что въ Сиракузахъ искусства процвѣтали съ большимъ блескомъ нежели во всей оспальной Сицили ; никто не могъ разгадать мысли сего живописнаго произведенія . Не знали даже съ точностью , въ какомъ храмѣ было оно прежде сего , потому что его сняли съ корабля , съвшаго на шель , и только по нагруженнымъ на ономъ товарахъ догадались ; что корабль шелъ изъ Родоса . . . .

На передней часпи каршины предсавлены были юноши и молодя дѣвушки , собравшіяся шѣсными кружками . Всѣ они были безъ одежды ; формы тѣла ихъ были удивительно совершенны ; но станъ не столь возвышенный , какъ станъ , который удивляетъ въ статуяхъ Праксипела и Алкамена . Мощные члены ихъ , носившіе на себѣ слѣды жестокихъ усилій , и совершенно человѣческое выраженіе ихъ желаній и печалей , казалось опнимали у нихъ весь небесный или божественный характеръ и приковывали ихъ къ земному обиталищу . Волосы ихъ просно были украшены лиспьями и цвѣтами полей . Юноши и дѣвы проспирали другъ къ другу руки , какъ-бы изъявляя желаніе ; но взгляды ихъ были усремлены на генія , окруженнаго блистающимъ свѣтомъ , плававшаго посреди сихъ группъ . На плечѣ его сидѣла бабочка ; въ правой рукѣ былъ зажженный факель . Формы тѣла его были дѣвскія , круглыя ;

взглядъ оживлялся небеснымъ огнемъ. Онъ повелительно глядѣлъ на юношей и молодыхъ дѣвушекъ, находившихся у ногъ его. Впрочемъ, въ карпинѣ сей не замѣчали ничего особеннаго. Иные думали что въ низу ея можно прочесть буквы ζ и ω , и вслѣдствіе этого — потому что тогдашніе апликваріи были такъ-же смѣлы какъ и вымышленныя — сочиняли изъ нихъ, довольно неудачно, имя Зенодора, живописца, сомненнаго художнику, впоследствии создавшему Колосъ Родосскій.

Однакожь геній Родосскій, какъ называли таинственную карпину, былъ объясняемъ въ Сиракузахъ многими. Когда молодые любители искусства, возвратившись изъ сдѣланнаго на-скоро путешествія въ Коринѣъ или Аѣны, не явились бы съ какимъ нибудь новымъ объясненіемъ, то они почли-бы себя принужденными отказать ошъ всякаго требованія на познаніе въ искусствахъ. Нѣкоторые почитали генія выраженіемъ духовной любви, запрещающей наслажденія чувственныя; другіе полагали, что это изображение власти разсудка надъ желаніями. Благоразумнѣйшіе молчали, угадывая нѣчто возвышенное, и разсматривая съ удовольствіемъ, въ Песлѣ, простое изобрѣшеніе карпины.

Однакожь дѣло все оставалось необъясненнымъ. Карпина была списана со многими прибавленіями

ли, служила предметомъ подражанія на барельефахъ, и была въ спискѣ послана въ Грецію; но о происхожденіи ея не могли получить ни малѣйшаго извѣстія. Наконецъ, однажды, во время восхожденія Плеядъ, когда мореплаваніе по Эгейскому морю снова открылось, пришли въ Сиракузскій портъ корабли изъ Родоса. Они привезли драгоценное собраніе спашуй, алшарей, архипекпурныхъ украшеній и карпинъ, по повѣлѣнію Діонисіевъ, любившихъ искусства, соспавленное въ Греціи. Въ числѣ карпинъ была одна, казалось, служившая парюю Родосскому генію. Она была одинакаго съ нимъ размѣра, и сходна колориспомъ, но краски на ней лучше сохранились. Геній также былъ посрединѣ, но безъ бабочки на плечѣ; голова его была наклонена; пламенникъ свой держалъ онъ склонивши къ землѣ; юноши и молодыя дѣвушки крѣпко обнимадцсь; во взорахъ ихъ не было уже ни печали, ни покорности; видно было что они снова получили свободу.

Аншикваріи Сиракузскіе начали было перешолковывать свои прежнія изъясненія, дабы они могли быть примѣнены къ сей новой карпинѣ, когда Тиранъ приказалъ опнести ее въ домъ Эпихарма. Это былъ философъ Пифагоровой школы. Онъ жилъ въ опдаленной частии города, называвшейся Тихея. Рѣдко являлся онъ при Дво-

рѣ Діонисія , не потому чтобы сей Тиранъ не собиралъ вокругъ себя людей съ дарованіями изъ всѣхъ колоній обширной Греціи , но потому что посѣщая великихъ міра , дарованія не рѣдко перяюшъ часть своей очаровательности. Эпихармъ неуспшно занимался изученіемъ природы, ея силъ, происхожденія растеній и животныхъ , и гармоническими законами , по которымъ всѣ планетныя шѣла , такъ-же какъ хлопья снѣгу и градины , принимаюшъ шаровидную форму , обращаясь сами вокругъ себя. Будучи обремененъ лѣшми , онъ заставлялъ ежедневно провожать себя въ Песиль , а опшуда въ Оршигію , ко входу въ порштъ , гдѣ , по словамъ его , открывалось передъ глазами его зрѣлище безконечнаго , къ копорому пщепно усиливался онъ достигнуть умомъ. Онъ былъ уважаемъ народомъ и Тиранами , убѣгая сихъ послѣднихъ и охотно сближаясь съ первыми.

Эпихармъ , успавшій , отдыхалъ на своей постели , когда къ нему принесли опъ Діонисія новую каршину. Ему доставили также вѣрный списокъ съ генія Родосскаго. Философъ велѣлъ пославить обѣ каршины передъ своими глазами , долго разсматривалъ ихъ внимательнo , и , созвавъ учениковъ своихъ , сказалъ имъ слѣдующее:

« Откройте завѣсь окна : дайше мнѣ еще
« разъ издалишья взглядомъ на оживленную зе-
« млю. Шестидесятъ лѣтъ размышлялъ я о зву-

« преннихъ двигателяхъ природы и о различіи
« веществъ; нынѣ ; въ первый разъ , геній Родос-
« скій заславляетъ меня видѣнь ясно то , что
« провидѣль я смѣшенно . Если союзъ живыхъ
« твореній производишь благодѣтельное и много-
« образное дѣйствіе , по въ неорганической при-
« родѣ вещество грубое двигаютъ подобныя-
« же дѣятели . Даже въ ночи хаоса , начала
« сближались или удалялись , смотря пошо-
« му , дружба или непріязнь оказывали надъ
« ними свою власшь . Небесный огонь ищетъ ме-
« талла , магнитъ желѣза ; наперный янтарь по-
« дымаешь легкія вещества ; земля смѣшивается
« съ землею ; соль опредѣляется опъ морской вы-
« паренной воды ; квасцы стремятся къ соеди-
« ненію съ глиною . Все въ неодушевленной при-
« родѣ стремишся къ соединенію , по особеннымъ
« законамъ . Изъ эшого слѣдуетъ , что ни одно
« изъ земныхъ началъ , и даже свѣтъ , еслибъ
« только кто осмѣлился причислитъ его къ онымъ ,
« не существуешъ въ первобытной своей одно-
« сложности . Все , опъ начала бытія , стремиш-
« ся къ новымъ соединеніямъ , и только иску-
« ство челоука можетъ опредѣлять и показывать
« опдѣльно то , чего напрасно ищете вы во вну-
« пренности земли и въ движущихся океанахъ
« воды и воздуха . Въ мершвомъ , неорганичес-
« комъ веществѣ царштуешъ совершенный покой , до-
« коломъ не разрушены связи его сродства , до-

« колѣ прешье вещество не проникаетъ къ дру-
 « гимъ, и не соединяется съ ними. Но и за сею
 « борьбою снова слѣдуетъ безплодный покой.

« Не такъ производился смѣшеніе началъ, со-
 « славляющихъ шло живописныхъ и растений.
 « Тамъ-то жизненная сила повелипательно поль-
 « зуется своими правами: она ни сколько не за-
 « бошится о дружбѣ или неприязни Демокришо-
 « выхъ апомовъ; она соединяетъ вещества, ко-
 « торыя въ неодушевленной природѣ вѣчно убъ-
 « гають одно другаго, и раздѣляетъ ищущія вза-
 « имнаго соединенія.

« Приблизьшесь ко мнѣ, милые ученики мои!
 « узнайте въ Родосскомъ геніи, въ выраженіи
 « силы его, соединенной съ юношью, въ бабоч-
 « къ, сидящей на его плетѣ, въ повелипительномъ
 « взглядѣ его, символъ жизненной силы, одушев-
 « ляющей каждое зерно органическаго созданія.
 « У ногъ его, земные элементы согласно хо-
 « щятъ послѣдовать своимъ склонностямъ и со-
 « единиться. Геній, держа въ воздухѣ свой за-
 « жженный факель, съ грознымъ видомъ повелѣ-
 « ваешь ими, и принуждаетъ ихъ, не смотри
 « на ихъ древнія права, слѣдуйте своимъ зако-
 « намъ.

« Теперь разсмотрите новую картину, при-
 « сланную ко мнѣ Тираномъ для объясненія. Пе-
 « ренесите ваши взоры отъ изображенія жизни,

« къ изображенію смерти. Бабочка улетѣла ; опу-
 « щенный къ землѣ факель погашенъ ; голова юно-
 « ши склонилась ; духъ вознесся къ небесной
 « спирани ; жизненная сила уничтожена. Юноши
 « и молодыя дѣвушки держатъ другъ друга за
 « руки ; земныя вещества оказываютъ свои пра-
 « ва. Освободившись отъ удерживавшихъ ихъ пре-
 « пятствій , они , послѣ долгаго ожиданія , съ
 « пылкостью слѣдуютъ побужденію , заставляющему
 « ихъ соединяться : день смерти , ещѣ для нихъ
 « день брачнаго торжества .

« Такъ неподвижная вещественность , одушев-
 « ленная жизненною силою , перешла безчисленное
 « множество различныхъ видовъ , и въ томъ веще-
 « ствѣ , которое можетъ быть облакато боже-
 « ственный умъ Пифагора — уничтоженный червь на-
 « слаждался минутнымъ существованіемъ .

« Иди , Поликлесъ , и скажи Тирану , что ты
 « слышалъ . А вы , мои милые , Фрадманъ , Ско-
 « пій и Тимоклесъ , подойдите ко мнѣ еще бли-
 « же . Я чувствую , что ослабѣвшая жизненная
 « сила не долго будетъ владѣвать во мнѣ надъ
 « земнымъ веществомъ : она пребудетъ своей
 « прежней свободой . Проводите меня еще разъ въ
 « Песиль , а отшолъ на берегъ моря : вскорѣ вы
 « соберете мой пепелъ . »

Съ Французскаго .

Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen einer Religions-Philosophie, von Dr. Karl Ederholm (О возможности и условиях Философiи Религии. Соч. Доктора Философiи Карла Эддергольма) М. 1829 г.

Исторiя Философiи всѣхъ вѣковъ есть ни что иное, какъ повторенiе въ разныхъ видахъ особенныхъ сторонъ ума, являющихся въ такъ называемыхъ *началахъ* философскихъ системъ. Начала сiя всегда были одни и тѣ-же, на берегахъ Инда, въ Классическихъ странахъ Греци и въ нашей холодной Европѣ: и они должны быть тѣмъ-же, доколѣ существуетъ человекъ; иначе начала не были-бы *началами*. Они всеобщи, ибо и могутъ быть началами философскими потому только, что заключаютъ въ себѣ основанiе жизни всего существующаго.

Какiя-же начала сiя? Очевидно, что это тѣ три воззрѣнiя, которыя ведутъ къ тремъ главнымъ ученiямъ реализма, идеализма и идемптизма, системы тожества, стремящейся соединить два первыхъ. Ученiе тожества существовало искони, но только въ другихъ видахъ, нежели въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, точно такъ-же какъ идеализмъ какого нибудь мудреца Индiйскаго, или реализмъ Фалеса, совершенно опличаются отъ реализма Спинозы, или идеализма Фихте: такъ въ духѣ тожества было ученiе Сократа, ученiе Ком-

бинисповъ въ среднихъ вѣкахъ, самый Скепшицизмъ Юма, спремившагося къ сему пожеланію, самый Эклецизмъ Германцевъ осьмнадцатаго столѣтія. Да и чшожь естественнѣе шройственности сихъ началъ? Человѣкъ наблюдаетъ внѣшній міръ, человѣкъ умствуетъ, и наконецъ умозрѣнія свои старается примирить съ опытностію. Но какимъ-же образомъ, ежели начала сіи одни и шѣ-же, какимъ образомъ въ Исторіи Философіи являешся шакое множество различныхъ системъ? —

Какимъ образомъ жизнь природы неорганической развивается въ процессъ косности и подвижности; жизнь растений въ процессъ химическихъ соединяющихъ и разлагающихъ силъ; жизнь живошнаго въ чувствованіи внѣшнемъ, и внутреннемъ инстинктѣ; жизнь человѣка наконецъ въ процессахъ разума и воли, шворящихъ Исторію? Какимъ образомъ всѣ явленія жизни, имѣющихъ источникомъ своимъ одну жизнь, какъ жизнь, существуютъ въ шакое разнородное многообразіе? Единство и безконечная разносторонность составляютъ основной законъ природы, и если она шакова во всѣхъ своихъ процессахъ, шо почему-же ей не быть шѣмъ, что она есть, и въ одномъ частномъ процессѣ ума, дающемъ Философію?

Съ другой стороны можеть-ли же она не быть по сущности шѣмъ-же, что она въ частностяхъ? Нѣтъ, ибо это противорѣчило-бы ея единству. Слѣдовательно процессы частныхъ жизней, являющихся въ косности и подвижности, въ разлагающихъ и соединяющихъ силахъ, въ инстинктѣ и

чувствованія, наконецъ въ разумъ и волю, должны осуществляться также и въ общемъ источникѣ жизни, въ основномъ процессѣ природы. Эпозъ основной процессъ природы относительно пространства, есть явленіе неорганической природы и челоука, относительно времени — процессъ самопознанія, дающій Исторію. Первое появленіе челоука на этой глыбѣ земли, украшенной всѣми ея произведеніями, было первый матеріальный, инстинктивный актъ самопознанія; и съ сего-то мгновенія началась жизнь Философій, точно такъ-же, какъ отъ рожденія младенца начинается жизнь челоука. Жизнь этой Философій, какъ жизнь, какъ новый конечный актъ самопознанія, должна была опять имѣть цѣлю познашь то, что все есть только самопознаніе; это произвело философскую дѣятельность. Но природа, въ отношеніи къ уму, какъ средоточію, всегда начинаешь отъ высочайшей внѣшности; ибо въ Исторіи, которую развиваетъ собою природа во времени, нужно прежде ступить впередъ, чтобы отступать, прежде дѣйствовать, чтобы стремиться къ покою, выйти изъ себя, чтобы послѣ сосредоточиваться, вслушаться въ самого себя, познавать себя. На этомъ основаніи и здѣсь челоукъ началъ отъ видимой природы; сфера видимости была для него величайшею матеріей, сфера духа величайшимъ идеализмомъ, примиреніе ихъ долженствовало быть самое слабое, и всегда съ особеннымъ перевѣсомъ на шю или на другой споронтъ. Такимъ образомъ изъ двухъ въ одно примиренныхъ ученій разрывались опять два, но уже съ опшѣнками большого само-

познанія, какъ слѣдствіями первоначальнаго совокупленія; сіи два новыя, какъ реализмъ и идеализмъ впороспешенныя, соединялись опять въ новой сферѣ, и ученіе пожештва было всегдашнимъ претребованіемъ, до тѣхъ поръ, пока оно не развилось самопознашельно, то есть до тѣхъ поръ, пока реализмъ и идеализмъ, въ движеніи своемъ къ высочайшему средоточію, разумѣется подлежашельному, человѣческому, не пришли въ такое соприкосновеніе, что внутренно слѣлись, такъ сказать и, познали себя. Этому самопознанію, какъ величайшей подлежашельности, надлежало совершиться въ вѣкъ самой философскій, въ вѣкъ Европейской учености, именно въ нашъ девятнадцатый вѣкъ. Слѣдствіе сего самопознанія, понятія о природѣ столько обобщились; столько возвысились въ сферу идеализма, а умъ чловѣка столько нисшелъ въ реализмъ, что одно и то-же возрѣніе, и слѣдовашельно одни и тѣ-же начала приложились и къ идеализму и къ реализму, и произвели высшее, самое подлежашельное ученіе пожештва, давъ ему вмѣсто всѣхъ понятій *à priori* и *à posteriori* особенный, оредній родъ умшвенныхъ началъ, идей. Такимъ образомъ казалось-бы, что такая односторонняя подлежашельность должна уклонить разумъ отъ истиннаго купи его. Но это несправедливо, ибо самое значеніе разума есть подлежашельность и потому совершеннѣйшее познаніе истины можешь бышь шамъ, гдѣ разумъ, какъ сама подлежашельность дѣйствуешь въ сферѣ понятій, возведенныхъ также до высочайшей подлежашельно-

сти. И здѣсь—то основаніе непреложной истины *трансцендентализма*.

Но если трансцендентализмъ примирилъ такимъ образомъ между собою природу и человѣка, какъ нѣчто сосуществующее (*coexistent*), какъ явленія, то онъ все еще не удовлетворилъ-бы исполнѣ философиствующему духу, если-бы оставилъ безъ вниманія ихъ бытіе временное, ихъ зависимость, какъ явленій, отъ общей причины ихъ бытія.

Мы сказали, что на основаніи началъ пожества духъ и природа являющіяся чѣмъ-то единымъ, повинующимся однимъ и тѣмъ-же законамъ, но только подъ различными видами; первоначальная и конечная форма ихъ есть актъ самопознанія, противоположеніе безусловнаго самому себѣ, какъ условному. Но мы сказали также, что это не есть еще полное развитіе системы, потому что, разсматривая духъ и природу, какъ нѣчто настоящее, существующее, словомъ уже какъ явленіе, не должно забывать еще разсматривать это явленіе, не просто какъ явленіе, совершенно основанное на законахъ духа человѣческаго, но также и какъ обнаруженіе воли высшей, для которой самый человѣкъ есть только одно орудіе, то есть: явленіе отдѣляясь отъ его причины и разсматривая его въ отношеніи къ этой причинѣ. На этомъ основывается вѣдѣтельная двойственность *причины и слѣдствій*, существующихъ относительно послѣдовательности (времени), точно такъ-же какъ первая двойственность подлежащаго и подлежащаго существующихъ относительно пространства: и сію-

по вторичную двойственность должно стремиться соединить учение божества, точно такъ-же, какъ соединяешь оно первую.

Но первая причина всего есть Божественное начало; слѣдствие ея—вселенная, такъ сказать и въ пространственномъ и въ историческомъ ея значеніи. Непосредственное, не самосознательное чувство покорности сему началу есть религія, омывающаяся въ душѣ чловѣка безъ пособій его разума, дѣйствующая въ немъ, какъ воля Божества чрезъ откровеніе, привязывающая его къ причинѣ, какъ слѣдствие необходимое, не свободное въ самомъ себѣ. Но съ другой стороны это не свободное существо по происхожденію своему, чловѣкъ, какъ только слѣдствие причины, внутренно долженъ сходствовать съ своею причиною, быть свободнымъ, то есть умствовать и такимъ образомъ свободно постигать себя. И такъ умствование есть свободное постиженіе себя; высочайшее умствование свободнѣйшее постиженіе себя; свободнѣйшее постиженіе себя есть высочайшая свобода, ибо только чрезъ свободу духъ приходитъ въ совершенное равенство съ самимъ собою, постигаетъ себя. Слѣдовательно въ міръ видимомъ, въ бытіи, только чрезъ Философію чловѣкъ достигаетъ въ высшей степени свободнѣйшаго бытія, сліянія съ божественнымъ началомъ, являясь въ самомъ себѣ, какъ слѣдствие, причиною. И такъ высочайшая Философія есть тоже религія, только взятая отъ ума чловѣческаго, отъ слѣдствія; истинная религія есть та-же Философія,

шолько взяшая ошь свободы Божешвенной, ошь причины, и вопъ новое шожество, шожество послѣдовательности, причины и слѣдствія (Causalität), подобное шожеству сосуществующаго, подлежащельнаго и предлежащельнаго идеализма и реализма.

Шеллингъ, въ новѣйшія времена вполнѣ раскрывшій систему шожества, если и не указаль непосредственно, шо по крайней мѣрѣ достаточнo даль чувствовашь сію двойшвенность его: подшверженіемъ сему служашь его *Бруно*, его *Философія и Религія*, его *Лекціи о методѣ Академическаго ученія*, его сочиненіе о *Свободѣ*. Послѣдовашели его также обрабoшывали предметъ сей; къ нимъ относился Циммеръ, написавшій *Ученіе религіи* (Religions-Lehre), и сколько видно изъ словъ Г. Зедергольма, выхваляемый имъ Гаршманъ. Наконецъ скажемъ, что сюда-же должно отнести и сочиненіе самого Г. Зедергольма: *Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen einer Religions-Philosophie*, которое непосредственно источникoмъ своимъ имѣешь воззрѣніе Шеллинга, хотя Авторъ не находить для себя удовлетворительными идеи сего послѣдняго. Такъ онъ выражается.

Но какъ бы шо ни было, основаніе всего сочиненія Г. Зедергольма совершенно въ духѣ Шеллинга и вполнѣ подшверждаетъ чистоту и религіозность идей его, вопреки всѣхъ клеветниковъ, начиная ошь ученаго Германца Вагнера, до послѣдняго школьника въ Россіи. Примиреніе религіи съ Философіею, шочно шакъ-же какъ примиреніе законовъ природы съ законами челоувѣческаго духа, было непосредшвеннымъ

свідоміємъ его идеи божества. Но какой релігій? Релігій Христіанской преимущественно, какъ въ высочайшей степени истинной. Чтобы дать лучше отчетъ читателямъ въ сочиненіи Г. Зедергольма, особенно замѣчательномъ по основной идее его, мы постараемся здѣсь изложить прежде, со всею возможною ясностію, еще нѣсколько мыслей въ духѣ положеній Шеллинга, посредственно и непосредственно руководствовавшихъ Автора *Ueber die Möglichkeit etc.* въ его философскомъ воззрѣніи и его выводахъ: мысли сіи, указывая источникъ и значеніе идей его, опредѣляють достаточно и самое ихъ достоинство въ области умознанія.

Мы говоримъ, что релігій Христіанская преимущественно есть истинная, и потому болѣе всѣхъ должна примиряться съ Философією. Повинуясь Божественному гласу, ея же догматами говорящему, мы должны убѣждаться въ этомъ ея Откровеніемъ; но человѣческое начало умознанія можешь принимать и это какъ явленіе и потому требовашь доказательствъ. Здѣсь пробный камень самой Философіи! Посмотримъ, какимъ образомъ приведетъ она къ единству разумъ, какъ состояніе челоука и движеніе Божественной воли. Достоженіемъ сего единства она разрѣшаешь и оправдываешь сама себя: потому что утверждая истинну релігій, она утверждаетъ шѣмъ и свою собственную основательность, ибо такимъ образомъ высочайшую подлежательность умознанія согласишь съ высочайшею подлежательностью

Декабрь 1829.

30

религии, въ чемъ и заключаешся сама истина (*).

Разсмапривая вселенную, какъ обнаруженіе воли высочайшей, а не просто какъ явленіе, по естѣ начала умозрѣнія прилагая къ воззрѣнію религиозному, безъ чего не лзя достигнуть пребуемаго соединенія Философія и религии, мы и здѣсь видимъ, что міръ естѣ ни что иное, какъ только развитіе этой высочайшей воли, себя самую поставляющей себѣ-жь закономъ: слѣдовашельно если что нибудь существуетъ, то существуетъ только она. Но всякое существованіе не можешъ быть безъ мысли, слѣдовашельно предполагаешъ мысли, или въ общемъ смыслѣ идею и ея выраженіе. Стремленіе мысли или идеи выразиться поддерживаешъ бытіе и естѣ основаніе всякой жизни; какъ скоро мысль выражаешся, дѣяшельность исчезаешъ, слѣдуешъ покой, и эшотъ покой въ нашемъ видимомъ мірѣ называешся смертію, хотя эша смерть, {или покой эшотъ естѣ только самое полное повтореніе себя, высочайшее самопознаніе, высочайшая истина. Такимъ образомъ высочайшая истина естѣ покой. Но первоначальная воля вѣчна, пошому что она же шворитъ и самое время: слѣдовашельно покой сей долженъ быть только ея идеаломъ, недостижимымъ въ дѣйствительности, ибо иначе послѣдовалабы общая смерть, и должно быть еще всегдашнее стремленіе къ эшому идеалу; такимъ образомъ все бы-

---

(*) Denn die Wahrheit wird allgemein in die Uebereinstimmung der Vorstellungen mit ihren Gegenständen gesetzt.

не дѣлается вѣчнымъ самопознаніемъ, никакъ не совершающимся (во времени) вполне, и пошому совершающимся въ частностяхъ, для шого чшобы всегда оставалось еще что нибудь для поддержанія сего стремленія. Но въ чемъ же состоить ходъ сего стремленія? Очевидно, что въ непрерывной поступательности впередъ до шѣхъ поръ, пока стремленіе будеть въ высочайшей степени выражать мысль свою, то ешь пока первоначальная причина или причина вообще не явится въ слѣдствіи какъ полное развитіе, слѣдовательно не выразится въ частностяхъ. Такимъ образомъ утверждается форма всякаго развитія, какъ переходъ отъ общаго къ частному, отъ причины къ слѣдствию. Посему если Исторія ешь также развитіе первоначальной воли во времени, то и ея ходъ долженъ бытъ поступательный, слѣдовательно идущій отъ общаго къ частному шакъ, чшобы шо, что въ началѣ является въ общемъ, какъ въ причинѣ, перешло наконецъ и въ самое частное, какъ въ слѣдствіе, то ешь чшобы слѣдствіе заключило въ себѣ и самую причину, частное заключило въ себѣ общность, и пошому сдѣлалось самостоятельнымъ, познало себя. И здѣсь-шю святая истина Христіанскаго ученія. Бого-человѣкъ воплощается: какъ начальный источникъ и причина свѣша общаго, онъ переноситъ себя въ жизнь временную, конечную, и шѣло отпадшаго чедовѣка, какъ оставленную хранину, освѣщаетъ для новаго служенія: въ немъ дается самостоятельность чедовѣку, кошорый, существовавъ дошолѣ одностороннимъ образомъ, какъ внѣшнее слѣдствіе, совершенно зави-

сящее отъ своей причины, здѣсь сливается съ нею и такимъ образомъ повворяетъ въ себя полный актъ самопознанія; посему-то общая форма бытія въ исторіи временъ Христіанскихъ есть философическая, въ противоположность поэтической формѣ Классицизма и нравственно-созерцательной восточныхъ народовъ.

Здѣсь для ясности можно прибѣгнуть къ сравненію, хотя уже слишкомъ извѣстному — сравненію исторіи человѣчества съ частною исторіею человѣка. Точно такъ, какъ человѣкъ — младенецъ, является въ міръ подъ вліяніемъ совершенно чуждой ему воли, которая дѣлается первоначальнымъ его закономъ, а потомъ въ продолженіе всей своей жизни стремится достигнуть большей и большей самостоятельности, что бы себя самого поставилъ симъ закономъ, то есть посредствомъ разума, какъ внутренней, собственно ему принадлежащей точки, связавъ себя съ общимъ порядкомъ вещей; точно такъ-же и въ исторіи человѣчества первый человѣкъ, какъ слѣдствіе, является въ совершенной внѣшней зависимости отъ своего источника и есокрапизмъ дѣлается единственною формою его общественнаго бытія, но потомъ, приобрящая болѣе и болѣе самостоятельности, онъ стремится къ тому, что бы изъ самого себя, изъ Божественной искры разума, данной ему въ собственность и между тѣмъ связующей его съ Божествомъ, вывести и упрочить законы своего бытія. Здѣсь опять тотъ же ходъ, отъ общаго къ частному, отъ причины къ слѣдствію, который даетъ при доселѣ совершившіяся эпохи Исторіи. Сначала

человѣкъ является совершенно живущимъ въ лонѣ Божества, и это періодъ восточныхъ народовъ; попомъ является покоряющимся какъ бы инстинкту, но инстинкту человѣческому, близкому къ самопознанію, инстинкту фантазіи, гдѣ предписывается ему законы внутреннее чувство, заключающее въ себѣ нераздѣльно свѣтлую мысль разума съ постороннею ему волею, которая говоритъ въ немъ—и это древній періодъ Классическаго человѣка; наконецъ является онъ съ чистымъ стремленіемъ постигать себя умственно, сознавать вполне—и это третій періодъ новаго человѣка, котораго предѣлъ тамъ, гдѣ все обратился въ чистое сознаніе..... Очевидно, что этотъ третій періодъ долженъ быть болѣе истиннымъ для разума, ибо въ первыхъ двухъ всякое познаніе носило на себѣ отпечатокъ большей внѣшности, нежели здѣсь, гдѣ разумъ внутренне постигаетъ себя. И между тѣмъ сей-то періодъ есть періодъ Христіанства, воплощеннаго Бого-человѣка, котораго чистое ученіе возноситъ къ идеямъ, какъ величайшему воплощенію Божественной воли, къ идеямъ, достоянію самой Философіи, между тѣмъ какъ всѣ другія религіи основываются только на чувствахъ, и пошому не могутъ быть достояніемъ для разума: такъ у восточныхъ народовъ все заключалось въ однихъ постановленіяхъ, какъ предписаніяхъ высшей воли, въ которыхъ человѣкъ не могъ давать себѣ отчета умственного, ибо религиозное, чувство, какъ необходимая принадлежность каждаго, по возможности совершеннаго, вполне развитаго существа, стремились выразиться и не имѣвъ еще до-

своимъ идей, должно было останавливаться на самыхъ общихъ очеркахъ природы, на томъ, что выражало Творца въ швореніи для чувства: высочайшая степень сего выраженія было идолопоклонство, и между тѣмъ оно было высочайшею степенью ложной религіи, ибо смѣшивало Творца съ его швореніемъ, уничтожало причину въ ея слѣдствіи, поставляя явленія внѣшности за внутреннее, за источникъ всякаго бытія. Промыслу нужно было очистишь человека, говоря въ смыслѣ библейскомъ, ошъ грѣховъ его: совершилось великое событіе, самъ Богъ, какъ Начало Безконечное, искупилъ человека приобщеніемъ его къ славы своей, возведя къ самому безконечному въ царствѣ міра— къ царству идей. Такимъ образомъ вѣра и Философія сблизились и догматы религіи сдѣлались совмѣстными разуму, ибо явились въ образахъ соотвѣствующихъ сему послѣднему: но они сблизились только здѣсь, гдѣ самая религія получила болѣе умственную форму, нежели когда либо, что въ особенности подшверждаетъ исторію Христіанства.

И такъ религія Христіанская и по убѣжденію опкровенія и по выводамъ разума есть единая истинная. Слѣдовательно въ ея опкровеніи и должно преимущественно ошскивать связь съ умственнымъ бытіемъ человека, чтобы оправдать его истину въ отношеніи къ самой религіи. Такимъ образомъ соединеніе религіи съ Философіею можешь осуществишь только въ Христіанствѣ, гдѣ самое опкровеніе мѣриломъ своимъ возсоздаешь разумъ: и это есть высочайшее явленіе самопознанія

не только частнаго, человѣческаго, но и общаго самопознанія вселенной, обнаруживающагося въ духѣ человѣческомъ въ видѣ Откровенія. И это есть второе положеніе, умственно утверждающее условія — *die Bedingungen* — соединенія религіи съ Философіею въ сочиненіи Г. Зедергольма точно такъ-же, какъ первый выводъ нашъ пожеланія началъ причины и слѣдствія утверждаетъ возможность — *Möglichkeit* — его соединенія.

Сія два положенія составляютъ основу и содержаніе всего сочиненія Г. Зедергольма; положенія въ высочайшей степени истинныя, утѣшительныя для всего человѣчества. Ими примиряются распри ложнаго ума съ свястностію божественныхъ догматовъ религіи; ими уничтожаются всѣ козни эгоистическаго невѣжества, оскверняющаго святыню низкими помыслами прибѣгнувъ къ ней, какъ къ орудію для ниспроверженія свѣтлаго престола истины; ими уничтожаются и мудрованія Вольтеровъ и приговоры *auto-da-fé*. Нельзя не благодарить Г. Зедергольма за подобное предпріятіе: оно важно во всѣхъ отношеніяхъ, потому что стремится поддержать два основные столпа всего духовнаго бытія челоука — *разумъ* и *вѣру*, и взаимнымъ соединеніемъ утвердитъ ихъ непоколебимо противу всѣхъ заблужденій и происковъ.

Обратимся теперь къ самому изложенію предмета въ сочиненіи Г. Зедергольма. Оно, какъ изясняется самъ Авторъ, заключаетъ въ себѣ только предварительныя мысли для другаго обширнѣйшаго, въ которомъ онъ предполагилъ цѣлю полный составъ *Философіи Религіи*. Г. Зе-

дергольмъ начинаешъ здѣсь съ того, что въ истинѣ только можешь быть спасеніе, ибо истина опредѣляетъ отношеніе чловѣка къ нравственному міру. Сознаніе сего отношенія къ міру нравственному составляетъ воззрѣніе, и въ слѣдствіе сего воззрѣнія чловѣкъ болѣе или менѣе достигаешъ истины. Стремясь вознестись до сего воззрѣнія, онъ необходимо долженъ основывашься или на способности познавать, или принимашъ за основаніе духовность, или духъ, какъ сліянiе ума, воли и чувствованія, но ешь ушверждаешъ на разумъ, или на религію: но чловѣкъ, говоришь онъ, является въ мірѣ несовершеннымъ, пошущаешъ безпрестанно ошъ одного воззрѣнія къ другому, а пошому никогда и не достигаешъ истины, которая должна бышь одна. Основываясь на эшомъ, Г. Зедергольмъ перебираешъ весьма поверхностно всѣ воззрѣнія, и философскія и религіозныя, и каждое изъ нихъ опровергаешъ шѣмъ, что всегда въ исторіи слѣдовало за нимъ новое. И эшо существовало, продолжаешъ Авшоръ, до шѣхъ поръ, пока Промыслу нужно было исправить чловѣка Откровеніемъ, которое долженствовало бышь непосредственнымъ изліянiемъ Божественной воли, ибо разумъ былъ уже поврежденъ первороднымъ грѣхомъ: но здѣсь, при душѣ очищенной Откровеніемъ, не могъ шопчасъ очистишься еще разумъ, и пошому все еще должно было существовать противорѣчіе въ воззрѣніяхъ дошолъ, пока разумъ не очистишься вполне и не сольется съ Откровеніемъ. Въ слѣдствіе сего онъ разсматриваешъ всѣ философскія системы Христіанскаго пері-

ода и опшвергаешъ ихъ болѣ или менѣ по далекости ихъ отъ религіи. | Таково главное содержаніе и порядокъ выводовъ въ сочиненіи Г. Зедергольма. Здѣсь, съ одной стороны, во многихъ мѣстахъ мистическія выраженія поставляются имъ вмѣсто доказательствъ : мы говоримъ *мистическія* потому , что сквозь нихъ не проглядываетъ никакая мысль , которая указывала-бы на связь разума съ религіею, что подтверждается его положеніями объ опшпаденіи , Опшкровеніи , искупленіи и пр.; съ другой-же во многихъ мѣстахъ онъ объясняетъ положенія свои тѣмъ , что для читающаго не имѣешь силы доказательства , ибо само по себѣ есть еще предметъ дальнѣйшихъ и почти окончательныхъ доказательствъ. Таковы замѣчанія его о религіи Индійцевъ , Іудеевъ , объ Исламизмѣ и пр., ибо что доказываютъ на пр. подобныя выраженія :

« Религія Индійцевъ , приближаясь къ Христіанству , что подтверждаетъ глубокость истины сего послѣдняго , есть прекрасная , глубокая по смыслу мечта , но не самая истина , ибо истина была потеряна. »

Или далѣе: « Религія Іудеевъ хотя и основывалась на истинномъ Опшкровеніи но не могла имѣть настоящаго возрѣнія , ибо была сама предуготовлена , Іоанномъ , который не былъ самъ свѣтомъ , но указалъ свѣтъ. »

Или . . . но къ чему продолжаешь это ? иначе надобно-бы выписывать очень много. Подобныя фразы ничего не значать , ибо вмѣсто ихъ можно-бы гораздо простѣе выразиться : Христіанство есть истинная религія въ сравненіи съ религіею Индій-

цевъ и Іудеевъ пошому, что первая естъ мечта, а послѣдняя предуготовленіе Христіанства. А почему мечта? Какое предуготовленіе? Здѣсь мы не узнаемъ ничего болѣе и остаемся съ шѣми-же понятіями, съ которыми приступали къ чтенію.

При книжкѣ Г. Зедергольма приложены еще замѣчанія и прибавленія, нѣчто изъ самаго сочиненія его о Философіи Религіи, гдѣ разумъ удовлетворяется болѣе, нежели въ выводахъ его *Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen* и пр., хотя вездѣ почти болѣе или менѣе проглядываетъ миссицизмъ, который, своею односторонностію воззрѣнія, опять не допустишь его до предполагаемаго имъ сліянія Философіи и религіи. Схоластики своимъ миссицизмомъ не достигли ничего, и предпріятія ихъ всегда разрушались по односторонности ихъ воззрѣнія, въ которомъ Авторъ упрекаетъ ихъ и котораго между шѣми самъ долженъ страшиться.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, библиографія съ особенною благодарностію должна включить въ листки свои трудъ Г. Зедергольма. Если оно и не имѣетъ полнаго философическаго достоинства въ изложеніи, то мы охотно готовы здѣсь повторить еще, что, по основной своей мысли по крайней мѣрѣ, оно принадлежитъ къ числу шѣхъ не многихъ сочиненій, которыя въ великой цѣли своей носятъ уже оправданіе всѣхъ своихъ недоспашковъ.

И. Ср.—Камашевъ.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ*, хранящихся въ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ч. IV. М. 1828 г. въ ш. С. Селивановскаго, въ поллишта IV, 16, 656 и 161 стр. (всего 837 стр.), съ заглавнымъ гравированнымъ листомъ, и пятью полулистами снимковъ съ 15-ти древнихъ рукописей.

Давно ожидаемая книга сія наконецъ издана; четвертымъ помомъ оканчивается *Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Не лзя было иногда не посьшовашъ на медленность, непоспимую и неизьяснимую, съ какою печаталось это *Собраніе*: 3-й помъ онаго изданъ былъ въ 1822 году, и послѣ того семь лтъ печатался 4-й помъ. Подъ крашкимъ *Предисловіемъ* 4-го тома поставлено: 31 *Декабря* 1828, а на заглавномъ листѣ *вытиснуто* (а не напечатано): 1828. И шакъ: годъ цѣлый прошелъ, пока гошова яже книга пущена была въ продажу. Но шеперь, когда дѣло кончено и почтенный начальникъ Московскаго Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ объявляетъ неопредѣленно, что дальнѣйшее продолженіе изданія грамотъ поступило въ вѣдѣніе Коллегіи Ин. Дѣлъ, и зависить

опъ ея распоряженій, невольно пожалѣете даже о прошедшемъ медленномъ исполненіи. Богъ знаетъ, когда драгоценныя дальнѣйшіе матеріалы будутъ доведены до свѣдѣнія публики! Извѣстно, что изданнымъ *Собраніемъ Государственныхъ грамотъ и договоровъ* мы обязаны патристической ревности покойнаго Государственнаго Канцлера, Графа Н. П. Румянцова. Онъ отдѣлилъ капиталъ на сіе изданіе, и устроилъ особую Коммисію, которая въ 1813 году издала 1-й, въ 1819 г. 2-й, въ 1822 г. 3-й, а нынѣ, въ 1829 г., 4-й томы. Сыщется-ли другой подобный ревнитель Исторіи отечества, другой человекъ, дорожащій столько-же бытописаніями отечества, изъ среды нашихъ богачей? Не знаемъ, и, признаемся, не видимъ къ этому слѣдовъ. Между тѣмъ, не подумаешь-ли ктонибудь, что изданіе *Грамматъ*, подвигъ столь прекрасный, истинно Европейскій, стоилъ Графу Румянцову огромныхъ суммъ? Напротивъ! Какъ часто на Французскій домашній спектакль, на покупку Англійской лошадки, на шаль, на кормленіе знашнаго шунядца, не говоря уже о каршахъ, бросають десятки тысячъ рублей, а изданіе *Собранія грамматъ*, весьма хорошо, даже роскошно напечатаннаго, стоило всего на все — менѣе *семидесяти тысячъ рублей* (Предисловіе, стр. III)! Сколько найдется у насъ богачей, которыми отдѣлишь въ печеніе 15-ти лѣтъ 70,000 (т. е. менѣе 5,000 рубл. въ годъ) значило-бы сущую бездѣлку!

Что-же на эту бездѣлку можно сдѣлать? Судите по тому, что сдѣлалъ на подобную сумму Графъ Румянцовъ.

Важнѣйшіе акты, кои объясняются, повѣряются, утверждаются Исторія отечества, съ XIII-го по XVIII-й вѣкъ (съ 1265-го по 1696-й годъ), въ печеніе 400 лѣтъ, лежали скрытые отъ насъ, недоступные исторіку, невѣдомые дипломату, неизвѣстные юристу, и теперь всѣ они, числомъ до *деяти сотъ*, изданы, извѣстны, употреблены знашоками. Какое пособіе открылось для всѣхъ частей нашего описанія; сколько поводовъ къ важнѣйшимъ изслѣдованіямъ, разысканіямъ, выводамъ!...

Просимъ читателей извинить насъ, что мы вошли здѣсь въ нѣкоторыя постороннія предмету книги обстоятельство: *сердце говоритъ*, по Русской пословицѣ.

Въ IV-й части *Собранія грамотъ и договоровъ* помѣщены 221 статья. Дѣла начинающіяся съ 1656 года и продолжающіяся до смерти Царя Іоанна V-го, или единодержавія Петра Великаго (до 1696-го года). Это богатѣйшее собраніе фактовъ за достопамятныя царствованія Алексія, Феодора, Іоанна, Петра и Софіи. Исчисленіе всего, что находимъ путь замѣчательнаго, а наипаче новаго, долженствовало-бы быть предметомъ обширной статьи. Занимаясь особенно отечественною Исторіею, Рецензентъ при своемъ трудѣ надѣется употребить сіи драгоценности съ пользою. Тутъ видна Россія уже швердая, на новомъ основаніи, которое положено было ей подвигами народа въ 1612-мъ году, и избраніемъ благословеннаго Дома Романовыхъ на престолъ Россіи. Какая видна

удивительная, дыстрая перемена, какая новая жизнь! До 1656 года едва прошло 43 года съ шого времени, когда голось Минина раздался въ безднѣ гибели и безначадія, и—1656-й годъ открываешся уже избраніемъ Царя Алексія на Польскій престоль. Акшамы, касательно сего замѣчательнаго событія, начинаешся IV-й томъ *Собранія грамотъ и договоровъ*. Далѣе слѣдуютъ важные акты, относительно исторіи Малороссіи, ошь времени кончины Богдана Хмельницкаго до избранія въ Гешманы Мазепы; акты, относительно дѣла Патріарха Никона; акты объ уничтоженіи мѣстничества, при Царѣ Феодорѣ, и проч. и проч. Исторія государственныхъ постановленій, Церкви, промышленности, торговли, быта внутренняго получаетъ здѣсь множество матеріаловъ. Упомянемъ, для примѣра, о слѣдующихъ спашьяхъ: допросы о причинѣ дороговизны въ Москвѣ хлѣба (1659 года); память о запрещеніи торговли табакомъ (1661 г.); грамота о посылкѣ на Двину рудовѣдца (1666 г.); торговый уславъ (1667 г.); акты, касательно учрежденія въ Россіи почтъ; грамота о прекращеніи ошкупа на зернь и каршы (1668 г.); акты, касательно заключеннаго съ Армянскою компаніею договора о торговлѣ въ Россіи шелкомъ; уславъ о сборѣ таможенныхъ пошлинь (1681 г.). Не приводимъ здѣсь актовъ меньшей важности, но весьма любопытныхъ, показывающихъ духъ Правительсва, подробности частныя, и ш. п., какъ-шо: память касательно убогаго дома (стр. 214); указъ о запрещеніи писашъ въ просьбахъ, подаваемыхъ Царю, чшобы онъ *пожаловаль умилосердился, какъ*

Богъ (стр. 375); указъ о плащяхъ, въ какихъ должно являться ко Двору (стр. 377); жалованная грамата Кіево-Печерской Лаврѣ (сто. 576); грамата о дозволеніи Люшеранамъ селиться въ Россіи (стр. 594); грамата о сожженіи въ Москвѣ ересиарха Кульмана (стр. 619); грамата о пожалованіи Новгородцу Ивану Аракчееву земель, Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой волости, въ Никольскомъ и Петровско-Тихвинскомъ погостахъ (стр. 643); описка Ашамана Донскихъ Казаковъ Крымскому Хану, кошорою отвѣчали Казаки на угрозы Хана: иди на нихъ съ войскомъ (стр. 471). Выписываемъ изъ сего испинно-рыцарскаго посланія, въ заключеніе спашья нашей, нѣсколько спрокъ:

« А пишешь ты къ намъ, Ханъ Мурашъ Гирей: если взятое швое за Перекопомъ, и въ иныхъ мѣстахъ, не пришлемъ, и ты хочешь къ намъ посылашь зипунниковъ своихъ другъ за другомъ безпрестанно, и бишь велишь на шридцашъ на два городка, и упокою намъ не хочешь дашь, ни весною, ни лѣшомъ, ни осенью, ни зимою, и самъ ты, Ханъ Мурашъ Гирей, хочешь подъ наши городки идиши многимъ собраніемъ по льду зимнимъ пушемъ, войною. И наши городки некорышны, оплешены плешнями, и обвѣшаны шернами, а надобно ихъ доспавашъ швердо головами, а спадъ у насъ конскихъ и живошинныхъ мало: даромъ вамъ въ дальній пушь забивашья!»

Сказавъ выше сего, что *Собраніе грамотъ и договоровъ* издано даже великолѣпно, прибавимъ, что до самаго окончанія оно доведено съ ученою, ди-

дипломатическою точностью. Почтенные Г-да Изда-тели заслуживаютъ благодарное наше воспомина-ніе. Съ 2-го тома печатаніе производилось подъ надзоромъ Его Превосходительства, А. Ф. Малиновскаго; шрудились надъ нимъ П. М. Спроевъ и К. Ф. Калайдовичъ, со многими помощниками.— Въ IV-мъ томѣ, такъ-же какъ и при шрехъ пер-выхъ, сохранены въ снимкахъ подписи знамени-мыхъ людей, и, кромѣ того, приложены снимки съ 15 актовъ, коими представляются постепенныя измѣненія письменъ въ Россіи, начиная съ Новго-родской грамоты 1265 года, писанной уставомъ, до приказной скорописи 1678-го года. — Для упо-требляющихъ *Собраніе грамотъ и договоровъ*, со-ставляешь важное пособіе, приложенное къ IV-й части, извлеченное изъ всѣхъ четырехъ частей, *Указаніе* собственныхъ именъ странъ, народовъ, морей, озеръ, рѣкъ, горъ, городовъ, сель, дере-вень, урочищъ, церквей, монастырей, людей, и проч., составленное съ большимъ тщаніемъ, и за-нявшее болѣе 160-ти полулистовыхъ страницъ, въ два столбца.

— *Самъ-цзы-цзинъ*, или шроесловіе, съ литогра-фированнымъ Китайскимъ шекстомъ. Переведено съ Китайскаго Монахомъ Іакинеомъ. Спб. 1829 г. въ ш. X. Гинца, in 4, 83 стр.

Донинъ, почтенный О. Іакинеъ дарилъ насъ со-кровищами въ ученыхъ сочиненіяхъ и превосход-ныхъ переводахъ, которые обращали на себя вни-маніе наше не великолѣпнѣмъ изданіемъ, но сущностью. Теперь просвѣщенная щедрость Правительсва

доставила ему средства издашь на Русскомъ языкѣ переводъ одной Китайской книги, замѣчательно по великолѣпію, съ какимъ оный изданъ.

Книга, изд. О. Такинеомъ, начальное *Троесловіе* Китайцевъ, напечатана на превосходной веленовой бумагѣ, съ Китайскимъ, отлично липографированнымъ текстомъ: это роскошь липшерашуры, украшеніе библиотекъ.

Впрочемъ, и въ семь роскошномъ подаркѣ, О. Такинеъ умѣлъ соединить пользу съ удовольствіемъ. Онъ выбралъ именно такую книгу, которая «можетъ служить у насъ руководствомъ къ чтенію переводовъ съ Китайскаго языка.»

Сань-цзы-цзинь, или *Троесловіе*, есть сочиненіе Китайскаго ученаго, Вань-бо-хэу, жившаго въ XIII-мъ столѣтіи. Это родъ дѣйской энциклопедіи, одна изъ первоначальныхъ при ученіи Китайцевъ книгъ, составленная изъ разныхъ отдѣленій, или проесловій, заключающихъ въ себѣ основанія нравственности, начальныя понятія Китайцевъ объ Исторіи, Физикѣ, и проч. и проч., съ изъясненіями, примѣрами, примѣчаніями; это краткое руководство къ познанію Китайской Исторіи, Философіи, Естествознанія, понятій Китайскихъ о предметахъ разнообразныхъ и многоразличныхъ.

Мы желали-бы представить читателямъ, для примѣра, нѣсколько изъ 99-ти, составляющихъ полный *Сань-цзы-цзинь*, проесловій, но колеблемся въ выборѣ изъ сей замѣчательной сокровищницы Китайской мудрости, гдѣ Философія Востока

Декабрь 1829.

31

ство и просвѣщеніе достигнушь высочайшей степени. Въ прошивномъ случаѣ государь возгордится, чины начнушь льстишь, и неустройство день ото дня будешь умножашься.»

ТРОЕСЛОВІЕ.

*« Шелковичный червь даетъ шелкъ,
Пчела составляетъ медь.
Если телосѣкъ не угитъся,
Становится ниже тварей.»*

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

« Для чего не посмотришь на пчелу и на шелковичнаго червя? Шелковичный червь и пчела суть наималѣйшія изъ тварей; ничего не требуютъ отъ людей, но люди воспеваютъ ихъ. Шелковичный червь прядетъ шелковыя волокны, и сплетаетъ нѣшечки для матеріаловъ на шелковыя шкани. Пчела собираетъ сладость съ цвѣтовъ и составляетъ медь, употребляемый на квашеніе. Суть малѣйшія между тварями, но услуги ихъ велики. А вы, благородные юноши, когда не учишься и небрежете о своемъ состояніи, то истинно унижаете себя предъ насѣкомыми.»

ТРОЕСЛОВІЕ.

*« Въ дѣтскихъ лѣтахъ угитесь;
Въ зрѣломъ возрастѣ исполняйте.
Царя совершенствуйте;
Народу благодѣтельствуйте.»*

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

« 1. Человѣкъ рождается не для того, чтобы безъ цѣли занимать ученіемъ. Каждого обязан-

ность: въ дѣшскихъ дѣшахъ учишь изрѣченія премудрыхъ и мудрыхъ; пришедши въ совершеннолѣшіе подражашь дѣянiямъ премудрыхъ и мудрыхъ. Если шолько учишься, а не подражашь имъ, шо не будетъ никакой пользы ошъ ученiя.»

«2. Что значишь: въ зрѣломъ возрастѣ исполнять? Благородный человекъ, вступившій въ службу, и не уклоняющійся ошъ закона, долженъ усовершеншашь Царя, чтобы онъ могъ сравнiться съ Государями Яо и Шунъ; долженъ благодѣшельствовать народу, подобно, какъ во времена Государей Яо и Шунъ. Ту же мысль выражаютъ слова: въ низкомъ состоянiи будь добръ самъ въ себѣ, а когда возвысишься, будь добръ и въ ошношенiи къ поднебесной.»

Китайскій текстъ липографированъ по изобрѣпенiю, извѣснаго ориенталиста нашего, Барона Шиллинга фонъ-Канштадтъ, который принималъ ревностное участiе въ полезномъ шрудѣ О. Иакина.

— *Врачебныя записки*, издаваемыя Д(окторомъ) М(едицины), Маркусомъ, Коллежскимъ Сов. в пр. Ч. III и IV. М. 1829 г. въ п. А. Семена, in 8, 531 стр., съ рисункомъ.

Симъ заключаеица изданiе *Врачебныхъ Записокъ*, предприняшое почтеннымъ Г-мъ Маркусомъ, и замедленное донынѣ обширною практикою и другими обязанностями сего знаменитаго медика. Мы ошмѣливаемся предполагать, что Г-нъ Маркусъ не оставишь, приготошвивъ новые матерiалы, про-

должать свое полезное предпріятіе, и въ семь удостоверяеть насъ начавъ въ 3-й и 4-й ч. спашья (стр. 1—51) о важномъ предметѣ: теоріи Бруссе; также другія спашья, остающіяся не конченными. Усердно желая, чтобы предположеніе наше исполнилось, скажемъ, что и двѣ вновь вышедшія части *Врачебныхъ Записокъ* наполнены столь-же замѣчательными спашьями, какъ и двѣ прежде изданныя. Онѣ также раздѣлены на два отдѣленія: *Науки собственно-Медицинскія* (Терапія и Патологія; Хирургія; Акушерская наука; болѣзни дышей) и *Вспомогательныя науки Медицины* (Патологическая Анапомія; Физиологія). Кромѣ спашья о теоріи Бруссе, дѣлающей нынѣ столько шуму въ Медицинѣ, въ 1-мъ отдѣленіи особенно замѣчательны: соч. Доктора Шульца, о теоріи исцѣленія болѣзней Гаршмана, и нынѣшней врачебной практикѣ; соч. Г. Лоринзера о болѣзняхъ легкихъ; продолженіе соч. Доктора Эвенюса, объ искривленіяхъ шѣла человеческого, и проч. — Въ отдѣленіи *Смѣси*, помѣщено болѣе 20-ти спашей любопытныхъ, разнаго содержанія. — Драгоценная для врачей (особенно въ Россіи, гдѣ такъ мало извѣстны иностранныя современныя литшературы) библиографія Медицины вполне окончена за 1826-й годъ.

— *Некрологія Генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевского*. СПб. 1829 г. въ Военной ш., in 8, 12 стр.

Участникъ въ воинской славѣ Россіи, внукъ Пешемкина, другъ Баграціона, Раевскій скончался

сего 1829 года, Сеншября 16 дня, въ удаленіи, по причинѣ шлесныхъ спраданій, отъ поприща побѣдъ. Герой Очакова, Фридланда, Дуная, Финляндіи, наконецъ Дашковки, Смоленска, Бородина, Лейпцига, Бриенны и Парижа, будешь незабвенъ въ памяти соотечественниковъ. Онъ не думалъ о славѣ и наградахъ, когда бросался на бапарен Наполеона съ дѣшми своими; но, осыпанный почестями, онъ имѣлъ счастье видѣшь себя предметомъ обожанія подчиненныхъ, почшенія лично его знавшихъ, и благословенія соотчичей. Некрологія Раевского кратка, но написана съ чувствомъ, знаніемъ дѣла, и искренностію воинскою. Въ семъ послѣднемъ опношеніи, она особенно замѣчательна, и, съ многими другими книгами и спашьями въ повременныхъ сочиненіяхъ, кошорыя изданы Правительствомъ и частными людьми въ послѣднее время, показываетъ, что въ Россіи наконецъ начинаютъ понимать величіе истины, сознаниемъ въ ошибку приобретающей болѣе правъ на наше уваженіе, нежели хвастливая дожь, кошорая прикованіемъ своимъ портишь самыя блестящія дѣла. Прежде, кто-бы подумалъ написать, что мы были разбиты подъ Фридландомъ и Аустерлицомъ; что мы сами сожгли Москву; что Наполеонъ и во Франціи, въ 1814-мъ году, еще спрашилъ насъ? Теперь, мы говоримъ все это открыто и смѣло. И намъ-ли стыдисься Фридландской или Аустерлицской битвы, послѣ Бородина, послѣ Монмашра? Пошребленіе предразсудковъ есть доказательство успѣховъ просвѣщенія, а хвастливый, *квасной*, какъ назвалъ его одинъ лишперашоръ, патриотъ

низмъ , есть , безъ сомнѣнiя , предразсудокъ вредный и смѣшной. Пожелаемъ , чтобы онъ болѣе и болѣе истреблялся , по мѣрѣ того , какъ свяшая , истинная любовь къ отечеству усиливается , указываетъ на недоспашки наши , чтобы отврашншь ихъ на будущее время , дорожншь чужеземнымъ , если оно хорошо , и не уважаетъ отечественнаго , хошь-бы и спараго , если оно дурно и вредно. Это единственное средство совершенствовашься , и не опсашь ошь другихъ , не засидѣшься на одномъ мѣстѣ , съ спарыми заплѣснѣвѣлыми понятiями.

II. Св.

— *Мои мысли о критикѣ Сознителя Исторiи Русскаго народа на Исторiю Государства Россiйскаго.* (Взяно изъ № 48-го и 49-го военно-лишшера-турнаго Журнала: *Славянинъ*). Спб. 1829 г. въ ш. Штаба Ошд. Корпуса внутр. спражи , іа 8 , 20 стр.

Вошь для соображенiя читателямъ и примѣръ понятiй заплѣснѣвѣлыхъ , разогрѣваемыхъ лишшера-турнымъ недоброхошсвомъ , и безстыдсвомъ безпримѣрнымъ !

Уже болѣе года , нижеподписавшiйся не читаетъ *Славянина* , слѣдственно , и не знаетъ , что ша-кое пишешъ и печашаетъ о Телеграфѣ и лично объ немъ Г-нъ Воейковъ. Говорашъ добрые люди , что много кое-чего ! Теперь Г-нъ Воейковъ , написавъ свои мысли , опшиснулъ ихъ особенною книжечкою.

Продолгу библиографа, я прочелъ книжечку Г-на Воейкова, и упоминаю объ ней. Но ошвѣчать Г-ну Воейкову, Боже меня сохрани! Пусть пишешь онъ, что ему угодно. Каждый дѣлаешь то, къ чему влечешь его природная склонность. Какую роль избралъ въ Русской литературѣ, по влеченію своей природы, Г-нъ Воейковъ? ... Незавидную! —

Н. П.

— *Вечерніе рассказы.* Собраніе повѣстей и преданій, въ стихахъ, Б. Федорова (п. е. Б. М. Федорова). Спб. 1829 г. въ Т. Деп. внутр торговли, in 12, IV и 74 стр., съ карпинкою.

Въ этой книжечкѣ всего лучше карпинка, на манеръ Суздальскихъ эшамповъ, а на шой карпинкѣ изображено, какъ Рауль Синяя Борода хотѣлъ своей женѣ голову ошвѣчь саблею.

— *Юрій Милославскій*, или Рускіе въ 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина; 3 часши. М. 1829 г. въ ш. Театральной, Н. Снепанова, in 12, 255, 166, 263 и VII стр., съ шремя заглавными гравированными листочками, съ виньешками.

Извѣщая читашелей нашихъ о скоромъ появленіи Историческаго романа, сочиненнаго Ѳ. В. Булгаринымъ, мы сказали, что *Димитрій Самозванецъ* будетъ первый, по времени появленія своего въ свѣтъ, *Русскій Историческій романъ*. Теперь, честь сія принадлежитъ роману, сочиненному М. Н. Загоскинымъ: онъ предупредилъ романъ Ѳ. В. Булгарина нѣсколькими мѣсяцами.

Любопытство читашелей было давно подстрекаемо извѣстіями Журналовъ о романѣ Г-на Заго-

скина, и шолки и мнѣнія ожидающихъ были разнообразны. Одни хощѣли видѣшь: какъ Русскія Историческія событія будутъ устанавливатьсь въ романтическую раму; другіе, каковъ Г-нь Загоскинъ, извѣстный своими драматическими сочиненіями, будетъ на поприщѣ совершенно для-него новымъ; шрешьи желали посмотрѣшь, какъ будетъ онъ соперничать съ кашріархомъ Историческихъ романовъ, Шотландскимъ спарикомъ, ибо нынѣ, сказавъ: *Историческій романъ*, кто не вспомнишь пошчасъ В. Скопша?

Ожиданіе первыхъ происходило опъ незнанія дѣла. Русская Исторія, Русская спарина не только могутъ быть источникомъ поэтическимъ созданій и романовъ Историческихъ, но, можешъ быть, ихъ должно почестъ однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для поэта и романиста. И такъ, оспаюшся шребованія только тѣхъ, которые желали узнать: каково Г-нь Загоскинъ выполнишь обязанность романиста?

Намъ кажется, что Авторъ Юрія Милославскаго поступилъ весьма хорошо, удалясь отъ подражанія В. Скопшу: *Юрій Милославскій* романъ совсѣмъ не въ родѣ В. Скопшовыхъ. Если-бы надобно было искать образца, по которому онъ созданъ, то мы скорѣе могли-бы найдти его въ романахъ Купера.

Избравъ такое Историческое событіе, которое дало-бы средства поэтически разыгратьсь воображенію; выславивъ шолпу характеровъ и лицъ; зашлавивъ ихъ дѣйснвовать и говорить, совершенно скрывшись за ними; не имѣшь ни одного героя, въ которомъ-бы Авторъ высказывалъ самого себя;

перенеслись совершенно въ шѣхъ людей, кошорыхъ изображаешь, во время, кошорое описываешь; представивъ рядъ событій, перепушанныхъ одно съ другимъ, и переходомъ отъ одного къ другому, мѣлкою живописью подробностей, изображеніемъ неопытно-вѣрнымъ вѣка, нравовъ, обычаевъ, повѣрьевъ, заставивъ читателя забыть, думаешь, что онъ живетъ, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами романа — вошь стороны, кошорыя представляются въ романахъ В. Скошпа, при самомъ поверхностномъ ихъ разсмотрѣніи. Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь объ *Историческихъ* только его романахъ.

Куперъ совсѣмъ другое, хотя въ немъ видно желаніе быть *Американскимъ* В. Скошпомъ. Куперъ всегда отбираетъ небольшое число характеровъ, развиваетъ ихъ, заставляетъ дѣйствовать. Вокругъ нихъ бывають обставлены второстепенныя лица; но сцена пуста, когда главные актеры удалились, оживлена, когда они бывають на ней. Куперъ, такъ-же какъ В. Скошпъ, вдается въ живопись мѣстности; но эшо у него только дополненіе, а не необходимая связь. Если Куперъ беретъ *Историческое* событіе, то эшо только предлогъ, а не сущность романа; если выставляешь *Историческое* лицо, то оно всегда бываетъ частное, дополнительное, призываемое, какъ *великанская тѣнь Самуила*, для разрѣшенія судьбы дѣйствующихъ лицъ, но живущее жизнью, отдѣльною отъ жизни дѣйствующихъ романа, не связанною непосредственно съ ними.

Къ сему роду романовъ, копорый назовемъ *Куперовымъ*, принадлежишь, по мнѣнію нашему, романъ М. Н. Загоскина, и разсмащриваемый въ семь направленіи, онъ выполняетъ шребованія чашашей весьма удовлетворительно.

Это собственно — *не Рускіе 1612 года*, какъ сказано въ заглавіи, но исторія одного вымышленнаго Авшоромъ лица. Сіе лицо — *Юрій Милославскій*, молодой, пылкій человекъ, съ сильною душею, присягнувшій Польскому Королевичу Владислазу, и попому полагающій, что не имѣешь уже права сражашься съ Поляками, хотя въ тоже время видишь, что они не спасишели, но враги его ошечества. Онъ посланъ ошь Поляковъ въ Нижній Новгородъ, уговаривашь гражданъ успокоишься и не возсавашь на Поляковъ; но увлеченный любовью къ ошчизнѣ, напрошивъ, онъ ободряешь гражданъ къ возстанію. Поѣздка Милославскаго и любовь его къ дочери Боярина Шалонскаго, сосшавляющь основу цѣлаго романа. Подлѣ главнаго лица являешься Казакъ Кирша и слуга Алексій. Кирша шже, что *Послѣдній Могиканъ* у Купера; Алексій комическое, доброе, просное лицо, шже Куперовское, сосшавляющее прошивоположностъ Милославскому и Киршѣ. Послѣ сего можно угадашь главныя положенія и ходъ романа. Нѣсколько часпныхъ, не изъ цѣлаго развивающихся собышій, но *слухайностей*, и вдали великія собышія 1612-го года, о копорыхъ Авшоръ *говоритъ* болѣе, не представляя оныхъ въ живыхъ картинахъ, не рисуя и героевъ, въ нихъ дѣйшвовавшихъ, но изрѣдка, часпно, иногда, вводя ихъ на сцену. Вошь полный объемъ романа.

Пожарскій въ немъ совсѣмъ не является; Минина видимъ мы только на Нижегородской площади; Палицына встрѣчаемъ, какъ частнаго человека, а не какъ участника въ дѣйствіяхъ великихъ.

Обвинять ли Автора за такой планъ и объемъ романа? Кажется, мы не имѣемъ права, а въ томъ размѣрѣ, какой опредѣлилъ себѣ Авторъ Юрія Милославскаго, онъ, повторяемъ, удовлетворяетъ читателя. Интересъ въ цѣломъ поддерживанъ; событія любопытны; подробности рѣзки, и многія оцѣлены весьма естественнымъ и искусно. Упомянемъ о двухъ различныхъ мѣстахъ: сценѣ, въ которой старуха требуетъ немѣтрную цѣну за горшечекъ молока, и приводимся въ опчаяніе ловкостью Кирши, и сценѣ у Шихей Московскихъ, гдѣ является ошець Еремей, начальникъ Русскихъ Гверильясовъ 1612-го года; сія послѣдняя сцена есть произведеніе мастерское. Таковы-же: смерть боярина Шалонскаго; уловка Кирши, посредствомъ которой онъ убѣгаетъ изъ села боярина Шалонскаго. — Вообще, если можемъ упрекнуть Автора, что иногда лица его романа говорятъ не своимъ, не-своимъ языкомъ; что иногда самъ Авторъ слишкомъ видѣнъ изъ за нихъ; что иногда онъ слишкомъ любитъ нечаянности, и впадаетъ отъ того въ изысканность, то въ то же время скажемъ, что онъ выкупаетъ недостатки красотою. Такъ, освобожденіе Милославскаго изъ Муромскаго жилища боярина Шалонскаго — занявшее слишкомъ много мѣста, неестественное, и — не Русское — заключаетъ въ себѣ одну подробность красоты великой: это смерть Земскаго Ярыжка, черта испан-

но изящная и совершенно вѣрная! Мы желали-бы болѣе связи въ цѣломъ, болѣе *Историческаго*, менѣе вводныхъ событій, и проч. и проч.; но за всѣмъ тѣмъ, скажемъ, что Юрій Милославскій доброе предвѣщаніе для будущности Русскихъ романовъ, и даетъ надежду, при большей опытности Авшора на поприщѣ романиста, ожидаешь отъ него весьма многого.

Не можемъ не замѣтить, что Юрій Милославскій напечатанъ весьма неисправно, хотя наружность его довольно опрятна. Приложенныя при каждой части виньетки выгравированы Г-мъ Скошниковымъ хорошо. Но аршистъ, писавшій ихъ, вовсе не знаетъ правильности рисунка.

Н. П.

— *Исторія Русскаго народа*. Сочиненіе Николая Полеваго. Т. I. М. 1829 г., въ п. А. Семена, in-8, LXXXII, 368, VII и 14 (всего 471) стр., съ генеалогическою Росписью Русскихъ Князей, съ 862-го по 1055-й годъ.

Извѣщая объ изданіи *перваго* тома сочиненія, занимавшаго меня нѣсколько лѣтъ, я не смѣю предупредить суда чашателей, и не могу ничего сказать ни въ выгоду, ни въ невыгоду онаго.

Болѣе всякаго другаго, я чувствую смѣлость своего предпріянія, трудность его, и несовершенство своего труда. Но, зачѣмъ-же не признаюсь мнѣ, что не бывъ увѣренъ въ пользу, кошую трудъ мой принесешь моимъ соотечественникамъ, я не рѣшился-бы писать Исторіи Отечества?

Теперь, пусть судяшь мое сочиненіе, какъ угод-

но. Случай, опмстишь Издашело Телеграфа за правду, которую онъ говариваль многимъ, прекрасный! Я предупреждаю однакожь моихъ кришниковъ, что на замѣчанія, касашельно основныхъ, главныхъ идей въ *Исторіи Русскаго народа*, я не буду опвѣчашь никому, до появленія въ свѣшь шруда моего вполнѣ; замѣчанія о частныхъ ошибкахъ, нешочностяхъ, невѣрностяхъ, долгомъ почшу принимашь съ благодарностью, шакъ, что при каждомъ вновь выходящемъ шомѣ, буду исправляшь доказанныя ошибки въ прежде изданныхъ; на привязки, кривые шолки, личности, насмѣшки, на все, что появлялось еще до выхода I-го шома *Исторіи Русскаго народа* въ Вѣспникѣ Европы, Галашеѣ, Ашенеѣ и Славянинѣ — не буду опвѣчашь, даже единого слова.

Я предполагаль издать въ семь 1829-мъ году два шома *Исторіи Русскаго народа*; но шипографія, при всей дѣяшельности, не могла управишья печашаньемъ. Впрочемъ, замедленія дальнѣйшаго не будешъ: рукопись гопова, и печашаніе будешъ производишья съ возможною скоростью.

Н. П.

С М Ъ С Ъ .

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Геній Наполеона гошовилъ изумишь міръ дѣлами неслыханными. Италія была во власпи непріяшелей; Франція казалась изцеможенною, погибающею; уже полишники предрекали время ея паденія, и шумъ прежнихъ побѣдъ Наполеона казался умолкнвшимъ. Наполеонъ собралъ войско; не пошелъ *среди путей извѣстныхъ*, но чрезъ неприсупную, снѣговую гору Сень-Бернардъ повелъ Французовъ въ битвы. На вершинѣ сей горы ударилъ часъ величайшей славы Наполеона: переходъ его чрезъ Сень-Бернардъ всегда останетъ изумленіемъ вѣковъ (*). Наполеонъ перешагнулъ гору; громъ Маренго покашилъ по землѣ, и не умолкалъ до громовъ Ватерлооскихъ.

Наполеонъ велѣлъ попомъ Давиду написати картину перехода чрезъ Сень-Бернардъ, для Дома инвалидовъ Парижскихъ. Геній живописца вдохновился геніемъ великаго челоука. Давидъ изобразилъ Наполеона въ ту минушу, когда конь героя ударилъ копышомъ въ вершину горы: окресилъ его

(*) См. описаніе онаго въ Телеграфѣ, 1825 г., № КVII-й.

снѣга и вѣрные сопушники ; за нимъ участь Франціи ; впереди—Италія, враги, побѣда и власшь надъ полу-міромъ ! Горный вѣспрь взвѣваетъ одежду Наполеона , и вся картина проникнута чувствомъ восторга, наполнявшаго душу художника.

Сія картина находится нынѣ во Французскомъ Музеѣ. Она въ 8 фушовъ , 5 дюймовъ вышины , 7 фушовъ , 2 дюйма ширины , и счищается лучшимъ произведеніемъ Давида. Изображеніе сей картины, приложенное при сей книжкѣ Телеграфа, взято изъ Museum of painting and sculpture , изд. Ревейлемъ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Радуемся , что литературныя извѣстія сего года оканчиваемъ извѣщеніемъ о новомъ пріятномъ явленіи, котораго могутъ Русскіе читатели ожидать въ 1830-мъ году. Мы говоримъ о *Литтературной Газетѣ*.

Подъ симъ названіемъ , въ слѣдующемъ году , въ С. Петербургѣ , будетъ издавать повременное сочиненіе Баронъ А. А. Дельвигъ , извѣстный изданіемъ одного изъ лучшихъ Русскихъ Альманаховъ: *Сѣверные Цветы*, ошличный нашъ Поэтъ.

Дружелюбно привѣтствуя новаго шоварица на журнальномъ поприщѣ , желаемъ ему всякихъ успѣховъ.

Содержаніе Газеты составяшь постоянно: *Изящная Словесность* (проза и стихи) , *Библиографія* и *Критика*; *Смѣсь* (извѣстія о театрахъ , анекдоты , объявленія и проч.); будущъ иногда *утенныя извѣстія*

(открытія, изобрѣшенія, путешешствія, изысканія древностей, и проч.). Издашеть напередъ отърекается *отъ критической перебранки*, и говоритъ, что только «кришики, имѣющія въ виду не личныя «привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будутъ принимаемы.»

Литтературная Газета будетъ выходить каждые 5 дней, считая съ 1-го Января 1830-го года. Каждый № составитъ *одинъ* печатный листъ, большаго размѣра. Цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 40 рублей ассигнаціями.

Желаніе многихъ: имѣть въ Россіи Польскую Газету, наконецъ исполняется. Польскіе Литтераторы, живущіе въ Спб., съ будущаго года станутъ издавать Газету на Польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: *Tygodnik Petersburski*. Кромѣ официальныхъ статей, Издатели хотятъ знакомить Поляковъ съ Русскою Литтературою и политическимъ и гражданскимъ бытомъ Русскаго государства. Благодаримъ ихъ за полезное предпріятіе, и надѣмся, что какъ всѣ благомыслящіе Рускіе, такъ и Поляки сему порадуются. Пора сближаться шѣнѣ двумъ роднымъ племенамъ, живущимъ подъ скипетромъ единаго Монарха. Цѣна Польской Газетѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ 35 рублей ассигн.

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ СКАЧКА.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ).

Еще живо носились въ моемъ воображеніи прелестные виды южнаго Таврическаго берега, огромныя скалы, очаровательныя долины съ ихъ садами, плескъ волнь Чернаго моря, какъ я услышалъ въ Симферополь объявленіе о скачкѣ, подъ названіемъ *Губернской*. Скачка сія есть новое учрежденіе Правительствъ, и въ первый разъ устроивается въ Крыму такъ общественно (*).

Въ 2 часа по полудни я отправился на мѣсто ристалища; тамъ, на скатѣ горы, при выѣздѣ въ Севастополь, устроена небольшая галлерей для почетныхъ зрителей; немного вправо отъ нея, бесѣдка для присутствія Судей, раздаваемыхъ награду хозяевамъ лучшихъ скакуновъ. Подлѣ бесѣдки построено было въ неправильный, неровный фронтъ, нѣсколько Ташаръ въ красныхъ мундирахъ. Мнѣ сказали, что они вновь набраны для комплексованія Лейбъ - Гвардіи Крымско - Ташарскаго эскадрона. Крайняя неловкость спражи сей извиняется словомъ: *новонабранные*, но дурная наружность многихъ удивляетъ нѣсколько.

(*) Правительство, мудро вникая во всѣ отрасли хозяйственныя, учредило въ нынѣшнемъ году скачки, съ цѣлю посщренія конскихъ заводчиковъ. Скачки устанавлены въ Херсонской, Таврической и Екашеринской губерніяхъ.

Для ристалища обведенъ плугомъ, съ двухъ сторонъ кругъ, заключающій въ себѣ до 6-ши верстъ пространства въ длину, и въ ширину до 40-ши сажень. Передъ галлереею зрителей протянута веревка, долженствовавшая отдѣлять скакавшихъ; немного дальше, влѣво, поставленъ высокій столбъ съ флагомъ желтаго цвѣта. Столбъ эшотъ означаетъ мѣсту для состязующихся. Лошадь, изъ числа скачущихъ, оставшаяся въ первый разъ за симъ столбомъ, тогда какъ одна изъ нихъ достигаетъ Судейскаго мѣста, не допускаешся ко второй скачкѣ, рѣшающей судьбу хозяевъ. Первая, явившаяся къ цѣли лошадь, беретъ въ призъ серебряный, прекрасной отдѣлки, кубокъ; другая ассигнаціями 500 рубл.; прочія проигрываютъ.

Ожидая начала и конца любопытнаго и пріятнаго зрѣлища, я стоялъ возлѣ галлерей, мѣста коей мало по малу наполнялись разнаго званія чиновниками и дамами, а окружность во множествѣ спешившимся народомъ и большею частію Татарами, Греками и Армянами, въ непрерывномъ гулѣ и восклицаніяхъ выражавшими нестерпимое ожиданіе свое.

Начало зрѣлища ознаменовано было непріятнымъ случаемъ. Одинъ молодой человекъ, служащій при здѣшнемъ Губернаторѣ, леталъ на шибкомъ конѣ, развозя приказанія, по въ шу, по въ другую сторону. Мы видѣли его не разъ, несущимся во всю прысь мимо галлерей; наконецъ какъ сѣдокъ, шакъ и конь, вѣроятно, хотѣли выказашъ всю свою бойкость. Мы завидѣли Г-на Л., пущившаго коня опъ

Судейской бесѣдки. Казалось, всадникъ мелькнетъ мимо насъ, какъ молнія; но судьбѣ угодно было устроить иначе. Или наѣздникъ не могъ удержатъ коня, или конь не умѣлъ повиноваться, только рыцарь на всемъ лешу палъ ницъ у самой галлерей, и въ шоже мгновеніе обрушилась на него лошадь. Всѣ ахнули; наѣздника подняли безъ чувствъ, и повезли безъ памяти въ городъ. Какъ слышалъ я, ему лучше, но какъ видѣлъ, думаю, что скачка Симферопольская останешся навсегда впечатлѣна и въ памяти Г-на Л., и въ жестоко придавленныхъ его членахъ (*). Лошадь, не угадавъ мысли сѣдока, неспись прямо по ристалищу, ринулась влѣво, запуталась въ веревку, долженствовавшую отдѣлять скакуновъ отъ зрительей, и повергла къ стопамъ красавицъ бѣднаго молодого человѣка, предполагавшаго совѣтъ не такъ неудачно провести день новаго въ Крыму торжества.

Описанный случай заставилъ меня нѣсколько отдалиться отъ насющаго предмета. Немного прежде мы услышали выстрѣлъ, мнѣ показалось, ружейный; напротивъ, это былъ пушечный сигналъ начала скачки. Я прежде шого и не замѣтилъ шрехъ гарнизонныхъ солдатъ, управлявшихся съ малень-

---

(*) Черезъ шри дни, я видѣлъ Г. Л. въ танцевальномъ собраніи. Онъ, блѣдный, съ больною ногою, сидѣлъ въ кругу дамъ. Унылый его видъ спраданія вселялъ большое участіе во многихъ, сколько я могъ замѣпить, приспально глядѣвшихъ на него красавицъ.

кими какими-шо орудіями. Выстрѣлъ сей обратилъ наше вниманіе на процессію, кошорую надобно описашъ вамъ.

Впереди несли ящикъ, въ кошоромъ помѣщался серебряный кубокъ; за шѣмъ ѣхалъ верхомъ Губернаторъ, съ нѣсколькими чиновниками; пошомъ шла музыка здѣшняго гарнизона; далѣе нѣсколько конныхъ Крымскихъ Мурзь: двое изъ нихъ везли кубокъ. Весь эшомъ парадъ заключался взводомъ Гвардейскаго Ташарскаго эскадрона.

Выигрышный призъ, съ музыкою и восклицаніями, Ташары принесли въ галлереею зришелей, и поставили на столикъ, покрышый краснымъ сукномъ. Избранные Судьи и Губернаторъ оправились въ бесѣдку. Начали приводить лошадей, предназначенныхъ къ бѣгу. Не знаю, что съ ними дѣлали, только весьма не скоро мы увидѣли 17-шъ всадниковъ, изъ коихъ 15-шъ Ташаръ, одѣшыхъ разнообразно и не совсѣмъ опряшно, кромѣ одного въ бѣломъ полошнѣномъ костюмѣ, по образцу арбекиновъ, восхищающихъ чернь Пешербургскую подъ качелями. Двѣ осшальныя, съ виду очешъ хорошія лошади, принадлежали Донскому Подполковнику, кварширующему съ полкомъ въ Крыму, и желавшему пушнить своихъ лошадокъ въ состязаніе съ Ташарскими, по наружности право несшующими никакого вниманія и никакой цѣны; въ эшомъ ссылаюсь на всѣхъ присушествовавшихъ.

Наконецъ, два пушечные выстрѣла возвѣстили начало, и 17-шъ наѣздниковъ оправились шагомъ

по большой дорогѣ, чтобы пустишься по ристалищу съ прошивной стороны ошъ зришелей.

Долго смотрѣли мы на сборы и шолки вершниковъ. Наконецъ, они двинулись, проскакали въ виду зришелей одинъ кругъ (*). Вошъ, нѣкоторые миновали желшый флагъ; при лошади далеко опередили прочихъ, и всѣ остановились для ошдыха, близъ зазданія раздавашелей награды; восемь-же лошадей, оспавшихся за чершою, исключены; въ шомъ числѣ одна Донская. Чрезъ 30-шъ минушъ, ошальные 9-шъ всадниковъ, ошяшъ пронулись съ шѣспа. Надобно было видѣшъ хозяевъ шѣхъ лошадей, кои съ перваго круга потеряли право на скачку, и шѣхъ, кони кошорыхъ неслись, выперживая одинъ другаго. Первые ошъ досады ничего не слышали, ничего не видѣли; вшорые, ошъ напряженнаго вниманія, были чужды всему, кромѣ каждаго движенія своей лошади. Одинъ помѣщикъ, Грекъ, усерднѣ другихъ приговояляя свою лошадь, не предполагая ее бойкимъ скакуномъ, а какъ кажешся, возложивъ надежду на Бога, онъ съ необыкновеннымъ воспоргомъ, съ самаго начала създа публики, прохаживаясь по ристалищу, съ арапникомъ въ рукахъ; на лицѣ его была написана увѣренность въ выигрышъ, вмѣстѣ съ какимъ-шо безпокойшвомъ. И что-же? — Лошадь его ошалась — въ послѣднихъ; да и не лзя было думать иначе съ перваго на нее взгляда. Помѣщикъ, испышавъ много удачъ въ коммерческихъ оборошахъ, и швердо

(*) Шестъ версшъ.

уповая на всегдашнее счастье, сильно пораженъ былъ измѣною лошади, которая совершенно невинна въ проигрышѣ; если-бы она могла, то сама-бы удивлялась, какъ можно было предполагать пушить ее на выскачку.

Быстро неслись девять скакуновъ, и чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ сильнѣе понуждали коней всадники, плешью, погами и крикомъ. Между тѣмъ шолпа Азіяшцевъ, окружавшихъ насъ, громкими завываніями встрѣчала натѣзниковъ; грубые вопли радости Ташарскихъ Цыганъ, принимавшихъ большое участіе въ дѣлѣ, заглушали насъ; громъ гарнизонной музыки и Ташарскихъ свирѣлей, съ барабанами необыкновенной величины, называемыми: *тумбала*, придавали всей сценѣ какую-то дикую торжественность, удивительно поражающую человека, не свыкагося съ Азіяскими выраженіями восторга.

Наконецъ крики заглушаютъ все, и вошь одна маленькая лошадь впереди; усачъ Ташаринъ, боясь пошеряшь почти гоховый призъ, оппускаетъ бѣдному живошному сильные, непрерывные удары плешью. . . и вошь близко цѣль. . . конь мчится:

Что разъ сильнѣй, что разъ сильнѣй,
Едва слегка земли коснется;
Что разъ быстрѣй, что разъ быстрѣй,
Надъ пыли облакомъ несется! . . .

И опередилъ соперниковъ. . . побѣда!

Хозяинъ скакуна - побѣдителя, помѣщикъ Крымскій, Ташаринъ Мурза *Темиръ Хазы*, кричишь, зо-

вещь, бѣжипь воспорженный на встрѣчу своему коню, который пронесся мимо, и отъ разбѣга съ прудомъ далъ удержатъ себя далеко впереди цѣли. Мурза-счастливецъ преслѣдовалъ его, и не долго оставался въ разлукѣ съ лошадыю; онъ на эшошь разъ обращась скороходомъ, схватилъ коня за поводъ, въ шу секунду, какъ его приосстановили; обшеръ, обласкаль, расцѣловаль, и ошдалъ своимъ прислужникамъ для попеченій. Вторая, достигшая цѣли лошадь, принадлежала помѣщику *Ахметъ Бю Хункалову*; на ней-шо ошличался всадникъ въ бѣломъ нарядѣ. Пять ошальныхъ Ташарскихъ лошадей и одна Донская, потеряли выигрышь. Первая въ 16½ минутъ (за исключеніемъ ошдыха) пробѣжала 12-ть вершъ.

Судья, само собою разумѣется, рѣшили выдать награды опередившимъ скакунамъ. Темиръ Хазы Мурза изъ рукъ Губернашора получилъ серебряный кубокъ. Онъ, съ Ташарскою музыкою, шумомъ и ра доснымъ крикомъ своихъ приверженцевъ, обнесъ шоржественно свой выигрышь между полною зрителей; потомъ ошправился въ городъ, въ сопровожденіи большей части черни. Въ шошь-же вечеръ, сказываюшь, въ ознаменованіе побѣды, на скакуна положили вмѣсто попоны коверъ, а кліеншы Темиръ Хазы шумно праздничали, объѣдаясь жирными баранами и запивая *максимою* (*).

(*) *Максима*, буза, или брага, дѣлается изъ проса; это любимый напитокъ Ташаръ.

Я собирався ѣхать, но узналъ, что другіе скачки, по закладамъ (не выше 25-ти рублей), будутъ произведены въ заключеніе спектакля. И дѣйствительно, лошадей пускали на двѣ и на три версты, и одна копорая-нибудь изъ нихъ выигрывала закладъ, если находилась впереди. Между сими лошадьми я замѣтилъ принадлежавшую Д. В. Нарышкиму. Она, съ мѣста бросаясь въ сторону, не пошла во время; ее остановили; но по легкости и отличному спашью можно было надѣяться, что она перегонитъ всѣхъ Крымскихъ лошадей.

Нѣсколько послѣдовавшихъ скачекъ по закладамъ не занимали меня; всѣ почти зрители начали разѣзжаться, и я, оставивъ при позднемъ вечерѣ многихъ охотниковъ до закладовъ, на мѣстѣ, возвратился домой.

Если позволено дѣлать замѣчанія, соображая цѣль учрежденія скачки съ настоящимъ приведеніемъ оной въ дѣйствіе въ Крыму, я осмѣлюсь сказать, что при нынѣшней скачкѣ, какъ первомъ опытѣ, конечно могли бытъ допущены въ сосязаніе лошади всѣхъ охотниковъ, предъявившихъ доказательства, что скакунъ Крымской породы; но, мнѣ кажется, впередъ не должно-бы принимашь въ участіе лошадей всякаго желающаго. Надобно-бы спаралсъя, чшобъ къ скачкѣ, уснановленной Правительствомъ для поощренія заводовъ, были приводимы лошади тѣхъ только гражданъ, кои хотя нѣсколько занимающся заведеніемъ лошадей хорошихъ породъ: надобно припомъ удовольствіе, что представляемый скакунъ есть дѣй-

сшвишельно шакого-шо завода. Положимъ , что заводчикъ продаешъ лошадь охотнику ; въ шакомъ случаѣ , купившій обязанъ имѣть свидѣшельство , ошъ кого и когда лошадь-имъ приобрѣшена. Иначе , какъ я удостовѣрился , различные шоргаши , привыкшіе пользоваться обшюшельствами , прослышавъ о значительномъ выигрышѣ , добываютъ какую нибудь уродливую маленькую лошадеку , набѣгиваютъ ее , начинаютъ за мѣсяць впередь приговлять по Крымскому обыкновенію , содержа въ шемномъ амбарѣ , довольствую малымъ количествомъ ячменя и клочкомъ сѣна. Бѣдное животное , изъ шьмы кромешной выводятъ на свѣшь , подучаютъ ударами арапника и пускаютъ въ скачку. Не ошъ породы , не ошъ способности скакать , но ошъ страха , или , шакъ сказать , въ изступленіи , лошадь , вырвавшись изъ заключенія , несетъ сколько послѣднія силы ея позволяютъ , и не рѣдко опереживаетъ другихъ. Но , спросите , къ чему она способна ? Можешъ-ли служишь для долговременнаго пуши , и шибко-ли поскачешъ безъ выдержанія карантиннаго шермина въ шемномъ амбарѣ ? Конечно , нѣшь. Послѣ сего я спрашиваю : шакими скачками будешъ-ли достигнуша благошворная цѣль Правительштва — улучшение конскихъ заводовъ ?

Не выдаю мнѣнія своего рѣшительнымъ , но полагаю , что оно основательное. Всякій можешъ думать различно ; по крайней мѣрѣ я руководствовался мѣстнымъ наблюдениемъ и сколько могъ старался узнать истину.

Я расскажу вамъ исторію скакуна-побѣдителя ,

какъ мнѣ сказывали ее многіе Крымскіе Мурзы. Темиръ Хазы Мурза женился на дочери одного Татпарина, и въ числѣ подарковъ, по обыкновенію Мусульманъ получаемыхъ при свадьбѣ отъ всѣхъ по-сѣишелей—друзей, ему дана была однимъ родственникомъ, Агъ-Баба Мурзою, лошадь, кошорю онъ опдарилъ коровою съ шеленкомъ. Лошадь эта, подь названіемъ: *Галфажи* (*), оставалась заброшевною, по некрасивой наружности, и получила предназначеніе быть разсылною подь прислужниками. Прикащикъ Мурзы, выѣзжая иногда съ собаками на шравлю зайцевъ, замѣшилъ въ сей лошади способность шибко скакать. При извѣстіи объ учрежденіи скачки, Темиръ Хазы воспользовался замѣчаніемъ прикащика. Онъ приводитъ лошадь на удачу въ Симферополь, лишаетъ несчастную свѣша дневнаго, надѣваетъ на нее шорбу, кошорая цѣлый мѣсяць не снимается, приказываетъ давать нѣсколько гарнцевъ ячменя въ сушки и сѣна по шри фунша, и вошь 1-го Окшября выпускають шшрадалицу изъ шемницы. Конь, опуманенный, завидѣвъ свѣшъ Божій, ринулся опромешью, скакалъ, и, подшпрекаемый ударами арапника, выигралъ кубокъ. Честь ему и слава! Теперь онъ въ холѣ и привольѣ. Мурза, въ надеждѣ получить другой выигрышъ въ будущемъ году, и уважая преклонныя лѣта побѣдителя (ему 15 или 16 лѣтъ), делѣешь старца, содержа въ полномъ довольствіи.

(*) *Галфажи* Татары называютъ лошадей, имѣющихъ самыя дурныя шшани.

Наслаждайся дорогой конь своимъ счастьемъ, пока не придетъ время новаго поща и заключенія въ шемницу , чшобы освободясь изъ оной , подъ ударами плещи , выслужишь милосердіе и благосклонность , на осшальные недолгіе дни существованія швоего !—

* * *

Симферополь.

12 Окшября

1829 года.

Н О В Ы Й   Ж И В О П И С Е Ц Ъ О Б Щ Е С Т В А   и   Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

НѢСКОЛЬКО СТАТЕЙ ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ, или ВРЕДНЕЙ, Д. В. ПРУТИКОВА.

К А Р Т Ы .

Пятьдесять два чешвероугольные бумажные листочка, съ чиноположеніемъ каждаго особенно, гдѣ чешыре короля царшвуютъ подѣ верховною властію тузовъ, составляютъ игрушки, по преданію Исторіи, выдуманныя для забавы слабоумнаго (*). Нынѣ сіи игрушки вошли въ общее употребленіе и не рѣдко заключаютъ въ себѣ остроуму и промышленность многихъ хорошихъ умовъ, иногда составляя главное занятіе цѣлой жизни.

(*) Карты выдуманы для забавы Французскаго Короля Карла VI-го.

Каршы великое и могущешвенное кормило многихъ дѣяній и подвиговъ !

Я не хочу слѣдовать мнѣнію строгихъ и угрюмыхъ нравоучителей, утверждающихъ, что каршы сущь и были источниками большаго зла; что отъ нихъ многія семейства повергнушы въ нищету и уничиженіе. Говорятъ, что молодость, предаваясь спраси къ игрѣ, устрояешь всякую склонность къ добрымъ дѣламъ; отъ спраха, бышь обманушою, наконецъ обращается сама къ обману, дѣлая искуснымъ оборотомъ руки, оборотъ на все состояніе жизни.

Сстрогіе нравоучители утверждаютъ, что счастливый игрокъ, заглушая совѣсть, не одному счастию бываетъ обязанъ успѣхомъ, но и собственному искусству; что жадность къ чужому достоянію угашаетъ въ игрокахъ всякое состраданіе, и что привычка взирашь на спраждающихъ, и лишенныхъ въ одинъ часъ послѣдняго куска хлѣба, ожесточаетъ сердце и дѣлаешь его способнымъ на всякое покушеніе. — Многіе называютъ каршы могилою; гдѣ погребены бывають всѣ добрыя вліянія, поселенныя въ сердца юношей благимъ воспитаніемъ, оставляя въ душѣ ихъ одну спрась господствующую и, какъ червь, ихъ снѣдающую.

Осшавимъ строгихъ нравоучителей; они запрещаютъ молодости упражненіе, а людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ обвиняють въ покушеніяхъ на разсваденіе сѣшей для простидушныхъ. Пусть говорятъ и пишутъ, что хошатъ; доказательство противъ нихъ есть весьма хорошее: *никто ихъ не слушаетъ, хотя они давно твердятъ одно и то же.*

Разсмотримъ лучше внимательнымъ окомъ пользу, происходящую въ общесшвенномъ кругу отъ коммерческихъ игръ.

Коммерція вездѣ годится. Я гляжу на собраніе, изъ многихъ гостей составленное: какой хозяинъ, или хозяйка, могутъ 50, или 60 особъ, достойно разговоромъ занять? Безцѣнные каршы всѣхъ удовольстворяють. Искусство хозяйна въ шомъ шѣлько состоятъ должно, чшобы гостей разобрать по примѣру масшей. Опредѣливъ къ каждому сполу приличныхъ товарищей, хозяинъ спокоенъ и свободенъ; госпи усшроены. Чѣмъ занять шѣхъ, которыхъ праздность и злорѣчіе заставляють непрееманно вышшивашься въ чужія дѣла, и порочить шого и другаго, если опнятъ пріятное упражненіе каршъ? Сколько дѣвушекъ и мужчинъ ошаненся съ добрымъ именемъ, сколько свадебъ не разрушится, сколько пріятелей пребудешъ въ согласіи, при помощи каршъ! — Чѣмъ ушѣшишь шѣхъ, коихъ красота давно ошавила, и о женихахъ въ поминѣ не слыхашъ, или какое шѣмъ дашь упражненіе, которые, сердясь на скорощечность времени, спашраются его всѣми возможными способами безъ милосердія умерщвлять?

Чшѣ ошастеся спаросши, лишенной призраковъ міра сего? *Грандъ пасьянсъ!* Чшѣ дѣлашь шѣмъ, кои, живучи въ излишествѣ, просыпаясь не вѣдають, какъ ночи дождашься? Они одѣваються, бѣгутъ на скромный босшонъ, или молчаливый висшъ, и — поздный вечеръ смиренно предаешь ихъ объашіямъ сна. Кто ушѣшишь огорченного и ошавленного въ несчастіи всѣми? Гаданье и пасьянсъ.

Я видѣлъ отъ каршъ чудеса другаго рода: два непріятели были нѣсколько лѣтъ во враждѣ; казалось, не было средствъ къ примиренію. Они сѣѣлись нечаянно въ пріятельскомъ домѣ; замысловатый хозяинъ, вопреки заведеннаго обычая, посадилъ ихъ за одинъ столъ, и — *дружескій бостокъ настронь гудеса!* Враждующіе сначала сидѣли, какъ двуглавый орелъ. Нужда въ помощи дружественнаго бостона склонила наконецъ ихъ головы и сердца, принужденныя помогашъ другъ другу, подобно двумъ непріятельскимъ державамъ, кои непреклонная судьба заставила дѣйствовать за одно, употребляя обоюдно вспомогательныя войска. Державы сближаются, и общая польза вскорѣ рождаешъ общій миръ.

Каршы соединяюшъ насъ другъ съ другомъ. Сколько людей, которыхъ знакомство держится единымъ пріятнымъ занятіемъ каршъ! Сколько семействъ предавалось-бы безъ нихъ зѣвошъ и свистанью въ ногошокъ, за неимѣніемъ мыслей!

Однимъ словомъ: каршы есть безцѣнное средство, утѣшеніе, занятіе, изощряющее умъ и веселящее сердце. Хвала и слава тому, кто изобрѣлъ ихъ!

У д и в л е н і е .

Въ просвѣщенномъ мірѣ, къ качествамъ ума принадлежишъ: *умѣнь ни чему не удивляться*. Горе тому, кто дивишся станешъ! На него положашъ печашъ презрѣнія, или, что еще хуже, простоты. Условіе сдѣлано: *не дивись ни чему*; да являшся на лицѣ швоемъ чершы равнодушія и шого спокой-

ствія , которое раждають обыкновенныя событія , хошя-бы шы встрѣшилъ и удивительное .

Но , странное дѣло ! Всѣ слѣдуютъ установленному обряду , а вездѣ и во всемъ встрѣчаемъ мы безпрестанное стремленіе удивлять . Кажется , что какъ будто люди объ закладъ ударились : заставивъ проиграть , обязавшихся между собою ни чему не дивиться . Взгляни на всѣ дѣянія , на всѣ движенія многихъ людей : одно стремленіе ихъ — на удивленіе ! *Геній* , нынѣ модное слово , и люди бѣгутъ на добычу сего имени ; спѣшатъ записываться въ цѣхъ геніевъ , безъ представленія образца на искусство . Сколько охотниковъ , желающихъ выходить изъ круга ограниченности ! Давай удивлять народъ чѣмъ попало , и вотъ всѣ стремятся , надуваются . . . А народъ не сморщитъ ? Такъ , но всѣ хошатъ оплечаться ; всѣ хошатъ имѣть какую-то печать особености , и , какъ-бы то ни было и чѣмъ-бы то ни было , не походишь на другихъ . Я встрѣчалъ юныхъ геніевъ , кошорымъ нескромные люди говорили , что они похожи на башюшку , и геніи морщили брови , искоса сморщили , на лицѣ ихъ показывалось явное неудовольствіе : *Fi, hoggeur !* Бышь похожу на ошца ! Геній имѣетъ особыя чершы ; ни одинъ не похожъ на ошца , и съ охотою ошъ него опречется .

Мнѣ часто попадаются 20-ши лѣтніе юноши , на выборъ всѣ геніи : обо всемъ чудесномъ и необыкновенномъ судятъ ; все чрезвычайное знаютъ ; будущее пророчатъ , какъ календари погоду ; прошедшихъ и настоящихъ обстоятельствъ въ подробности вѣдаютъ не хошатъ , какъ дѣло обычайное , а къ

Декабрь 1829.

33

дѣлу они неспособны, пошому что это была-бы вещь обыкновенная. Они утверждаютъ, что участь генія вновь созидашь, не слѣдуя опышомъ начертанной сшезѣ и соблюденію порядка.

Глафира повергла опличныя свои дарованія въ игръ на фортепiano, къ спопамъ славнаго учителя, кошорый поставилъ ей закономъ, чтобы она его сочиненія концершъ, и сей *единный только концертъ*, въ самомъ совершенствѣ сыграла. Тщешно было-бы друзьямъ, пріятелямъ, упросить Глафиру позволивъ себя послушашъ, и полюбовашъ ея паланшомъ въ какомъ либо другомъ сочиненіи. Сыгранный на удивленіе концершъ ишошилъ всѣ ея силы; она дѣшшвительно въ изнеможенія, и пальцы ея, по указанію генія-учителя, шакъ выпянулись, что одною рукою едва она владѣшъ, а на другой растешъ у нея горбъ. Жаль чрезвычайно Глафиры: она съ пріятноштію и большимъ искусствомъ могла-бы разыгрывашъ хорошихъ авшоровъ, писавшихъ для гармоніи; но, увы! гармонія нынѣ обвешшалаея шарина: выполняишь неимовѣрныя шрудности — вощъ верхъ искусства! Ухо иногда и спраждешъ, но дѣло идешъ на удивленіе!

Маркёровъ говѣшъ цѣлый годъ, и живешъ зашворникомъ въ проспранномъ и огромномъ домѣ, дабы единожды дашъ великолѣпный и обжорный обѣдъ, на кошорый зовешъ и друга и недруга. Тушъ, какъ говорашъ, пшичьяго шолько молока нѣшъ. Изящныя блюда, шого изящнѣе вина, и столъ едва не ломшся подъ игомъ блестящаго хрустала и бронзы. На что это? Неуже-ли ради гощепрїимства? —

Нѣтъ: *на удивленіе*. Но и шого нѣтъ: завтра, какъ говорять, Маркѣрова въ грязь втопчуть; завтра явятся гениі, которые въ двое пошавяшь яшвъ, въ двое хрустала и бронзы, привезенной прямо изъ Парижа, не опасаясь за то хотя два года говѣшь, и въ двое долговъ прибавишь.

Читая многія новѣйшія литературныя произведенія, вижу, что пишушь замысловато, красиво, хорошо; но, перечитывая нѣсколько разъ, не могу вразумишь себя, что авторъ сказашъ хотѣлъ. Вижу, что не похоже ни на какого предшественника: воображеніе чудовищное, превыспреннее, а гдѣ смыслъ кроется, догадашь не умѣю. Новѣйшіе романы и вкусъ сихъ занимательныхъ чтеній забояшь меня ужасы, вершеры, кровь, цѣпи, и природа въ содроганіи, уродливыя каршны, гдѣ выражены саншменшальныя описанія страждущей невинности и бѣснующагося порока безъ наказанія. Говорять, что нынѣ полезны сильныя пошрясенія, для приведенія нѣжныхъ читательницъ въ саншменшальность, хотя и не хвалишь нашъ вѣкъ нервной системою. Какъ-бы то ни было, а новѣйшій вкусъ Романтизма ударился въ ужасное *на удивленіе!*

Признаюсь, и исповѣдую мое невѣжество: *удивляюсь*, и много кое-чего нахожу удивленія достойнаго, что можно-бы объяснишь, но, какъ Крыловъ говоришь, боюсь гусей разсердить.

М у х и .

Не помню кто-то рассказал мнѣ, весьма кшаши, побасенку.

Въ Турціи, какого-то преступника, за дѣло или за бездѣлье, какъ бываешь эшо съ малыми преступниками, выславили на лобное мѣсто; связали ему руки; вымазали ему лицо медомъ, и дали волю, въ жаркій лѣтній день, мухамъ надъ несчастнымъ покориться. Прохожій, добрый человекъ, скалился; давай мухъ сгоняшь. — « Не шронь, » сказалъ страдалецъ, « мнѣ пользы нѣтъ. Эши мухи понаѣлись; но ты сгонишь ихъ, прилешяшь новыя, по давай имъ новую кровь, и мнѣ будешь въ двое хуже; пустьъ шарыя ѣдашь: не шакъ больно сышаго кормишь. »

Я говорю: побасенка была кшаши. Видалъ я почи поже на бѣломъ свѣтѣ, не съ мухами, а съ другими насѣкомыми; видалъ, какъ ихъ сгоняли. Чшоже? Тощасъ приползали новыя, и сначала были шакъ шочи, что казались едва живы; гляжу: изряднехонько понакушались, и шакъ округались, что не узнаешь. Спросишь-бы шенерь: каково шѣтъ, кошорые пѣвицамъ безиреспанно новый фуражъ доставляшь должны? Но замѣните всего шо, что иное насѣкомое никогда до сыша не накушается; развѣ шакъ попадушъ, что съ мѣста не вшанешъ.

С т а т и с т и к а .

Не надобно полагаешь, что въ бесѣдахъ и собраніяхъ нашихъ одними каршами занимающся: есть ошь ихъ, и свободное время. Въ промежуткахъ чи-

щенья столовъ и перемѣны каршъ занимаемся мы и разговорами. Есть у насъ такіе господа, которые каршъ не знаютъ, и Англійскому Клубу собою весьма печальное зрѣлище доставили-бы, если-бы шамъ показались. Это доказываетъ, что Россія пространна, и что въ ней — различные люди обитаютъ.

На сихъ дняхъ зашелъ у насъ весьма занимательный разговоръ о Сельскомъ Хозяйствѣ. Тушъ, какъ вездѣ, рѣчь усшупаешся, или шому, кто болѣе сказашъ умѣешъ, и у кого грудь пошире, или шому, кто всѣхъ лучше, у кого владѣніе пополновѣснѣе. Случился на эшомъ разѣ въ собраніи Г-нъ Горимцевъ. Онъ вездѣ спранспововаль; много видѣлъ чужаго; своего обозрѣшъ не успѣлъ, и спрасшенъ къ новому образованію и направленію всѣхъ частей Сельскаго Хозяйства по плану и методѣ. «Все», говорилъ онъ, «зависитъ ошъ подробнаго и шочнаго познанія мѣстныхъ обстоятельствъ. Обозрѣніе личное подасшъ мнѣ шолько поверхностныя мысли; «Сшатишника одна снабдитъ меня ясными понятиями, и шому на Сшатишнику обратишъ я все вниманіе: она корень всему. Я препоручилъ сосшавишъ подробнѣйшія донесенія, и предписалъ, «по даннымъ образцамъ, дѣлашъ вѣдомосши о личности имущества моего, о посѣвѣ, урожаѣ, «продажѣ, куда и кому. Я вѣдаю, что каждый крестьянинъ имѣешъ всякаго зерна хлѣба, скоша, «пшиць, пуху, перьевъ; знаю, сколько на каждомъ «квадратномъ вершкѣ съешся зеренъ, и сколько родишся должно; могу исчислишъ по числу куриць, «у каждаго крестьянина находящихся, ежегодное

« количество яицъ , и число насѣдокъ , и произведе-
 « ніе цыплятъ . Тушь , напримѣръ , я вижу ясно , что
 « сія шашья немаловажна , и можетъ доставить
 « способъ уплатить подати , а мнѣ значительный
 « доходъ . Вопгь доказательство , что не смошря на
 « суровость климата , Россія могущественна ! » —
 М. Г. , прервалъ рѣчь Г-на Горимцева Н. Н. Въ
 яйцахъ бываетъ много болтней , а отъ нихъ проку
 нтъшъ . — Г. Горимцевъ , остановясь на минушу , ост-
 нилъ возразившаго шѣмъ презрительнымъ взглядомъ ,
 который заслуживающъ люди , непонимающіе ве-
 ликихъ намѣреній , и продолжалъ спокойно рѣчь свою
 далѣе . « Я обратилъ вниманіе , (говорилъ онъ ,) на
 « всѣ отрасли моего хозяйства . Для приобретенія
 « вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о качествахъ почвы земли ,
 « съ ея измѣреніемъ , я опыскалъ нѣсколько кре-
 « стьянъ , ходившихъ нѣкогда за землемѣромъ съ
 « цѣпью , во время межеванья ; они обязаны у
 « меня мѣрять землю , и исчислятъ , сколько на каж-
 « дой квадратной сажени растеть разнаго рода
 « деревьевъ , обозначая въ подробностяхъ всѣ кусточ-
 « ки , съ ихъ наименованіями . По невѣжеству ихъ
 « въ Бошаникѣ , намѣрень я упошребилъ наставника
 « дѣшей мойхъ , для составленія ученой вѣдомости
 « о числѣ растеній и качествахъ травъ , на каждой
 « десятинѣ растущихъ , ибо слышу , что у меня во
 « владѣніи протстранныя степи . Я приказалъ также
 « дѣлать метеорологическія наблюденія : знаю , сколь-
 « ко было морозовъ и ошпечелей ; крестьяне зна-
 « ютъ состояніе атмосферы , а я со временемъ свѣ-
 « даю свойство климата . Теперь собралъ я изряд-
 « ное количество вѣдомостей , которыя успѣвъ

« классифицировать по приличности; вижу каждую
« статью особенно, и въ кабинетѣ моемъ окружилъ
« я себя *Кадрами*, или *рамами*, не страшусь миріадъ
« цифръ, подъ каждою графою систематически по-
« ставленныхъ, и по истеченіи года вижу ясно про-
« шедшіе недосадки, и все что не соотвѣст-
« ствуетъ предположеніямъ моимъ. Я въ правѣ тогда
« вопрошать: *потому?* и подводить присаивниковъ
« подъ отвѣтственность, что и намѣренъ дѣлать
« каждый годъ.» Много еще кое-чего говорилъ за-
нимательный нашъ экономъ; но всего я не упомяну,
а помню только, что швердилъ онъ намъ: *основа-
ніе отлжнаго хозяйства есть приобретение вѣрнѣй-
шихъ статистическихъ познаній.* Тутъ болшавость
Н. Н. не могла укрошиться. « Все это прекрасно,»
сказалъ онъ, « но, занимая столь много присаив-
« никовъ вашихъ и прочихъ людей сочиненіемъ вѣдо-
« мостей и доснавленіемъ свѣдѣній, не опинаете-
« ли вы у нихъ способовъ на существенное дѣло и
« на работу? Я опасуюсь, что въ короткое время
« вы лишитесь и докуменшовъ, чѣмъ табели напод-
« нятъ.» Г. Горимцевъ примѣшно разсердился; но,
къ счастью, слушатели разбрелись по мѣстамъ; спо-
лы были вычищены и карты вновь разнесены.

Ксташи вспомнилъ я, что прошлымъ лѣтомъ,
проѣзжая чрезъ селеніе Г. Горимцева, въ ожиданіи
перемѣны лошадей, видѣлъ я на досугъ приѣздъ и
похожденіе штабистико-описателей. Они приска-
кали на двухъ парахъ; писарь и десяпскій. « Эй!
« подавай старосту, сошскаго; собирай народъ!»
Согласились наконецъ на сборъ только нѣсколькихъ
стариковъ; прочитали приказъ; развернули раз-

графленый на множество спашей лещъ, и — « Ну, шаросша, выборные, міряне! сказывайше, подавайше на лицо; поворачивайся! »—« Помилуй, отецъ — « будь родной — мы не знаемъ, не разумѣемъ, что и « какъ? ; Нельзя-ли, милостивецъ » . . . Тушь писарь ошвелъ въ спорону шаросшу. Чтѣ шепшали они, неизвѣстно; но въ минушу шоль поставили, чернилаца была гошова, и, какъ изъ рога изобилія, посыпалось изъ острой головы писаря, и вѣдомосшь испещрилась цифрами. Оспавалось шаросштѣ съ причешомъ подписашъ; за неумѣніемъ грамотшъ подмахнулъ цѣловальникъ; новыя подводы гошovy; писарь и десятскій поскакали даѣе.

Я полюбопытшшвовалъ, и спросилъ шаросшту: « Часто-ли бывають шакіе приказы и посѣщенія?—» Да, вошъ, баринъ, со Святой щеспой разъ; да не шо бѣда, а вошъ что: сами не шакъ намарають; глядь — опяшь скачуть! Нагдась писали барановъ прежде, а коровъ-шо послъ; не ладно: веляшъ коровъ-шо прежде; давай снова пишашъ » . . . . .

На сихъ испочникахъ основалъ Г. Горимцевъ обширныя свои свѣдѣнія; изъ нихъ выходишъ, что у него полный кабинетъ прекрасныхъ и цифрами испещренныхъ вѣдомосшей; у писарей, десятскихъ, и прочихъ спашисшико-описашелей, что вѣдомосшь, или дополненіе, шо новый кафшанецъ.

И наконецъ, въ замѣнъ всего, ещъ надежда, что со временемъ ошкроешся изобильный испочникъ промышленности, на примѣръ: неограниченное разведеніе цыпляшъ; а ошъ метеорологическихъ наблюдений онъ узнаешъ, когда шубы надѣвашъ.

(Продолженіе — можетъ быть)

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Бѣлая волшебница, опера въ трехъ дѣйствіяхъ ;
Двѣ записки, водевиль ; *Переходъ черезъ Балканы*,
интермедія (бенефисъ Г-на Булахова, 18-е Де-
кабря).

Прихотливость нашихъ современниковъ замѣтна во всемъ. Постройка дома и Романтическая поэма, лакомый обѣдъ и курсъ Философіи, модное платье и опера — все это въ настоящее время сопряжено съ такими зашѣями, о конхъ предки наши и не помышляли. Добрые наши предшественники (миръ памяти ихъ!) довольствовались тѣмъ, что было просто и прочно. Такъ напримѣръ, не болѣе ста лѣтъ назадъ, шолшья стѣны, хорошіи машеріаль, прочные своды, составляли главное достоинство вновь построеннаго дома; о колоннахъ Коринскаго ордена, о замысловатыхъ корнизлахъ и барельефахъ, никакшо не заботился. Множество пироговъ, жареныхъ пшницъ и дичины, разварныхъ осетровъ и сперлядей, составляли самую пышную пранезу нашихъ дѣдовъ; а въ ушонченныхъ приправахъ Малиса и Богомолова, сихъ многочисленныхъ жрецовъ Комуса, вовсе не нуждались старинные Московскіе гаспрономы. Могу-ли, при сей вѣрной оказіи, умолчать о васъ, почтенныя прародительницы? Могу-ли не упомянуть о куншышахъ, бѣлокосовыхъ робахъ и шяжедовѣсныхъ ожерельяхъ, коими вы укра-

шали ваши прелести, и которые по ихъ прочности доходили въ цѣлости до внуковъ вашихъ, такъ что мы не рѣдко видали модные диваны, обитые шпофомъ вашихъ робрановъ, и ваши драгоценные алмазы и жемчуги, заложенные въ Ломбардъ? Могушь-ли сравнишься съ вашими почтенными уборами новѣйшія блонды, шюли, газъ-рисы, гро и прочія шльнные ткани, о комхъ къ досадѣ опцезъ и мужей помѣщены подробнѣйшія свѣдѣнія въ концѣ сей книжки? Равномѣрно и Философія... но дѣло идешъ не о Философіи, а объ оперѣ: мы оставимъ на сей разъ въ покоѣ любомудріе, со всѣмъ сонмомъ мыслишелей, и пополукуемъ о сладкогласномъ порожденіи прелестной Авзоніи.

Всѣмъ извѣстно по преданіямъ, что Дворъ герцога Людовика XIV удивлялъ своимъ великолѣпіемъ, и судя по обширности Версальскаго Дворца и садовъ, сихъ уцѣлѣвшихъ памятниконъ роскоши властолюбиваго Монарха, можно полагаешъ, что описаніе пышныхъ празднествъ Французскаго Короля ни сколько не преувеличены. Но кто повѣритъ, что знаменитый оркестръ сего Двора, управляемый Люлли, славнѣйшимъ музыкантомъ того времени, состоялъ шолько изъ двадцати чепырехъ скрипокъ, двухъ басовъ и шести гобоевъ? По сему читашели могушь судишь и о достоинствѣ оперъ XVII-го столѣтія, которыя были-бы нестерпимы въ XIX-мъ вѣкѣ. Но справедливость обязуешъ сказать, что творенія давно умершаго Люлли, не смотря на обвешшалу ю ихъ форму, являютъ прекраснѣйшія мелодіи, исполненныя чуж-

ства и даже глубокихъ мыслей. Слишкомъ расширенныя напѣвы сего композитера нынѣ уже не въ модѣ, но стѣмъ не менѣе новѣйшіе музыканты имѣють въ нихъ обильный рудникъ, изъ коего могутъ почерпашъ изящныя мошвы. Въ поже время, соотечественники Люлли, не имѣя въ распоряженіи своемъ великодушныхъ театровъ и пособій щедрого Монарха, щашельно занимались изученіемъ музыкальнаго дара слова. Тогдашнія произведенія Итальянскихъ композитеровъ можно назвашъ родоначальниками наспоющаго поколѣнія мелодистовъ. До сихъ поръ искуснѣйшіе любители музыки восхищаются сонатами Корелли и Скарлаши, и удивляются глубокимъ мыслямъ заключающимся въ оныхъ. Смерть Люлли и новый образъ жизни Людовика XIV-го, послѣ сочешанія его съ Маркизою Мевшенонъ, были причинами упадка Французской оперы, кошорая не оживлялась болѣе свѣжими произведеніями, и угощала Парижанъ усшарѣвшими мелодіями вышеименованнаго Итальянца. Но опера уже существовала, и не должна была умереть отъ недоспашка пиши. Французскіе композитеры поддерживали ее по возможности. Наконецъ въ половинѣ прошешаго столѣтія появился Рамо, кошорый послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ представлений, былъ признанъ новымъ Орфеемъ, богомъ музыки, и уподчиванъ всѣми эпитетами, кошорые вѣшренными Французами раздаются фецоменамъ, имѣющимъ счастье имъ пошравиться. Въ эту эпоху энтузіазма, воспаленнаго музыкальными произведеніями Рамо, въ Лондонѣ Гендель, и въ Дрезденѣ, при пышномъ Дворѣ Курфирста Саксонскаго,

славный Гассе , такъ сказашь воспѣывали музыку произведеніями смѣлыми и глубокомысленными и улучшеніемъ оркестра. Французы пренебрегали сими успѣхами и довольствовались такъ называемою ими школою Рамо , которая оставши ошъ простоты Люлли , не достигла гармоніи послѣдующаго времени и являла въ себѣ наискучнѣйшій образецъ музыкальной схоластики. Но сія самые Французы , которые съ такимъ легкомысліемъ восхищаются всякою новизною , въ скоромъ времени замѣчаютъ , что сія школа устарѣла и болѣе для нихъ не годится. Псалмодіи Рамо , Дюни , Франкера , Триала , Мондовиля , Доверна и другихъ посѣдователей Французской музыки , опрокинули слуху Парижанъ. Оспроумный Вольперъ написалъ , что вмѣсто гармоніи , онъ слышитъ во Французскихъ операхъ безпрестанное *ei* , происходящее ошъ растянушаго ударенія надъ буквою *e* въ женскихъ рифмахъ. Пламенный Руссо вложилъ въ свой извѣстный романъ: Новая Элоиза , длинное сужденіе о недоспашкахъ Французской музыки и показалъ примѣръ нововведенія сочиненіемъ небольшой опермедіи : Деревенскій Колдунъ , которая была принята съ восторгомъ и Дворомъ и столицею , и до сихъ поръ существуетъ на сценѣ. Энциклопедисты поддержали сія мнѣнія. Со всѣмъ тѣмъ Большая Опера не подвигалась впередъ. Но уже была дана жизнь новому роду музыкальных произведеній. Небольшой , такъ называемый Итальянскій театръ содѣлался въ Парижѣ новымъ , блестящимъ поприщемъ для жрецовъ Эрапо. Монсиньи и знаменитый въ лѣтописяхъ шахматной игры , Фили-

дору, начали украшать своими мелодіями легкія и остроумныя произведенія Фавара и Седена. Комическая опера содѣлалась любимымъ зрѣлищемъ для Парижанъ, и между тѣмъ какъ придворные изъ приличія зѣвали на представленія Кастора и Поллукса, публика рукоплескала игръ и пѣнью Клервали, Кальо и Г-жи Ларюэшь, въ неболѣвшихъ операхъ *Дезертеръ*, *Король и Мызникъ* и другихъ. Въ слѣдъ за симъ, Лишшихскій уроженецъ Грешри, образовавшій свой музыкальный талантъ въ Италіи, къ общему восторгу Парижанъ явился съ своими произведеніями на театрѣ Комической оперы. Королевская Академія музыки (такъ называется въ Парижѣ Большая Опера) восчувствовала необходимость оживленія. Бракосочетаніе Дофина съ прелестною и несчастною Марією Аншуанешою, Эрцгерцогинею Австрійскою, было поводомъ къ выписанію изъ Вѣны знаменитаго Глюкка, который подъ покровительствомъ Августѣйшей его единоземки, умѣлъ обворожить слухъ Парижанъ. Необычайный успѣхъ Вѣнскаго композитера не понравился Графинѣ Дюбарри, которая управляла дряхлымъ Людозикомъ XV и ни въ чемъ не хотѣла уступитъ своего владычества будущей Французской Королеви. Дюбарри выписала изъ Италіи спрашнаго соперника для Глюкка. Это былъ Пиччини. Приверженцы фаворитки начали горю стаятъ за послѣдняго, между тѣмъ какъ безпристрастные любители музыки отдавали полную справедливость музыкальному гению Глюкка. Отъ сего возникли раздоры Глюккишовъ и Пиччинисшовъ, которые къ счастью не были такъ крово-

пролиши, какъ война Гельфовъ и Джиббеллиновъ на распри Бѣлой и Красной Розы. — По долгу опернаго историка, мы осмолримъ, что дѣлалось шѣмъ временемъ по музыкальной части въ другихъ странахъ Европы.

Въ Италіи, Капелл соборныхъ церквей и монастырей безпрерывно дѣлали пиломцевъ гармоніи. Музыка, упошребляемая Каполиками въ шоржественныхъ Богослуженіяхъ, была первою наставницею Итальянскихъ композитеровъ. Величественная мелодія благочестивыхъ гимновъ, воспѣваемыхъ Творцу вселенныя, возвышала душу новыхъ сподвижниковъ Орфея и воздола ихъ музыкальный геній. Вступая въ свѣтскій бытъ и подвизаясь на поприщѣ, служащемъ для увеселенія народа, они сохраняли первоначальныя впечатлѣнія Божественной гармоніи, и по симъ причинамъ глубокое чувство и выразишельность являлись въ ихъ произведеніяхъ. Сей знаменитый рассадникъ великихъ музыкантовъ, обратилъ на себя вниманіе многихъ Европейскихъ Дворовъ, которые чувствовали пошребность присовокупить благородное увеселеніе театральныхъ зрѣлицъ къ другимъ удобствамъ распросшрающагося просвѣщенія. Король Прусскій, не смошря на свою благоразумную экономію, плашилъ огромное жалованье аршистамъ Итальянской оперы въ Берлинѣ. Великая Екатерина вызвала въ сѣверную Пальмиру знаменитаго Галуцци. Въ Вѣнѣ, Князь Эстергази, изумившій Европу своимъ великолѣціемъ, былъ покровителемъ Гайдена и Пацзелло. Всѣ сіи выходцы изъ пльнишельной Авзоніи

не могли жаловаться на фортуна. Могущественные Монархи цѣнили ихъ дарованія и щедро награждали. Это усилило дѣятельность всѣхъ сочленовъ музыкальнаго міра. Инструментны получили новую жизнь. Они начали выходить изъ оркестра и отдѣльно плѣняли слухъ любителей музыки. Такимъ образомъ скрипки Таринни, Пуньяни, Віошши, гобой славнаго Безуцци, валторна Родольфа, очаровывали слушателей и создавали начало новой гармоніи. Но въ чемъ должна была она состоять? Это мы сей часъ пояснимъ, и по краткости журнальной статьи, заглянемъ не далѣе какъ въ древній Египетъ, во времена Фараоновъ.

Путешественники, которые осматривали уцѣлѣвшіе памятники сей таинственной страны, упоминаютъ объ особенномъ устройствѣ Египетскихъ храмовъ. Въ сихъ остаткахъ глубокой древности замѣтно, что своды имѣли цѣлю не столько прочность зданія, сколько усиливаніе и отраженіе голосовъ поющихъ жрецовъ. О сладкогласіи ихъ пѣнія свидѣтельствуютъ древніе писатели. По несчастію, до насъ не дошло ни одной партіціи Египетской музыки и мы не можемъ судить о хроматическихъ и гармоническихъ достоинствахъ гимновъ Изиды и Озирису. Но такъ какъ Египетъ возмѣлялъ Грецію и искусства сей очаровательной страны сохраняли характеръ своихъ Нильскихъ воздѣшелей, то и можно изъ ученыхъ изслѣдованій трудолюбиваго Кирхера, собравшаго остатки Греческихъ мелодій, догадываться о музыкальной методѣ Египтянъ и жидовъ Ашшики. Полные,

протяжные звуки человеческихъ голосовъ, непримѣнно переходящіе отъ одного тона къ другому, или, лучше сказать, сливающиміеся тоны, поэзія, наборъ благозвучныхъ словъ и выраженій, составляли гармонію древняго пѣнія, которое не нуждалось въ сопровожденіи инструментовъ. Греческій тетрахордъ показывалъ только тоны поющимъ и руководствовалъ ихъ въ различныхъ измѣненіяхъ онаго. Всѣ прочія музыкальныя орудія играли поодиначкѣ, безъ голосовъ. Позднѣйшіе потомки сего величественнаго и сладкогласнаго пѣнія живутъ у насъ въ священныхъ обрядахъ Богослуженія. Ни въ какой странѣ Европы нѣтъ такой превосходной, возвышающей душу гармоніи, какую слышимъ мы въ пѣніи Грекороссійской церкви, непосредственно дошедшемъ до насъ изъ града Коншаншина. Вотъ подлинно Божественная музыка!... Въ Католическихъ странахъ органъ до сихъ поръ сопровождаетъ церковное пѣніе. Но этотъ инструментъ показался недостаточнымъ для величія храмовыхъ оркестровъ. Къ нему были присовокуплены скрипки, изъ коихъ также можно излекать протяжные, выразительные звуки. Въ послѣдствіи начали употреблять и духовые инструменты. Это соединеніе музыкальныхъ орудій съ голосами поющихъ сотворило новую музыку, совершенно различную съ древнею. Въ настоящее время оркестръ не поддерживаетъ исключительно поющихъ, но гармонируетъ вмѣстѣ съ ними и составляетъ одно цѣлое. Отъ сего много выиграла гармонія, а мелодія лишилась своей первобытной выразительности. Когда спрашивали устарѣвшаго Грешри,

какъ умѣлъ онъ, своими просшыми напѣвами, шакъ сильно дѣйствовать на душу слушателей? Онъ ошвѣчалъ: « Оркестръ всегда „былъ у меня шолько пѣдесталомъ шашауи, которую я воздвигалъ на сценѣ. » Нынѣ и подножіе и кумиръ слились во едино, а' посему мы шолько дивимся искусству, которое ни сколько не дѣйствуетъ на наши душевныя ощущенія. Со времени ушонченности инструменшальной музыки, сладкогласное, полное, гармоническое пѣнье, называемое Французами *le plein chant*, естественнымъ образомъ ушрашило свою выразишельность: прежде, оно, подобно круговымъ линіямъ Геометрии, не подлежало измѣренію, а шеперь должно дробишься на мѣльчайшія части для согласованія съ соборомъ разнообразныхъ музыкальныхъ орудій. Нынѣ рулады и смѣлыя октавы пѣвцовъ, опбивныя ноты и фуги хоровъ и шруднѣйшая инструменшовка, составляющъ все достоинство музыкальнаго произведенія и новѣйшую гармонию, о коей выше сего сказано.— Родоначалникомъ сей новой музыки былъ безсмершнѣйшій Моцартъ. Эшотъ геній началъ блисшашъ въ предшслѣднемъ десятилѣтшій XVIII вѣка. Въ шо время какъ Чимароза, Маршини и Сарши въ Россіи, Саккини и Сальери во Франціи, плѣняли слушателей, не опставая ошъ старой мешоды композиціи, Моцартъ созидалъ новую музыку, которая должна была заключишь шѣсныи союзъ между гармонією оркестра и мелодією поющихъ. Эшо и было исполнено неподражаемымъ композитеромъ. Его шворенія замешающъ все, сдѣланное его предшшественниками и послѣдователями.

Декабрь 1829.

34

Франція, оградившая себя строгими таможенными, на счетъ ввоза заграничнаго умственнаго шовара, не погнушалась музыкальными сочиненіями Вѣнскаго Орфея. Бершонъ и Херубини осмошрѣли новый путь, проложенный Омиромъ музыки, и отважно шествовали по оному; произведенія сихъ композитеровъ были радостно приняты Французскою публикою, и вскорѣ сдѣлались извѣстными въ цѣлой Европѣ. Но такъ какъ въ природѣ все старѣется и возраждается въ новомъ видѣ, то и Моцартова школа нѣсколько устарѣла для настоящаго времени. Двое новыхъ представителей музыкальнаго вѣка, Россини въ Италіи, и Веберъ въ Богеміи, дали обширнѣйшій кругъ дѣйствія началамъ Моцарша. Они до того перехитрили работу инструментовъ, что въ ихъ сочиненіяхъ контрабасы дѣлають такія трудныя выходы, какія въ старыя годы едвали были подъ силу первой скрипкѣ. Ошь сего пѣнье, заглушаемое громомъ оркестра, совершенно поперяло свою выразительность. Въ операхъ Россини не рѣдко случается, что актеръ въ ужающую минушу театральнаго бѣдствія, напѣваетъ вальсъ или мазурку. Фіораванши и другіе знаменитые композитеры возопіяли противъ сихъ неразумныхъ нововведеній. Но ополченіе здраваго разсудка противъ господствующей моды вѣнчается такимъ-же успѣхомъ, какъ возстаніе горнаго Князька противъ грознаго могущества. Приходящая публика нашла услажденіе для своего уха въ неисповыхъ произведеніяхъ Россини, и никакая музыкальная Академія не въ силахъ ее обратити къ истинно изящной гармоніи. Такъ уже

водится во всемъ томъ, что относится къ модѣ! Между тѣмъ композитеры, когорые болѣе дорожатъ прочною славою, нежели вѣременными воспоргами легкомысленной публики, старающа, угождая вкусу сей послѣдней, сохранивъ методу своихъ предшественниковъ. Такъ поступаютъ нынѣ Оберъ и Боэльде. Послѣдній изъ сихъ композитеровъ, начавшій свое поприще гораздо прежде Обера, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Тамъ сочинены имъ оперы: *Телемакъ на островѣ Камилы*, *Алина Королева Голкондская* и *Опрокинутыя кареты*. По возвращеніи въ Парижъ, Боэльде помѣстилъ нѣкоторые напѣвы изъ вышеупомянутыхъ оперъ, въ сочиненной имъ для театра Федо оперѣ: *Іоаннъ Парижскій*, когорая у насъ въ Москвѣ называется: *Жанъ Парижскій*, вѣроятно пошому, что саншмен-тальный переводчикъ не дерзнулъ сладкозвучааго Jean, замѣнивъ грубымъ: Іоаннъ. Эта опера имѣла неслыханный успѣхъ. По окончаніи перваго дѣйствія, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Сіе произведеніе можешь назваться вѣнцомъ славы Боэльде. Но гений его не ушомлся. Въ послѣдствіи времени сочинены имъ оперы: *Новый помѣщикъ*, *Красная шапка* и *Бѣлая Волшебница*. Въ нихъ видна таже свѣжестъ мыслей, таже оригинальность, таже смѣлостъ, когорая восхищаютъ въ первыхъ его твореніяхъ.

На здѣшней сценѣ, водевильная саранча являешся безпресшанно, а хорошія оперы изрѣдка разсѣиваютъ сію тучу. Со времени открытія Большаго Театра, были поставлены на ономъ шолько пять новыхъ оперъ: *Волшебный стрѣлокъ*, *Снѣгъ*, *Панъ*

Твердовскій, Каменщикъ и Бѣлая Волшебница. Сія послѣдняя, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два пролежала подъ спудомъ послѣ первыхъ представлений. Нынѣ, благодаря бенефису Г-на Булахова, она опять явилась на сценѣ и доставила публикѣ большое удовольствіе. Содержаніе сей оперы заимствовано изъ двухъ романовъ Валтера Скотта: Гюй Манерингъ и Монаштырь. Вся предельность разсказа Шотландскаго романиста совершенно исчезла на сценѣ и изъ красныхъ его вымысловъ вышла пьеса довольно неправдоподобная, даже нелѣпая. Но музыка Бозьдье за все вознаграждаетъ. — Вотъ крашкѣй опчешь объ искусствѣ нашей оперной шруппы.

Г-нъ Булаховъ, который по сознанию самыхъ кичливыхъ иносстранныхъ арпистовъ, есть одинъ изъ лучшихъ тенористовъ въ цѣлой Европѣ, занималъ роль Георга Брауна. Не знаемъ, по причинѣ ли холоднаго времени, или по какимъ другимъ резонамъ, голосъ сего ошличнаго пѣвца былъ на сей разъ нѣсколько слабъ. За всѣмъ шѣмъ Г-нъ Булаховъ пѣлъ со свойственнымъ ему искусствомъ. Онъ обладаетъ какимъ-то особеннымъ секретомъ: не зависѣшь отъ барометра и никогда не впадаетъ въ музыкальныя погрѣшности. Замѣшимъ на сей разъ Г-ну Булахову, что не пѣнье, а костюмъ его былъ очень сшранень. Если оный былъ сдѣланъ по рисункамъ Г. Локуэса, какъ объявлено въ аффишѣ, то мы совѣтуемъ Г. Булахову не всегда слѣдовать такимъ рисункамъ. Для концерта пѣвецъ можешь одѣшья, какъ ему угодно, но опера есть *зрѣлище*, слѣдовательно правдоподобіе должно бышь соблюдено: Скажемъ за шайну

Гг. Локуэсу и Булахову, что Англійскіе офицеры носятъ мундиры и шреугольные шляпы съ сулшанами, а не шипыя серебромъ и золошомъ шюники. — Въ роли Гавеспона, Г. Лавровъ восхищаль своимъ голосомъ, но не пѣніемъ! Эшотъ отличный басистъ имѣеть несчастную привычку распворять ротъ въ видѣ воронки, ошъ чего ешественнымъ образомъ слова бывають невняшны. — Г-жа Филлисъ, занимавшая роль Эммы, обладаетъ прекраснымъ голосомъ и хорошо знаеть музыку. Со всѣмъ пѣмъ она не рѣдко поеть неудачно, пошому что поеть на удачу. Доказательствомъ сему служишь опера: Бѣлая Волшебница. Въ финалъ вшорого дѣйствія, въ прекрасной сценѣ Лукціона, Г-жа Филлисъ сдѣлала шакую блестящую руладу, что честолобивѣйшая prima donna Ишальянской оперы пришла-бы ошъ оной въ ошчаяніе (дамы легко приходятъ въ ошчаяніе). Но вмѣстѣ съ сею руладою, Г-жа Филлисъ зашла шакъ высоко, что послѣ уже не могла попастьъ въ надлежащій шонъ. Г-жа Н. Рѣпина по обыкновенію пѣла вѣрно, чисто, безъ нашьжекъ, безъ усиленій голоса и очень пріятно. Гг. Сорокинъ и Максинъ, не будучи славными пѣвцами, всегда поддерживають ходъ оперы, пошому что эштаршисты ошважились на ужасающій другихъ актеровъ подвигъ: выучишься музыкѣ. Что касаешь до нашихъ хорисшовъ, шо смѣло можемъ сказашь, что дирекшоры оперъ въ Ишаліи позавидовали-бы Московскому шештру, если-бы они слышали, съ какою вѣрностью, съ какимъ согласіемъ поють здѣшніе шештральные пѣвчіе.

Вѣшшо обѣщанной пьесы: *Отъ добра добра не*

ищутъ, за внезапною болѣзью Г-на Щепкина, представлень былъ *пакм* Водевиль: *Дѣв записки*, кою-рый поддерживается въ Петербургѣ только игрою Г-на Рязанцева, и можешь назваться самымъ слабымъ произведеніемъ остроумнаго пера покойнаго Писарева. Но такъ какъ Г. Щепкинъ необходимъ во всѣхъ водевиляхъ, и долженъ былъ играть въ сей пьесѣ, то на эшошъ разъ занималъ его роль воспитанникъ Театральной Школы Г-нъ Богдановъ, меньшей братъ любимаго здѣшнею публикою панцовщика. Ошдадимъ должную справедливость молодому пишомцу сценическихъ Музъ: Г-нъ Богдановъ игралъ очень хорошо. Желаемъ только, чтобы папеншъ на званіе *генія*, не слишкомъ скоро былъ ему выданъ. Эши папеншы уже убили нѣсколько шаланшовъ и на сценѣ и . . . . на другихъ поприщахъ. — Иншермедія: Переходъ Россійскихъ войскъ чрезъ Балканскія горы, была принята съ восторгомъ, по причинѣ свѣжаго воспоминанія о семъ знаменишомъ событіи. Сраженія, поставленныя Г. Малышевымъ, очень хороши. Маневры войскъ были довольно плохи.

В. У.

О Т В Ъ Т Ъ

НА ЗАМѢЧАНІЯ Г-НА В. У.

Г. В. У. , который помещаетъ въ Московскомъ Телеграфѣ статью о театрѣ , самъ признался въ первыхъ книжкахъ сего Журнала на 1829-й годъ , что актеры принадлежатъ также къ либературному міру и могутъ защищать себя отъ неправильныхъ обвиненій. Я увѣренъ , что Г-нъ В. У. не опречетъ отъ сказаннаго имъ и слѣдственно не разсердится , если я , пользуясь его же наставленіемъ , осмѣлюсь возразить на статью его о представленіи комедіи : *Свадьба Фигаро* (смотр. 22-ю книжку Московск. Телеграфа). Въ этой статьѣ досталось на мою долю около полуторы страницы самой мѣлкой печати : Г. Кришикъ , осыпавши меня похвалами , можешь быть и не заслуженными мною , приправилъ эшошъ лестный отзывъ такимъ обвиненіемъ , которое очень огорчительно для каждаго актера. Г. Кришикъ утверждаетъ , что я , Сабуровъ , въ костюмѣ Фигаро , пренебрегъ существенною и прочною славою , и захотѣлъ выманить у райка нѣсколько громкихъ bravo и рукоплѣсканій. Въ доказательство сего Г. В. У. упоминаетъ о моихъ выкрикиваніяхъ и размахиваньи руками въ знаменитомъ монологѣ пястаго дѣйствія. На это обвиненіе я поставляю себѣ долгомъ отвѣчать. — Не буду я оскорблять поспѣшителей райка , что будшо пренебрегаю ихъ рукоплѣсканіями : актеръ долженъ угождать всей публикѣ , безъ различія мѣстъ ; но смѣло скажу , что мои выкрикиванья въ эшомъ мо-

нологъ происходили совсѣмъ отъ другой причины. Можешь быть не всякому извѣстно, сколько бываетъ хлопотъ у актера въ день его бенефиса, но Г-нъ В. У., кажется, имѣеть объ этомъ нѣкоторое понятіе, по бенефису моей жены, бывшему 8-го Января 1829-го года. Мудрено ли что актеръ, послѣ безпрестанныхъ разъѣздовъ, ушомительныхъ репетицій, къ концу пьесы устанеть до такой степени, что едва переводить духъ и насилу можешь говорить? Такъ и со мной случилось. Не только изъ моей роли, но даже изъ Французскаго подлинника, мнѣ было извѣстно намѣреніе Автора. Онъ хотѣлъ, чтобы Фигаро, поджидая спрашнвой для него минушы свиданія Сусанны съ Графомъ, сидѣлъ на скамьѣ и размышлялъ о всѣхъ превращеностяхъ своей спранный судьбы хладнокровно. Я исполнилъ волю Автора во второе представленіе комедіи, на Маломъ Театрѣ. Но на огромной сценѣ Большаго Театра, мнѣ это было невозможно, во первыхъ пошому, что передній занавѣсъ поднимается на разстояніи пяти сажень отъ зрителя, слѣдовательно скамья стоить еще далѣе, и сидя на ней я не могъ бы бышь услышанъ публикою, если-бы говорилъ тихо; во вторыхъ, какъ я уже сказалъ, при моей усталости мнѣ трудно было безъ усиливанія голоса проговорить внятно длинный монологъ, кошорый стоить цѣлой роли въ другой пьесѣ. Прошу извиненія у Г-на В. У., что оправдываюсь не шакъ краснорѣчиво какъ онъ пишетъ, но ему извѣстно, что лиштературныя занятія нашего-брата актера состоятъ въ чшеніи и вышверживаніи ролей, а не въ сочиненіи кри-

пикъ и аншикришикъ. Впрочемъ, долгомъ себѣ поспавляю объявить, что я всегда дорожилъ и всегда буду дорожить умными и полезными замѣчаніями просвѣщеннаго челоѣка. Я и поварищи мои, съ благодарностію примемъ самые снрогіе разборы нашей игры, которые принесуть болѣе пользы нашему театру, нежели эпиграммы и сравненія, взятая изъ Басень Крылова. Но когда обвиненіе несправедливо, то почему не оправдываться? Если Г. В. У. не оскорбится невинною шуткою, то я осмѣлюсь ему замѣшить, что вообще вся его снатья о бенефисѣ моей жены написана суровымъ тономъ: какъ будто въ шось день, когда Г. В. У. сочинялъ ее, онъ, по пословицѣ, вспалъ съ поспели дѣвою ногою. Съ истиннымъ почшеніемъ и преданностію

остаюсь гошовый къ услугамъ,

Актеръ Александръ Сабуровъ.

Р. С. Еще маленькая странность. Одинъ и шось же спектакль кончился въ разное время: у Г-на В. У. въ 1-мъ часу по полуночи, а у Кн. П. И. Шаликова, въ № 50-мъ Дамскаго Журнала, во 2-мъ часу. Это недоумѣніе разрѣшитъ сама почщенная публика, удоснвоившая сей спектакль своимъ посѣщеніемъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ ТЕЛЕГРАФА.

Сею, сто двадцатую отъ начала Телеграфа, книжкою оканчивается изданіе Телеграфа за 1829-й годъ, и заключается тридцатя часъ сего Журнала. Поспоянное, общее вниманіе публнки, благоклонные, лестные опзвывы, коихъ и на сей годъ удостоился я, отъ особъ, достойныхъ полного моего уваженія, всего болѣе побуждаютъ меня *продолжать Телеграфъ и въ будущемъ 1830-мъ году.*

Вмѣстѣ съ изъявленіемъ сердечной благодарности читателямъ Телеграфа, я долгомъ почиаю ежегодно представлять имъ крашкій отчетъ за Телеграфъ. Въ томъ награда моя, что обзорѣвъ такой отчетъ, мнѣ скажущъ: *Ты не бесполезно трудился, и хотя не достигъ вполне своей цѣли, но старался къ ней достигнуть.*

Не измѣняя основному направленію Телеграфа, въ 1829-мъ году, я старался, какъ и прежде, знакомить читателей съ новыми важнѣйшими явленіями современной исторіи наукъ и искусствъ, съ новыми твореніями всликихъ современниковъ, съ идеями, понятіями современными. Познаніе отечества, отечественной Литшературы; приложеніе чужеземнаго полезнаго ко благу отчизны: все это было предметомъ моихъ особенныхъ стараній. Благодарю шѣхъ почтенныхъ особъ, которыя во всѣхъ сихъ отношеніяхъ участвовали въ Телеграфъ своими трудами.

По части важнѣйшаго изъ всѣхъ знаній, науки наукъ, *Философін*, читатели видѣли въ нынѣшнемъ

году Телеграфа — вслушительную, превосходную лекцію Кузена, а въ приложеніи сей науки къ Критикѣ и Исторіи — разборъ сочиненія Г-на Зедегольма, и лекцію Кузена о великихъ людяхъ.

Наполеоново описаніе Абукирской битвы; Беккерова Картина Греціи въ 1827-мъ году; Письма изъ Арменіи, соч. Г-на Соболева; краснорѣчивое описаніе взятія Инады; замѣчательное жизнеописаніе Черкесскаго героя Измаила-Аліева, составляли отдѣлъ *Исторіи*. *Критика Исторіи* представила читателямъ: разборъ великаго шворенія Нибурова; разборъ шворенія Савиньи; разборъ Исторіи Петра Великаго, сочиненной Сегюромъ. Критическое приложеніе Исторіи къ разнымъ важнѣйшимъ предметамъ, читатели видѣли въ обзорѣніи просвѣщенія Россіи въ 1828-мъ году, соч. Г-на Кеппена; въ обзорѣніи успѣховъ Англійской промышленности, въ 1828-мъ году; въ обзорѣ измѣненія Англійскихъ законовъ о торговлѣ; въ обзорѣніи Драмы новѣйшихъ народовъ, философскомъ сочиненіи Барона Экштейна; въ обзорѣніи новѣйшаго краснорѣчія Французовъ (разборъ рѣчей Генерала Фуа); въ остроумномъ взглядѣ на Польскую Липшерашуру, Мицкевича; въ обзорѣніи Липшерашуры Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, Купера.

Отдѣлъ *Географіи и Статистики* заключалъ въ себѣ также нѣсколько замѣчательныхъ спашей. Первою изъ нихъ должно почестъ глубокомысленное сочиненіе Барона Гумбольдта О степяхъ. Далѣе можно указать на описаніе Сибири, Крыма, Турціи,

Лапландіи, Восточной Индіи, въ Письмахъ изъ Сибири и съ береговъ Лены (которыми Телеграфъ одолженъ почтенному Липшератору П. А. Словоцову и Г-ну Щукину), въ спашь Г-на Левашева (Прогулка на Чашыр-Дагъ), въ разборъ книги Андресса, путешествіи Брука, спашь Экштейна о владычествѣ Англичанъ въ Индіи. Осмѣливаюсь также почестъ достойными вниманія читателей прекрасную спашью о Кяхтинской порговѣ, сочиненную однимъ изъ нашихъ негоціантовъ; спашью о Московскомъ заведеніи для разбора шерсти; спашью о проведеніи въ Москву воды изъ Мышищъ.

По части *Изящной Словесности*, читатели видѣли въ Телеграфѣ стихотворенія многихъ извѣстныхъ поэтовъ нашихъ. Обязанностию считаю благодарить за украшеніе Телеграфа стихотвореніями: А. С. Пушкина, Н. И. Гнѣдича, почтенныхъ ветерановъ нашей Словесности: Н. М. Шамова, В. Л. Пушкина, и также господъ: Астафьева, Вронченку, Волкова, Вельшмана, Ф. Н. Глинку, Елагина, Колачевскаго, Карлгофа, Кирѣева, Каверзнева, Масальскаго, Маркевича, Лихонина, Орлова, Павлова, Рошчева, Розена, Сіянова, Теплякова, и шьхъ, коимъ угодно было оспашься анонимами.

Отдѣленіе легкой прозы составлено было изъ сочиненій Байрона, Гумбольдша, повѣстей: Гофмана, В. Скопта, Цшокке, и другихъ отличныхъ писателей; двѣ Русскія повѣсти, П. П. Сумарокова и В. А. Ушакова, украсили также Телеграфъ.

Читатели конечно замѣтили, что Издатель Телеграфа и сотрудники его старались въ нынѣшнемъ

году вообще о приложеніи къ отечественной Литтературь—критики, не мѣлочной, но оцѣнивающей безпристрастно достоинства и недостатки замѣчательнѣйшихъ явленій. Такъ посвящены были подробные разборы : Исторіи Государства Россійскаго; сочиненіямъ Пушкина, Дельвига, Булгарина; переводамъ Козлова; Русскимъ повѣстямъ и романамъ.

Библиографія отечественной Литтературы была постояннымъ и обширнымъ отдѣленіемъ Телеграфа. Сколько возможно было, Телеграфъ удерживался отъ всякой полемики, и Издашель, сожалея о немногихъ опшущеніяхъ отъ положеннаго имъ себѣ правила : *всевозможно удалаться отъ полемическаго поприща*, осмѣливается сослаться на безпристрастный судъ читателей, что и къ *несколькимъ* опшущеніямъ принуждала его сущая необходимость. Цѣлый годъ нѣсколько Журналовъ наполнялись нападками на Телеграфъ, и всѣ сіи нападки оставались безъ отвѣта. Такъ будетъ поступать Издашель Телеграфа и въ слѣдующемъ году. — Иностранная библиографія мало входила въ составъ Телеграфа; она будетъ увеличена въ 1830 году.

Таково было въ 1829 году основное содержаніе Телеграфа. Не упоминаю о спашьяхъ, кошорыя собственно не входящъ въ планъ онаго, какъ — то : спашья о Физиологій, двѣ спашья объ Архисекшуръ въ Россіи (№ 11-й и 20-й). Я не опрекуюсь помѣщая подобныя спашья и въ слѣдующемъ году, имѣя уже въ виду ихъ нѣсколько, весьма замѣчательныхъ.

Прибавленіе къ Телеграфу заключало въ себѣ нѣсколько любопытныхъ статей Тенара, Ленормана, Дюпена, Више, В. Скошша, нѣсколько извѣстій о важныхъ открытіяхъ, и проч.; но, не имѣя возможности достигнуть въ семь случаевъ чего-либо полного, и видя, что уже нѣсколько повременныхъ Русскихъ изданій преимущественно посвящаются у насъ Техникѣ искусствъ, художествъ и ремеслъ (Журналы, издаваемые Г-ми Двигубскимъ, Ювскимъ, Щегловымъ, также, ошчастн, военный, морской, горный, пушей сообщенія, мануфактуръ и торговли, и Ашепей), я рѣшился замѣнить *Прибавленіе* другимъ. Шушливый Живописецъ располагаетъ и въ слѣдующемъ году говорить правду порокамъ и глупостямъ людскимъ: въ *Прибавленіи* будешь ему полный разгулъ, и онъ надѣется, что и впредь удостоится его благонамѣренные читатели одобрительною улыбкою.

Одинъ изъ почтенныхъ сотрудниковъ Телеграфа занимался постояннымъ обзорѣмъ Московскихъ театровъ. Сии статьи, заслужившія лестное вниманіе публики, онъ обѣщаль продолжать и въ 1830-мъ году.

Моды, картинки, извѣстія, замѣчанія, изображенія новомодныхъ прихотей, вся эта *придага* къ существенному содержанію Телеграфа, выполняема была сколько можно исправнѣе. Если Издашеть Телеграфа усилъ кому нибудь угодить такою придачею, онъ долгомъ почищаетъ извѣстнншъ, что въ слѣдующемъ году это отдѣленіе Телеграфа явится еще съ бѣльшимъ разнообразіемъ.

Остается желать, чтобы въ слѣдующемъ 1830-мъ году благосклонное вниманіе читателей Телеграфа также равнялось съ усердіемъ угодишь имъ, какъ равнялось оно донынѣ. *Польза съ удовольствіемъ* — есть девизъ мой; *разнообразіе* — средство достигнуть исполненія сего девиза.

Н. Полевой.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. (*).

Lorsqu'une coëffure en cheveux est simple, sur le front passe communément une petite chaîne d'or ou une gance, à la laquelle est attaché un camée ou une pierre de couleur, qui orne le milieu du front.

Au bal donné par l'ambassadeur de Russie, des épis de diamans étaient réunis en bouquet sur le côté droit de plusieurs coëffures en cheveux. Du côté opposé figuraient des fleurs implantées dans une touffe de cheveux. — La couronne de fleurs, sur plusieurs têtes, au lieu d'avoir une direction horizontale, était placée obliquement, de droite à gauche. — Les turbans étaient très-larges.

(*). До 30 Декабря (н. с.) 1829 г.

On met sur des chapeaux de satin ou de gros d'hiver, des pavots très-volumineux.

Quelques manteaux sont de casimir écarlate tout uni.

Des pelisses à manches larges et pendantes, bordées de fourrure, prennent faveur.

Quelques élégans se font faire pour les bals, une culote courte en velours-plain, noir. De chaque côté du genou sont trois boutons en brillans.

Une couleur d'habit de grande tenue se nomme *feu d'enfer*.

Aux casquettes de toutes les formes, étoffes et couleurs, ont succédé des bonnets grecs, dits *gasquets*. Aujourd'hui ce sont des bonnets persans, espèces de pyramides recouvertes d'une peau d'agneau d'Astracan, noire et frisée, que termine une calote, formée de quatre pièces de casimir écarlate, avec cordonnet d'or sur les coutures.

Les souliers de bal sont en cuir verni, sans patte ni rosette sur le coude-pied.

La couleur des gants glacés est jaune-serin.

A Paris, dussent les gens superstitieux s'en alarmer, les bals ont commencé un vendredi. Vendredi 18 décembre bal chez M. le comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie.

La farine de maïs est fort à la mode cet hiver. Dans toutes les maisons où l'on sert du thé le soir, on passe des tartines de pain de maïs.

Gris-perle est la couleur des cartes de visite.

METS RECHERCHÉS.

Blanquette de faisan aux truffes.—Croustade de nouille aux filets de lapereau.— Caille en compote, au vin de Champagne. — Filets de poulet aux pointes d'asperges.— Sultane à la Chantilly.—Cracovies d'œufs frais.—Brocolis à la crème.—Feuillantines d'abricots.—Langue de bœuf aux marrons glacés (ce glacé n'est point celui des confiseurs, mais un jus).—Charlotte russe au marasquin de Zara.—Buisson de cannelons de cerises.

Головные уборы. Въ простой уборкѣ волосѣвъ, на лбу щеголихи обыкновенно протягивается золотая цѣпочка, или золотой снурокъ, кошорымъ укрѣпляется на срединѣ лба камей, или цвѣтной драгоценный камень.

На балѣ у Русскаго Посла, во многихъ головныхъ уборкахъ дамъ, алмазные колосья соединены были въ букеты съ правой стороны головы; съ лѣвой стороны у такихъ уборокъ были цвѣты, въ пукѣ волосѣвъ. — Цвѣшочные вѣнки во многихъ уборокахъ были положены наискось, съ правой на лѣвую сторону.—Тюрбаны были чрезвычайно широкіе.

Апласныя, и изъ зимняго гро, шляпки убирають огромными маковыми цвѣтами.

Модныя платья. Дѣлають дамскіе плащи, или маншо, изъ алаго казимира.

Шубы съ широкими, висячими рукавами, и съ мѣховою опушкою, входяшь въ моду.

Мужскія моды. Давно уже замѣчаютъ, что моды начинаютъ обращаться къ старинѣ. Нынѣшнюю зиму на балахъ щеголи являюся въ бархатныхъ, чернаго цвѣта, короткихъ до колѣна, панталонахъ, съ шремя брилльяншовыми подлѣ колѣна пуговками.

- Одинъ изъ модныхъ цвѣшовъ для фраковъ назвали въ Парижѣ — *адскій огонь*.

Шапки и карпузы, разныхъ формъ, изъ разныхъ матерій, и разныхъ цвѣшовъ, смѣнены были Греческими шапками, называемыми: *гаске*. Теперь и Греческія шапки брошены. Въ модѣ Персидскія шапки, изъ черной мерлушки, съ верхомъ изъ краснаго казимира, съ золошыми прошивками, высокія, похожія на пирамиду. (Кажется, что это шѣ самыя, безобразныя и нецѣпныя шапки, которыя въ Москвѣ называютъ *Эриванскими*, и которыя шеперь перешли на головы подъячыхъ, лихихъ студентовъ и щеголей-лакеевъ).

Бальные мужскіе башмаки дѣлаются изъ лакированной кожи, безъ леншочекъ и безъ клюшъ.

Модный цвѣшъ лощеныхъ перчатокъ желтый-чижииковый.

Выше было упомянуто о балѣ у нашего Посла въ Парижѣ, Графа Доццо ди-Борго. Балъ этотъ былъ великолѣпный; наряды дамскіе были щегольскіе. Въ Журналахъ Парижскихъ помѣщено по сему случаю много подробностей. Такъ, напримѣръ, Журналисты шутили, что балы начались въ Парижѣ въ пятницу, ибо балъ у Посла нашего былъ въ пятницу, 18 Декабря, а этотъ день, какъ у насъ попедѣльникъ, считается у Французовъ неблагопріятнымъ. Далѣе, что на этомъ балѣ явилась новая Французская кадриль: *Завоеваніе гарема* (la conquête du Harem), музыка Бодуэня; эта кадриль была «счастливое кстати», говорятъ Журналисты (était un heurieux à-propos).

Въ Парижѣ вошла въ моду — мука изъ *Турецкой пшенички*, или кукурузы (почашковъ). Во всѣхъ модныхъ домахъ, когда вечеромъ подають чай, сухари мансовые—необходимость!

Модный цвѣтъ для визитныхъ картъ сѣрожемчужный.

Отдѣльною списашкою, подъ титуломъ: *Mets recherchés*, помѣщены выше сего названія одиннадцати модныхъ кушаньевъ. Это исчисленіе взято изъ Парижскаго *Journal des dames et des modes*, отъ 20 Декабря 1829 г. — Перепечатавъ его, мы конечно угодимъ кому нибудь изъ нашихъ читательницъ, ибо, среди людей, ищущихъ вдохновеній Парижской моды, находятся, вѣроятно, люди, которымъ дорого вдохновеніе именно *гастрономическихъ модъ Парижскихъ*. Переводить на Рус-

скій языкъ названія Парижскихъ модныхъ кушаньевъ, мы не смѣемъ, ибо—не понимаемъ сихъ названій. Что такое: *Sultane à la Chantilly*? Что такое: *Cracovies d'œufs frais*? Гіероглифы, символы, понятные только посвященному въ таинства Парижской гастрономіи!

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама*. Газовый шюрбанъ, убранный серебряными шариками. Шуба, покрывшая Турецкую шалью, опушенная горностаемъ.

Дитя-двоетка. Плюшевая шляпка—капошь; бархатное платье; жаконнаповые панталоны.

2. *Мужина*. Въмѣсто Парижскаго костюма, приложено къ сему № Телеграфа изображеніе шубы, изобрѣшенной моднымъ Московскимъ портнымъ Гмъ Ошто. Гмъ Ошто назвалъ сію шубу *Забалканскою*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Января 2 дня, 1830 года.

Цензоръ *Сергій Глинка*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

№ 2. Моск. Мар. 1829.

Въ Парижѣ, 30 Декабря / н. с. / 1829.

Изъ Нов. Моск. Маг. 1829.

LIBRARY
TILDEN FOUNDATIONS

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 24. *Декабрь* 1829.

О ПОЛЬЗѢ ОБРАБОТЫВАНІЯ ВЕЗПЛОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Окончаніе).

Иное направленіе произвело у насъ и другія слѣдствія. Горячность земледѣльческихъ спекуляторовъ заимила въ ихъ глазахъ истинныя ихъ пользы. Едва доспавало у нихъ средствъ на обработаніе дюжины акровъ земли, а они распахивали сошни оныхъ. Если-же копорые изъ нихъ умно довольствовались небольшимъ числомъ участковъ умѣреннаго пространства, то усилія ихъ почши всегда награждались успѣхомъ. Въ подтвержденіе сего мы могли-бы привести множество примѣровъ; удовольствуемся только слѣдующими. Въ 1771 году Парламентъ позволилъ раздѣлить большой лѣсъ Кваресбороугскій. Обширные участки долго не вознаграждали своихъ

владѣльцевъ за упопребленный ими капиталъ; сомнишельно даже по , чпобы и нынѣ были они вознаграждены за оный. Но совсѣмъ другое дѣло были небольшіе учаспки, опданные проспнымъ земледѣламъ. Сіи послѣдніе посвящали все свободное время улучшенію своихъ учаспковъ, и первобынное безплодіе оныхъ было превращено въ прочное соспояніе плодоносія.

Тоже случилось въ Гемпширѣ въ 1803 году, когда начали воздѣлывать луга Криспчорчскіе. Учаспки большихъ владѣльцевъ доннѣ оспаются въ небреженіи, между тѣмъ какъ небольшія земли, принадлежащія мѣлкимъ земледѣламъ, дають уже значительный доходъ. Сіи земледѣлы посвящють свои досуги обрабопыванію укромныхъ владѣній своихъ; но безъ сего ободрительнаго заняпнія они провождали-бы ихъ иногда и въ кабакахъ. Такимъ образомъ удобреніе бесплодныхъ полей споспвшеспвуетъ и увеличенію общеспвеннаго богатспва и улучшенію нравовъ народныхъ.

Луга или выгоны должны быть располагаемы какъ народное владѣніе, и ихъ надлежитъ дѣлать на учаспки, но мѣръ того, сколько общеспво нуждается въ прудѣ и землѣ. Мы почищаемъ сіи земли, нѣкоторымъ образомъ, народною фермою, собспвенноспью, копорую общеспво имѣетъ право взять на свой щепъ, заплапавъ за по приличную сумму денегъ тѣмъ людямъ,

копорые опъ лринятія сихъ мѣръ пошеряли-бы свои права на нее. Намъ кажется, что общество могло-бы сказать симъ людямъ: « Тысячи согражданъ вашихъ остаются безъ занятія и безъ пищи; у васъ сошни акровъ земли, дающихъ вамъ мало, или и совсѣмъ не дающихъ дохода; будучи удобрены ихъ работою, сѣи акры доставяшъ имъ обильныя средства существованія. Если вы хотите сами заняться обработываніемъ брошенныхъ вами земель, то это всего лучше; вы увеличите и ваше, и государственное богатство, доставивъ въ поже время работу нуждающимся въ оной. Но если вамъ лучше оставашся въ недѣйствительности, то общественная польза пребуешь, чтобы Правительство опияло у васъ сей источникъ богатства, давъ вамъ за то справедливое вознагражденіе.» Не думаемъ, чтобы хотя одинъ разсудительный человекъ, съ копорымъ говорили-бы такимъ языкомъ, спалъ жаловаться или утверждать, что право собственности должно проспираться далѣе сего. Въ самомъ дѣлѣ спранные было-бы право, уполномочивающее владѣльцевъ луговъ сказать: « Не только мы не хотимъ сами произращать что нибудь на нашихъ пустошахъ, но не хотимъ, чтобы и другіе занимались эшимъ.»

Предлагаемый нами планъ имѣлъ-бы еще шу выгоду, что онъ возродилъ-бы между бѣдными жителями деревень духъ честной независимости,

подавляемый конечно всего болѣе невозможностью купить небольшіе участки земли. При нынѣшнемъ раздѣленіи земель въ Великобританіи, крестьянинъ не можешь надѣяться улучшить свое состояніе ни самымъ прилежнымъ трудомъ, ни самою строгою бережливостью. Трудъ, бережливость, конечно не допустятъ его обременить собою свой приходъ: но это все, чего можешь онъ ожидать, и никогда ни онъ, ни семейство его не выйдутъ изъ того состоянія, въ какомъ нынѣшній порядокъ, управляющій обществомъ, осуждаетъ ихъ оставаться. И вопреки что истреблено почтенный классъ небольшихъ владѣльцевъ, составлявшихъ нѣкогда славу и podporу нашихъ Королевствъ! Въ прежнее время, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи лучшее нынѣшняго, бѣднѣйшій земледѣлецъ могъ, трудомъ и умеренностью, достигнуть состоянія небольшого владѣльца, и упорство въ работѣ, дававшее ему средство приобрести небольшое владѣніе, могло также дать ему средства и увеличить оное. Надежда, оживлявшая его жаръ, улаждавшая его въ трудахъ и недоспашкахъ, сообщала всему этому классу силу и мужественную независимость, угаснувшая, къ несчастію, при системѣ противоположной. Пусть система сія будетъ смягчена, пусть бережливость и упорство въ трудѣ снова находятъ вознагражденіе, и прежній духъ опять оживетъ въ нашихъ де-

ревняхъ : онъ возвысилъ душу и характеръ обща-
пашелей оныхъ. Таковы счастливыя послѣдствія,
произведенныя во Франціи раздѣленіемъ большихъ
владѣній. Не лѣзя предшавишь себѣ, сколько
мысль : « я сдѣлаюсь владѣльцемъ, » можешь воз-
будить между просными земледѣлами честолубій,
доспойныхъ уваженія, полезныхъ и другимъ споль-
ко-же, сколько имъ самимъ. Спарый кресънянинъ,
у Вордсворпа, говоритъ своему сыну :

I have been toiling more than seventy years,
And in the open sun-shine of God's love
Have we all lived; yet if these fields of ours
Should pass into a stranger's hand, I think
That I could not lie quiet in my grave (*).

Да не подумають наши капиталисты, что
разсмашриваемый нами вопросъ не относится къ
нимъ. Онъ касается ихъ пользы, сполько-же какъ
и пользы земледѣльцевъ. Владѣльческія и обще-
спивенныя права загородили для промышленности
наши пустоши. Отъ этого капишала, кошо-
ры принесли-бы значительнѣйшій доходъ, если-
бы были употреблены на улучшение безплодныхъ
земель, запрачены, при насильспивенномъ направ-
леніи, въ дѣла шорговыя и промышленныя. Та-
кой порядокъ вещей былъ двойко вреденъ госу-

(*) « Болѣе семидесяти годовъ прудился я, и всѣ
мы жили подѣ защипою Божьей любви; но если
поля наши перейдутъ въ руки чужеземца, то, ка-
жется, я не буду спокойно лежать и въ могилѣ. »

дарству. Пустоши оспались пустошами, а капиталы въ торговлѣ и фабрикахъ, несоразмѣрно увеличившись, доставили менѣе пользы. Намъ безпрестанно говорятъ объ излишесствѣ капиталовъ, о низкихъ процентахъ, и о затрудненіи выгодно помѣстить свои деньги. Все это окончилось-бы, если-бы капиталы могли свободно обращаться, и если-бы каналы, изобилующіе ими съ излишесствомъ, склонились туда, гдѣ есть нужда и потребность; съ другой стороны, воздѣлываніе нашихъ пустошей было-бы полезно сполько-же классу промышленниковъ, какъ и капиталистамъ, потому что населяя пустоши трудолюбивыми и домашними жителями, оно породило-бы новые классы потребителей для произведеній нашихъ фабрикъ. Не нужно прибавлять, что сіи самыя пустоши были-бы еще выгоднѣе бѣднымъ жителямъ городовъ и деревень. Излишество рукъ на фабрикахъ и поляхъ нашихъ происходитъ отъ того, что народу нѣгдѣ жить; вмѣсто того чтобы останавливать его, какъ то дѣлается нынѣ, пусть дадутъ свободу волнамъ его разливаваться куда онѣ могутъ; лишнихъ людей вскорѣ не будетъ, и соснованіе работника улучшится вмѣстѣ съ возвышеніемъ его платы.

Одно обстоятельство утвердило еще болѣе предубѣжденіе нѣкоторыхъ особъ противъ обрабатыванія нашихъ луговъ: это плохой успѣхъ

нѣкошорыхъ изъ предпринятыхъ доселѣ воздѣлываній. Соглашаемся, что многія земли опнюдь не улучшились, и даже сдѣлались хуже опъ подобныхъ попышокъ. Но покушенія сіи были неудачны единспвенно опъ невѣжеспва или опъ жадности производившихъ оныя. Иные изъ Англійскихъ земледѣловъ впадали именно въ шу-же ошибку, какую дѣлаюпъ упомянуше нами Американскіе земледѣлы, шо еспъ что или арендашоры, кошорымъ достпавались учаспки земли, не всегда умѣли понимать свои испинныя пользы, или земли сіи были у нихъ на слишкомъ краткіе сроки. Въ обоихъ случаяхъ не было пользы ни общеспву, ни владѣльцу. Арендашоръ неспрѣливо желалъ получашъ немедленно выгоды и производилъ непрерывно сборъ плодовъ, а эшо скоро испощало свѣжую землю, кошорую природа медленно пригошовила и передала въ руки человѣка; напрошивъ благоразумное воздѣлываніе шой-же земли могло-бы сообщитъ ей прочное плодородіе. Неумѣренностью или невѣжеспвомъ онъ распршилъ въ немного лѣпъ сокровище, собранное для него многими вѣками. Ошибка его была наказана испощеніемъ сихъ земель, всегда соразмѣрнымъ неблагоразумію и неумѣренности земледѣла. Такова, по мнѣнію нашему, главная, если не единспвенная причина плохого успѣха нѣкошорыхъ изъ произведенныхъ попытокъ. Не умѣвъ воспровивишься желанію,

безъ усилій и почти безъ расхода получить пять или шесть сборовъ со свѣжей земли, безумно испощили силы оной; когда-же виноватые въ сихъ ошибкахъ наказываются за оныя, то они жалуются на природу. Нѣтъ сомнѣнїя однакожь, что слѣдствїя были-бы совсѣмъ не шакovy, если-бы они иначе поступали. Другая ошибка состоятъ въ томъ, что спали распахивашь землю, еще не довольно пригоповленная природоу. Ходъ природы вѣренъ, но тихъ; надобно умѣшь выжидашь слѣдствїй онаго и не спарашься схватишь ихъ насильственно, попомоу что природа сполько-же наказываетъ за поспѣшность, сколько за бездѣйствїе.

Для ума наблюдательнаго, всего любопытнѣе средствя, коими природа непрерывно увеличиваетъ пространство пахашной земли. Средствя сіи довольно разнообразны, и могутъ испребишь всѣ препятствїя; но не смотря на свое разнообразїе, всѣ они спремьются къ одной цѣли. Когда, напримѣръ, на поверхность скалы дѣйствуетъ атмосфера, то въ семъ случаѣ дѣятели бываютъ и химическіе и механическіе. Свѣтъ развиваетъ скрытую теплоту, и вскорѣ поры расширяются сполько, что принимаютъ въ себя влажностъ, которая мало по малу распространяется на поверхности и дѣлаетъ ее неровною. Воздухъ кладетъ въ сіи неровности сѣмена лишаевъ; сіи предшественники произрастенїя, уко-

реняются, и фибры, коими многіе изъ нихъ соприкасаются скалы, производятъ расщипельную кислороду, чрезвычайно ѣдкую и увеличивающую неровности, уже произведенныя влажностью и теплотою. Но сіи небольшія расщипенія вянутъ и умираютъ; разрушаясь, они образуютъ слой земли, способный къ произведенію болѣе значительныхъ расщипеній. Если-же поверхность почвы представляеть естественныя скважины, по которымъ падаютъ въ нихъ, смѣшивающіяся съ мѣлкимъ пескомъ, занесеннымъ шудомъ, или опдѣлившимся опъ внутреннихъ споронъ скважинъ, и дѣлаютъ оный плодороднымъ. Производимость и разложение веществъ увеличивается, и почва становится столь глубокою и плодородною, что рождаеть еще болѣе совершенныя и объемныя расщипенія. Природа увеличиваетъ и усиливаетъ свой ходъ, по мѣрѣ того какъ приближается она къ довершенію своего шуда. Когда напри- мѣръ она можетъ производить верески, ежегодно увядающіе и испребляющіеся, по оспатки ихъ образуютъ небольшія оспроконечныя кучки расщипельной земли, кругомъ той почвы, гдѣ возвышаются расщипенія. Когда прошло столько времени, что сіи оспроконечныя возвышенія проспираются на довольно большомъ пространствѣ, то природа опять перемѣняетъ свои средства: она съелтъ шерновникъ, ежевику, дрокъ, произрастающіе и ежегоднымъ паденіемъ листьевъ сво-

ихъ весьма увеличивающіе и глубину и плодородіе земли. Сія расшенія составляютъ особенно средство, употребляемое природою на пригошовленіе почвы для болѣе объемныхъ деревьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, сей родъ расшеній прежде всѣхъ другихъ являлся въ лѣсахъ, недавно срубленныхъ. Часто, въ среду шерновниковъ воздухъ закидываетъ сѣмена величественнаго дуба, который увеличивается, красуется въ своей почвѣ, тогда какъ иглы окружающихъ кустарниковъ защищаютъ его отъ живопныхъ, которыя иначе оцпали-бы его. Большія деревья, достигнувъ такой высоты и объема, при конхъ имъ уже бесполезны чуждыя пособія, заглушаютъ защитниковъ и шишпелей ихъ дѣпспва, отнимаю у нихъ необходимый имъ воздухъ и свѣтъ. Иглишмя расшенія удаляются тогда къ опушкѣ лѣса, гдѣ, обильно довольствуюсь дневнымъ свѣтомъ, продолжаютъ поспешенно увеличивапы владѣніе своихъ высшихъ собратовъ послѣдовательнымъ захватываніемъ бесплодной, но ими удобряемой земли, до шѣхъ поръ, покуда она вся не покроется величественными произрасшеніями. Корни огромнѣйшихъ деревьевъ проникаютъ почву во всѣхъ направленіяхъ; они углубляются даже въ скважины скаль, уже наполненныя расшишпелными, разложенными веществвами; тамъ они расширяются или сжимаются, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается шеплоша. Дѣйствую какъ

рычаги, они раздвигаютъ, поднимаютъ, разбиваютъ и наконецъ обращаютъ въ прахъ и въ скалы, на коихъ сначала водворился съ большимъ прудомъ. Въ то время какъ корни подъ почвой занимаются разрушеніемъ всѣхъ встрѣчаемыхъ ими препятствій, на поверхности оной вѣтви и листья дѣйствуютъ не съ меньшею дѣятельностію. Они захватываютъ вещества, лежащія въ атмосферѣ и способны питать дерево. Такъ поддерживаясь и питаясь, дерево безпрерывно увеличивается, производитъ листья, плоды, и роняетъ ихъ на землю. Плоды служатъ пищею животнымъ, или спавшимся начаткомъ новаго дерева, въ какомъ нибудь ближнемъ мѣстѣ, куда они перенесены, а листья, по разложеніи своемъ, значительно увеличиваютъ толщину распительныхъ слоевъ. Другая причина способствуетъ плодоносію сихъ слоевъ: плоды малѣйшихъ растений питаютъ мириады насѣкомыхъ. Сии мѣлкія существа погибаютъ послѣ эфемернаго существованія, но ихъ остатки опять способствуютъ улучшенію земли, съ коихъ они смѣшиваются. Наконецъ приходитъ время, когда дерево, достигнувъ величайшаго своего совершенства, можетъ быть срублено, и тогда-то земледѣлецъ начинаетъ пользоваться землею, коихъ споль искусно пригостила ему благодѣтельная рука природы. Таковъ неизмѣнный ходъ природы, иногда болѣе поспѣшный, иногда болѣе медленный,

смотря по шлѣмъ удобшвайъ или преимствіямъ, какія она встрѣчаетъ. Впрочемъ, всякій имѣющій глаза можетъ видѣть это самъ, наблюдая одну и ту же землю въ продолженіе нѣкотораго числа лѣтъ, или разсматривая вдругъ различныя земли, изъ коихъ каждая представитъ ему одну изъ описанныхъ послепенностей. Такимъ образомъ эти лишай, мхи, верески, которые невѣжда презираетъ и въ копорыхъ онъ видитъ одну безпомощную непроезжимость, сушь, напрошивъ, зародыши плодоносія и средства Вѣчной Премудрости для приготоовленія плодородныхъ земель на пользу будущихъ поколѣній!

The course of nature is the art of God (*).

Въ Англіи задерживаетъ успѣхи плодородія то, что скотъ, пасущійся на необработанныхъ земляхъ, безпрестанно препятствуетъ и мѣшаетъ ходу природы. Можетъ быть всѣ-бы наши пустоши превратились уже въ лѣса, если-бы пому не мѣшали права обществъ, дозволяющихъ пастись на сихъ мѣстахъ спада.

Всѣ знаютъ, какъ важно для нашего народа спараніе о возвращеніи корабельнаго лѣса. Для сего даже снова насадили Королевскіе лѣса, засохшіе или порубленные. Подобныя спаранія конечно достойны хвалы, но по мнѣнію нашему

(*). Ходъ природы есть искусство Бога.

при нихъ слѣдовали невѣрнымъ правиламъ. Навѣ-
 кажется, что насажденіе дубовыхъ деревь тамъ,
 гдѣ они уже были прежде, есть сполько-же боль-
 шая ошибка въ лѣсной экономіи, какъ въ сель-
 ской экономіи сѣяніе пшеницы непосредственно
 послѣ сбора оной. Доказано, что когда какія
 нибудь деревья испребляются сами собою, то мѣ-
 сто ихъ занимають уже деревья другаго рода.
 Такъ если испребишся, безъ участія чловѣка,
 пихтовый лѣсъ, то его замѣняютъ уже не од-
 нородныя деревья, но дубы, березы, и проч.,
 находяція свѣйсвенную для нихъ почву въ шой,
 кошорая образовалась изъ исплѣнія пихтъ. Мѣ-
 ста лѣсовъ, испребившихся послѣ шого какъ
 они достигли совершеннѣйшаго своего состоянія,
 бывають гораздо удобнѣе для распаханія, не-
 жели для новаго насажденія деревь. Углубите
 въ сію почву желѣзо сохи, и она покроешь
 изобильнѣйшими и прелестнѣйшими жайвами. Мо-
 жетъ быть прилично было-бы уполномочить рас-
 поряжающихъ лѣсами продать участки лѣсныя,
 остающіеся нынѣ безъ деревь, и употребить вы-
 рученныя деньги на приобрѣтеніе пустошей, бо-
 лѣ удобныхъ для произращенія сихъ огромныхъ
 прозябаемыхъ.

Насажденія, произведенныя въ послѣднія пять-
 десять лѣтъ на пустошахъ многихъ округовъ,
 принесли огромную прибыль владѣльцамъ и весь-
 ма увеличили общественное богатство. Это са-

вое действительное средство для приспособления сихъ безплодныхъ земель къ обрабатыванію. Многія деревья, и особенно липовица, испреобладають верески и весьма способствуютъ своей лѣвнїю произращенію лучшихъ родовъ дерева. Вслѣдствіе этого, не считая самаго лѣса, почва сихъ мѣстъ по меньшей мѣрѣ удвоилась въ цѣнѣ. Пусть управляющіе лѣсами сполько-же позаботятся объ общественномъ богатствѣ, какъ частные люди заботились о своемъ; пусть они рѣшительно содѣйствуютъ исполненію предлагаемыхъ нами плановъ, и тогда всѣ увидятъ, что внушенія наши средства возрастутъ до высокой степени и сдѣлаютъ бесполезнымъ лишеніе нашего общества множества согражданъ, еще недавно признаваемое нѣкоторыми экономистами единственнымъ, необходимымъ средствомъ для спасенія Англїи отъ опасностей, коими угрожаетъ ей излишнее народонаселеніе:

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Фиг. 1. *Машина для писанія нотъ, изобрѣтенная Уйнинкомбомъ.* Здѣсь представляется полько одна окшава. Клавиши фортепіано *a*, продолжаются внутрь онаго *b*. Въ концѣ клавишей мепаллическая накладка *c*; проволока, идущая сквозь оную, и по мѣсто, гдѣ находится краска, или чернила, *d*. Цилиндръ *e* вертится тихо на клавишахъ, и такимъ образомъ каждый ударъ клавиши означается на цилиндрѣ, съ совершенною вѣрностію, для чего пространство цилиндра и обороты его исчислены и измѣрены.

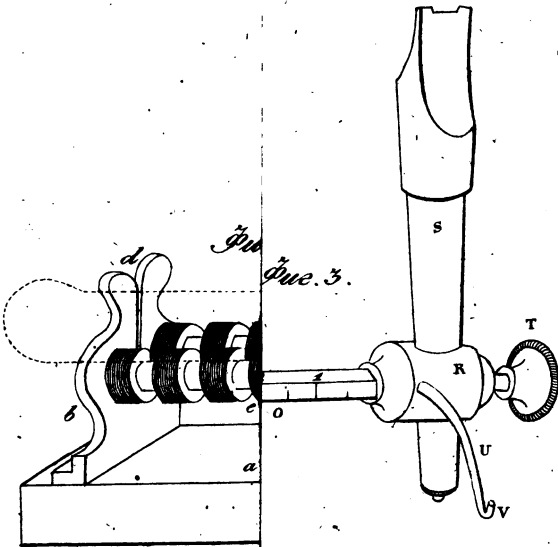
Фиг. 2. *Машина для точенія ножей и бритвъ, изобрѣтенная Фельпономъ.* Небольшой снарядъ сей состоиптъ изъ десяти маленькихъ, въ два ряда поставленныхъ, цилиндровъ, съ жолобами: *a* основаніе, въ которомъ ушверждены двѣ спѣнки *b, b*, гдѣ находятся цилиндры. Бритва кладется между ими, и движеніемъ между цилиндрами выпачивается легко и удобно.

Фиг. 3. *Алмазъ, для рѣзанья стекла кругали, изобрѣпенія Люкенса.* *O O* линейка, размѣренная, по которой движется острее, вспавленное въ *P*; его можно ушвердить на мѣспѣ винтомъ *Q*. Въ цилиндръ *R* вспавляется алмазъ, съ рукою *S*, удерживаемый, когда нужно, винтомъ *T*; бронзовою пружинкою *U, V*, поддерживается ровность, при очерчиваніи по стеклу алмазомъ.

S. Моск. Мар. 1829.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
* L

120
113

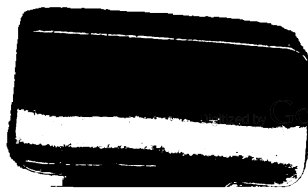

JUN 3 - 1937

ogle

